Джеймс Питер

Умри завтра

С глубоким почтением посвящается памяти Фреда Ньюмена

1

Сьюзен ненавидит этот мотоцикл. Постоянно твердит о смертельной опасности – якобы ничего нет хуже гонок на мотоциклах. А Нат с большим удовольствием снова и снова указывает, раздражая ее, что она фактически допускает статистическую ошибку. Опасней всего кухни. Вероятность погибнуть там больше всего.

Как врач реанимационного отделения, он ежедневно в том убеждается. Бывают, конечно, тяжелые мотоциклетные аварии, только нет никакого сравнения с несчастными случаями на кухнях.

Ткнув вилкой в кусок хлеба в тостере, люди гибнут от электрошока; падая с кухонной табуретки, ломают шею; подавившись, задыхаются насмерть; умирают от пищевого отравления… Нат особенно любит рассказывать о пострадавшей, доставленной в Королевскую больницу графства Суссекс, где он работает – или, скорее, по его выражению, *ишачит,* – которая полезла прочистить засорившуюся посудомоечную машину и напоролась глазом на нож.

Мотоциклы вовсе не опасны, даже его красная зверюга «хонда-файерблейд», способная за три секунды разогнаться до шестидесяти миль в час, о чем он постоянно напоминает. Проблему представляют только другие водители на дороге. Но за ними просто надо бдительно следить, вот и все. Кроме того, «файерблейд» выбрасывает гораздо меньше проклятых выхлопных газов, чем допотопная «ауди» Сьюзен.

Но Сьюзен пропускает все его доводы мимо ушей.

Не обращает внимания и на его вечные стоны по поводу необходимости проводить Рождество – до которого остается всего пять недель, – с ее неукротимыми, по его

убеждению, и необузданными родителями. Покойная мать старательно внушала Нату, что выбирают друзей, но не родственников. Совершенно верно, черт побери.

Он где-то вычитал, будто мужчина ждет, что после свадьбы жена не изменится, а женщина первым делом старается переделать мужа.

В этом Сьюзен Купер вполне преуспела, используя самое смертоубийственное орудие женского арсенала – шестимесячную беременность. Нат, конечно, гордится до чертиков, но с глубоким отчаянием понимает, что отныне придется жить реальной жизнью. Сменить «файерблейд» на более практичное транспортное средство. На какую-нибудь легковушку-универсал или микроавтобус. Или на дизельно-электрический гибрид, который удовлетворил бы социальные и светские претензии Сьюзен. Господи помилуй!

Что за радость в подобной езде?

Вернувшись домой лишь под утро, он, зевая, сидел в маленьком коттедже в Родмелле, в десяти милях от Брайтона, глядя в утренних новостях на смертоносные бомбежки Афганистана. На экране 8:11, на наручных часах 8:09, а в сознании глухая ночь.

Отправил в рот ложку воздушных пшеничных хлопьев, запил апельсиновым соком и черным кофе, побежал наверх, поцеловал Сьюзен, похлопал на прощание по вздувшемуся животику.

– Езди осторожно, – предупредила она.

«Думаешь, я неосторожно езжу?» – мысленно хмыкнул он и сказал вместо этого:

– Люблю тебя.

– Я тоже. Звони.

Нат снова поцеловал жену, спустился, надел шлем и кожаные перчатки, вышел в морозное утро, вывел из гаража тяжелую красную машину, звучно захлопнул за собой дверь. Хотя земля примерзла, дождя давно не было и дороги не покрыла коварная черная наледь. Рассвет едва брезжил.

Он взглянул вверх на занавешенное окно спальни и в последний раз в жизни нажал кнопку стартера любимого мотоцикла.

2

Линн Беккет позвонила в подъезде медицинского кабинета, ясно осознавая, что доктор Росс Хантер – одна из немногочисленных постоянных величин в ее жизни. Фактически, если честно сказать, трудно припомнить что-нибудь другое столь же постоянное. За исключением *неудач.* Беды определенно преследуют. Она всегда умела совершать ошибки. Поистине блистательно. Запросто может угробить всю Англию.

Если описывать жизнь в двух словах, то получится череда катастроф протяженностью в тридцать семь лет, начавшихся с мелочей вроде отсеченного дверцей машины кончика указательного пальца в семилетнем возрасте и неуклонно с тех пор усложнявшихся. Сначала Линн не оправдала ожиданий родителей, потом мужа, теперь в качестве матери-одиночки искусно обманывает ожидания дочери.

Приемная доктора Хантера располагалась в большой эдвардианской вилле на тихой Хоув-стрит, которая некогда вся была жилой. Множество великолепных домов рядовой застройки давно снесены, вместо них выросли блочные многоквартирные ульи, а в уцелевших зданиях разместились конторы, врачебные кабинеты.

Линн вошла в знакомый вестибюль с запахом политуры со слабой примесью антисептиков, увидела в дальнем конце за столом секретаршу, которая разговаривала по телефону, и прошмыгнула в комнату ожидания.

За пятнадцать с лишним лет в просторной, но сумрачной комнате ничего не изменилось. То же пятно от протечки на оштукатуренном потолке, по форме слегка напоминающее Австралию, то же каучуковое растение в горшке перед камином, тот же затхлый запах,

разношерстные стулья, диванчики, словно купленные в незапамятные времена на аукционной распродаже вещей, конфискованных за долги. Кажется даже, будто журналы на круглом дубовом столике годами не обновляются.

Она взглянула на дряхлого старика, утонувшего в кресле с выпирающими пружинами. Он крепко держался за воткнутую в ковер палку, словно боялся окончательно провалиться. Рядом с ним нетерпеливый с виду мужчина лет тридцати в синем пиджаке с замшевым воротником сосредоточенно жевал жвачку.

На стеллаже, как всегда, навалены брошюры, одна из которых советует бросить курить, хотя Линн в данный момент с взвинченными до предела нервами охотно последовала бы совету курить больше прежнего. На столике лежит свежий номер «Таймс», но в таком состоянии на газете не сосредоточишься. После вчерашнего звонка секретарши доктора Хантера с просьбой явиться утром пораньше Линн даже глаз не сомкнула. Потом ее затрясло от резко упавшего сахара в крови. Лекарство она приняла, но за завтраком с неимоверным усилием проглотила лишь ложку.

Усевшись на краешке жесткого стула с прямой спинкой, Линн полезла в сумочку, нашла пару таблеток глюкозы, сунула в рот. Зачем доктор Хантер ее срочно вызвал? Из-за результатов анализа крови, сделанного на прошлой неделе, или – скорее всего – из-за Кейтлин? В прежних пугающих случаях, когда она, например, обнаружила у себя на груди уплотнение или с ужасом увидела в безобразном поведении дочери признаки мозговой опухоли, он звонил сам, сообщая хорошие новости о биопсии, сканировании, анализах – нечего беспокоиться. Словно можно когда-нибудь *не беспокоиться* насчет Кейтлин.

Линн закинула ногу на ногу, снова опустила. Она хорошо оделась – в свой лучший костюм из шерсти и кашемира, купленный на январской распродаже, с длинным синим вязаным кардиганом и черными брюками. На ногах черные замшевые сапожки. Никогда себе не признается, что старается хорошо выглядеть перед доктором. Конечно, не сногсшибательно – это искусство давно позабыто заодно с уверенностью в себе, – но по крайней мере привлекательно. Вместе с доброй половиной других пациенток она издавна втайне обожает доктора Хантера, хотя никогда не осмелится выдать себя.

После разрыва с Мэлом самооценка рухнула ниже плинтуса. В тридцать семь лет она еще вполне симпатичная и, по мнению многих подруг, брата, покойной сестры, была бы еще симпатичнее, если бы хоть отчасти набрала потерянный вес. Вид явно изможденный, осунувшийся – достаточно взглянуть в зеркало. Высохла от постоянных тревог, особенно за Кейтлин на протяжении шести с лишним лет.

Когда дочке исполнилось девять, у нее впервые обнаружили заболевание печени. С тех пор они обе как будто находятся в длинном темном туннеле. Бесконечные визиты к специалистам. Анализы. Короткие периоды в больнице здесь, в Суссексе, и более долгие – один почти на год – в специализированном печеночном отделении Королевской больницы Южного Лондона. Операции по имплантации эндопротезов в желчные протоки. Операции по их удалению. Бесчисленные переливания крови. Кейтлин так обессилела от болезни, что регулярно засыпала в классе. Не смогла играть на любимом саксофоне, когда ей стало трудно дышать. В подростковом возрасте начала озлобляться, проявлять непослушание, и чем дальше, тем больше. Постоянно требует объяснения – *почему я?..*

Линн не может ответить на этот вопрос.

Уже не сосчитать, сколько раз она сидела в ужасе в отделении скорой помощи Королевской больницы графства Суссекс, пока медики занимались ее дочерью. В тринадцать лет та стащила из домашнего бара бутылку водки, после чего пришлось промывать желудок. В четырнадцать свалилась с крыши, накурившись гашиша. В другой раз явилась в спальню матери в два часа ночи с остекленевшими глазами, обливаясь потом и стуча в ознобе зубами. Сообщила, что какой-то подонок в Брайтоне дал ей таблетку экстези и у нее болит голова.

Доктор Хантер всякий раз приезжал в больницу, сидел с Кейтлин, пока не убеждался, что опасность миновала. Это не входит в его обязанности, да такой уж он человек.

Дверь открылась, он вышел – высокий, элегантный, в костюме в тонкую полоску, с прекрасной осанкой. Приятное лицо обрамляют волнистые волосы цвета перца с солью, ласковые заботливые зеленые глаза частично прячутся за стеклами очков в форме полумесяца.

– Линн! – сказал он. Его обычно сильный звонкий голос прозвучал нынче утром непривычно глухо. – Зайдите.

У Росса Хантера две резко различные манеры приветствовать пациентов. За все годы Линн видела только теплую искреннюю улыбку, которая говорит: *рад снова вас видеть.* Прежде на его лице никогда не было тоскливой гримасы с прикушенной нижней губой, которую он ненавидит и держит в чулане.

Сегодня она вышла на свет.

3

Данный отрезок Льюис-роуд – хорошее место для отлова нарушителей, превышающих скорость. Спешащие в Брайтон водители знают, что, хотя скорость здесь ограничена сорока милями в час, за светофором спокойно можно разогнаться, и не сбавляют ход на двухполосном шоссе. В миле от этого места и расположились полицейские с соответствующей аппаратурой. Их БМВ-универсал с зелеными, желтыми и серебристыми опознавательными знаками для многих должен был стать неприятным утренним сюрпризом.

Констебль Тони Омотосо пригнулся за машиной с лазерным радаром, положенным для удобства на крышу, и нацеливал красную точку на передние номерные знаки автомобилей, заподозренных в превышении скорости. Засек табличку «тойоты». На датчике сорок четыре мили. Водитель, заметив инспекторов, притормозил. Строгая инструкция допускает превышение лимита на десять процентов. «Тойота» проехала, сияя задними огнями. Белый фургон «транзит» – сорок три мили. Черный мотоцикл «харлей» перекрыл предел в разы, но Тони не успел поймать его вовремя. Слева от него ежился на холоде коллега из дорожной полиции констебль Йен Аппертон, длинный, тощий, в фуражке и желтой куртке, издалека бросающейся в глаза, готовый по сигналу немедленно сорваться с места. Оба замерзали.

Аппертон посмотрел вслед «харлею». Он обожает мотоциклы любой марки, сам мечтает сесть на полицейский мотоцикл. Впрочем, «харлей» для прогулок. Истинная его страсть – высокоскоростные гоночные машины вроде БМВ, «судзуки», «хонды-файерблейд», которые на поворотах надо класть набок, а не просто вертеть ручки, как обыкновенное рулевое колесо.

Заметивший их водитель красного «дукати» почти ползет. А субъект за рулем битой зеленой «фиесты» явно проглядел полицейских.

– «Фиеста»! – крикнул Тони. – Пятьдесят две!

Констебль Аппертон выскочил, подал знак остановиться. Хозяин «фиесты» то ли нечаянно, то ли сознательно промчался мимо.

– Ладно, поехали. – Он повторил по буквам прочитанный номер W432CPN и прыгнул за руль.

– Сукины дети!

– Говенные задницы!

– Почему не ловите настоящих преступников?

– Вот именно. Чем за лихачами гоняться, мать вашу.

Тони Омотосо оглянулся на двух горланивших юнцов, лениво шагавших мимо.

«Потому, – ответил бы он, – что на дорогах Англии каждый год гибнет три с половиной тысячи человек по сравнению с пятью сотнями от насильственной смерти. Потому что мы с Йеном каждый день недели, будь он проклят, подбираем на дороге мертвых и искалеченных такими сволочами, как вот этот водитель „фиесты“».

Но отвечать некогда. Коллега уже забросил на крышу синюю мигалку, включил сирену. Тони положил на заднее сиденье лазерный радар, сел спереди, захлопнул дверцу и еще не успел защелкнуть ремень безопасности, как Аппертон до отказа выжал акселератор.

Рывок отозвался в желудке, адреналин вскипел, спина вжалась в кресло. Одна из прелестей службы в дорожной полиции. Укрепленный на приборной доске монитор автоматического определителя номеров с писком выдал информацию о «фиесте». Пошлины не уплачены, страховки нет, машина зарегистрирована на водителя, лишенного прав.

Аппертон вильнул на другую полосу, быстро догоняя правонарушителя.

Тут затрещала рация.

– Отель-танго-четыре-два?

– Да-да, слушаю, – подтвердил Омотосо.

– Получено сообщение о серьезном столкновении на дороге, – объявил диспетчер. – Мотоцикл и легковая машина на пересечении Колдин-Лейн с Дитчинг-роуд. Можете подъехать?

«Проклятье», – мысленно выругался Тони, не желая упускать «фиесту».

– Да, – сказал он, – нам по дороге. Сообщите брайтонским патрулям: «форд-фиеста» зеленого цвета, номер дабл-ю четыре-три-два серна-папа-ноябрь, движется к югу по Льюис-роуд на большой скорости. Есть подозрение, что водитель лишен прав.

Приказывать напарнику разворачиваться не пришлось. Аппертон уже резко затормозил, сверкнул правым поворотником, отыскивая щелку во встречном потоке машин.

4

Мэл – Малькольм Беккет – почуял приближавшийся запах моря, когда его тридцатилетний синий автомобиль остановился у светофора на съезде с автомагистрали. Похоже, океанская соль, как наркотик, течет в его венах – ее надо нюхнуть после каждого перерыва. После вступления в Королевский флот в качестве инженера-стажера его жизнь отдана морю. Десять лет в военно-морском флоте, потом двадцать один год в торговом.

Он любит Брайтон, где родился и вырос, за его близость к морю, но особенно счастлив, когда ступает на борт судна. Сегодня кончается трехнедельный отпуск на берегу, начинаются три недели в море на драге «Арко Ди», где он служит главным инженером. Не так давно, с грустью подумал Мэл, он был самым юным главным инженером во всем торговом флоте, а теперь, в сорок семь, стремительно превращается в ветерана, старого морского волка.

Точно так же, как на любимом судне, ему знакома каждая заклепка, каждый болт и гайка в машине, которую он разбирал и опять собирал незапамятное множество раз. Любовно прислушиваясь к ленивому урчанию мотора, Мэл как будто расслышал легкое постукивание. Надо будет проверить клапаны.

– Все в порядке? – спросила Джейн.

– А? Да. Абсолютно.

Выдалось прекрасное утро. Ослепительно-голубое небо, ни ветерка, море тихое, как мельничная запруда. После поздних осенних штормов, изрядно подпортивших последние дни на борту в прошлый раз, погода утихомирилась, по крайней мере на сегодня.

– Будешь по мне скучать?

Он обнял ее за плечи, стиснул.

– Безумно.

– Врун!

Мэл поцеловал ее.

– Скучаю каждую секунду в разлуке.

– Чушь собачья!

Он опять ее чмокнул.

Загорелся зеленый, она вывернулась из объятия, включила первую передачу и быстро поехала вниз.

– Действительно, очень трудно соперничать с судном.

Он ухмыльнулся.

– Нынче утром мы потрясающе трахнулись.

– Хорошо бы продолжить.

– Обязательно.

Повернули налево, обогнули с дальнего конца Хоувскую лагуну – два искусственных озера, где люди катаются на лодках, обучаются виндсерфингу, пускают модели кораблей. Дальше к восточному периметру гавани примыкает жилая улица с белыми домами в мавританском стиле с видом на море, принадлежащими богатым знаменитостям, включая Хизер Миллс.[1]

Соль в воздухе стала еще ощутимее, к ней примешались сернистые испарения, запахи нефти, канатов, смолы, краски, угля.

Шорэмская гавань на западной окраине Брайтона и Хоува представляет собой бухту длиной в милю, огороженную с обеих сторон складами пиломатериалов, пакгаузами, заправочными станциями, хранилищами разнообразных механизмов, наряду с причалами для яхт и россыпью частных и многоквартирных домов. Некогда здесь был оживленный торговый порт, но с увеличением габаритов контейнеровозов, ставших слишком крупными для бухты, гавань приобрела иной характер.

В нее по-прежнему постоянно заходят танкеры, грузовые, рыбацкие суда, но чаще всего коммерческие драги, которые добывают с морского дна песок и гравий для строительной индустрии.

– Что будешь делать в следующие три недели? – спросил Мэл.

Доверие к оставленным на берегу женам – вечная проблема моряков. Когда Мэл пришел в Королевский военно-морской флот, его просветили, что, как только мужья отправляются исполнять служебный долг, некоторые жены выставляют в переднем окне пачку стирального порошка ОМО, что означает Old Man Overseas.[2]

– Репетировать с Джеммой Рождественскую пьесу,[3] которую ты как раз не увидишь. И у Эми каникулы на две недели. Заставлю ее в доме прибрать.

Эми – одиннадцатилетняя дочка Джейн от первого брака. Мэл отлично с ней ладит, хотя между ними все время стоит нечто вроде невидимого барьера. С Джеммой, их совместной шестилетней дочерью, они гораздо ближе. Эта замечательная маленькая особа беспредельно любящая и сообразительная. Полная противоположность странной и непонятной, отчужденной больной дочери от первой жены, которую он любит, но, невзирая на все усилия, не чувствует настоящей привязанности. Жалко, что не удастся увидеть, как Джемма изображает Деву Марию, хотя Мэл давно привык чем-то жертвовать ради избранной профессии. Подобные жертвы стали одной из главных причин развода с первой женой и поводом для постоянных раздумий о верности.

Он посмотрел на Джейн, которая повернула направо мимо домов на длинную прямую дорогу вдоль южного берега бухты, почти нарочно двигаясь медленно, как бы продлевая последние минуты близости с мужем. Отважная, храбрая, прелестная, с рыжими, коротко стриженными волосами, дерзко вздернутым носиком, в кожаной куртке, белой футболке, голубых джинсах.

Какая разница между двумя женщинами!

Джейн – психотерапевт, специалист по фобиям, – сразу же объявила, что ценит свою независимость и охотно воспользуется трехнедельной свободой, а он, возвращаясь домой, будет любить ее еще сильнее.

Линн – служащая агентства по взысканию долгов – без конца в нем нуждалась. Слишком сильно нуждалась. Одно дело быть желанным и любимым, но быть *жизненно необходимым* женщине – совсем другое. Именно эта критическая потребность в конце концов их развела. Он надеялся – собственно, они оба надеялись, – что ситуация переменится с рождением ребенка. Но этого не случилось.

Фактически стало лишь хуже.

Вспыхнули тормозные огни, машина замедлила ход, пропуская нагруженный досками грузовик, прогромыхавший мимо, повернула направо в открытые ворота «Солент эгригит» и встала перед будкой охраны.

Мэл вылез в белой робе и морских резиновых сапогах, откинул задний борт, вытащил большую мягкую сумку, надел защитный шлем-каску. Наклонился к окну, долго и крепко поцеловал на прощание Джейн. За семь лет совместной жизни взаимная страсть не угасла – один из плюсов регулярных разлук на три недели.

– Люблю тебя очень, – шепнул он.

– А я еще больше, – шепнула она в ответ и снова поцеловала его.

Мэл – высокий, гибкий, сильный, симпатичный мужчина с честным открытым лицом, короткими редеющими светлыми волосами – принадлежал к тому типу людей, которые с первого взгляда завоевывают симпатию и уважение окружающих. Такой ничего не держит под спудом – что видишь, то и имеешь.

Он постоял, наблюдая за отъезжавшей машиной, прислушиваясь к выхлопной трубе. Необходимо сменить глушитель и заодно проверить задние амортизаторы – ход на ухабах не совсем нормальный. Передние, возможно, тоже требуют замены.

Войдя в будку, расписавшись в регистрационной книге, обменявшись любезностями с охранниками, он погрузился в другие заботы. Двигатель на правом борту «Арко Ди» почти отработал двадцать тысяч часов, приближаясь к установленному компанией пределу. Надо рассчитать оптимальный момент для замены. Сухие доки закроются на приближающиеся рождественские праздники, но владельцев «Арко Ди» не интересуют каникулы. Если бы Мэл потратил на судно девятнадцать миллионов фунтов стерлингов, его, может быть, тоже не интересовали бы. Хозяевам надо, чтоб драга работала круглый год с минимальным простоем.

Лениво шагая по пристани к черному корпусу драги с оранжевой надстройкой, он блаженно не ведал о том, что их ждет в этом рейсе, до начала которого оставалось всего два часа, и о губительных последствиях будущей находки для его собственной жизни.

5

Кабинет доктора Хантера представляет собой длинное помещение с высоким потолком и эркерными окнами в дальнем конце, выходящими в маленький, обнесенный стенами садик. Голые зимние деревья и кусты практически не скрывают из вида прочную металлическую пожарную лестницу на противоположном здании. Линн часто думает, что в лучшие времена, когда оба эти корпуса составляли единый ансамбль, на месте кабинета должна была находиться столовая.

Ей нравятся дома, особенно интерьеры. Одно из любимейших развлечений – посещение открытых для публики деревенских домов и величественных особняков. Кейтлин это тоже когда-то нравилось. Линн собиралась пойти на курсы дизайна, когда дочь не будет висеть у нее на плечах и отпадет нужда без конца зарабатывать деньги. Предложила бы Россу Хантеру переоформить кабинет. Например, приукрасить приемную. Сейчас возраст обоев и краски трудно определить, равно как и годы самого доктора. Впрочем, надо признаться, фактическая неизменность приемной со времен ее первых визитов даже приносит какое-то успокоение. Знакомая обстановка внушает ощущение уюта и покоя. По крайней мере, до этой минуты внушала.

Кажется, будто с каждым разом кабинет становится теснее. Число серых картотечных шкафчиков с четырьмя ящиками постоянно растет вместе с коробками с карточками пациентов, неуместно составленными друг на друга на крышке пластмассового бачка с питьевой водой. На одной стене таблица с подсветкой для проверки зрения; белый мраморный бюст какого-то древнего мудреца – может быть, Гиппократа, – семейные фотографии над старомодными, битком набитыми книжными полками.

За ширмой кушетка для осмотра, электрические мониторы, медицинские аппараты и лампы. Прямоугольный кусок линолеума в ковровом покрытии на полу придает этой части кабинета сходство с мини-операционной.

Росс Хантер указал Линн на одно из двух больших черных кожаных кресел перед своим столом, она села, не сняв пальто, поставив на пол сумочку. Лицо у него по-прежнему напряженное, очень серьезное. Таким она его еще не видела и поэтому адски нервничает. Зазвонил телефон. Доктор ответил, извинившись жестом и добавив взглядом, что это ненадолго. Разговаривая, поглядывал на экран ноутбука.

Линн оглядывала кабинет, прислушиваясь к беседе, по всему судя, с родственником какого-то тяжелого больного, насчет его перевода в местную больницу Мартлетс. От этого ей стало еще хуже. Она уставилась на вешалку с единственным пальто – предположительно доктора Хантера, – задумалась о разнообразном электрическом оборудовании, которого раньше не видела или не замечала, рассеянно гадая, зачем оно нужно.

Доктор завершил разговор, записал что-то, еще раз покосился на ноутбук, потом сосредоточился на Линн, заговорил мягким озабоченным тоном:

– Спасибо, что пришли. Я решил лучше с вами сначала увидеться наедине перед встречей с Кейтлин.

Он явно нервничал.

– Правильно, – шепнула она беззвучно, одними губами. Рот и горло словно забиты промокательной бумагой.

Росс Хантер вытащил из одной стопки карточку, положил на стол, открыл, поправил очки со стеклами-полумесяцами, несколько секунд читал, как бы выгадывая время.

– Я получил от доктора Грэнджера результаты последних анализов, и, боюсь, дело плохо, Линн. Они свидетельствуют об ухудшении функций печени.

Доктор Нил Грэнджер, местный консультант-гастроэнтеролог, наблюдал Кейтлин последние шесть лет.

– В частности, сильно повысился уровень энзимов, – продолжал Хантер. – Особенно гамма-гонадотропина. А тромбоцитов совсем мало – их число резко упало. Часто видите у нее синяки?

– Да… – кивнула Линн. – И при порезах кровь долго не останавливается. – Ей известно, что печень вырабатывает тромбоциты, которые мгновенно устремляются к пораженному месту, обеспечивая свертываемость крови. – Уровень энзимов сильно повышен? – За годы общения по Интернету с лечившими Кейтлин врачами она накопила немало познаний.

Достаточно, чтобы понять, когда следует беспокоиться, но недостаточно, чтобы принять надлежащие меры.

– Ну, при нормальной печени должен быть около сорока пяти. Анализы, сданные месяц назад, показывали тысячу пятьдесят. Последние – три тысячи. Доктор Грэнджер весьма озабочен.

– Что это значит, Росс? – глухо прохрипела Линн. – Что означают такие высокие показатели?

Он взглянул на нее сочувственно, но твердо:

– Доктор Грэнджер подозревает осложнение желтухи. И энцефалопатию. Говоря на простом языке, организм отравлен токсинами. У нее ведь все чаще случаются галлюцинации?

Линн кивнула.

– В глазах туманится?

– Иногда.

– Зуд?

– С ума сводит.

– По правде сказать, Кейтлин больше не реагирует на лечение. У нее необратимый цирроз.

Чувствуя глубоко в душе темную тяжесть, Линн отвернулась к окну, мрачно глядя в стекло. На пожарную лестницу. На зимние скелеты деревьев. Все мертвое. Как и она сама внутри.

– Как Кейтлин сегодня? – спросил доктор.

– Ничего. Немножечко куксится. Жалуется на зуд. Почти всю ночь не спала, расчесывала руки и ноги. Говорит, моча очень темная. Живот вздут, что ее особенно бесит.

– Могу дать таблетки для выведения жидкости. – Доктор сделал пометку в карточке Кейтлин, и Линн вдруг преисполнилась негодования. Разве при этом достаточно записи в чертовой карточке? И почему он не пользуется компьютером?

– Росс… вы говорите о резком падении тромбоцитов… как… что… я хочу сказать, как это остановить? То есть повернуть обратно… Что произошло?

Доктор поднялся из-за стола, подошел к книжной полке от пола до потолка, вернулся с коричневым клинообразным предметом, расчистил на столе место, поставил.

– Вот как выглядит печень взрослого человека. У Кейтлин она чуточку меньше.

Линн посмотрела, как уже смотрела тысячу раз. Росс начал рисовать на странице блокнота нечто вроде многочисленных головок капусты-брокколи. Линн терпеливо слушала объяснения о работе желчных протоков, но, когда рисунок был закончен, узнала не больше того, что и так уже знала. Вдобавок сейчас ее интересовал всего один вопрос.

– Должен быть какой-то способ, – заявила она, но без полной уверенности. Словно поняла – словно они оба поняли, – что после шести лет возникавших и исчезавших надежд подошло, наконец, неизбежное.

– Боюсь, процесс необратимый. По мнению доктора Грэнджера, есть риск опоздать.

– Что это значит?

– Она не реагирует ни на какое лечение, других способов не существует.

– Должны быть! Диализ?..

– При почечной недостаточности – да, но не при печеночной. Эквивалента нет.

Доктор Хантер помолчал.

– Почему, Росс? – требовательно спросила Линн.

– Потому что функция печени очень сложна. Я сейчас нарисую разрез, покажу…

– Не надо мне больше дерьмовых рисунков! – выкрикнула она и заплакала. – Хочу только, чтоб моему ангелу стало лучше. Вы должны что-то сделать!.. Что же будет, Росс? – всхлипнула Линн.

Он прикусил губу.

– Нужна трансплантация.

– Пересадка? Черт возьми, ей всего пятнадцать! Пятнадцать…

Он кивнул, ничего не сказав.

– Простите… я не на вас кричу… – Линн полезла в сумочку за носовым платком, вытерла глаза. – Бедняжка уже столько вынесла. Трансплантация?.. В самом деле единственный выход?

– К сожалению, да.

– А иначе?

– Говоря грубо, Кейтлин не выживет.

– Сколько у нас времени?

Доктор беспомощно всплеснул руками.

– Этого я сказать не могу.

– Недели? Месяцы?

– Максимум несколько месяцев. Может быть, меньше, если состояние и дальше будет ухудшаться такими же темпами.

Наступило долгое молчание. Линн смотрела в собственные колени. Наконец очень тихо, спокойно спросила:

– Трансплантация очень рискованна?

– Я бы солгал, утверждая, что нет. Главная проблема – найти подходящую печень. Доноров не хватает.

– А у нее еще редкая группа крови… – добавила Линн.

Доктор Хантер заглянул в свои записи и кивнул:

– Да. АВ отрицательная. Редкая – такая примерно у двух процентов населения.

– Группа крови имеет большое значение?

– Имеет, но в точных критериях я не уверен. Возможна перекрестная совместимость.

– Я… могу ей отдать свою печень?

– Возможно, частично, какую-то долю. Но у вас должна быть совместимая кровь, и, по-моему, вы не такая уж крепкая.

Он поискал другую карточку.

– У вас группа А положительная. Я не знаю. – Доктор Хантер слабо улыбнулся, с симпатией, но почти безнадежно. – Доктор Грэнджер скажет точнее. И заодно оценит влияние вашего диабета.

Ее испугала неожиданная растерянность и беспомощность человека, которому она привыкла полностью доверять.

– Замечательно, – горько фыркнула Линн.

Еще одна нежеланная памятка о распавшемся браке. Поздно проявившийся диабет мог быть спровоцирован стрессом, как объяснял доктор Хантер. Поэтому невозможно утешиться даже вкусной едой.

– Значит, Кейтлин должна ждать смерти человека с подходящей группой крови? Это вы хотите сказать?

– Вероятно. Если у вас нет родственников или близких друзей с подходящими данными, которые согласятся стать донорами.

В душе возродилась надежда.

– Такое возможно?

– Размеры имеют значение. Донор должен быть крупным.

Единственный известный и сразу пришедший на память мужчина крепкого сложения – Мэл. Но у него такая же группа крови, как у самой Линн, – это выяснилось, когда они оба, как сознательные граждане, стали постоянными донорами.

Она быстро мысленно прикинула. В Соединенном Королевстве шестьдесят пять миллионов жителей. Допустим, сорок пять миллионов подростки. Значит, два процента составляют около девятисот тысяч. Куча народу. Наверняка каждый день умирают люди с отрицательной группой АВ.

– Будем в очереди стоять? Как стервятники? Ждать чьей-то гибели? Вдруг Кейтлин свихнется от подобной мысли? Вы ее знаете. Она не выносит насильственной смерти. Дергается, когда я мух бью на кухне!

– Приведите ее ко мне. Если угодно, встречусь с ней прямо сегодня попозже. Родственники погибших, чьи органы были переданы другим, часто утешаются мыслью, что смерть близких послужила благородной цели. Если желаете, я попробую ей объяснить.

Линн вцепилась в ручки кресла, стараясь прогнать страхи.

– Даже не верится, что я об этом думаю, Росс. Никогда не была жестокой, никогда не любила бить мух на кухне. А теперь сижу и реально *хочу* чьей-то смерти…

6

Утренний поток машин, остановившийся из-за аварии на Колдин-Лейн, уже доходил почти до подножия холма. Слева тянулся послевоенный муниципальный жилой квартал Маулскомб, справа за каменной стеной деревья отмечали восточную границу Стэнмер-парка – одного из обширнейших в городе открытых пространств.

Констебль Йен Аппертон осторожно протиснул полицейский БМВ мимо зада брюзжавшего автобуса, намертво застрявшего в конце очереди, выбрался, наконец, на дорогу и, воя сиреной, погнал машину по встречной полосе.

Констебль Тони Омотосо молча сидел рядом с ним, присматривая за автомобилями на тот случай, если какой-нибудь водитель в нетерпении решится на глупость – прорваться или развернуться. Но водители либо ослепли, либо не слышали сирену, оглушенные чересчур громкой музыкой, только поглядывали в зеркало да приглаживали волосы. Тони Омотосо, как всегда, испытывал тревогу и напряжение, направляясь к месту дорожного происшествия – именно так теперь на изменчивом полицейском лексиконе именуется авария. Никогда не знаешь, что увидишь.

При серьезном столкновении машина часто превращается из лучшего друга в смертельного врага – захватывает пассажиров в капкан, крушит, ломает, рвет на куски, в самых худших случаях поджаривает заживо. Только что ехали, слушали музыку, весело болтали, а через секунду – через долю секунды – корчатся в агонии в металлической коробке с бритвенно-острыми краями, обезумевшие и беспомощные. Провалились бы в преисподнюю ненавистные идиоты, не умеющие водить машину или бесшабашно рискующие, а вместе с ними и болваны, не потрудившиеся пристегнуться ремнем!

БМВ приблизился к вершине холма, к проклятой развязке с крутым поворотом на Дитчинг-роуд, которая пересекает Колдин-Лейн с востока на запад. Перед шеренгой машин стоял синий «ренджровер» с включенными аварийными огнями. Неподалеку поперек дороги развернулся белый БМВ-кабриолет старой модели с открытой водительской дверцей. Внутри никого. За дверцей большая треугольная вмятина, заднее колесо просело, заднее стекло разбито. Дальше толпятся люди. Увидели подъезжающий полицейский автомобиль, посторонились.

В открывшемся проеме Омотосо увидел маленький белый «форд». Рядом с ним на земле распростерся орлом неподвижный мотоциклист, из-под черного шлема течет струйка темно-алой крови, образуя лужицу на дороге. Возле него стоят на коленях двое мужчин и женщина. Один вроде пробует с ним разговаривать. Поблизости валяется красный мотоцикл.

– Снова «файерблейд», – мрачно и почти неслышно пробормотал Аппертон, останавливаясь.

«Хонда-файерблейд» – классическая машина «заново родившихся» байкеров, излюбленный мотоцикл сорокалетних олухов, которые гоняли на нем в юности, а когда заработали деньги, жаждут опять сесть в седло. Им, конечно, нужна максимальная скорость, хоть они по-настоящему не понимают, насколько быстрее – и непослушнее – стал мотоцикл за прошедшие годы. Согласно скорбной статистике, подтвержденной ежедневными наблюдениями Тони Омотосо, Йена Аппертона и десятков других офицеров дорожной полиции, главную группу риска составляют не тинейджеры без царя в голове, а бизнесмены среднего возраста.

Омотосо сообщил по радио о прибытии на место и услышал в ответ, что «скорая» и пожарные уже едут.

– Нам скорей нужен инспектор дорожной полиции, – сказал он диспетчеру и продиктовал позывные дежурного офицера.

Похоже, дело плохо. Даже отсюда видно, что кровь не светлая, ярко-красная, как при поверхностной ране головы, а зловеще темная от внутреннего кровотечения.

Констебли вышли из машины, максимально быстро и внимательно оглядывая сцену. На службе Тони Омотосо усвоил одно – никогда не делай поспешных заключений об обстоятельствах несчастного случая. Однако, судя по тормозному пути, положению автомобиля и мотоцикла, похоже, машина оказалась на пути мотоцикла, который наверняка несся на бешеной скорости, если причинил такие повреждения и развернул машину поперек дороги.

Первый пункт накрепко запечатленной в памяти программы – исключить угрозу со стороны других водителей на дороге. Впрочем, движение в обе стороны намертво остановилось. Послышался вой сирены.

– Выскочила дура трахнутая! Прямо на него налетела! – прокричал мужской голос. – У него не было ни единого шанса!

Полицейские бросились к мотоциклисту. Омотосо протиснулся между столпившимися вокруг него людьми, опустился на колени.

– Он без сознания, – проговорила женщина.

Тонированный солнцезащитный щиток шлема опущен. Известно, что пострадавшего по возможности лучше вообще не трогать. Констебль с предельной осторожностью поднял щиток, прикоснулся к лицу, раздвинул губы, сунул палец, нащупал язык.

– Вы меня слышите, сэр? Слышите?

Йен Аппертон у него за спиной спросил:

– Кто водитель БМВ?

К нему шагнула женщина лет за сорок, с белым как простыня лицом, с мобильным телефоном в руке. Вид крикливый – вытравленные волосы, джинсовая куртка с меховой опушкой, джинсы, замшевые ботинки.

Трясясь в шоке, она робко заговорила хриплым голосом заядлой курильщицы:

– Я… Ох, черт, черт, черт!.. Я его не видела. Несся как ветер. Я его не видела. Дорога была пустая…

Опытный полицейский приблизился, принюхался к дыханию. Чутье у него острое, без труда улавливает следы вчерашней попойки. Возможно, слабый запах перегара присутствует, хотя точно не скажешь, тем более что его забивает мятная жвачка и застарелая вонь табака.

– Сядьте, пожалуйста, в мою машину на переднее сиденье. Я через пару минут подойду, – сказал Аппертон.

– Прямо в лоб налетела, – почти недоверчиво объяснял мужчина в анораке. – Я сразу за ним ехал.

– Буду очень признателен, если вы назовете свою фамилию и адрес, сэр, – попросил констебль.

– Конечно. Вылетела прямо в лоб. Не подумайте, сам он тоже не ехал, а мчался, – оговорился мужчина. – Я был в «ренджровере», – он ткнул пальцем в свой автомобиль, – а мотоцикл буквально промелькнул мимо за долю секунды.

Аппертон увидел подъезжавшую «скорую».

– Сейчас вернусь, сэр, – предупредил он и поспешил навстречу санитарам.

Дальнейшая работа на месте происшествия зависела от первоначальной оценки. Данный случай имел смертельный исход, поэтому дорогу закроют, пока криминалисты не проведут осмотр. Констебль связался с диспетчером и попросил прислать две бригады.

7

Празднества в этом году начинаются рано. В среду утром в четверть девятого суперинтендент Рой Грейс сидел в своем кабинете, нянча похмелье. Никогда от него не страдал, в любом случае крайне редко, а в последнее время оно становится обычным явлением. Может, возраст – в августе стукнет сорок. А может быть…

Что?

Понятно – надо успокоиться, взять себя в руки. Впервые за девять лет после исчезновения жены Сэнди у него сложились прочные отношения с поистине обожаемой женщиной. Недавно получил повышение, возглавил отдел тяжких преступлений; основное препятствие на карьерном пути – никогда его не любившая заместительница главного констебля Элисон Воспер – перебирается на другой конец графства на должность помощницы главного констебля.

Почему же, непрерывно гадает Грейс, он часто просыпается, чувствуя себя полным дерьмом? Зачем вдруг безрассудно напился?

Возможно, потому, что Клио, которой скоро тридцать, тайно – а иногда и явно – надеется услышать предложение. Он уже фактически съехался с ней и с Хамфри – псом смешанных кровей. Отчасти из-за того, что на самом деле хочется быть с ней рядом, отчасти из-за того, что друг и коллега сержант Гленн Брэнсон, семейная жизнь которого висит на волоске, уверенно становится постоянным обитателем дома Грейса. При всей любви к Гленну они абсолютно несовместимы в реальной жизни, поэтому легче оставить его у себя, хотя больно видеть, во что он превратил жилье, особенно драгоценную коллекцию виниловых пластинок и лазерных дисков.

Грейс выпил вторую за утро чашку кофе, открутил пластмассовую крышечку бутылки с газированной водой. Вчера вечером был в китайском ресторане на рождественском ужине сотрудников городского морга Брайтона и Хоува, потом вместо того, чтобы благоразумно

вернуться домой, отправился вместе со всеми в казино «Рандеву», перебрал коньяка, чреватого особенно тяжким похмельем, стремительно проиграл пятьдесят фунтов в рулетку и еще сто двадцать в блек-джек, пока Клио, к счастью, его не утащила.

Взяв за правило к семи утра сидеть за рабочим столом, явился в кабинет всего десять минут назад, и пока сумел решить единственную задачу, кроме собственноручного приготовления кофе, – включил компьютер. Сегодня снова вечеринка в честь проводов на пенсию главного суперинтендента Джима Уилкинсона.

Грейс уставился в окно на автостоянку и супермаркет через дорогу, на любимый городской пейзаж позади них. Прекрасное яркое утро, в прозрачном воздухе видна вдали высокая белая труба электростанции у Шорэмской гавани, голубая полоска Ла-Манша за ней, сливающаяся на горизонте с небом. Он перебрался в этот кабинет всего пару месяцев назад из другого конца здания, откуда видна лишь серая коробка блока предварительного заключения, поэтому замечательный вид до сих пор остается приятной новинкой. Только не сегодня.

Стиснув обеими руками кофейную кружку, Грейс недовольно заметил, что они дрожат. Проклятье, сколько ж вчера было выпито? Судя по туманным воспоминаниям, Клио вообще ничего не пила, и очень хорошо, потому что сумела отвезти его домой. Черт побери, даже не вспомнить, занимались ли они любовью.

Ясно было, что ехать в машине на службу сегодня нельзя. Перебор до сих пор чувствуется. В желудке как будто вращается бетономешалка, и пока непонятно, следовало ли подчиняться требованию Клио и съедать яичницу из двух яиц. Холодно. Он снял со спинки кресла пиджак, натянул, посмотрел на монитор, прокрутил круглосуточную сводку происшествий, зарегистрированных в Брайтоне и Хоуве. Добавляются новые сообщения, старые не исчезают, дополняясь новыми деталями.

Среди самых существенных атака на гомосексуалистов в Кейптауне и серьезное нападение на Кингс-роуд. Еще одно, только что обновившееся, касается дорожно-транспортного происшествия на Колдин-Лейн. Автомобиль столкнулся с мотоциклом. Впервые сообщение поступило в 8:02, теперь пополнилось информацией о запрошенном полицейском вертолете с санитарами на борту.

Нехорошо. Он легонько поежился. Сам любит мотоциклы, ездил в юности, когда впервые пришел в полицию и обхаживал Сэнди, но с тех пор ни разу не садился. Бывший коллега Дэйв Гейлор, недавно вышедший в отставку, обзавелся шикарным черным «харлеем» с красными колесами, и Грейс, получив в связи с повышением право пользоваться служебным автомобилем, испытывал искушение сменить свою «альфа-ромео», недавно разбившуюся во время преследования, на мотоцикл, когда – или *если* – сукины дети из страховой компании раскачаются. Но Клио взбесилась при первом намеке, хоть сама лихачит за рулем.

Будучи старшим патологоанатомом полицейского морга, она при каждом дальнейшем напоминании принимается перечислять смертельные травмы, полученные невезучими мотоциклистами, ее клиентами. Известно, что в некоторых медицинских кругах, особенно среди травматологов, где черный юмор особенно популярен, мотоциклистов прозвали «донорами на колесах».

Этим и объясняется, что на нескольких вакантных дюймах невообразимо захламленного рабочего стола Грейса умещается стопка технических журналов с описанием дорожных испытаний и списком подержанных автомобилей, а не мотоциклов.

Кроме папок и файлов, относящихся к его новой роли и содержащих кучи материалов, подготовленных к предстоящим судебным слушаниям отделом уголовного судопроизводства, к нему после недавнего внезапного отъезда одного коллеги вновь вернулись старые дела об убийствах, не раскрытых суссекской полицией. Они лежат в зеленых пластмассовых ящиках и занимают почти весь пол, кроме места для письменного стола, небольшого круглого стола

заседаний, четырех кресел и черного кожаного саквояжа со всем снаряжением и защитной одеждой, необходимыми на месте происшествия.

Работа над «глухарями» движется мучительно медленно, отчасти потому, что ни у Грейса, ни у кого другого в штаб-квартире уголовного розыска на это нет времени; отчасти потому, что все равно почти ничего не добьешься. Остается ждать новых успехов криминалистики вроде современных методов анализа ДНК или вестей от родных, например от жены, которая прежде лгала, выгораживая своего мужа, а потом, разозлившись, решила его заложить. Впрочем, положение должно измениться, когда новая команда, перешедшая под его руководство, просмотрит все старые файлы по самым серьезным случаям.

Папки действуют на нервы, старые коробки постоянно напоминают, что в руках Грейса последний шанс на справедливое возмездие за погибших, последняя возможность закрыть дело для родственников.

Содержание большинства папок заучено наизусть. Среди них дело ветеринара по имени Ричард Вентнор, найденного забитым насмерть в своем кабинете двенадцать лет назад. Другое, самое старое и особенно трогательное – досье Томми Лайтла. Двадцать семь лет назад одиннадцатилетний Томми февральским днем вышел из школы и направился домой. Больше его никто не видел.

Суперинтендент снова взглянул на папки из судебного отдела. Бюрократические требования системы выше всякого разумения. Он хлебнул воды, раздумывая, с чего начать. Вместо того решил просмотреть список рождественских подарков. Дошел только до первого пункта – заказа родителей его девятилетней крестницы Джей Сомерс. Зная, что ей нравится получать от него подарки, которые подтверждают, что он классный парень, а не занудный старый хрен, те запросили черные замшевые сапожки третьего размера.

Где их взять?

Одна личность точно знает ответ. Он вновь оглянулся на зеленую коробку, четвертую в стопке справа от стола. *Башмачник.* Очень интересный «глухарь». За несколько лет Башмачник изнасиловал в Суссексе шестерых женщин, одну убил, возможно нечаянно, в панике. Потом необъяснимо остановился. Может, последняя жертва яростно отбивалась, умудрилась частично сорвать маску, что позволило бы составить портрет с помощью компьютерной программы «Айдентикит»,[4] и гад испугался. Или уже умер. Или куда-то уехал.

Три года назад арестовали сорокадевятилетнего бизнесмена из Йоркшира, который изнасиловал в середине восьмидесятых годов многих женщин и всегда уносил с собой женские туфли. Полиция Суссекса одно время надеялась, что это и есть ее стародавний клиент, но анализ ДНК развеял надежды. Вдобавок методы насильников хотя и были похожими, но не идентичными. Джеймс Ллойд из Йоркшира снимал с жертв обе туфли, а суссекский Башмачник одну, обязательно с левой ноги, и прихватывал трусики. Конечно, возможно, пострадавших было больше. Проблема с поимкой насильников в том, что жертвы нередко стыдятся огласки.

Педофилы и насильники – самые ненавистные из всех прочих преступников. Мерзавцы навсегда губят жизнь. Жертвам так до конца и не оправиться. Даже если стараются жить дальше, о случившемся никогда не забудут.

Рой Грейс пришел в полицию не только по стопам отца-полицейского, но и с искренним желанием найти себе дело, которое позволяет хоть чуточку изменить мир. В последние годы, вдохновленный техническими достижениями, он лелеет дерзкую мечту, что когда-нибудь все преступники, чьи дела покоятся в зеленых коробках, предстанут перед судом. Каждый проклятый сукин сын до последнего. И первым в списке значится извращенец Башмачник.

Когда-нибудь.

Когда-нибудь Башмачник пожалеет, что родился на свет.

8

Линн вышла из кабинета в каком-то тумане. Побрела по улице к маленькому обшарпанному оранжевому «пежо» без колпака на одном колесе, открыла дверцу, села. Она всегда оставляет машину незапертой в тщетной надежде, что кто-нибудь ее угонит и можно будет получить страховку.

Механик в гараже предупреждал еще в прошлом году, что «пежо» не пройдет очередной техосмотр и проверку на токсичность выхлопных газов без серьезного ремонта, который обойдется дороже нового автомобиля. Теперь до осмотра – о, ужас! – осталась неделя.

Мэл сам чинил машину, все умел делать. Господи, до чего без него тяжело! До чего тяжело без людей, с которыми можно было бы поговорить, обсудить, что сказать дочери, как сообщить ужасное известие.

Смаргивая слезы, она вытащила мобильник из сумочки, набрала номер лучшей подруги Сью Шеклтон, тоже разведенной матери-одиночки с четверыми детьми, которая почему-то вечно веселится.

Выкладывая ей новости, Линн без всяких опасений следила за шагавшим по тротуару дорожным инспектором – оплаченная квитанция на парковку, приклеенная к лобовому стеклу, действительна еще больше часа. Сью по обыкновению посочувствовала, но высказала реальное и практичное мнение:

– Дорогая, в жизни всякое бывает. Одному моему приятелю лет семь назад пересадили почку, с тех пор он жив-здоров и в ус не дует.

Линн кивнула, вспомнив упомянутого приятеля.

– Да, только тут у нас дело немножко другое. С почечной недостаточностью даже без трансплантации можно жить годы, а с печенью нет. Альтернативы не существует. Мне страшно, Сью. Операция сложная, бог весть, что может случиться. Доктор Хантер успеха не гарантирует. Я хочу сказать, черт возьми, ей же всего пятнадцать, Господи помилуй!

– Что еще можно сделать?

– В том-то и дело, что ничего.

– Ну, тогда выбирай. Хочешь, чтобы она жила или чтоб умерла?

– Разумеется, чтобы жила.

– Тогда смирись, наберись сил и уверенности. Она ни в коем случае не должна тебя видеть раскисшей в такой момент.

Через пять минут после завершения разговора эти слова по-прежнему звенят в ушах. Договорились со Сью попозже выпить кофе, если можно будет оставить Кейтлин.

Наберись сил и уверенности.

Легко сказать.

Линн позвонила Мэлу на мобильник, не зная, где он сейчас находится. Время от времени он уходит в море, в последнее время работал за Уэльсом в Бристольском канале. Отношения у них дружеские, хоть чуточку натянутые и формальные.

Мэл ответил после третьего звонка сквозь сильный треск в трубке.

– Привет, – прокричала она. – Где ты?

– Выходим из Шорэма. В десяти милях за устьем, идем на участок. Через несколько минут выйдем из зоны приема. В чем дело?

– Мне с тобой надо поговорить. Кейтлин хуже… Она очень больна. Безнадежно.

– Проклятье, – пробормотал он. Его голос стал еле слышен. Треск усилился. – Рассказывай.

Она поспешно изложила диагноз, по опыту зная, как быстро порой исчезает сигнал. Едва расслышала в ответ, что драга вернется в Шорэм часов через семь, и обещание перезвонить.

Потом звякнула матери, которая сидела в своем бридж-клубе за утренним кофе. Сильная, крепкая женщина как бы еще больше окрепла за четыре года, прошедшие после смерти мужа – отца Линн, – признавшись однажды дочери, что они фактически не так уж любили друг друга. Практичная женщина, которую, видно, ничто взволновать не способно.

– Надо искать другой вариант, – сразу заявила она. – Скажи доктору Хантеру: нужен другой вариант.

– По-моему, у него нет сомнений, – ответила Линн. – На пересадке настаивает не только доктор Хантер, но и специалист по заболеваниям печени. Иначе случится то, чего мы постоянно боимся.

– Необходим другой вариант. Врачи ошибаются. Они не безгрешны.

Линн неохотно пообещала поговорить насчет другого варианта. По дороге домой напряженно раздумывала. Сколько еще других вариантов? Все перепробовано за последние годы. В Интернете просмотрены сайты всех крупных институтских клиник – американских, немецких, швейцарских. Испробованы все имеющиеся альтернативные способы. Целители верой, вибрацией, воздействием на расстоянии, наложением рук. Священники. Болюсы из коллоидного серебра. Гомеопаты. Травники. Иглоукалывание.

Конечно, может быть, мать права. Возможно, диагноз ошибочный. Возможно, другой специалист знает что-нибудь неизвестное доктору Грэнджеру, подскажет не столь рискованный выход. Возможно, есть новые лекарства. Но сколько можно искать, когда дочь неуклонно катится под гору? В какой момент признать единственным спасением традиционную медицину? При повороте направо с Лондон-роуд на Гарден-авеню машина с громким скрежетом завиляла. Линн переключила передачу, слыша привычный металлический стук от болтающейся выхлопной трубы. По словам Кейтлин, это стучит Смерть с косой – машина умирает.

У дочки мрачноватое чувство юмора.

Линн поднималась на холм к Патчему с полными слез глазами, до конца осознав катастрофическое положение и масштаб проблем, ошеломленно тряся головой. Пропади все пропадом! Она *абсолютно* к этому не готова. Черт возьми, как сказать дочери, что ей нужна новая печень? Причем, может быть, взятая у мертвеца…

Свернула на свою улицу, потом налево на подъездную дорожку к дому, нажала на тормоз, заглушила мотор. Машина, как всегда, напоследок дернулась, и все смолкло.

Дом, примыкающий одной стеной к соседнему, подобно многим другим в этом городе, стоит на тихой жилой улице на крутом холме. За деревьями, загородившими Лондон-роуд и железнодорожную линию, открывается вид на шикарные сказочные дома и обширные сады на Уисдин-роуд у дальнего склона. Улица, где живет Линн, застроена одинаковыми домами 1930-х годов с прелестным витым текучим металлическим декором в стиле модерн. Перед ними маленькие садики с короткой подъездной дорожкой к пристроенным гаражам, позади участки приличных размеров.

Прежде здесь жили пожилые супруги, и Линн, переехав, преобразила задний садик, насажав всевозможных растений. А через семь лет даже не может позволить себе содрать и заменить старое, изношенное ковровое покрытие. Хватает лишь на свежую покраску, отчасти на обои. На убогой кухне стоит неистребимый затхлый старческий запах, несмотря на ароматические смеси и освежители.

Когда-нибудь, обещает себе Линн. *Когда-нибудь.*

Когда-нибудь в заветный день в саду будет построена студия. В свое время она с большим наслаждением писала акварелью виды Брайтона и даже продавала их со скромным успехом.

Линн отперла парадную дверь, вошла в узкую переднюю, взглянула вверх на лестницу, гадая, не встала ли Кейтлин, не слыша ни звука.

Пошла наверх с тяжелым сердцем. На двери дочкиной спальни висит белый лист с крупной надписью от руки: «Прашу стукать». На ее памяти он всегда тут висел. Она стукнула.

Как всегда, нет ответа. Кейтлин либо спит, либо сотрясает музыкой барабанные перепонки. Линн вошла в комнату, куда словно бульдозер приволок и ссыпал содержимое оптовой распродажи.

За горами одежды, мягких игрушек, компакт-дисков, обуви, коробочек с макияжем, красочным розовым ведром для мусора, перевернутым вверх ногами розовым стулом, куклами, мобилем с бабочками из органического стекла, сумками и пакетами из «Топ-шоп», «Ривер-айленд», «Монсун», «Эберкромби энд Фитч», «Гэп» и «Зара», мишенью для дротиков, с которой свисает фиолетовый удав, видна только кровать, на которой лежит на боку Кейтлин в невообразимой излюбленной позе – руки в боки, ноги согнуты, голова под подушкой, из-под пухового одеяла торчат голые бедра, на голове наушники, телевизор включен, на экране повтор шоу «Хиллс».

Она похожа на мертвую.

На мгновение ужаснувшись, Линн бросилась к кровати, запутавшись в проводе от зарядника мобильного телефона, схватила длинную тонкую руку.

– Сплю, – сердито буркнула Кейтлин.

Сразу нахлынуло облегчение. Из-за болезни спит когда попало. Она с улыбкой присела на край кровати, погладила дочь по спине. Кейтлин – длинная, худая до истощения, неуклюжая, с клубком торчащих черных коротких волос, смазанных гелем, – напоминает резиновую куклу, под кожей будто гибкая проволока вместо костей.

– Ну как ты?

– Чешусь.

– Будешь завтракать? – спросила Линн с надеждой.

Дочь не страдает полномасштабной анорексией, но к тому приближается. Одержимо следит за собственным весом, без конца встает на весы, отказывается от любой еды вроде сыра и пиццы, не желает, по ее выражению, *поглощать жиры.*

Вот и теперь резко мотнула головой.

– Нам с тобой надо поговорить, дорогая. – Линн взглянула на часы. 10:05. Предупредила вчера на работе об опоздании и через минуту опять позвонит, что совсем не придет. У доктора в середине дня только маленькое окошко для приема Кейтлин.

– Некогда, – буркнула дочь.

Внезапно разозлившись, Линн сдернула с нее наушники.

– Дело важное.

– Остынь, женщина! – огрызнулась Кейтлин.

Линн закусила губу, помолчала, а потом сказала:

– У нас на сегодня назначена встреча с доктором Хантером. В половине третьего.

– Без меня решила. Днем я с Люком встречаюсь.

Люк, бойфренд Кейтлин, учится на курсе информационных технологий в Брайтонском университете, но ничего не может внятно объяснить. Особый экземпляр среди известных Линн полных оболтусов. Дочка встречается с ним больше года. В этом году с определенным

трудом удалось из него вытащить пяток слов. *Угу, ага, типа, как бы, понимаете* – полный предел словаря. Кажется, будто Кейтлин с Люком объединяет происхождение с одной планеты в дальнем конце Вселенной, в каком-нибудь дерьмовом галактическом тупике.

Линн чмокнула дочь в щеку, нежно пригладила жесткие волосы.

– Как ты сегодня, милая? Кроме чесотки.

– Как бы нормально. Устала.

– Я только что разговаривала с доктором Хантером. О тебе.

– Не сейчас. Дай послушать.

Линн сдержалась, застыла, глубоко вдохнула.

– Что слушаешь?

– Рианну.

– Детка, ты обязательно должна встретиться с доктором Хантером. Он хочет облегчить твое состояние. Похоже, единственный способ – пересадка печени. Ему надо это с тобой обсудить.

Кейтлин кивнула:

– Отдай наушники. Мой любимый трек.

– Ты меня слышала, милая? Насчет трансплантации печени?

Кейтлин передернулась и проворчала:

– Как скажешь.

9

На скорости в двенадцать узлов «Арко Ди» добралась до рабочего участка за полтора часа. Почти все это время Мэл Беккет занимался рутинной проверкой сорока двух систем звуковой и световой сигнализации. Испытав три – в машинном отделении, на днище, на вспомогательном носовом винте, – дошел до пульта управления на капитанском мостике.

Несмотря на обжигающий ледяной ветер, выдался чудный солнечный день с легкой уютной бортовой качкой, один из любимейших в море, если бы не затмившая сердце черная туча – Кейтлин…

Покончив со световыми сигналами, он бросил взгляд на монитор со сводкой погоды, с удовольствием отмечая хороший прогноз на оставшийся день. Ожидается юго-западный ветер от пяти до семи с переходом на западный от пяти до шести миль в час, волнение на море от умеренного до сильного, возможен дождь. Не так приятно, хотя беспокоиться нечего. «Арко Ди» может работать при постоянном волнении в семь баллов, но выше условия становятся опасными для людей на борту и для трубопровода, особенно если головка ударится о дно.

Судно с плоским днищем изначально строилось для работ в закрытом эстуарии, имея осадку в тринадцать футов с полным грузом – оптимальную для портов с песчаными отмелями вроде Шорэма, где при низком приливе вход в бухту сильно мелеет. Драга спокойно выходит и возвращается примерно за час до отлива, но находиться на ней в бурном море не слишком приятно.

На теплом уютном капитанском мостике, оборудованном по последнему слову техники, царит спокойная сосредоточенность. «Арко Ди» почти дошла до участка драгирования в десяти морских милях к юго-востоку от Брайтона. Желтые, зеленые, синие линии рисуют на черном экране кривобокий треугольник, отмечающий сто квадратных миль морского дна, арендованных у государства конгломератом «Хэнсон-груп», которому принадлежит местный флот землечерпалок. Участок отмерен с такой же точностью, как площадь любой фермы на берегу; отклонение грозит крупными штрафами и лишением лицензии.

Коммерческое драгирование, в сущности, представляет собой подводную добычу материалов. Всосанный трубой песок и гравий сортируются и продаются строительным и ландшафтным фирмам. Камешки лучшего сорта украсят высококачественные подъездные дорожки, песок используется в производстве бетона, остальное либо добавят в раздробленном виде в бетонные и асфальтовые смеси, либо оно пойдет на балласт для фундаментов зданий, дорог и туннелей.

Капитан Дэнни Маршалл, худой, жилистый добродушный мужчина сорока пяти лет с отросшей за несколько дней щетиной, в черной шапочке с кисточкой, мохнатом синем свитере поверх голубой рубашки, джинсах и хорошо послуживших морских сапогах, стоял у штурвала. Первый помощник в таком же наряде наблюдал за монитором компьютера с изображением участка работ.

Маршалл включил береговое радио, наклонился к микрофону.

– Говорит «Арко Ди», – сказал он и сообщил координаты ответившей береговой охране. Работая на одном из самых оживленных в мире морских путей, в Ла-Манше, где видимость при частых туманах иногда сокращается до нескольких ярдов, необходимо регулярно докладываться и обновлять данные о местонахождении судна.

У других семи членов команды, которые почти все работают вместе последние десять лет, море тоже в крови, как и у Мэла Беккета. Мэл с детства был бунтарем, искателем приключений, ушел из дома, как только получил возможность поступить в Королевский военно-морской флот в качестве инженера-стажера, провел не один год в море, кочуя по миру. Но, подобно нынешним товарищам, начинавшим карьеру на океанских судах, решил после рождения Кейтлин – первого ребенка – найти работу, которая позволяет плавать и одновременно вести семейную жизнь.

Драга оказалась идеальным решением. Она никогда не проводит в море больше трех недель и дважды в день возвращается в гавань. Когда судно стоит в Шорэме или в Ньюхейвене, можно даже при случае часок поспать дома.

Капитан сбавил скорость. Мэл проверил обороты турбины, датчики температуры, посмотрел на часы. «Арко Ди» вернется в береговую зону приема сигнала сотовой связи часов через пять, к вечеру. Звонок Линн сильно его встревожил. Всегда считая Кейтлин трудным ребенком, он тем не менее очень любит ее, видя большое сходство с самим собой. Когда забирает к себе, неизменно посмеивается над ее жалобами на мать. Похоже, у нее с Линн те же проблемы, которые возникали у него. Линн неизменно преследуют маниакальные страхи, хотя, если честно сказать, дочь сама уже много лет доставляет немалое беспокойство обоим родителям.

Видно, на этот раз дело еще хуже прежнего. Мэл огорчился из-за слишком быстро прервавшегося разговора.

Он натянул яркую плотную куртку, спустился с мостика по крутым металлическим ступенькам, добрался до главной палубы. Крепкий зимний бриз рвал одежду по пути к месту наблюдения за спуском землесосной трубы.

Когда Мэл время от времени встречается и выпивает с бывшими флотскими коллегами, они его поддразнивают, называя драгу плавучим пылесосом. В каком-то смысле так оно и есть. «Арко Ди» – «Гувер»[5] весом в две тысячи тонн. С полным мешком в три пятьсот.

Вдоль левого борта судна высится установка со стальной трубой длиной сто футов. Для Мэла наступает один из самых волнующих моментов в каждом рейсе, когда труба скрывается из вида в мутных водных глубинах. В этот момент судно как бы по-настоящему оживает. Слышится гул насосов, звон желобов, море вокруг вскипает, бурлит, через несколько минут по палубе забарабанит песок и гравий, превращая емкость для груза в центре палубы в яростный водоворот взбаламученной грязной воды.

Иногда бывают неожиданности. В трубопроводе застревают предметы вроде пушечного ядра, обломка самолета времен Второй мировой войны, в одном потрясающем случае – неразорвавшаяся бомба. За годы со дна океана поднято множество исторических артефактов, для таких случаев даже разработаны особые правила.

Вода из заполненного резервуара вытекает в сливные отверстия, посреди палубы фактически остается песок и галька. На обратном пути к гавани Мэл любит расхаживать вокруг кучи, хрустя сотнями раковин, иногда перешагивая через неудачливых рыб и крабов. Несколько лет назад наткнулся на кость, которая впоследствии была признана человеческой – большой берцовой. Несмотря на долгий опыт, тайны моря вызывают в нем неизменный детский восторг.

Минут через двадцать пора поднимать трубу. Мэл быстро закусывал в пустой кают-компании, сидя на обшарпанном диване с чайной кружкой в руках и ячменной лепешкой. Телевизор включен, но картинка расплывчатая, ничего не разберешь. Он рассеянно изучал вечернее меню, написанное на белой доске красным фломастером: луковый суп, рогалики, шотландская яичница, чипсы, салат из свежих овощей, бисквит, сладкий крем. После возвращения в порт и разгрузки команда будет до ужина напряженно работать, а к тому времени можно с голоду умереть. Размышляя о Кейтлин, Мэл потерял интерес к лепешке, откусил дважды и выбросил в мусорное ведро. Тут его кто-то окликнул.

Он оглянулся на второго помощника капитана, здоровяка шотландца в робе, каске и толстых защитных перчатках.

– У нас засор, шеф. Думаю, надо трубу поднимать.

Мэл схватил каску, бросился за ним на палубу. Взглянув наверх, сразу увидел, что из слива течет только тонкая струйка. Засоры случаются редко – мощные стальные щупальца на головке трубы отметают предметы, разве что туда затянет порой рыболовную сеть.

Выкрикивая команды двум своим помощникам, Мэл дождался остановки насосов, включил подъемное устройство и стал глядеть за борт в бурлившую воду, откуда медленно поднималась труба. Увидев предмет, прочно зажатый стальными захватами, внезапно ощутил спазм в желудке.

– Что за чертовщина?.. – пробормотал шотландец.

Никто не ответил.

10

Рой Грейс все отчетливей чувствует, что его жизнь превращается в постоянную борьбу со временем. Он как будто участвует в игровом шоу, где победители не получают призов, потому что игре нет конца. Только ответишь на одно электронное сообщение, как приходят еще пятьдесят. Только разберешь одну папку с письменного стола, еще десять приносит заместительница по организационным вопросам Элинор Ходжсон или кто-то другой – в последнее время чаще всего Эмили Гейлор из отдела уголовного судопроизводства, которой поручено помочь суперинтенденту с подготовкой материалов к судебным процессам, хотя кажется, что она с тайным злорадством лишь заваливает стол очередными бумагами.

На этой неделе Грейс исполняет обязанности дежурного старшего следователя, значит, должен возглавить расследование любого совершенного в Суссексе мало-мальски крупного происшествия. Он молча помолился неизвестному богу, покровителю полицейских, чтобы неделя выдалась спокойной.

Видно, у этого самого бога нынче выходной.

Зазвонил телефон.

– Рой, – сказал знакомый оператор Рон Кинг, – мне только что сообщили из береговой охраны. Шорэмская драга вытащила труп из канала в десяти милях от гавани.

«Святители небесные!» – мысленно охнул Грейс. Этого как раз и не хватало.

В приморском Брайтоне из воды ежегодно вытаскивают немалое количество трупов. Одни подбирают с поверхности – как правило, это самоубийцы, неудачливые яхтсмены, упавшие за борт. Другие, захороненные в море, попадают в сети рыбаков, не давших себе труда посмотреть по карте, где находятся кладбищенские участки. С последними в большинстве случаев разбирается полицейский констебль. Но этот звонок какой-то излишне тревожный.

– Что можете сказать? – покорно вздохнул Грейс, сделав мысленную пометку непременно поинтересоваться кошками Кинга. В прошлый раз он протолковал о них десять минут.

– Пол мужской, на вид совсем молоденький, от четырнадцати до шестнадцати. В воде пробыл недолго. Завернут в пластик с прикрепленным грузом.

– Может, захоронен в море?

– Не похоже. И не простой «поплавок». По словам береговой охраны, капитан подозревает нечто вроде ритуального убийства. На теле непонятный разрез. Если желаете, попрошу береговую охрану послать туда катер.

Грейс какое-то время сидел неподвижно, направляя кипящие мозги в нужное русло. Содержимому письменного стола и компьютера придется обождать, пока он хотя бы не взглянет на тело.

– Труп на палубе или среди груза?

– Застрял в головке трубопровода. Они его не трогали, только пластик разрезали, чтобы посмотреть.

– Судно за пределами Шорэмской гавани?

– Да.

Прошло несколько лет с тех пор, как Рой Грейс был на драге, вытащившей почти полностью разложившийся труп, и поэтому смутно представлял себе судно и механизмы.

– Пусть никто к нему не прикасается, – приказал он. Возможно, на трупе или в трубопроводе остались существенные криминалистические свидетельства. – Попросите закрепить как можно надежней и точно отметить на карте, где тело попало в трубу.

Закончив разговор, стал звонить дальше, собирая необходимую в данный момент команду. Первым делом оповестил коронера, вызвал патологоанатома министерства внутренних дел. Почти каждый труп, выловленный в море или выброшенный на берег, сначала осматривает кадровый полицейский, затем полицейский врач или фельдшер констатирует смерть, потом его забирают работники морга и освидетельствуют на предмет насильственной или естественной кончины. Выслушав данное сообщение, Грейс уже почти не сомневался в насильственной смерти.

Через тридцать минут он сидел за рулем служебной машины «хёндэ» и направлялся к гавани вместе со своей давней сотрудницей инспектором Лиззи Мантл – в высшей степени компетентным и, в качестве дополнительной премии, привлекательным детективом. Миловидное личико, светло-каштановые волосы до плеч, белая крахмальная блузка под мужским брючным костюмом, сегодня голубым в белую полоску. Многие женщины в таком наряде выглядели бы мужеподобными, а Лиззи он придает не только деловой, но и женственный вид.

Проехали мимо тупиковой частной подъездной дорожки к дому Хизер Миллс. Видя, как Грейс оглядывается на жилище бывшей жены одного из битлов, Лиззи спросила:

– Встречался когда-нибудь с Полом Маккартни?

– Нет.

– Ты же любишь и хорошо знаешь музыку?

– Отчасти, – кивнул он.

– Не хотелось бы стать рок-звездой вроде «Битлз»?

Грейс чуть помолчал. Никогда об этом не задумывался.

– Нет, пожалуй.

– Почему?

– Потому… – начал он, сделал паузу, притормозил, отыскивая на причале нужное место. – Потому что голос у меня дерьмовый.

Лиззи усмехнулась.

Грейс пожал плечами:

– Даже если б имел певческий голос, все равно искал бы дело, которое что-то меняет. Понимаешь? Изменяет мир. Поэтому пошел в полицию. Пускай это звучит банально, но именно поэтому я делаю свое дело.

– Думаешь, полицейский успешнее изменяет мир, чем поющая суперзвезда?

Грейс улыбнулся:

– Думаю, мы меньше его портим.

– Но разве что-то *меняем?*

Проехав склад лесоматериалов, Грейс увидел стоявший на краю причала темно-зеленый фургон с золотым крестом Брайтона и Хоува и тормознул поблизости. Пока больше никто из команды не прибыл.

– Драга должна была уже прийти, – проворчал он с легким раздражением, борясь со временем, помня о прощальной вечеринке, на которой сегодня должен присутствовать. Будут многие крупные шишки из суссекской полиции, выпадет неплохая возможность кое о чем договориться, заключить соглашения, так что нельзя опаздывать. А шансов уже нет.

– Может, в шлюзе застряла.

Грейс кивнул и вылез из машины, пошел к краю причала, до сих пор болезненно прихрамывая после гонки за преступником несколько недель назад, когда его обожаемая «альфа-ромео» сорвалась с обрыва, остановился у железной швартовой тумбы, чувствуя на лице ледяной ветер. Свет быстро угасает – если б не безоблачное небо, уже было бы почти темно. Примерно за милю видны закрытые шлюзовые ворота, за ними оранжевая надстройка – возможно, той самой драги. Он поплотнее запахнулся, дрожа на холоде, натянул кожаные перчатки, сунул руки в карманы, посмотрел на часы.

Десять минут пятого. Проводы Джима Уилкинсона начинаются в семь в самом дальнем конце Уортинга. Предполагалось заехать домой, переодеться, захватить Клио. Теперь же – смотря что обнаружится и долго ли будет патологоанатом возиться на месте – дай бог вообще попасть на прием. К счастью, из двух специалистов-патологоанатомов министерства иностранных дел, которые чаще всего работают с суперинтендентом Грейсом, сюда направили Надюшку Де Санча, более расторопную и забавную.

На дальнем краю бухты отходило от причала крупное рыбацкое судно с включенными навигационными огнями. Вода почти черная.

Позади открылась и захлопнулась дверца, хриплый голос сказал:

– Ох и влетит вам от миссис за опоздание, Рой! Не хотелось бы оказаться на вашем месте.

Он оглянулся на Уолтера Хордерна, высокого подвижного мужчину, всегда скромно и элегантно одетого в темный костюм и белую рубашку с черным галстуком. Официально он значится директором кладбищ Брайтона и Хоува, но в его обязанности также входит участие

в перевозке тел с места происшествия и оформление бесчисленных документов. Несмотря на скорбную должность, Уолтер обладает лукавым чувством юмора и больше всего на свете любит заводить Грейса.

– Почему?

– Грохнула ради нынешнего торжества целое состояние на парикмахера, будь я проклят. Сильно обидится, если вы ее кинете.

– Никого я не кину.

Уолтер выразительно глянул на свои часы и с сомнением поднял брови.

– Если понадобится, поручу вам возглавить следственную бригаду, – хмыкнул Грейс.

Тот покачал головой:

– Предпочитаю иметь дело с кочерыжками. Они не шевелят губами. Чистое золото, я вам скажу.

Грейс усмехнулся:

– Даррен здесь?

Даррен – помощник Клио в морге.

Уолтер ткнул пальцем в сторону фургона:

– Сидит там на лавочке, заигрывает с подружкой. – Он пожал плечами, закатил глаза. – Эй, вам пищалка пришла.

Грейс кивнул, набрал сообщение:

Судна еще нет. Опаздываю. Встретимся на месте. ХХХ

Принялся заталкивать мобильник в карман, а он снова звякнул.

Не опаздывай. Хочу сказать тебе кое-что.

Он нахмурился, озадаченный скупостью текста и отсутствием подписи «Х» в конце. Отойдя подальше от Уолтера и инспектора Мантл, которая только что вышла из машины, набрал номер Клио.

Она сразу ответила, но кратко:

– Не могу разговаривать. Родственники прибыли на опознание.

– Что ты мне хочешь сказать?

– С глазу на глаз, не по телефону. Потом, ладно? – И разъединилась.

Черт побери! Грейс уставился на телефон, еще больше встревоженный, потом спрятал его в карман.

Ему все это не понравилось.

11

Симона научилась вдыхать пары «Ауролака» из пластикового пакета. Маленькой бутылочки растворителя, которую легко украсть в любом москательном магазине, хватает на несколько дней. Ромео научил ее воровать, прыскать в пакет, чтобы растворитель смешался с воздухом, вдохнуть, выдохнуть в мешок и опять вдохнуть.

Как вдохнешь, когти голода ослабевают.

Как вдохнешь, жилище становится терпимым. Даже не вспомнить – точнее, *не хочется* вспоминать, – сколько лет она тут живет. Попала сюда через дыру в бетонном тротуаре, спустилась по прутьям железной лестницы под оживленную невымощенную дорогу в подземную пещеру, предназначенную для осмотра и ремонта паровой трубы. Труба диаметром тринадцать дюймов входит в коммунальную сеть центрального отопления, обогревающую большинство городских домов. Поэтому зимой здесь уютно и сухо, а в весенние месяцы нестерпимо жарко, пока ее не выключат.

В крошечном пространстве, в тесной щели между трубой и стеной Симона устроила себе дом. В нем находится найденное на свалке старое, кем-то выброшенное пуховое одеяло и Гогу, который при ней, сколько помнится. Гогу – бесформенный свалявшийся кусок бежевого искусственного меха, к которому она во сне каждую ночь прижимается щекой. Кроме надетой на ней одежды и Гогу, никакого имущества у нее нет.

Их пятеро – шестеро, если считать младенца, живущего здесь постоянно. Остальные приходят, остаются на время, уходят. Помещение освещено свечами, музыка играет днем и ночью, когда есть батарейки. Западная поп-музыка иногда радует, иногда бесит, потому что громкая и редко останавливается. Из-за нее жильцы вечно ссорятся, но всегда запускают. Сейчас поет Бейонсе. Симоне она нравится. Нравится, как она выглядит. Симона мечтает когда-нибудь выглядеть, как Бейонсе, и петь, как Бейонсе. Когда-нибудь она будет жить в доме.

Ромео говорит, что она красивая, станет однажды богатой и знаменитой.

Младенец Антонио, восьмимесячный сын Валерии, снова плачет, слегка пахнет какашками. Общими стараниями его удается прятать от властей, которые иначе забрали бы малыша.

Когда-то хорошенькая Валерия гораздо старше остальных. В двадцать восемь лет лицо огрубело, покрылось глубокими морщинами от такой жизни, превратилось в старушечье. У нее прямые длинные темные волосы; глаза, прежде яркие, погасли, умерли; одежда разноцветная – изумрудная дутая куртка поверх рваных бирюзовых, желтых, розовых спортивных костюмов, красные пластиковые сандалии. Все это, как и другое, вытащено из мусорных баков в лучших районах города или жадно отхвачено на бесплатных раздачах.

Валерия укачивает на руках младенца, завернутого в старую вельветовую куртку на меху. Проклятый ребенок орет громче нескончаемой музыки. Известно – он плачет от голода. Все почти постоянно голодные. Едят то, что удастся стащить или купить на деньги, выпрошенные на улицах, вырученные от продажи старых газет, вытащенные из украденных у туристов сумочек и бумажников, полученные за мобильники и фотоаппараты, точно так же украденные.

Ромео с голубыми глазами величиной с блюдца, умной невинной физиономией, короткими черными волосами, зачесанными вперед, и высохшей рукой очень быстро бегает. Как будто за ним черти гонятся! Сколько ему лет, он не знает. Может, четырнадцать. Или тринадцать. Симона своего возраста тоже не знает. Те самые дела, о которых ей рассказала Валерия, еще не начались. Поэтому, наверное, двенадцать-тринадцать.

Это ее не особенно интересует. Хочется только, чтоб люди, живущие рядом, – *семья* – были ею довольны. Они всегда довольны, когда Симона с Ромео возвращаются с едой, с деньгами или с тем и другим, иногда с батарейками. Возвращаются в зловонные запахи серы, высохшей пыли, немытых тел, младенческого поноса – самые знакомые и привычные в мире.

Где-то в прошлом, затянутом смутной дымкой, помнятся колокольчики. Колокольчики прицеплены к пальто или, может быть, к пиджаку, надетому на высоком мужчине с большой палкой. К нему надо было приблизиться и вытащить бумажник, не задев колокольчиков. Если хоть один звякнет, по спине бьет палка. У Симоны звякал не один, а пять, порой десять, порой даже не сосчитать. Мужчина не успевал закончить порку, как она отключалась.

Теперь хорошо получается. Они с Ромео составили неплохую команду. Симона, Ромео и пес. Коричневый пес стал их другом. Он живет под свалившейся оградой на краю дороги, которая находится над ними. Симона в голубой дутой безрукавке, обтрепанном разноцветном костюме для пробежек, вязаной шапке, кроссовках; Ромео в куртке с капюшоном, джинсах и тоже в кроссовках; и пес, которого они назвали Артур.

Ромео разъяснил, что лучшие туристы – пожилые супруги. Они подходят к ним втроем – Симона, Ромео и пес, – на длину веревочного поводка. Ромео протягивает высохшую руку.

Если люди отшатываются с отвращением – покорно уходят. Бумажник старика уже лежит в кармане голубой дутой безрукавки. Если мужчина лезет в карманы за мелочью, Ромео принимает милостыню, а кошелек старушки перекочевывает в сумку Симоны. Если туристы сидят в кафе, можно просто свистнуть со стола мобильник или фотоаппарат и делать ноги.

Музыка сменилась. Запела Рианна.

Ей нравится Рианна.

Младенец умолк.

Сегодня был плохой день. Ни туристов, ни денег. Только немного хлеба, поделенного на всех.

Симона обхватила губами отверстие пластикового пакета, выдохнула и с силой вдохнула.

Легче. Всегда приходит облегчение.

Надежда – никогда.

12

В четверть шестого Линн в третий раз за день сидела в приемной, теперь у консультанта-гастроэнтеролога. Эркерное окно выходит на тихую Хоув-стрит, за ним темно, горят фонари. У нее в душе тоже темно. Темно, холодно, страшно. Приемная с отслужившей свое старой мебелью, как у доктора Хантера, ничуть не поднимает настроение, как и скудное освещение. Из наушников Кейтлин доносится слабая музыка.

Дочь внезапно вскочила, побрела по приемной, как пьяная, бешено расчесывая руки. Пробыв с ней весь день, Линн точно знает, что она не пьяная. Это симптом болезни.

– Сядь, милая, – озабоченно попросила она.

– Я как бы устала, – заныла Кейтлин. – Обязательно ждать?

– Обязательно надо сегодня встретиться со специалистом. Дело очень важное.

– Ох, а я что, не важная? – криво усмехнулась девочка.

Линн улыбнулась:

– Самая важная на белом свете. Как себя чувствуешь, кроме того, что устала?

Кейтлин остановилась, опустила глаза на журналы, лежавшие на столике. Какое-то время молчала, глубоко дыша, потом вымолвила:

– Я боюсь, мам.

Линн встала, обняла ее одной рукой, и, на удивление, дочка не дернулась, не отпрянула. Напротив, прижалась к матери, схватила за руку, крепко сжала.

За прошлый год вымахала на несколько дюймов, Линн еще не привыкла смотреть ей в лицо снизу вверх. В смысле роста явно унаследовала отцовские гены, а тонкий костяк, хоть и очень красивый, больше прежнего напоминает эластичную резиновую куклу.

Одета в излюбленном небрежном стиле – вязаный свитер безобразных серых и ржавых тонов поверх футболки, на шее ожерелье из маленьких камешков на тонком кожаном шнурке, джинсы с обтрепанными обшлагами, старые расшнурованные кроссовки. Вдобавок из-за холода или, может быть, чтоб скрыть живот, вздувшийся, как у беременной, куртка цвета верблюжьей шерсти из бобрика, словно приобретенная на благотворительной распродаже.

Из-под головной повязки с ацтекским рисунком ежиком торчат короткие угольно-черные волосы, пирсинг придает девочке какой-то варварский вид. В подбородке и в языке штифты, в левой брови колечко. В данный момент не видно, но специалист при осмотре, конечно, заметит колечко в правом соске, в пупке и перед влагалищем. В один из редких моментов близости и откровенности с матерью Кейтлин стыдливо призналась, что, когда его вставляли, чувствовала себя довольно *круто.*

День выдался поистине адский. С той минуты, как Линн утром вышла из кабинета доктора Хантера, куда снова вернулась потом вместе с Кейтлин, жизнь одним сейсмическим толчком перевернулась вверх дном.

Просигналил мобильник. Она вытащила его из сумочки, взглянула на дисплей. Мэл.

– Привет. Где ты?

– Только что вышли из шлюза в Шорэме. День был поганый – труп вытащили. Рассказывай про Кейтлин.

Линн принялась докладывать о консультации, не спуская глаз с дочки, которая все расхаживала по приемной втрое меньше, чем комната ожидания доктора Хантера, потом принялась поспешно хватать со столика журналы один за другим, словно хотела все перечитать, но не решила, с какого начать.

– Приблизительно через час буду знать больше. Мы от доктора Хантера сразу направились к специалисту. Долго еще пробудешь в зоне приема?

– Как минимум часа четыре, – ответил Мэл. – Может, дольше.

– Хорошо.

Вышла секретарша доктора Грэнджера, внушительная женщина пятидесяти с лишним лет с собранными в тугой пучок волосами и холодной сдержанной улыбкой.

– Сейчас доктор вас примет.

– Я перезвоню, – поспешно бросила в трубку Линн.

В отличие от просторного кабинета Росса Хантера в тесном кабинетике консультанта на первом этаже едва умещались два кресла перед маленьким рабочим столом, на котором под такими углами, чтобы было хорошо видно всем пациентам, расставлены рамочки с фотографиями идеальной улыбающейся супруги специалиста и трех столь же идеальных улыбающихся детей.

По мнению Линн, доктора Грэнджера – высокого мужчину за сорок, с крупным носом, редеющими волосами, в костюме в полоску с крахмальной рубашкой и галстуком – вполне можно принять за адвоката, благодаря налету высокомерия.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил доктор, открыл коричневую папку, в которой Линн разглядела письмо Росса Хантера, уселся и начал читать.

Линн легонько пожала руку Кейтлин. Рука не отдернулась. Не очень уютно у доктора Грэнджера. Неприятна его холодность, выставленные напоказ семейные фотографии, которые словно говорят от его имени:

У меня все в полном порядке, а у тебя нет. От того, что я сейчас скажу, в моей жизни ничего не изменится. Вечером приду домой, поужинаю, посмотрю телевизор, может быть, предложу жене сексом заняться, а ты… гм… Ты завтра проснешься в собственном аду, а я, как всегда, с радостью встречу своих здоровых благополучных деток.

Дочитав, доктор подался вперед, выражение лица чуть смягчилось.

– Как себя чувствуешь, Кейтлин?

Девочка молча пожала плечами. Линн ждала, что она скажет. Дочка выдернула у нее свою руку и попеременно почесала предплечья.

– Чешусь. Все чешется. Даже губы.

– Еще что?

– Устаю. – Она вдруг надулась, насупилась, что для нее нормально. – Хотелось бы получше себя чувствовать.

– Случается, что ты теряешь ориентацию, спотыкаешься?

Кейтлин кивнула, закусив губу.

– Полагаю, доктор Хантер сообщил результаты анализов?

Она снова кивнула, избегая встречаться взглядом с консультантом, полезла в мягкую сумку под зебру, вытащила мобильник, принялась тыкать в кнопки, глядя на дисплей.

Глаза консультанта слегка округлились.

– Угу, – рассеянно промычала Кейтлин как будто про себя, – сообщил.

– Да, – поспешно подхватила Линн. – Он… сообщил нам новости… те… которые вы ему сообщили. Спасибо, что приняли нас так быстро.

Где-то на улице заверещала противоугонная сигнализация.

Доктор Грэнджер снова взглянул на Кейтлин, которая отправила текст и сунула трубку обратно в сумку.

– Необходимы срочные действия, – объявил он.

– Я как бы не совсем понимаю, что изменилось, – сказала она. – Можно разъяснить простыми словами? Типа для *идиотов?*

Доктор улыбнулся:

– Постараюсь. Как тебе известно, последние шесть лет ты страдаешь первичным склеротическим холангитом.[6] Начальная умеренная, можно сказать, ювенильная форма в последнее время стремительно переходит в тяжелую, взрослую. Шесть лет мы старались держать процесс под контролем с помощью медикаментов и хирургического вмешательства, надеясь, что печень сама придет в норму, но такое случается крайне редко, и, к сожалению, в твоем случае этого не происходит. При нынешней степени поражения печени возникает опасность для жизни, если не принять решительных мер.

– Значит, я умираю? – пробормотала Кейтлин неожиданно слабым голосом.

Линн схватила ее за руку, крепко стиснула.

– Нет, милая, нет. Ни в коем случае. Все будет хорошо. – И оглянулась на доктора за поддержкой.

Тот бесстрастно ответил:

– Я договорился, что сегодня вечером тебя примут в Королевской больнице Южного Лондона и обследуют на предмет трансплантации.

– Ненавижу этот отстойник, – фыркнула Кейтлин.

– Эта больница лучшая в графстве, – заявил доктор. – Есть и другие, но отсюда обычно больных направляют в нее.

Кейтлин снова пошарила в сумке.

– Знаете, вечером я как бы занята. Мы с Люком в клуб идем. В музыкальный. Там будет оркестр, который я хочу видеть и слышать.

После краткого молчания консультант с удивившей Линн теплотой и заботой, на которую она считала его неспособным, сказал:

– Ты не совсем хорошо себя чувствуешь. Не стоит идти в клуб. Я хочу прямо сейчас отправить тебя в больницу и как можно скорее найти тебе новую печень.

Кейтлин посмотрела на него желтушными глазами:

– Что *для вас* «хорошо»?

Консультант сморщился в улыбке:

– Действительно интересуешься моим мнением?

– Да. Что значит *хорошо,* по-вашему?

– Например, для начала, не чувствовать себя больной. Годится?

Девочка пожала плечами, кивнула, осмысливая сказанное.

– Ничего себе.

– Пересадка печени, – продолжал доктор, – даст тебе верный шанс на хорошее самочувствие и возвращение к нормальной жизни.

– А без пересадки? Скажем, вдруг не найдут подходящую печень?

Линн хотела вмешаться, сказать что-нибудь, объяснить дочери, что в таком случае будет. Но она знала, что надо молчать, заняв позицию стороннего наблюдателя.

– Тогда, – откровенно признал доктор, – я боюсь, ты умрешь. Думаю, времени мало осталось. В лучшем случае несколько месяцев. Может быть, меньше.

Все надолго умолкли. Линн почувствовала крепкое пожатие дочери и тоже изо всех сил стиснула ее руку.

– Умру? – переспросила Кейтлин дрожащим шепотом, потрясенно уставившись в глаза матери. Линн улыбнулась, не в силах в этот момент придумать, что сказать собственному ребенку. – Правда? Мам? Тебе уже сказали?

– Ты очень серьезно больна, дорогая. Если сделать пересадку, все будет хорошо. Ты поправишься. Сможешь жить нормальной жизнью.

Кейтлин молча сунула в рот палец, чего Линн давно не видала. Звякнул звоночек, из стоявшего рядом с принтером факса пополз лист бумаги.

– Я в Сеть заходила, – внезапно объявила Кейтлин. – Отыскала все про донорскую печень. Их у мертвых берут, правда?

– В большинстве случаев.

– Значит, в меня вставят печень мертвеца?

– Вообще нет никакой гарантии, что найдется подходящая для тебя печень.

Линн в шоке вытаращила глаза.

– То есть как?

– Вы обе должны усвоить, – сухо и деловито сказал доктор Грэнджер, внушив Линн страстное желание влепить ему пощечину, – что трансплантатов мало, а редкая группа крови Кейтлин тем более осложняет проблему. Все зависит от того, удастся ли мне добиться первоочередности. Надеюсь, удастся, хотя у нее формально хроническое заболевание, а приоритетом, как правило, пользуются больные с острой печеночной недостаточностью. Придется добиваться первого места, но шанс есть, так как девочка юная и в остальном здоровая.

– Значит, после пересадки я буду жить с печенью мертвой женщины?

– Или мужчины, – добавил доктор.

– Чего тут хорошего?

– Гораздо лучше другого исхода, детка, – подсказала Линн, пробуя снова взять дочь за руку, которая на этот раз резко отдернулась.

– Значит, печень возьмут у донора?

– Да, – подтвердил Нил Грэнджер.

– Значит, я до конца жизни буду помнить, что ношу в себе орган мертвого человека?

– Могу дать кое-что почитать, – предложил доктор. – В Королевской больнице сможешь обсудить проблему с социальными работниками и психологами. Но запомни одно очень важное обстоятельство. Любимых и родных умерших часто утешает, что они ушли не напрасно, погибли не совсем бессмысленно. Их кончина дала жизнь кому-то другому.

Кейтлин задумалась.

– Обалдеть! Вы хотите пересадить мне печень, чтобы кого-то утешить после смерти дочери или сына?

– Нет, я хочу пересадить тебе печень, чтобы тебя спасти.

– Жизнь убийственная, – пробормотала Кейтлин. – Просто убийственная.

– А смерть еще убийственнее, – заметил консультант.

13

Из этого окна за лифтами на седьмом этаже Королевской больницы графства Суссекс открывается изумительный вид на Ла-Манш за крышами Кемптауна. Весь сегодняшний день море сверкало голубыми искрами, подобно бриллианту чистой воды, а теперь, в шесть часов вечера в последние дни ноября, сгустившаяся темнота превращает его в чернильную бездну, уходящую в бесконечность за городскими огнями.

Сьюзен Купер пристально вглядывалась в необъятную черноту, ухватившись за радиатор батареи не ради тепла, а просто для поддержки обессилевшего тела. Безрадостно, молча, уныло смотрела сквозь собственное отражение в оконном стекле, чувствуя с той стороны холодное дуновение. Больше почти ничего не чувствуя.

Шоковое оцепенение. Невозможно поверить в случившееся.

Она мысленно перечислила всех, кому следует позвонить, смертельно боясь сообщить известие брату Ната, его сестре в Австралии и друзьям. Родители умерли, не дожив до шестидесяти – отец от инфаркта, мать от рака, – и Нат постоянно шутил, что ему не дотянуть до седин. Ничего себе, шуточки.

Сьюзен повернулась, потащилась к реанимационной палате, позвонила, сестра ее впустила. В палате гораздо теплее, чем в коридоре, – здесь поддерживается постоянная температура в 34–35 градусов, чтобы пациенты в пижамах или вообще обнаженные не простудились. По злой иронии судьбы, снова подумала она, прежде сама работала сестрой в этом самом отделении. Здесь же познакомилась с Натом.

Она ощутила толчок. Малыш брыкается. *Их* ребенок. Сын, мальчик. Шесть месяцев. Повернув направо мимо центрального поста, где кто-то оставил на стуле протез ноги, услышала шорох. Вгляделась в дальний угол палаты – сердце упало. Сестра задернула синюю занавеску у койки № 14. У койки Ната. Спрятала его от любопытных глаз. Врачи готовятся к новым анализам, а у Сьюзен никаких сил не хватит при этом присутствовать. Хотя она почти целый день просидела около Ната и вполне понимает, что должна и дальше оставаться рядом. Должна разговаривать с ним. Надеяться.

У него множественные тяжелые травмы, в том числе черепа, повреждение шейного отдела позвоночника – даже если он выживет, то навсегда останется парализованным, – переломы правой ключицы и тазовой кости, в данный момент практически несерьезные.

Она очень давно не молилась, а сегодня без конца повторяет про себя:

Пожалуйста, Боже, не дай ему умереть. Пожалуйста, Боже…

Сама абсолютно беспомощна и бесполезна. При всех своих навыках ни на что не способна. Может лишь разговаривать с Натом. Говорить, говорить, говорить, ожидая и не получая ответа. Вдруг теперь что-то выяснится…

Сьюзен прошла по сверкавшему полу мимо чудовищно толстой женщины справа, словно состоящей из валиков жира. По словам знакомой сестры, женщина весит тридцать девять стоунов.[7] На спинке койки табличка с надписью «Не кормить!».

Слева сплошь опутанный трубками и проводами мужчина за сорок с алебастровым цветом кожи. Наверняка только что после шунтирования, заключила по опыту Сьюзен. На столике рядом большая веселая открытка с пожеланием выздоровления. Его хоть починили, дали хороший шанс выйти отсюда на собственных ногах, а не выехать вперед ногами.

В отличие от Ната.

Состояние Ната целый день ухудшалось, и, хотя она еще цепляется за отчаянную и неуклонно тающую надежду, приходится осознать устрашающую неизбежность.

На мобильник, переключенный на вибрационный сигнал, чуть не каждую минуту поступает новый вызов. Пришлось выйти из палаты, ответить своей матери; брату Ната, который был здесь утром и теперь ждет известий; их сестре в Сиднее; своей лучшей подруге Джейн, которой Сьюзен утром через час после приезда в больницу сообщила, рыдая, что доктора не уверены в шансах на выживание. Остальных можно проигнорировать. Не хочется отвлекаться, надо быть рядом с мужем, уговаривать его держаться.

С интервалом в несколько секунд слышится писк монитора. Чувствуется запах дезинфекции, нечаянное дуновение одеколона, слабый теплый дух электрического оборудования.

На отгороженной занавеской койке, поднятой посередине под углом в тридцать градусов, лежит Нат, похожий на инопланетянина – забинтованный, в проводах, с интубационными трубками во рту и в ноздрях, с воткнутым в голову зондом для измерения внутричерепного давления, с другим зондом в пальце; через паутину внутривенных трубок капают растворы из подвешенных на стойках пластиковых пакетов. Глаза закрыты, он не движется в окружении многочисленных мониторов и жизнеобеспечивающих аппаратов. Справа в стену вмонтированы два компьютерных дисплея, в ногах койки ноутбук на колесном столике, куда заносятся все данные.

– Привет, милый, – сказала Сьюзен, пристально глядя на энцефалограмму. – Я вернулась.

Никакой реакции.

Другой конец трубки во рту воткнут в мешочек с краником на дне, наполовину заполнившийся темной жидкостью. Сьюзен прочла ярлычки на шлангах с препаратами: маннитол, пентакрахмал, морфин, мидазолам, норадреналин. Стабилизация состояния. Поддержание жизни. Не дают уйти, и больше ничего.

Единственные признаки жизни – равномерно поднимающаяся и опускающаяся грудь и огоньки, мигающие на мониторах.

Она посмотрела на внутривенные трубки в руках мужа, на голубую пластмассовую табличку с его именем и фамилией, снова перевела взгляд на аппараты, незнакомые приборы и датчики. Всего за пять лет после ее перехода из больницы в коммерческую фармацевтическую компанию появилась новая незнакомая техника.

Лицо Ната в сплошных синяках и порезах приобрело невиданную призрачную белизну. А ведь прежде этот крепкий парень, которому только что перевалило за тридцать, играл в сквош, всегда был румяным, несмотря на тягуче долгие рабочие дни. Сильный, высокий, с длинными светлыми волосами – почти возмутительно длинными для врача – и красивый. Невероятно красивый.

Сьюзен на секунду закрыла глаза, сдерживая подступившие слезы.

Красивый до чертиков… Ну, Нат, милый, давай! Все будет хорошо. Ты выберешься. Я люблю тебя. Очень люблю. Ты мне нужен.

Услыхала толчки в животе и добавила:

Ты нам обоим нужен.

Открыла глаза, присмотрелась к показателям на мониторах, выискивая и не видя ни малейших обнадеживающих признаков. Пульс слабый, неровный, уровень кислорода в крови слишком низкий, мозг едва функционирует. Разумеется, Нат просто спит, с минуты на минуту проснется.

Она торчит тут с десяти утра, примчалась сразу после звонка из полиции. Еще одна насмешка судьбы: на сегодня у нее было назначено ультразвуковое обследование в этой самой больнице. Поэтому ее нашли дома, а не в фирме «Харкурт фармасьютикалс», в группе наблюдения за клиническими испытаниями новых лекарственных препаратов.

Пригодилось знакомство с лабиринтами корпусов, со многими сотрудниками больницы, которые от нее не шарахались, не бормотали общепринятых банальностей, а сразу допустили к медицинской бригаде, которая откровенно выложила ужасную правду.

Сьюзен примчалась в больницу через полчаса после доставки Ната. Ему к тому времени уже сделали томографию и сканирование мозга. Если бы обнаружился тромб, то отправили бы на операцию в нейрологическое отделение. Но сканирование показало обильное внутреннее кровотечение, с которым хирургам нечего делать. Оставалось ждать, наблюдать, хотя мозг почти наверняка получил необратимые повреждения. Бригада реаниматоров стабилизировала состояние на четыре часа, и за это время не произошло никаких изменений, реакции отсутствуют полностью.

Если оценивать ко́му по шкале Глазго, налицо три балла из возможных пятнадцати. Зрачки не реагируют ни на боль, ни на словесные команды, ни на нажатие на глазное яблоко, что дает минимальную оценку – единицу. Нат не отвечает ни на какие вопросы, приказы, замечания – тоже единица по вербальному пункту шкалы. Он не чувствует боли – еще единица в оценке моторных реакций. Максимальный показатель пятнадцать. А три – минимальный.

Сьюзен, бывшей медицинской сестре, хорошо известно, что это значит. Жестокие три балла почти стопроцентно указывают, что мозг Ната умер.

Бывают чудеса. За долгие годы работы в реанимации некоторые пациенты с тройкой полностью выздоравливали. Пусть процент крохотный, но Нат сильный, он справится.

Справится!

Низенькая дружелюбная сестра-малазийка по имени Салеха, просидевшая с Натом весь день, с улыбкой посоветовала:

– Поезжай-ка домой, отдохни.

Сьюзен затрясла головой.

– Надо с ним говорить. Иногда возникает реакция. Сама видела, помню.

– Какую он музыку любит? – спросила сестра.

– «Сноу пэтрол», – ответила Сьюзен, секунду подумав. – «Иглс»…

– Отыщи диски, включи, дай послушать. Есть плеер с наушниками?

– Дома есть.

– Вези сюда. Захвати заодно туалетные принадлежности: мыло, полотенце, зубную щетку, бритву, дезодорант…

– Я не хочу его оставлять, – объявила Сьюзен. – Вдруг что-нибудь случится… – Она содрогнулась.

– Состояние стабильное, – твердо заверила Салеха. – Как только мне покажется, что тебе срочно надо вернуться, сразу же позвоню.

– Стабильное, пока включены аппараты. А когда их выключат?

Наступило неловкое молчание. Обе женщины знали ответ на вопрос.

– Будем надеяться, – бодро сказала сестра, – к утру произойдет определенное улучшение.

– Будем, – подтвердила Сьюзен сдавленным голосом, устав сдерживать слезы, всматриваясь в лицо Ната, в неподвижные веки, умоляя его шевельнуться, открыть глаза, улыбнуться.

Никаких перемен.

14

Вскоре в разных машинах прибыли Дэвид Браун, ответственный за место происшествия – стройный мускулистый мужчина чуть за сорок с коротко стриженными рыжими волосами и

веселой веснушчатой физиономией, в анораке на толстой подкладке, джинсах и кроссовках, – и полицейский фотограф-криминалист Джеймс Гартрел, крепкий, высокий, темноволосый.

Браун согласился с Грейсом, что судно местом происшествия не является, поэтому никто не потрудился надеть защитную одежду. Решено было просто обнести оградительной лентой участок вокруг самой драги.

И теперь Грейс стоял у кордона, с благодарностью обхватив обеими руками кружку с горячим кофе, неофициально опрашивая капитана и главного инженера, показания которых записывала инспектор Мантл. Было десять минут седьмого.

Небритый капитан Дэнни Маршалл в яркой куртке поверх толстого пуловера, джинсах и морских сапогах озабоченно поглядывал на часы. Главный инженер Малькольм Беккет в грязной белой робе и каске не так дергался, но Грейс чувствовал напряженность обоих мужчин. Капитан с инженером явно огорошены находкой трупа, но главное, их беспокоят финансовые последствия непредвиденного нарушения расписания.

Подошел один из членов команды с распечаткой, указывающей точные координаты участка морского дна, где тело попало в головку трубы. Лиззи Мантл переписала их в свой блокнот, сунула разграфленный лист в пластиковый пакет для вещественных доказательств, положила в карман. К телу подвешен тяжелый груз, но известно по опыту, что, несмотря на это, сильные течения способны унести труп на значительное расстояние. Надо поручить бригаде подводников рассчитать вероятную сферу сброса.

Послышался рев мотоцикла. Сотрудница общественной бригады содействия полиции, которую Грейс поставил у трапа, чтобы посторонние не проникли на борт, доложила по рации:

– Фельдшер подъезжает, сэр.

– Иду.

Пока Грейс шагал по палубе, рев мотоцикла усилился, по пристани запрыгал одиночный луч. Через несколько секунд в свете судовых огней показался мотоцикл БМВ с опознавательными знаками санитарной службы. Водитель – Грэм Льюис – остановился, отбросил ногой подпорку, старательно уравновесил машину, снял шлем, кожаные перчатки, вытащил из багажника медицинскую сумку.

Даже когда у полиции нет никаких сомнений, коронер требует, чтобы квалифицированный медицинский работник официально констатировал на месте происшествия факт смерти, при условии, конечно, если от тела не осталась лишь кучка костей или оно не лишено головы. Раньше для этого вызывали полицейского врача, а теперь заключение делают фельдшеры.

Грейс спустился навстречу Грэму Льюису по шаткому веревочному трапу, прошагал мимо девушки из вспомогательной бригады, с радостью отмечая, что еще не материализовался ни один из местных журналистов, которые обычно появляются в подобных случаях.

Доброе и сочувственное лицо Грэма Льюиса – невысокого жилистого фельдшера с курчавыми седыми волосами – удивительным образом моментально внушало успокоение и уверенность любой жертве несчастного случая. Несмотря на все, что ему ежедневно доводилось видеть на службе, Грэм Льюис был неизменно весел.

– Как дела, Рой? – мимоходом приветствовал он суперинтендента.

– Лучше, чем у застрявшего в трубе бедняги, – ответил Грейс и подумал, что едва ли будет в этом уверен, если не успеет на прием. – Скорее всего, сумка вам не понадобится. Пострадавший мертвей мертвого.

По раскачивавшемуся трапу он проводил фельдшера на палубу, под свет прожекторов, мимо катушек кабелей, оранжевой ленты конвейера, которая обычно грохочет, перенося груз с палубы в лоток, откуда он будет высыпан на причал.

Стальные щупальца головки трубы, висевшей примерно в двух футах над палубой на противоположном борту, напоминали пару гигантских крабовых клешней. В них зажат кусок черного просмоленного брезента, опутанный веревками. Еще несколько веревок, продетых в глазки в брезенте, обмотаны вокруг шлакобетонных блоков, которые теперь лежат на грязной металлической палубе, окрашенной в оранжевый цвет.

– Труп в обертке, – сообщил Грейс. – Ее разрезали, тело не трогали.

Грэм Льюис заглянул в длинную прорезь. Грейс наблюдал за ним со страхом и любопытством.

Фельдшер надел латексные перчатки, шире раздвинул края упаковки, открыв неподвижное, почти прозрачное серовато-белое тело. Юноша лет семнадцати-восемнадцати, по всему судя, в воде находился недолго.

К сильному запаху пластика примешивается слабый душок разложения, но не жуткое назойливое гнилое зловоние смерти, которое издавна ассоциируется в сознании Грейса с более или менее старым трупом. Предположительно юноша умер несколько дней назад. Вскрытие точней покажет.

Паренек худой скорее от недоедания, чем от занятий спортом – мускулатура не развита. Рост приблизительно пять футов семь-восемь дюймов, по лицу ничего сказать невозможно. Надо лбом топорщатся короткие пряди черных волос.

Фельдшер слегка повернул голову мертвеца.

– Пока не видно никаких признаков черепной травмы.

Грейс кивнул, сосредоточивая взгляд и мысли на другой части тела – брюшине. А именно на аккуратном вертикальном разрезе от горла до ниже пупка, обрывающемся у густого треугольника лобковых волос и зашитом крупными стежками.

Он встретился с фельдшером взглядом и снова принялся разглядывать разрез. Почти черный пенис лежит на пучке волос, вялый, сморщенный, как сброшенная змеиная кожа. Пенисы мертвецов всегда представляют глубоко прискорбное зрелище, словно конечный символ мужественности, застыв в неподвижности, становится конечным символом смерти.

– Что за чертовщина? – пробормотал Грэм Льюис. – Ткани не повреждены… Должно быть, посмертное вскрытие или что-нибудь вроде того.

– Аккуратный разрез, – согласился Грейс. – Хирургический?

Стоявший неподалеку капитан Дэнни Маршалл озабоченно спрашивал Лиззи Мантл, долго ли еще ждать переноски тела на берег и когда можно будет отправиться в рейс – команда уже потеряла больше часа драгоценного времени, отпущенного на разгрузку. Чтобы окупиться, «Арко Ди» должна работать непрерывно. Нельзя упустить волну. Еще час, и драга не успеет вовремя разгрузиться к вечернему отливу.

Инспектор отвечала, что этот вопрос в ведении суперинтендента Роя Грейса.

Капитан Маршалл впервые понял знакомых шкиперов с рыбацких судов, которые вытаскивают трупы сетями и сразу выбрасывают обратно, чтобы не связываться с медлительными полицейскими процедурами.

– Определенно не рана залатана, – подтвердил Льюис. – Бедняга перенес операцию. Только… – Он замолчал в нерешительности.

– Что? – подтолкнул его Грейс.

– Этот разрез мне решительно напоминает посмертное вскрытие.

– Суперинтендент, скажите, пожалуйста, долго нам еще ждать? – спросил капитан.

– В зависимости от патологоанатома, – сочувственно ответил Грейс, у которого в этот момент зазвонил телефон. – Только нечистого помянешь, тут же объявится, – прокомментировал он.

– Рой, – раздался голос Надюшки Де Санча, патологоанатома министерства внутренних дел, – к огромному моему сожалению, у нас тут срочный случай. Даже не знаю, когда до вас доберусь. Как минимум, часа через четыре, если не больше.

– Ладно, я перезвоню, – вздохнул Грейс.

Фельдшер нащупывал у трупа пульс. Обязательная формальность.

Суперинтендент принял решение, отчасти продиктованное стремлением попасть на прощальную вечеринку, но все-таки главным образом реально сложившейся ситуацией. Он уже побеседовал с восемью членами экипажа. Каждый подтвердит, что труп найден в море. Фотограф Джеймс Гартрел полностью отснял и сфотографировал сцену. Тело поднято со дна в пластиковой обертке – крайне невероятно, чтобы на судне остались криминалистические свидетельства. Если были на самом пластике, то их смыло водой при подъеме.

У него есть полное право задержать драгу, объявив ее местом происшествия, только что это даст – непонятно. Тело попросту поднято с морского дна. Драга имеет к нему точно такое же отношение, как вертолет к снятому с поверхности воды утопленнику. Причина смерти будет установлена в морге.

– Могу вас обрадовать, – объявил Грейс Дэнни Маршаллу. – Назовите фамилии и адреса всех членов экипажа, и вы свободны. – Потом оглянулся на фельдшера. – Переправляйте тело на берег, пусть остается в обертке.

– Ничего, если попозже пришлю заключение? – спросил Грэм Льюис. – Тренирую нынче вечером молодежную команду регбистов.

– Я не знал, что вы тренер по регби. Полицейская команда под моим началом. Нам нужен новый тренер.

– Звякните мне.

– Обязательно.

– Заключение можно представить завтра. – Грейс снова взглянул на разрезанное худощавое тело.

Кто ты? Откуда? Кто тебя так? Зачем? Почему?

Вечное *почему.*

При каждом убийстве Рой Грейс на месте происшествия задает себе в первую очередь этот вопрос. А в свои тридцать девять лет, молодой еще по полицейским меркам, он слишком часто бывал на местах преступлений.

Слишком часто, чтобы испытывать потрясение.

Но не слишком, чтобы равнодушно относиться к самой смерти.

15

Линн ненавидела эту дорогу и в лучшие дни – медленный долгий подъем по шоссе А23 через пригороды столицы к Королевской больнице Южного Лондона на Денмарк-Хилл, где Кейтлин предстоит провести четыре дня на предварительном обследовании.

В последний раз они ехали этой дорогой в апреле, чтоб прикупить в «Икеа» что-нибудь для спальни. Хоть какое-то развлечение, если здравомыслящий человек может назвать развлечением воскресную толкучку в магазине.

Впрочем, после сурового испытания их ожидала награда, для Линн фактически двойная, – Кейтлин не просто ела «нездоровую», по ее твердому убеждению, пищу, от которой всегда нос воротила, но и сладострастно чавкала, как поросенок.

Пройдя, наконец, бесконечную очередь к кассе, купив тумбочку, лампу, постельное покрывало, обои, занавески, они зашли в ресторан, заказали фрикадельки с молодой картошкой и на десерт мороженое. Больше того – купили на ужин хот-доги с горчицей и кетчупом, которые съели прямо в машине, не доехав до дома. Линн почти ожидала, что Кейтлин с минуты на минуту потребует остановиться, выскочит, выплеснет обратно содержимое желудка, а та с ухмылкой сидела, облизываясь, и повторяла: «Ох, какое дерьмо! Жутче даже как бы не бывает!»

Редкий случай – дочка по-настоящему наслаждалась едой, ненадолго внушая надежду на начало нового, лучшего жизненного этапа.

И сейчас рядом высокая подсвеченная дымовая труба «Икеа» с синими и желтыми полосами наверху. Кейтлин на пассажирском сиденье скорчилась над мобильником, сосредоточенно набирает текст. Так и сидит над ним целый час после отъезда из Брайтона, фары встречных машин освещают призрачное желтовато-белое лицо.

– Хочешь фрикаделек, детка?

– Отстой, – сонно пробормотала Кейтлин, не поднимая глаз, будто мать предлагала ей яд.

– Мы как раз проезжаем «Икеа», можно остановиться.

Дочь все тыкала в кнопки.

– Закрыто.

– Без четверти восемь. По-моему, открыто до десяти.

– Фу! Хочешь типа меня отравить фрикадельками?

– Помнишь, мы тут закусывали в апреле? Тогда тебе понравилось.

Кейтлин вдруг оживилась.

– Я прочитала в Сети, что фрикадельки напиханы жиром и всяким дерьмом. Знаешь, туда втюхивают даже осколки костей, от которых живот раздувается. А для гамбургеров корову целиком суют в мясорубку. Все идет – голова, шкура, внутренности. Называется чистой говядиной.

– Только не в «Икеа».

– Угу, я и забыла, что для тебя эта шведская барахолка – священный алтарь, благословленный каким-то нордическим богом.

Линн с улыбкой дотянулась до ее руки:

– Все равно лучше больничной еды.

– А то. Не волнуйся, в долбаной больничке я *вообще ничего* есть не стану. – Кейтлин опять застучала по кнопкам. – Все равно только что ужинали.

– *Я* ужинала, детка. Ты даже не притронулась.

– Ладно, – зевнула Кейтлин. – Врешь. Я йогурт ела.

Линн затормозила у светофора, снова взяла дочку за руку.

– Тебе сегодня вечером обязательно надо поесть.

– Зачем?

– Чтобы сил набраться.

– Сил у меня как раз выше крыши.

Линн стиснула ее ладонь, но не дождалась ответа. Вытащила из кармашка на дверце дорожную карту, быстро сверилась. Мотор сбавил обороты, выхлопная труба стукнула в днище. Загорелся зеленый. Она сунула карту обратно, толкнула липкий рычаг, включив первую передачу, и отпустила тормоз.

– Как себя чувствуешь?

– Боюсь. И устала до чертиков.

Двигаясь в транспортном потоке, Линн опять стиснула руку Кейтлин.

– Все будет хорошо, дорогая. О тебе позаботятся наилучшим образом.

– Люк сидит в Интернете, кинул сообщение. Девять из десяти человек, которые в Соединенных Штатах ждут пересадки печени, умирают, так и не дождавшись. В Соединенном Королевстве каждый день умирают трое ожидающих. В Америке и Европе в очереди на трансплантацию стоят сто сорок тысяч.

В бешенстве Линн не заметила горящих тормозных огней шедшей впереди машины и ударила по тормозам что было силы, чтобы не врезаться ей в зад.

Пропади пропадом проклятый Интернет! Пропади пропадом придурок Люк! Неужели безмозглому обормоту больше нечего делать, как пугать мою дочь?

– Люк ошибается, – заявила она. – Я говорила с доктором Хантером. Это неправда. Просто некоторых тяжелобольных слишком поздно ставят на очередь. К тебе это совсем не относится.

Она изо всех сил старалась придумать, что еще сказать, не впадая в поучительный тон, но голова внезапно опустела. Консультант доктор Грэнджер обещал *постараться* добиться приоритета для Кейтлин. И столь же откровенно добавил, что ничего не может гарантировать. Да еще проблема с редкой группой крови.

Линн молча вела машину под равномерный писк кнопок мобильника и неравномерный писк поступающих сообщений.

– Хочешь, включу музыку, милая? – спросила она наконец.

– Только не тот отстой, что у тебя в машине, – ответила Кейтлин, впрочем добродушно.

– Может, поищешь что-нибудь по радио?

– Как скажешь. – Дочь дотянулась и включила радио. Зазвучала старая песенка «Сисор систерс» «Не хочу танцевать». – Как бы про меня. Нынче вечером танцев не будет.

Линн криво улыбнулась. В неожиданной вспышке уличных фонарей худенький перепуганный призрак на пассажирском сиденье тоскливо улыбнулся в ответ.

16

– Так-так-так, не трудно угадать, кто это тут у нас трупных мух обогнал, – проворчал Рой Грейс, проходя вместе с инспектором Лиззи Мантл мимо поста у трапа и с неудовольствием опознавая прибывшего репортера брайтонской газеты «Аргус».

В любое время дня и ночи Кевин Спинелла опережает прочих журналистов, особенно когда слышен душок подозрительной смерти. Или, возможно, душок самой смерти. Может быть, острый нос молодого человека чует смерть с той же четырехмильной дистанции, что и трупные мухи. Либо он нашел какой-то способ взлома новейшей закрытой полицейской радиосети.

Есть подозрение, что у него имеется осведомитель в полиции. Грейс решил с этим как-нибудь разобраться, но в данный момент его мысли заняты совсем другим. Надо как можно скорее попасть на проводы главного суперинтендента Джима Уилкинсона и выяснить, почему Клио так холодно предупредила о предстоящем нетелефонном разговоре.

Что же хочет сказать любимая женщина? Почему говорит, как чужая? Собирается бросить его? Нашла себе другого? Решила вернуться к прежнему бойфренду, чокнутому «заново рожденному»[8] адвокату?

Надо признать, что с ее бывшим мужем, «старым итонцем»,[9] Грейсу близко даже не сравняться. Клио родилась и выросла совсем в другой среде, принадлежит к другому классу. Интеллектуалка из богатой семьи, получившая образование в частной школе-интернате.

А суперинтендент Рой Грейс – необразованный коп из среднего класса и сын копа из среднего класса. Ни к чему другому никогда не стремился и никем другим быть не хотел. Любит свою работу, товарищей и коллег. Охотно признается, что если бы время повернулось вспять, то остался бы на своем месте.

Может, она догадалась об этом?

Несмотря на все старания хоть отчасти сравняться с Клио в знании философии, которую та изучает в Открытом университете, Рой давно безнадежно отстал. Может быть, она просто решила, что он для нее недостаточно умный?

– Какая приятная встреча, суперинтендент Грейс, инспектор Мантл…

Репортер сверкнул зубами в широкой улыбке и встал прямо у них на дороге. Секунду-другую они простояли так близко, что Грейс уловил аромат мятной жвачки.

– Что привело в гавань двух старших детективов в такой морозный вечер?

Журналист с проницательными глазами на худом лице, с модной короткой стрижкой, одет в бежевый прорезиненный макинтош с поднятым воротником поверх тонкого летнего костюма со старательно завязанным галстуком, обут в дешевые скрипучие черные туфли.

– Не совсем подходящий наряд для рыбалки, – ехидно заметила Лиззи Мантл.

– Я скорей собираюсь выуживать факты, – отпарировал репортер и вопросительно вздернул брови. – Или, может, *высасывать* с морского дна? – Он на секунду оглянулся на отъезжавший фургон из морга и снова обратился к детективам: – Можете прокомментировать?

– Не сейчас, – отрезал Грейс. – Возможно, после вскрытия, на завтрашнем брифинге, если буду его проводить.

Спинелла выхватил блокнот, развернул.

– Очередной «поплавок». Можно на вас сослаться?

– Извините, никаких комментариев.

– Захороненный в море покойник?

Грейс решительно направился к машине. Спинелла засеменил за ним, стараясь не отстать.

– Как-то странновато, правда, что к нему прицеплены шлакоблоки?

– Вы знаете номер моего мобильника. Позвоните завтра около полудня, – отмахнулся суперинтендент. – Может быть, к тому времени что-нибудь прояснится.

– Скажем, насчет разреза на теле?

Грейс замер на полушаге, с трудом взял себя в руки.

Откуда настырному сукину сыну об этом известно?

От кого-то из членов судовой команды? Спинелла непревзойденный мастер выкачивать информацию из незнакомых людей.

Репортер ухмыльнулся, с радостью видя недоумение огорошенного детектива.

– Ритуальное убийство? Обряд черной магии?

Грейс торопливо собирался с мыслями, не желая видеть в утренних газетах пугающие сенсационные заголовки. Впрочем, возможно, журналист прав. Очень странное дело с тем самым разрезом. Грэму Льюису он напомнил посмертное вскрытие.

– Хорошо. Вот какое условие. Если вы опубликуете лишь основные факты – драга вытащила неопознанный труп, – я завтра после вскрытия открою вам шлюзы. Годится?

– Откроете шлюзы, – одобрительно кивнул Спинелла. – Вполне уместное выражение, тем более в порту. Мне понравилось. Замечательно. Очень даже неплохо, суперинтендент!

Симона промокла и проголодалась. Часами бродит по темным улицам под проливным дождем. Плохое время года – в холод все сидят дома, почти нет туристов. Остается надеяться, что с приближением Рождества, когда толпы народу ринутся за покупками, добыча станет богаче.

Она трусцой пробежала мимо закрытого банка с темными окнами, гадая, зачем туда ходят богатые важные люди. Дальше в отеле швейцар предупредил строгим взглядом, что охраняет от нее богатых и важных людей. Еще дальше витрины с едой в минимаркете, на которые она жадно взглянула.

Нет даже растворителя, чтоб разжать когти голода. В начале вечера поскандалили с Ромео, подрались за последнюю бутылку, уронили на землю, содержимое вылилось в сточную канаву. Он ушел вместе с псом и остатками растворителя, не желая мокнуть под дождем. Голодная Симона не хочет возвращаться в подземную дыру, пока не раздобудет какую-нибудь еду. Вдобавок там младенец вопит пуще прежнего.

Со вчерашнего дня она съела только пару тоненьких, как спички, чипсов из выброшенной картонки на тротуаре возле «Макдоналдса». Выпрашивала милостыню у дорогого с виду ресторана, умирая от обжигающих запахов чеснока и жареного мяса, но выходившие люди – сухие, довольные – садились в машины не глядя, как будто она невидимка.

Мимо едут автомобили, такси и фургоны. Промокшие кроссовки шлепают по лужам – и ладно. Впереди на Северном железнодорожном вокзале наверняка сухо. Наверняка там толкутся друзья и знакомые, пока их не вышвырнет в полночь полиция. Может, дадут поесть. Может, удастся свистнуть шоколадный батончик в каком-то еще незакрытом ларьке.

Она поднялась по ступенькам в просторный, скупо освещенный зал бухарестского Северного вокзала. В лужах на полу фантастически отражается верхний свет белых ламп, тянущихся парами в дальний конец. Прямо перед глазами огромное электронное табло с крупной надписью «Отправление». На круглых часах 23:36.

На табло указаны пункты назначения и время отправления поездов на всю ночь и следующее утро. Названия некоторых городов ей известны, другие она видит впервые. Иногда слышит от людей о городах и о странах, где всегда тепло, можно найти работу, получать хорошие деньги, жить в красивом доме. Может быть, просто сесть в поезд и поехать под стук колес, куда повезет. Может быть, там тепло, есть еда, нет плачущих младенцев.

Перед закрытым кафе с синей вывеской с белыми буквами «Метрополь» сидит на полу бородатый старик в вязаной шапке, лохмотьях, резиновых сапогах и потягивает из бутылки спиртное. Рядом лежит грязный спальный мешок, остальное имущество, видно, хранится в брезентовой торбе. Старик ее узнал, приветственно кивнул, она тоже кивнула в ответ. Все бездомные знают друг друга в лицо, но не по именам.

Дальше слева со скучающим видом курят два индюка, как здесь зовут полицейских, молодые, зловещие, в ярких желтых куртках. Ждут полуночи, чтоб вытащить дубинки и очистить вокзал от бродяг.

Дальше справа ярко освещенный кондитерский киоск с кофейным автоматом, на котором сверху написано «Нескафе». С обеих сторон от голубого прилавка полки с безалкогольными напитками и пивом. Симпатичный мужчина лет пятидесяти в коричневой спортивной куртке, синих брюках, начищенных черных туфлях нагружает пластиковые мешки пачками печенья, конфет, шоколадок, орешков, банками с газировкой.

Симона постояла, прикидывая, не удастся ли что-нибудь стибрить, но хозяин киоска, приметив, следил за ней из-за прилавка, как ястреб. Если даже не поймает, то индюки точно достанут, а терпеть побои не хочется. Хоть в тюрьме сухо и кормят, оттуда обязательно отправят в заведение.

В заведении она ходила в школу, и ей это нравилось. Она любит учиться и знает, что надо учиться, если хочешь когда-нибудь изменить свою жизнь. А само заведение ненавидела. Ненавидела других девчонок – настоящих сук, извращенца директора, который ее бил за отказ взять в рот член, запирал в темной комнате, где скреблись крысы.

Нет, туда она ни за что не вернется.

Выйдя на платформу, Симона остановилась, глядя на хвостовые огни отходившего поезда. Одинокий уборщик в светящейся желтой куртке, как у индюков, возил шваброй по мокрым блестящим плитам.

Нахлынула волна радости при виде знакомых фигур, скорчившихся за бетонным пилоном, – шесть знакомых лиц, семь, если считать младенца.

Высокий тощий Тавиан, смуглый, как цыган, улыбнулся Симоне. Он всегда улыбается. В мире бездомных мало кто улыбается, поэтому Симоне нравится этот девятнадцатилетний юноша с худым симпатичным лицом, теплыми карими глазами под густыми мужскими бровями, в синей вязаной шапке с ушами, военной камуфляжной куртке поверх серой нейлоновой ветровки, под которой еще что-то надето в несколько слоев. У него на руках спящий младенец в вельветовом комбинезоне, завернутый в одеяло, – его третий ребенок. Двух первых забрали в заведение.

Рядом стоит мать ребенка, крохотная, до сих пор пухленькая после беременности Сиси лет семнадцати, по прикидке Симоны, которая тоже всегда улыбается, будто жизнь – смехотворная до смерти фишка. На ней объемная куртка с капюшоном в белую и синюю полосу, широкие зеленые спортивные штаны и новенькие белые кроссовки, явно только сегодня украденные. Круглое лицо отечное, двух передних зубов не хватает. При виде Сиси вспоминаются изображения эскимосов на уроке географии в школе.

Имена других неизвестны.

Унылый мальчишка лет тринадцати, в вязаной лыжной шапочке, безразмерной черной куртке, джинсах и кроссовках всегда держит руки в карманах. Рядом с ним другой, который мог бы быть его старшим братом, с мордочкой как у хорька, жидкими усиками, торчащими светлыми волосами, сейчас приглаженными дождем, с самокруткой в зубах.

Еще две девушки. Старшая, лет двадцати пяти, тоже смахивает на цыганку, с длинными обвисшими темными волосами и сморщившейся от многолетней жизни на улице кожей. Другая, двадцатилетняя – хоть на вид вдвое больше, – в куртке с оторочкой из овечьей шерсти и теплых штанах, держит в одной руке сигарету, в другой пластиковый пакет с бутылкой растворителя, подносит горлышко к носу, вдыхая и выдыхая с закрытыми глазами.

– Привет, Симона! – Тавиан дружески протянул руку.

Она шлепнула по ладони всей пятерней.

– Как дела? Где Ромео?

Симона пожала плечами:

– Видела сегодня. Как вы? Как малыш?

Сиси улыбнулась, но промолчала. Она вообще редко говорит. Тавиан ответил:

– Позавчера хотели забрать, мы удрали.

Симона кивнула. Власти всегда забирают младенцев. Пристраивают в какой-нибудь государственный приют. Вроде тех, откуда она лет примерно с восьми без конца удирала. Вот уже года три-четыре умудряется жить на свободе.

Все молчали, глядя на нее. Тавиан и Сиси с улыбкой, другие равнодушно, как бы ожидая, что она чего-нибудь принесла – еду или новости, – а ей было нечего принести из сырой темной ночи.

– Нашли новую ночевку? – поинтересовалась Симона.

Улыбка Тавиана угасла, он покачал головой:

– Нет. Индюки в последнее время совсем оборзели. Колотят, прогоняют. Делать им, видно, нечего – всю ночь за нами гоняют.

– Те, что ребенка хотели забрать?

Тавиан вытащил из коробки смятый окурок, прикурил, легонько качая младенца свободной рукой.

– Нет. Те были из какой-то специальной службы.

– Знаю одно хорошее место у трубы отопления, – сообщила Симона.

Тавиан равнодушно пожал плечами:

– Ничего, обойдемся.

Эту компанию никогда не понять. Они ничем не отличаются от Симоны, имеют не больше ее. В каком-то смысле ей даже лучше – есть куда пойти, есть что-то вроде дома. А эти кочевники спят где придется – в переулках, под козырьками у дверей магазинов, просто под открытым небом, прижимаясь для тепла друг к другу. Про трубы отопления знают, но никогда возле них не живут. Для Симоны они такие же чужаки, как и все прочие.

Например, мужчина средних лет, который подходит с набитыми доверху сумками. Тот самый, которого она видела у кондитерского киоска.

– Вижу, вы голодные, я вам еды принес, – сказал мужчина со слегка самодовольной улыбкой, которая сразу насторожила Симону, и протянул сумки.

Вся компания сразу ринулась, затолкалась. Мужчина крепкого сложения, лицо приятное, искусно подстриженные волосы, наблюдает за ними с большим интересом. На нем белая рубашка без ворота, коричневая куртка и синие брюки, а еще дорогие, до блеска начищенные туфли, только почему-то в такую холодную ночь он без пальто, которое явно мог бы себе позволить.

Удерживая при себе одну сумку, мужчина дождался, пока суета стихла, все разошлись, разглядывая неожиданно принесенные ветром богатства, после чего предложил Симоне бесценный клад из конфет и печенья.

– Угощайся, пожалуйста, все твое, – сказал он, внимательно глядя на нее.

Она запустила руку, вытащила батончик «Марс», жадно впилась зубами, не сняв обертку. Даже не поверить, как вкусно! Торопливо кусала, кусала, боясь, что батончик вдруг выхватят, сунула в рот последний кусок, уже с трудом прожевывая. Потом снова полезла в мешок, выудила бисквит в шоколадной глазури и теперь принялась разворачивать.

Неожиданно поднялась суета. Ее больно ударили в плечо, она вскрикнула, оглянулась, выронила мешок. Позади стоял индюк с ненавидящей ухмылкой, с поднятой черной дубинкой, чтоб снова ударить. Симона в отчаянии вскинула руки, и удар пришелся по запястью. Судя по боли, рука перебита. Полицейский опять замахнулся.

Индюков было семь-восемь, если не больше.

Послышался звучный удар, Тавиан упал.

– Малыш, мой малыш! – завизжала Сиси.

Дубинка ударила ей прямо в рот, разбив губы.

Удары обрушивались со всех сторон.

Кто-то внезапно схватил Симону за руку и отдернул назад от дубинок. Это был мужчина с мешками сластей. Длинный костлявый индюк с маленьким крысиным ротиком закрутил дубинкой, собираясь обрушить ее на обоих, и тут мужчина вытащил из кармана куртки пачку денег.

Полицейский ухватил бумажки, махнул рукой и сосредоточился на компании бездомных. С тошнотворным стуком дубинка хрястнула по чьей-то спине.

Симона ошеломленно уставилась на незнакомца, который снова дернул ее за руку.

– Беги за мной, скорее!

Она еще не решила, можно ли ему верить, и вновь оглянулась на свалку. Увидела истерически визжавшую Сиси на коленях с окровавленным ртом, без ребенка; остальные осели на платформе бесформенной грудой под градом ударов. Индюки хохотали, забавляясь, для них это спорт, игра.

Симона в железной хватке своего спасителя скатилась по вокзальной лестнице и под дождем побежала к открытой задней дверце большого черного «мерседеса».

18

По реальному опыту Рой Грейс знал, что проблема шведского стола заключается в поспешном стремлении доверху нагрузить тарелку, не успевая как следует разглядеть, что находится на том самом столе. Только впоследствии, когда в глазах окружающих уже выглядишь отвратительно жадным, впервые замечаешь королевские креветки, спаржу, прочие любимые лакомства.

Впрочем, на проводах Джима Уилкинсона это ему не грозило. Хотя он весь день почти не ел, аппетита не было. Не терпелось затащить Клио в тихий угол, прояснить смысл загадочного и тревожного сообщения, полученного на причале. Но когда он явился в забитое народом бунгало отставного начальника, она увлеченно беседовала с детективами из оперативно-следственного отдела и только мимолетно ему улыбнулась.

Что за чертовщина? Клио нынче красивей прежнего в идеальном для данного случая строгом голубом атласном платье…

– Как дела, Рой? – спросила подошедшая к нему Джули Колл, жена главного суперинтендента отдела уголовного судопроизводства.

– Спасибо, отлично, – кивнул он. – А у вас? – И вдруг вспомнил, что она в свои годы – в тридцать с лишним лет – недавно сменила профессию, стала квалифицированной стюардессой. – Как летается?

– Потрясающе! Обожаю летать. – Джули ткнула пальцем в блюдо с маринованным луком. – Рекомендую. Джози сама готовит – волшебно.

– Я сейчас вернусь в кресло, подайте подносик на следующем обходе.

– Ох, поганец! – ухмыльнулась Джули. – Сегодня не моя смена. – Она подхватила вилкой две луковицы, пристроила на доверху полной тарелке. – По-прежнему никаких новостей?

Рой нахмурился, не сразу догадавшись, о чем идет речь, потом понял. Как бы он ни старался забыть, никогда не избавиться от постоянных напоминаний о Сэнди.

– Никаких.

– А вон там ваша новая пассия? Высокая блондинка?

Он кивнул, не имея понятия, долго ли упомянутая блондинка останется его пассией.

– Очень даже неплохо смотрится.

Он слабо улыбнулся:

– Спасибо.

– Помните, мы с вами пару лет назад на вечеринке у Дэйва Гейлора говорили о медиумах?

Грейс усиленно напряг память. Кажется, у Джули пропал близкий родственник, и она просила посоветовать хорошего медиума. Разговор смутно помнится, а детали забылись.

– Я только что нашла потрясающую специалистку. Необычайно точные предсказания.

– Кто это?

– Дженет Портер.

Звоночек не прозвонил.

– У меня нет с собой номера телефона, в справочнике найдете. Она живет на побережье, позвоните завтра, я вас ей представлю. Наверняка удивитесь.

Давно уже не сосчитать медиумов, к которым Грейс обращался за девять с половиной лет после исчезновения жены. Почти всех восторженно рекомендовали. Никто из них ничего определенного не сказал. Один заявил, будто Сэнди сотрудничает в духовном мире с неким целителем и с большой радостью воссоединилась с матерью. Неувязочка состояла в том, что мать Сэнди по сей день жива и здорова.

Немногочисленные медиумы, внушавшие доверие, твердо уверяли, что Сэнди нет в мире духов. Это значит, что она жива. Сегодня он пребывает в таком же неведении, как в момент исчезновения любимой жены.

– Спасибо, Джули, я подумаю. Понимаете, как бы решился жить дальше.

– Разумеется, Рой. Понимаю.

Джули отошла, а Грейс ненадолго остался один, не спуская глаз с нового главного констебля Тома Мартинсона, приехавшего в Суссекс лишь несколько недель назад. Надо улучить момент для беседы. Сорокадевятилетний Мартинсон, ростом чуть ниже Грейса, крепкого спортивного сложения, с короткими темными волосами, приятной внешностью, всем своим обликом заявляет, что никакой чепухи не потерпит. Теперь он беседует со столпившимися вокруг офицерами, которые согласно поддакивают и кивают.

Грейс подцепил кусок ветчины, зачерпнул ложку картофельного салата, съел все это одним махом, поставил тарелку, чтоб с ней не расхаживать. Оглянулся – за спиной стоит Клио со стаканом газировки в руке, улыбается лучезарно, в полном контрасте с холодностью по телефону.

– Привет. Молодец, не слишком опоздал. Как дела?

– Замечательно. Надюшка обещала обождать со вскрытием до утра. А ты как?

Клио кивнула, не переставая улыбаться, предлагая следовать за собой.

Главный констебль направился к шведскому столу. Идеальная возможность для знакомства. Но Клио зовет, манит – не стоит рисковать, вдруг еще кто-нибудь заведет с ней беседу. Отчаянно хочется знать, что случилось. Грейс шел за ней, петляя в битком набитой коллегами оранжерее, приветствуя знакомых коротким кивком. Вечерний воздух в саду за домом показался еще холоднее, чем в гавани. Компания мужчин и женщин наполняла его табачным дымом. Славный запах – будь у него при себе сигареты, закурил бы с большим наслаждением. Страшно хочется.

Клио толкнула калитку, прошла вдоль боковой стены мимо мусорных баков и въезда в гараж, остановилась у «форда» Уилкинсона. Они, наконец, оказалась наедине.

– Ну, – сказала она, – я хочу сообщить тебе новость. – Вздрогнула, обхватила себя руками, но не от холода, а явно нервничая.

– Говори.

Она снова поежилась.

– Не знаю, как ты отнесешься… – И опять улыбнулась, на этот раз с каким-то детским изумлением и надеждой. – Я беременна.

19

Высокий мужчина поднялся по винтовой лестнице, остановился на миг наверху, удостоверившись, что квитанция на парковку и мытье машины, номерок на пальто в гардеробе надежно уложены во внутренние кармашки бумажника из крокодиловой кожи. Неторопливо, внимательно, на манер полицейского, оглядел роскошный этаж казино «Рандеву».

Тело почти в пятьдесят гибкое, натренированное, грубое морщинистое лицо, редеющие угольно-черные волосы гладко зализаны назад. В приглушенном электрическом свете мужчина выглядит привлекательно, среди белого дня похуже. Клетчатая рубашка без ворота под кашемировым черным блузоном, на голой шее массивная золотая цепь, дорогие джинсы, сапоги из змеиной кожи на высоких скошенных каблуках и фирменные солнечные очки, хоть он и в помещении, а время близится к десяти. На одном запястье золотой браслет с крупными звеньями, на другом большие часы.

Будучи одним из постоянных посетителей казино, он тем не менее озирался, как будто случайно забежавший завсегдатай других заведений, гораздо шикарней. Жуя жвачку, осмотрел четыре рулетки, столы для блек-джека, для покера, игровые автоматы. Глаза за темными очками ощупали каждое лицо, оглядели обедавших в ресторане в дальнем конце. Наконец, полностью удовлетворившись, он медленно направился к издавна облюбованному *счастливому* столу.

За ним уже сидели четверо игроков, причем, видно, довольно давно – китаянка средних лет, тоже из постоянных клиентов; молодая пара в вечерних нарядах, либо вернувшаяся из гостей, либо собиравшаяся пойти в гости; и крупный бородатый человек в толстом джемпере, похожий на профессора геологии.

Колесо рулетки медленно вращалось, шарик катался у ободка. Высокий мужчина бросил на стол пачки пятидесятифунтовых купюр общей суммой на десять тысяч, не сводя глаз с крупье, который кивнул и объявил:

– Ставки сделаны.

Шарик отскочил от ободка, запрыгал, застучал, перескакивая из ячейки в ячейку, остановился, затих, замер. Все, кроме высокого мужчины, вытянули шеи, глядя на замедлявшее ход колесо.

– Семнадцать. Черное, – бесстрастно объявил крупье.

Выигрышный номер засветился на электронном дисплее. Китаянка, заставившая фишками почти весь стол, кроме семнадцати и ближайших цифр, чертыхнулась. Пьяненькая девушка, почти выпавшая из черного платья, радостно охнула. Крупье сгреб лопаткой проигравшие фишки, сдвинул выигравшие, начиная с самых крупных. Высокий мужчина не сводил глаз со своей пачки денег.

Крупье взял ее, ловко пересчитал, практически без надобности, и без того зная сумму, благодаря своему многолетному опыту.

– Десять тысяч фунтов, – четко провозгласил он для понтера и звукозаписывающей аппаратуры.

Китаянка бросила на высокого мужчину уважительный взгляд. Крупье пододвинул к нему стопку фишек, он сразу вступил в игру, быстро расставив их на двенадцати номерах – одни в стороне на нечетных, другие на шести уже выигравших номерах, указанных на электронном табло над столом. Выкладывал в ряд снизу вверх, по углам, как булавки, отмечающие на карте завоеванную территорию. Крупье закрутил колесо – по инструкции это следует делать каждые девяносто секунд, – другие игроки потянулись, также ставя свои фишки.

Шарик вброшен.

Сообщение оператора из пункта видеонаблюдения на нижнем этаже прозвучало в наушниках коротко и ясно:

– Клинт явился.

– На обычном месте? – тихонько спросил директор казино, едва шевеля губами.

– За четвертым столом.

Вся трудовая жизнь Кэмпбелла Маколея прошла в казино. Он поднялся по лестнице от крупье до распорядителя, затем до управляющего и в конце концов до всесильного руководителя. Любит свою работу, спокойную и одновременно накаленную атмосферу, деловую сторону игорного бизнеса. Иногда понтерам выпадает крупный выигрыш, иногда их ждет крупный проигрыш, но в целом система на редкость стабильная.

Существуют лишь две проблемы. Во-первых, маньяки, которые разоряются в его и других казино, в конечном счете не принося бизнесу ничего хорошего. И во-вторых, звонки среди ночи в выходные дни, извещающие, что регулярный клиент или случайно заскочивший незнакомец только что сделал крупную ставку – тысяч шестьдесят. При этом частенько это мошенник. Поэтому за подозрительными посетителями ведется наблюдение.

Хороший игрок, досконально знающий правила, способен существенно сократить проигрыш. Опытным любителям блек-джека или игрокам в кости удается поддерживать приблизительный паритет с казино. Однако большинству клиентов не хватает умения или терпения, и прибыль заведения возрастает с нескольких процентов до приблизительно двадцати от общих ставок.

Всегда безупречно причесанный Маколей в обязательном строгом темном костюме, идеально чистой рубашке с элегантным шелковым галстуком и сверкающих черных туфлях скользил, почти невидимый, по покерным залам на нижнем этаже казино «Рандеву». Сегодня здесь полно народу – проводится очередной регулярный турнир. Только в центральном зале пять столов, за каждым десять игроков. Не особо шикарные, скорее неряшливые, в джемперах, джинсах, бейсболках и мокасинах. Впрочем, все местные, платежеспособные, выкладывают за вход хорошие деньги.

Когда Маколей двадцать семь лет назад начинал карьеру, в казино были приняты строгие правила насчет одежды, и его огорчает нынешняя небрежность. Хотя, стремясь привлечь клиентов, он понял, что надо идти в ногу со временем. Если в «Рандеву» их не примут, то с большой радостью перехватят другие.

Директор быстро прошелся по кухне, где вовсю шла работа, столбом стоял пар, кивнул шеф-повару и кое-кому из помощников, осмотрел поднос с коктейлем из креветок и копченой лососиной, предназначенный для гостиной, направился оттуда к центральному нижнему залу.

Зал полон – очень хорошо. Почти две трети автоматов в игре. Все столы для блек-джека и покера заняты. Рулетки тоже. Отлично. Перед Рождеством часто бывает затишье, но сейчас бизнес идет в гору – вчерашний доход почти на десять процентов выше, чем на прошлой неделе.

Он прошел мимо каждого стола, по очереди показавшись каждому крупье и распорядителю, потом поднялся в лифте к роскошному директорскому кабинету. Наверху увидел прямо перед собой Клинта, стоявшего, словно дозорный, за своим постоянным столом. Приходит, как минимум, трижды в неделю, является часов в десять, уходит где-то между двумя часами ночи и четырьмя утра. Прозвище носит с легкой руки помощницы Маколея, Жаклин, которая увидела в нем сходство с актером Клинтом Иствудом.

До запрета курения в общественных местах клиент по прозвищу Клинт, подобно самому актеру в его первых вестернах, всегда держал в зубах тонкую сигару. Теперь жует жвачку. Иногда бывает один, иногда с женщиной – редко с одной и той же, хотя все его спутницы как бы вышли из одной литейной формы. Сегодня в одиночестве. Два дня назад с ним была юная высокая красотка с волосами как вороново крыло, в мини-юбке и кожаных сапогах выше колена. Похоже, как и остальные, снятая на час.

Клинт приезжает в спортивном черном «мерседесе», дает служителю за парковку и мойку десять фунтов чаевых по приезде и при отъезде, независимо от выигрыша или проигрыша. Ровно столько же выдает гардеробщице на входе и выходе.

От него никогда ничего не услышишь, кроме бурчания и односложных слов, при нем всегда одна и та же сумма наличными. Покупает фишки за столом, а закончив игру, сдает внизу кассиру.

Сегодня купил фишек на десять тысяч, поставил всего на две – все равно в десять раз больше среднего игрока. В игре разбирается, ставки делает крупные, но осторожно, на разные номера, что обеспечивает не большой выигрыш, но и малый проигрыш. Порой поднимается в верхние залы, иногда остается внизу. Согласно компьютеру, ежемесячно в среднем теряет около десяти процентов от общих ставок. Получается шестьсот фунтов в неделю, значит, в год тридцать тысяч.

Поистине хороший клиент. Но Кэмпбелла Маколея гложет любопытство, и поэтому, когда есть время, он наблюдает за Клинтом на видеомониторе. У него есть какая-то цель, а какая – понять невозможно. Обчистить казино не намерен, иначе, по мнению директора, давно бы уже это сделал. Шулеров чаще тянет к столам для блек-джека, за которыми легче мошенничать, как показывает многолетний опыт. Отмывание денег – самое вероятное в случае Клинта. Если так, то это не касается директора казино, который к тому же не хочет потерять клиента.

В казино по давней традиции принимают наличные, и служащие не расспрашивают посетителей о происхождении денег. Тем не менее Кэмпбелл звякнул однажды сержанту Вочопу, начальнику лицензионного отдела местной полиции. Скорее чтобы прикрыть свою задницу, если Клинт действительно что-то задумал, чем из чувства гражданского долга. Его первый долг – обеспечивать интересы гигантской компании «Харрас» в Лас-Вегасе, которая бдительно за ним присматривает.

В регистрационной книге Клинт значится под именем Джо Бейкер, поэтому директор сильно удивился, когда начальник лицензионного отдела в качестве ответной любезности сообщил по секрету, что черный спортивный «мерседес» зарегистрирован на некоего Влада Космеску.

Это имя Маколею ничего не сказало, но давно стояло на заметке у Интерпола. Ордера на арест пока не выдано. В полиции нескольких стран оно попросту значится в списке лиц, *представляющих интерес.*

20

Шофер гулко захлопнул дверцу «мерседеса». В неожиданной тишине автомобильного салона, на большом мягком сиденье, вкусно пахнувшем кожей, Симона на мгновение почувствовала себя в безопасности. Спасший ее мужчина открыл дверцу с другой стороны и закрыл с таким же гулким стуком.

Сердце ее отозвалось глухим ударом.

Водитель сел за руль, повернул ключ зажигания, автомобиль мягко пошел вперед, рядом послышался звонкий щелчок, как бы от дверного замка. Что это? Кто этот мужчина?

Отгороженный от нее широким подлокотником, он с улыбкой спросил мягким успокоительным тоном:

– Ну, цела?

Симона кивнула, совсем сбитая с толку развитием событий в последние пять минут.

– Голодная?

Она еще слегка опасалась, ей все так же не нравилось самодовольное выражение лица незнакомца, но на плохого человека он не похож. Иногда встречаются богатые люди, дают денег, еду. Не часто, но бывает. Похоже, именно такой случай.

– Как тебя зовут?

– Симона.

– Чего хочешь съесть? Что особенно любишь?

Она пожала плечами, не зная, что особенно любит. Никто никогда не спрашивал.

– Мясо? Свинину?

– Угу, – нерешительно подтвердила Симона.

– Картошку? Жареную колбасу?

Она снова кивнула.

Мужчина потянулся к стоявшему перед ним мини-бару, достал стакан, плеснул туда виски и сунул ей в руки. Она сделала долгий глоток, изумленно застыла, почуяв огонь, обжигающий горло. Через минуту внутри разлилось приятное тепло. Симона вытянула ноги, еще хлебнула, допила до дна.

Однажды она пробовала виски – Ромео украл в магазине бутылку, – но это гораздо вкуснее.

Мужчина ответил на звонок мобильника, обсуждая деловые вопросы с кем-то в Америке, опять налил стакан.

Шофер молча вел машину. Волосы подстрижены так коротко, что остался лишь легкий пушок. В свете фар встречной машины Симона разглядела татуировку. Змея с раздвоенным языком вылезает справа из-под воротничка рубашки, обвивает шею, тянется к подбородку, готовясь к броску. Мимо проплывают огни Бухареста, дождь мягко стучит в стекла.

Она никогда не была в самолете и теперь гадала, не так ли себя чувствуют люди в полете. Из динамика за головой льется музыка, поет какой-то мужчина, англичанин или американец, точно не скажешь. Звучный вкрадчивый голос выпевает: «Впитываю тебя всей кожей», – но Симона не понимала смысла английских слов.

Посмотрела в окно, стараясь сообразить, где находится. Мимо проплывает огромный дворец, выстроенный, по словам Ромео, для бывшего президента. Ромео сказал также, что дворец называется «Народным», только она ни разу там не была. Дворец существует в другом мире, принадлежит другим людям, точно так же, как этот непостижимый и недоступный автомобиль и его владелец, точно также, как непонятная песня.

Виски устроило все самым лучшим образом. Ей все больше нравился мужчина, машина, город, по которому она недавно слонялась, замерзшая и голодная. Теперь это ушло в прошлое. Возможно – *возможно,* – мужчина поможет ей изменить жизнь.

Вскоре автомобиль свернул на незнакомую улицу, притормозил, въехал в открывшиеся ворота, остановился перед освещенным подъездом высокого дома.

Шофер открыл дверцу со стороны Симоны, забрал у нее пустой стакан. Опьяневшая, она вышла под ветер и дождь, пошатываясь на нетвердых ногах. Мужчина обхватил ее за плечи и осторожно повел по каменной лестнице к парадной двери, которую открыла женщина средних лет в форменной одежде – видно, прислуга.

В холле, как в музее, пахло политурой.

– Ее зовут Симона, – объявил мужчина. – Накормите и приготовьте горячую ванну.

Женщина ласково улыбнулась:

– Пойдем со мной. Сильно проголодалась?

Девочка кивнула.

Коридор с мраморным полом, увешанный с обеих сторон красивыми картинами, привел в необъятную современную кухню. Симона с восторженным изумлением оглядывалась по сторонам. Она никогда не бывала в таком потрясающем доме, как на картинках в журналах, которые показывали в одном заведении.

Женщина усадила ее за стол, принесла обалденную, сроду невиданную еду. Жареное мясо и колбаса, сало, сыр, маринованная дыня, помидоры, картошка, большие хрустящие рогалики, бутылка кока-колы…

Симона набивала рот обеими руками, боясь, что сказка вот-вот кончится. Севшая напротив женщина молча смотрела, одобрительно кивая время от времени.

– На улице живешь?

– У трубы отопления, – объяснила она с набитым ртом. – Там хорошо.

– Есть нечего?

Симона энергичным кивком подтвердила.

– Когда в последний раз мылась?

Она пожала плечами, прожевывая хрустящую мясную корочку. Когда мылась? С последнего побега из приюта прошли годы. Когда не слишком холодно, подмывалась водой из бутылок, набранной в городских колонках.

– Для тебя готова чудесная горячая ванна, – сообщила женщина, а потом принесла взамен очищенной Симоной тарелки огромную салатницу с арахисом, залитым чуть подтаявшим ванильным мороженым.

Не воспользовавшись лежавшей рядом ложкой, она черпала мороженое и орехи пальцами, поспешно глотала, сгребла и слизала остатки. Переполненный живот заболел, голова закружилась, подступила легкая тошнота.

Женщина встала, жестом приказала следовать за ней. Симона вытерла руки о спортивные штаны и пошла по широкой мраморной лестнице и дальше по просторному коридору с картинами, к ванной, на пороге споткнулась и остолбенела.

Невероятная красота, роскошь, размеры. Невероятно, что она здесь стоит.

На потолке нарисованы ангелы в облаках, стены и пол выложены черно-белой мраморной плиткой, посередине огромная ванна на несколько человек, в котором пузырится, булькает вода, вокруг расставлены на постаментах обнаженные мраморные мужчины и женщины.

– Ох, красота! – прошептала Симона.

Женщина улыбнулась:

– Повезло тебе, девочка. Господин Лазарович хороший человек. Всем помогает. Он очень хороший.

Она сняла с нее одежду, окунула с головой в горячую – даже слишком горячую – воду, намочила волосы, капнула, вспенила запашистый шампунь, смыла и вновь проделала ту же самую процедуру.

Расслабившись от еды и от виски, почти засыпая, Симона лежала в несказанном блаженстве, глядя на ангелов и гадая, не так ли живут эти самые ангелы. Чуть ли не потеряла сознание, пока женщина ее намыливала и споласкивала, потом помогла вылезти из ванны, завернула в большое мягкое белое полотенце, старательно вытерла насухо и повела в роскошную спальню, которая была еще великолепнее ванной.

Главный предмет – гигантская кровать с пологом. Симона изумленно разглядывала эротические картины на стенах – женщины, мужчины, в одиночку и парами. Мужчина с женщиной занимаются любовью. Две женщины занимаются оральным сексом. Двое мужчин занимаются содомией. Еще в спальне высокие окна до потолка с пышными складчатыми гардинами, шезлонг и другие чудесные вещи.

– Нравится? – спросила женщина.

Симона с улыбкой кивнула.

Женщина сняла с нее полотенце, уложила на белые шелковые простыни и ушла.

Симона лежала, купаясь в приглушенном свете двух больших настольных ламп, уплывая в сон. Через какое-то время отворилась дверь. Она сразу открыла глаза.

Вошел мужчина, который ее сюда привез, – господин Лазарович. Голый под черным шелковым халатом, распахнутым спереди. Под заметным брюшком торчит возбужденный член.

– Ну, как ты, прелестный ангел с Северного вокзала? – пропел он, направляясь к кровати.

Расслабленность сменилась тревогой.

– Классно, – пробормотала Симона. – Большое спасибо за все. Я устала.

Член прикоснулся к левой щеке.

– Отсоси, – неожиданно приказал господин Лазарович.

Она внутренне ощетинилась. Под глазами у него лежали темные круги, зрачки были зловещими, чернильно-черными.

– Отсоси, – вновь потребовал он. – Разве ты мне не благодарна? Не хочешь проявить благодарность?

Он залез на кровать и пристроился прямо над ее лицом. Правой рукой она испуганно и осторожно направила вставший член к себе в рот. Вкус сладковатый, затхлый.

Получила обжигающую пощечину.

– Соси, сучка!

Она обхватила член губами, принялась облизывать.

– У-у-ух, паскуда, хочешь, чтоб я тебе зубы повыбивал?

Симона вмиг отрезвела.

Господин Лазарович вдруг толкнул ее в подбородок и высвободился.

– Сучонка неблагодарная!

Схватил за плечи, грубо перевернул, уткнул лицом в подушку – она вскрикнула от боли, боясь, как бы он ее не задушил. Пальцы полезли во влагалище, потом в задний проход. Туда же попытался протиснуться член, ее чуть не стошнило. Визжа от боли, она чувствовала, как он продвигается дальше и дальше.

– Нет!.. Гогу! – кричала Симона, захлебываясь желчью.

Казалось, она разрывается пополам.

Дальше, дальше.

Она отчаянно вертела головой, выворачивалась, пробуя освободиться. Он схватил ее за мокрые волосы, прижал к подушке с такой силой, что было почти невозможно дышать. Дальше, дальше.

Она задыхалась, плакала, кричала, звала Гогу, боролась, несмотря на боль. Боролась, чтоб дышать.

– Вот тебе, сучка неблагодарная, – прошептал он ей в ухо.

Она повернула голову, хватая ртом воздух, крича в агонии.

– Вот тебе, сука, – шипел он.

Она завизжала, он ткнул ее лицом в подушку, преградив доступ воздуха. Симона силилась поднять голову, но он держал крепко. Сквозь боль нахлынула паника. Она затряслась от удушья, грудь разрывалась. Он рванул ее за волосы, впился поцелуем в губы, и она всасывала воздух из его легких.

Он отстранился.

– Скажи, что тебе нравится. Скажи, что ты мне благодарна. – Он крепко прижался лицом к ее щеке. – Скажи, что благодарна мне за спасение. Скажи! Скажи спасибо!

– Ненавижу! – выдохнула она.

Он воткнул большой палец ей в щеку, ударил кулаком в глаз. Схватил обеими руками за волосы, чуть не выдрав, и держал, выливая сперму. Тогда ее стошнило по-настоящему.

Через какое-то время – потеряв ощущение времени, – Симона снова сидела на заднем сиденье большого черного автомобиля. Играла та же музыка, которую она слышала прежде, тот же звучный голос пел те же слова, не имевшие для нее смысла: «Впитываю тебя всей кожей».

За окнами пролетает та же бухарестская ночь. Все болит жуткой болью. Лицо распухло, голова раскалывается. На Северном вокзале она чувствовала себя грязной с головы до ног. Теперь снаружи чистая, внутри грязная. Липкая.

Хочется плакать, только слишком больно. И не хочется, чтобы водитель со змеиной татуировкой, который по-прежнему молча сидит за рулем, но без конца поглядывает на нее в зеркало и улыбается гадкой улыбкой, принял слезы за знак поощрения.

Хочется только попасть домой. К Ромео, псу, плачущему младенцу. К людям, которые о ней беспокоятся. К своей семье.

Шофер остановил машину. На незнакомой улице темно. Он открыл заднюю дверцу, влез, придвинулся к ней, держа в руке деньги, ухмыльнулся.

– Хорошие деньги…

Сунул бумажки ей в руку, расстегнул «молнию» на ширинке. Симона таращила глаза, пока он вытаскивал из трусов вставший член. Смотрела на татуировку, на изготовившуюся к броску змею, выползавшую из-под воротника рубашки.

– Хорошие деньги, – повторил он, схватил ее за волосы, как тот другой мужчина, притянул лицом к члену.

Она взяла в рот головку, изо всех сил куснула, почувствовав вкус крови. В ушах зазвенело от мужского вопля. Симона рванула ручку дверцы, вывалилась и побежала в ночь.

Мчалась без остановки. Заблудившись, потеряв всякую ориентацию, неслась по бесконечному лабиринту темных улиц с закрытыми магазинами, зная, что, если бежать и бежать, со временем попадется что-нибудь знакомое, откуда можно вернуться в дом под дорогой.

На бегу в слепой панике она не замечала, что черная машина рывками следует за ней, держась на безопасной дистанции.

21

Покружившись какое-то время по беспорядочно застроенной территории Королевской больницы Южного Лондона, Линн в отчаянии остановила «пежо» у отделения скорой помощи, подъезд к которому загораживал железный барьер. Было чуть больше половины одиннадцатого.

– Господи Иисусе! – вздохнула она. – Как здесь люди вообще находят дорогу?

Каждый раз она теряется. Постоянно ведутся строительные работы, а печеночное отделение, похоже, снова переместили в другое здание. С прошлого посещения добрых два года назад сменились все подъездные дорожки и стоянки.

Она растерянно оглядывала окружающие корпуса – высокие монолиты смешанных архитектурных стилей, силилась прочитать в свете уличных фонарей красные, желтые, светло-зеленые указатели. Нужный корпус Росслин, куда, согласно полученному разъяснению, можно попасть через корпус Баннермана, нигде не упоминался.

– По-моему, мы не туда попали, – объявила Кейтлин, не отрывая глаз от дисплея, с лихорадочной сосредоточенностью тыкая в кнопки.

– Думаешь? – добродушно переспросила Линн, хотя в душе царило отчаяние.

– Угу. Если б попали туда, тогда там бы и были, правильно?

Несмотря на страх, усталость, растерянность, Линн насмешила забавная логика дочери.

– Разумеется, правильно.

– Я всегда права. Просто спрашивай. Я как бы типа оракул.

– Наверное, оракул сказал бы, куда теперь ехать.

– Для начала давай задний ход.

Линн немного подала назад, остановилась у других указателей – Хопгуд, корпус «Золотой юбилей», въезд в Центральную больницу, клуб «Вэраети» детской амбулатории…

– Где же Баннерман, черт побери?

Кейтлин покосилась на нее от дисплея:

– Остынь, женщина. Знаешь, это вроде игры по телевизору.

– Терпеть не могу этого выражения!

– Про игру по телевизору? – поддразнила ее дочка.

– *Остынь, женщина!* Мне неприятно.

– Ну, ты здорово завелась. Теперь меня заводишь.

Линн оглянулась и снова дала задний ход.

– Жизнь – игра, – провозгласила Кейтлин.

– Игра? Что это значит?

– Просто игра. Выиграл – живешь, проиграл – умираешь.

Линн резко затормозила и повернулась к Кейтлин:

– Ты в самом деле так думаешь, милая?

– Угу. Моя новая печень как бы спрятана в лабиринте. Ее надо найти. Если найдем вовремя, буду жить. Если нет – полный облом.

Линн фыркнула, обняла дочь за плечи, притянула, чмокнула в висок, вдохнув запах шампуня и геля.

– Господи Боже, до чего я люблю тебя, детка!

Кейтлин передернулась и невозмутимо заметила:

– Да, я заслуживаю настоящей любви.

– Иногда, – поправила Линн. – Только время от времени.

Девочка равнодушно кивнула и вновь начала набирать сообщение.

Линн доехала задним ходом до Денмарк-Хилл, направилась вперед, отыскав подъездную дорожку, повернула налево мимо желтых машин скорой помощи, стоявших у закругленного стеклянного фасада почти неуместно современного корпуса, где, наконец, увидела указатель к корпусу Баннермана, и вильнула направо на автомобильную стоянку напротив недавно отремонтированной викторианской постройки.

Через пару минут, с вещевой сумкой, прошла мимо курившего мужчины в пальто поверх больничной пижамы, сидевшего на скамейке рядом с залитой светом статуей, вошла в подъезд с колоннами. Кейтлин в зеленовато-желтой куртке с капюшоном, полосатых джинсах с обтрепанными обшлагами и расшнурованных кроссовках тащилась следом.

Парные вертикальные таблички из органического стекла извещали, что здесь находится Королевская больница Южного Лондона. В вестибюле, обрамленном белыми колоннами, за справочным столом крупная чернокожая женщина разговаривала по телефону. В ожидании Линн оглянулась вокруг.

Озадаченный с виду мужчина с красным вещевым мешком в одной руке и с черной сумкой в другой идет куда-то, шаркая тапочками. Слева в зале ожидания сбились в кучку люди – старик в инвалидной коляске; другой, в тюбетейке и спортивных штанах, сгорбился на зеленом стуле, опираясь на трость; юнец в серой куртке с капюшоном и джинсах поглощен тем, что льется ему в уши из наушников; молодой человек в голубой футболке, джинсах и кроссовках скорчился на скамье, в отчаянии зажав руки между коленями, как бы ожидая кого-то или *чего-то.* Чуть дальше магазинчик, нечто вроде супермаркета с цветами и сластями. Пожилая женщина в нейлоновом костюме с подсиненными волосами открывает шоколадный бар.

Атмосфера пропитана ночной усталостью, молчаливым страданием.

Дежурная за справочным столом завершила телефонный разговор и приветливо взглянула на Линн.

– Чем могу помочь?

– Спасибо. Нас ждет Шерли Линсел в корпусе Росслин.

– Фамилия?

– Беккет. Кейтлин Беккет. А я ее мать, – представилась Линн.

– Сейчас сообщу. Поднимитесь на лифте на третий этаж, она вас там встретит. – Женщина махнула рукой, указывая на коридор.

Они пошли мимо торговых киосков, табличек с надписями «Курение на территории больницы запрещено», «Осторожно, инфекция. Наденьте защитную маску», мимо усталых людей, бредущих в противоположную сторону. Линн боится больниц, помнит бесконечные визиты в Южную больницу Шорэма, где лежал ее отец с инсультом. Страшное место, если не считать заботливых сестер. В больницы попадаешь тогда, когда с тобой или с твоими любимыми случается большая беда.

В конце коридора находился лифт со стальными дверцами, залитыми радужным сиреневым светом, напоминающим не то дискотеку, не то декорации к фантастическому фильму.

Кейтлин оторвалась от дисплея, одобрительно кивнула:

– Круто, – и взволнованно выдохнула: – Слушай, мам, тут разгадка!

– Какая? – переспросила Линн.

Дочка затрясла головой.

– Типа силового поля в «Стар треке».[10] – Она загадочно усмехнулась. – Все это как бы для нас специально устроено.

Линн вопросительно на нее посмотрела:

– Допустим. Но зачем?

– На третьем этаже узнаем. Там будет очередная подсказка.

В медленно поднимавшемся лифте Линн радовалась, что Кейтлин оживилась, воспрянула духом. Настроение у нее всегда резко меняется, а в последнее время особенно.

На третьем этаже их встретила женщина тридцати с лишним лет с классическим симпатичным английским румяным лицом, обрамленным длинными темными волосами, в белой блузе и черных брюках. Она тепло улыбнулась Кейтлин. Линн обратила внимание на лопнувший сосудик в ее левом глазу.

– Кейтлин? Привет! Меня зовут Шерли, я твой координатор. Буду за тобой здесь присматривать.

Девочка ее внимательно оглядела, ничего не сказала, вернулась к своим бесконечным телефонным текстам.

– Вы Шерли Линсел? – уточнила Линн.

– Да. А вы Линн, мама Кейтлин?

– Рада познакомиться, – улыбнулась Линн.

– Провожу вас в палату. Кейтлин, ты несколько дней пробудешь в отличной одноместной палате, и для вас, миссис Беккет, приготовлено спальное место. Ну а теперь задавайте вопросы, – добавила женщина, обращаясь к обеим, – пожалуйста, спрашивайте обо всем, что хотели бы знать.

– Я умру? – спросила Кейтлин, не сводя глаз с дисплея.

– Что ты, милая, конечно нет, – всполошилась Линн.

– Я не тебя спрашиваю, а Шерли, – отрезала дочь.

На миг смутившись, координатор уточнила:

– Почему ты так думаешь?

– Я была бы полной идиоткой, если б не думала, правда?

22

Рой Грейс следовал за хвостовыми огнями мчавшейся впереди черной «ауди». Видно, Клио понятия не имеет об ограничении скорости. Равно как и о сигналах светофора.

Черт побери! Он вдруг испугался.

Загорелся желтый, но тормозные огни «ауди» не вспыхнули.

У него чуть сердце не выскочило. Проскакивая на запретный сигнал и врезаясь в другую машину, получаешь самые тяжкие травмы. А в несущемся на запредельной скорости автомобиле находится не только Клио, но еще их ребенок.

Загорелся красный. Рой в страхе вцепился в руль. «Ауди» пролетела перекресток в целости и сохранности и помчалась дальше по Олд-Шорэм-роуд.

Он остановил у светофора казенный «форд-фокус» без опознавательных знаков. Сердце бешено колотилось, хотелось окликнуть Клио, приказать сбросить скорость. Бесполезно – она вечно так ездит. За пять месяцев их связи выяснилось, что она водит машину гораздо рискованнее, чем его друг и коллега Гленн Брэнсон, который сдал недавно экзамен по скоростному преследованию и при каждой возможности демонстрирует Рою свое мастерство за рулем – или, скорее, отсутствие оного.

Зачем так бесшабашно рискует рассудительная и пунктуальная Клио? Если рассуждать логично, понятно, что работники морга, почти ежедневно имеющие дело с исковерканными трупами жертв дорожных происшествий, должны водить машину с особенной осторожностью. Однако доктор Найджел Черчмен, консультант-патологоанатом Брайтона и Хоува, переехавший недавно на север, по выходным участвовал в автогонках. Возможно, решил Грейс, работая в такой близости к смерти, начинаешь испытывать желание бросить ей вызов.

Светофор переключился. Убедившись, что патрульные не преследуют проскочившую Клио, он проехал перекресток и прибавил скорость, помня, впрочем, о камерах наблюдения на следующем отрезке. Клио полностью игнорирует всякие ограничения. Его это пугает. Даже невозможно подумать, что с ней может что-то случиться.

После исчезновения Сэнди он почти десять лет не завязывал серьезных отношений с женщинами, пока не появилась Клио. Все это время отчаянно разыскивал пропавшую жену, ожидал известий, надеялся на звонок, надеялся, что в один прекрасный день она вернется в их дом. А теперь положение дел иное. Он любит Клио так же, если не больше, чем Сэнди. Даже если она вдруг объявится, преподнеся любые объяснения, вряд ли он ради нее откажется от Клио, потому что душой и сердцем уже живет дальше.

И вот невероятная новость – Клио беременна! Шесть недель. Говорит, накануне получено подтверждение. Она носит его ребенка. Их ребенка.

Ирония судьбы. За время их совместной жизни Сэнди не могла зачать. В первые годы они об этом не задумывались, решив чуть обождать, прежде чем заводить полноценную семью. А когда попытались, ничего не вышло. В последний год перед ее исчезновением оба прошли обследование. Проблема заключалась в Сэнди – Рой изо всех сил старался усвоить подробные рассуждения специалистов о биохимии и о слизистой оболочке фаллопиевых труб.

Ей назначили курс лечения, хоть и предупредили, что шансов меньше пятидесяти процентов. Она огорчилась, чувствуя себя ущербной. Сэнди всегда старалась взять на себя ответственность. Возможно, поэтому тоже любила быструю езду, самостоятельно распоряжаясь дорогой. Именно она обставила дом в минималистском стиле дзен, разбила сад, устраивала их совместные поездки. Иногда кажется, что бесплодие угнетало ее сильней, чем его. Может, в этом причина исчезновения?

Очень много безответных вопросов.

Теперь пустота в его жизни заполнилась. Близость с Клио подарила счастье, в которое он перестал уже верить. И в новое событие трудно поверить!

Впереди видна ее машина, на этот раз остановившаяся у светофора на пересечении с Шерли-Драйв, где установлена камера наблюдения.

Милая, не гони, умоляю! Не попади в аварию, когда наша жизнь лишь начинается!

Когда в тебе зреет новая жизнь.

Он увидел, как вспыхнули тормозные огни «ауди» у следующего светофора, наконец, догнал ее и дальше поехал следом. Поздним вечером в среду, в половине двенадцатого, в этом населенном квартале на улицах еще много людей.

Инстинктивно опознавая лица, Грейс мгновенно узнал потрепанного мелкого толкача наркотиков и по совместительству полицейского осведомителя Майлса Пеннея, который брел по улице, опустив голову, с висевшей в губах сигаретой. Судя по ленивой походке, он нынче не собирается ни покупать, ни продавать, и бог с ним. Пока никого не насилует, не убивает, пусть им занимаются другие.

Грейс проследовал за Клио до железнодорожного вокзала, дальше по узким улочкам квартала Норт-Лейн с домами рядовой застройки, частными магазинчиками, кафе, ресторанами, антикварными лавками, пока она не отыскала парковку неподалеку от своего дома. Он тоже вышел из машины, внимательно оглядываясь по сторонам, нет ли чего подозрительного вокруг, догнал ее у ворот бывшего склада, перестроенного под квартиры, где она жила, обнял за плечи, когда она нажимала кнопки домофона, сунул руку под длинный плащ, нащупал ладонью живот и сказал:

– Потрясающе.

Клио бросила на него испытующий взгляд:

– Действительно не возражаешь?

– Всей душой и сердцем за. Не только не возражаю, а невероятно счастлив. Не знаю даже, что сказать. Самое что ни на есть немыслимое событие. По-моему, ты будешь потрясающей матерью. Изумительной.

– По-моему, ты будешь потрясающим отцом.

Они поцеловались. Он вновь огляделся – было уже поздно и холодно.

– Единственное замечание.

– Какое?

– Насчет сумасшедшей езды.

– Хорошее замечание со стороны мужчины, свалившегося в машине с Бичи-Хэд, – фыркнула она.

– Ну ладно, я серьезно. Ты ехала на восьмидесяти при ограничении в сорок, вдобавок проскочила на красный свет вообще неизвестно зачем.

– Ну и что? Арестуешь меня?

– Какая же ты порой бываешь мерзавка, – усмехнулся он.

– А ты порой настоящий подонок.

– Люблю тебя.

– Правда, Грейс?

– Люблю и обожаю.

– Сильно?

Он прижал ее к себе и шепнул на ухо:

– Зайдем в дом, разденешься, увидишь.

– Самое заманчивое предложение за весь вечер, – шепнула она в ответ, набрала код, ворота открылись.

Они прошли к подъезду по вымощенному двору. Клио отперла дверь, вошла в дом. Вокруг царил разгром. Пролетел черный смерч, взмыл в воздухе, врезался ей в живот, чуть не сбив с ног.

– Лежать! – закричала она. – Лежать, Хамфри!

Грейс не успел приготовиться – собачья голова ударила в пах. Он завертелся, попятился.

– Хамфри! – прикрикнула Клио на щенка, помесь лабрадора и бордер-колли.

Пес метнулся в разгромленную гостиную, вернулся, держа в зубах клубок розовой веревки.

Рой, отдышавшись, оглядел безупречную прежде комнату. На полу перевернутые горшки с цветами, с двух красных диванов сброшены разодранные подушки, полированный дубовый пол усыпан пенопластом и перьями, свечи наполовину съедены, кругом обрывки газет и номер «Суссекс лайф» без первой страницы.

– Плохой, дурной мальчик, – выговаривала псу Клио.

Тот вилял хвостом.

– Я тобой недовольна. Сержусь на тебя. Понимаешь?

По-прежнему виляя хвостом, Хамфри снова на нее прыгнул. Она обхватила руками собачью морду, упав на колени, крикнула:

– Плохой!

Не сдержавшись, Грейс рассмеялся.

– Черт побери, – тряхнула головой Клио. – Безобразие!

Пес вывернулся, вновь налетел на Грейса, который на сей раз приготовился, схватил его за лапы.

– И я тоже тобой недоволен, – объявил он.

Хамфри, дьявольски собой довольный, вильнул хвостом.

– Черт, – повторила Клио. – Потом приберем. Хочешь виски?

– Хорошее предложение, – кивнул Рой, отталкивая щенка, который рвался зализать его насмерть.

Клио вытащила пса за шкирку на задний двор и захлопнула дверь. Они пошли на кухню, оборудованную по последнему слову техники. Хамфри завыл на заднем дворе.

– Собаки должны гулять два часа в день, – сообщила Клио. – Но только когда им исполнится год. Иначе можно повредить суставы, особенно тазобедренный.

– А иначе можно повредить мебель.

– Очень смешно. – Она погремела у холодильника ледяными кубиками в двух высоких стаканах, налила в один виски «Гленфиддиш», в другой тоник. – Думаю, мне больше пить не стоит. Подвиг, правда?

Грейсу страшно хотелось курить, он машинально пошарил в карманах и в который раз вспомнил, что сознательно не носит с собой сигареты.

– По-моему, малыш не будет возражать, если мы по глотку примем. Пусть сразу привыкает.

Клио протянула стакан.

– Будь здоров, лопоухий!

– Твое здоровье, длинноносая, – провозгласил Грейс, взмахнув стаканом.

– До дна, парень! – закончила она тост.

Они выпили, глядя друг на друга. Снаружи доносился нескончаемый вой Хамфри. Кто там, мальчик или девочка? Грейс об этом еще не подумал. Кто бы ни был, он будет обожать ребенка. Разумеется, Клио станет замечательной матерью, но получится ли из него хороший отец? Она осматривала разоренную гостиную, он следил за ее взглядом.

– Хочешь, помогу убрать?

– Нет, – сказала она, наградив его долгим чувственным поцелуем в губы. – Мне жутко хочется оргазма. Можешь обеспечить?

– Я? С закрытыми глазами.

– Сукин сын.

23

Влад Космеску жевал жвачку, не сводя глаз с шарика из слоновой кости, прыгавшего в рулетке. Сначала он без конца дребезжал, с замедлением колеса застучал и внезапно умолк, остановившись в ячейке.

Двадцать четыре. Черное.

Поправив на переносице темные очки фирмы «Авиатор», он с удовлетворенной улыбкой смотрел на свою стопку пятифунтовых фишек, стоявшую на линии между двадцать третьим и двадцать четвертым номером. Крупье сгреб проигравшие фишки с других номеров, в том числе его собственные. Космеску поддернул рукав, посмотрел на часы, которые показывали десять минут первого. Пока дело идет плоховато – проиграл тысячу восемьсот, почти дойдя до установленного на сегодня предела. Впрочем, может быть, после этого выигрыша – второго подряд – к нему повернется удача.

Он добавил половину выигранных фишек к оставшимся и выложил на стол следом за рискующей китаянкой и еще несколькими недавно прибывшими игроками. Почти все номера покрыты, колесо закрутилось, крупье крикнул:

– Ставки сделаны.

Космеску придерживался определенного правила. Делал безопасные ставки на номера, расположенные на трети колеса напротив зеро. Тут много не выиграешь, но много и не проиграешь. Такая стратегия позволяет часами стоять у стола, совершенствуя систему, которая старательно разрабатывается годами. Он очень терпеливый. Всегда все планирует с исключительной тщательностью.

Система основана на сочетании математики и вероятности. На европейской рулетке тридцать семь номеров, включая зеро. Но известно, что шанс выпадения всех этих тридцати семи номеров при последовательном запуске колеса тридцать семь раз составляет один к миллиону. Одни выпадают за несколько пусков два, три, даже четыре раза, а иногда и чаще,

другие вообще не выигрывают. Поэтому он ставит только на уже выпавшие числа и комбинации, которые наверняка выпадут еще раз.

Снова глядя на номер двадцать шесть, он дважды нажал большим пальцем ноги устройство в правом ботинке и шесть раз в левом. Дома перебросит данные с чипа, который лежит в кармане, в компьютер.

Система далеко еще не идеальна, он часто проигрывает, хотя в целом потери становятся меньше и реже.

Прорыв наверняка близок. Можно будет сколотить состояние. Больше не придется служить наемным лакеем. Впрочем, даже если ничего не получится, игра дает возможность приятно проводить время, которого у него полно. Слишком много.

Ему нравится одинокая жизнь в этом городе. Он работает дома, в огромной постройке из стекла и стали, живет сам по себе, сознательно держась в стороне от других. Ждет распоряжений хозяина, выполняет, сливает по инструкции в казино часть наличных. Хорошее дело. Шеф нуждается в человеке, которому можно верить, в крутом парне, годном для дела, который в то же время его не ограбит. Вдобавок они говорят на одном языке.

Фактически на двух – на румынском и на языке денег.

Кроме денег, у Влада Космеску мало интересов. Книг и журналов он не читает, порой смотрит кино по телевизору, любит экшен и саспенс, сериал «Транспортер», где Джейсон Статем играет такого же одиночку. Время от времени просматривает порнофильмы вместе с какой-нибудь девушкой. Дважды в неделю занимается гимнастикой по полной программе. А все прочее скучно, даже еда. Еда – просто горючее, поэтому он ест по мере необходимости, только чтобы наесться, не больше. Вкусом не интересуется, не понимает одержимой страсти британцев к кулинарным телевизионным шоу.

Казино любит ради денег. Здесь их видишь, дышишь ими, чувствуешь запах, трогаешь, даже слышишь в воздухе вкус гораздо изысканнее и пикантнее, чем у любой еды. Деньги дают свободу и силу. Возможность сделать что-нибудь со своей жизнью и с жизнью своих родных.

Деньги позволили перевезти больную сестру Ленуту из дома призрения в государственную больницу в деревушке Платарешти в двадцати пяти милях к северо-востоку от Бухареста, потом в прекрасный дом в горах над Монтре в Швейцарии, откуда открывается вид на Женевское озеро.

Когда он ее впервые увидел десять лет назад после долгих поисков, выложив большие деньги на взятки, она считалась неизлечимой. Одиннадцатилетняя девочка лежала на рваной пеленке на старой зарешеченной койке, питалась только дроблеными зернами, залитыми молоком. Скелетик с раздутым от голода животом напоминал жертву из концентрационного лагеря.

В комнате с оглушительной вонью поноса и рвоты стояли впритык друг к другу тридцать коек, как клетки для лабораторных животных. Были дети покрепче, некоторым лет по пятнадцать и больше, но все равно отсталые и увечные в том или ином отношении, с такими же бутылками молока с дробленым зерном. Досасывали жидкую пищу, просовывали руки сквозь прутья, забирали бутылки у младших и слабых. Единственная неквалифицированная, ни на что не способная нянька не обращала на них внимания, сидя в своей загородке.

Шарик снова задребезжал в металлических ячейках, и тут же у Космеску завибрировал мобильный телефон с выключенным звонком. Он вытащил его из кармана, одновременно видя выпавший номер – семнадцать. Черт! Номер несчастливый, полный проигрыш. Он чуть-чуть отошел от стола, посмотрел на дисплей. Пришел текст от шефа.

Надо немедленно поговорить.

Космеску выскользнул из казино, прошел через автомобильную стоянку к пивной «Везерспун», где имелся в вестибюле телефон-автомат, и переслал по мобильнику его номер шефу. Через минуту раздался звонок. В шумном пабе пришлось крепко прижать трубку к уху.

– Слушаю, – сказал он.

– Ты напортачил, – объявил голос на другом конце. – Крупно.

Поговорив несколько минут, Космеску вернулся к своему столу в казино, но уже не смог сосредоточиться. Проигрыши росли, превысили лимит, достигли двух тысяч трехсот, двух тысяч пятисот фунтов. Вместо того чтобы кончить игру, он лишь злился. Злился и делал глупости.

В двадцать минут четвертого утра, решившись, наконец, уйти, потерял больше пяти тысяч. Никогда так много не проигрывал за одну ночь.

Тем не менее, по обычаю дал гардеробщице и служителю на стоянке и мойке по новенькой хрустящей десятифунтовой бумажке.

24

Рой Грейс в спортивном костюме, бейсболке, кроссовках вышел из парадного Клио около половины шестого утра. В свете уличных фонарей в предрассветных сумерках туман казался янтарным, холодный ветер бросал в лицо соленую морось.

Прошагав по двору, вышел в ворота, по полицейской привычке оглядел улицу вверх и вниз, выискивая что-нибудь подозрительное. Прослужив несколько лет, начинаешь автоматически постоянно фиксировать окружающее – на улице, в магазине, в ресторане. Грейс шутливо назвал эту привычку культурой здоровой подозрительности, и она ему не раз сослужила хорошую службу.

В это утро, в четверг в конце ноября, больше прежнего испытывая необходимость заботиться о Клио, он не увидел на пустых брайтонских улицах ничего внушающего тревогу. Игнорируя боль в спине и ребрах после падения в машине с обрыва Бичи-Хэд, бежал по засыпанным гравием узким пешеходным дорожкам Кенсингтон-Гарденс, мимо кафе и бутиков, магазина подержанной мебели, антикварной лавки, блошиного рынка, по Гарднер-стрит, мимо магазинчика «Луиджи», куда его время от времени затаскивает для обновления гардероба Гленн Брэнсон, самозваный наставник в области стиля.

Добежав до пустой Норт-стрит, увидел свет фар, услышал рев мощного двигателя. Через пару-тройку секунд мимо промчался спортивный черный «мерседес». Водителя едва видно за тонированными стеклами, можно распознать лишь худого и скорее высокого мужчину. Интересно, что он тут делает в такой час? Возвращается с вечеринки? Торопится на паромную переправу или в аэропорт? Не часто увидишь в столь раннее утро дорогую машину. В основном выезжают дешевые автомобили, рабочие фургоны. Конечно, присутствие на дороге «мерседеса» наверняка объясняется вполне резонными причинами, но Грейс все же запомнил номер: GX57CKL.

Он пересек дорогу, пробежал по узким улочкам и переулкам, добрался в конце концов до приморского бульвара. Там никого не было, кроме одинокого мужчины, который выгуливал старую растолстевшую таксу. Разогревшись и меньше хромая, Рой спустился по эстакаде мимо темного ночного клуба «Хани», остановился, сделал несколько наклонов, касаясь пальцами носков кроссовок. Постоял, вдыхая прибрежные запахи соли, мазута, гниющей рыбы, лодочной смолы, размокшего дерева, слушая плеск и гул моря. В лицо летели холодные брызги.

Это одно из самых любимых мест в городе, особенно сейчас, ранним утром, когда кругом пусто. Грейс пристрастился к морю, как к наркотику. Обожает его звуки, ароматы, краски, изменчивое настроение, а больше всего скрытые в нем тайны, секреты, которые оно порой выдает, как вчерашнее тело. Невозможно представить себе жизнь вдали от моря.

Дворцовый пирс – одна из крупнейших вех Брайтона и Хоува – еще освещен. Несколько лет назад новые владельцы переименовали его в Брайтонский пирс, но для Роя и тысяч других жителей города он навсегда останется Дворцовым. Десятки тысяч лампочек горят во всю длину, обрамляют надстройки, придавая гигантской беспорядочной структуре сходство с маяком, вздымающимся к небу. Интересно, скоро ли пирс обяжут выключать огни на ночь ради экономии электроэнергии?

Грейс повернул направо, нырнул в тень под темными массивными балками, где почти двадцать лет назад они с Сэнди впервые поцеловались. Может, его ребенок тоже будет здесь целоваться. Проделав еще полмили, повернул назад к дому Клио. Пробежка сегодня короткая, минут на двадцать, но все равно освежает, наполняет энергией.

Клио и Хамфри еще спят. Рой быстро принял душ, разогрел в микроволновке оставленную Клио овсянку, проглотил, пролистывая страницы вчерашнего «Аргуса», и направился в офис, где поставил машину без четверти семь на своем месте перед Суссекс-Хаус, штаб-квартирой уголовной полиции.

Если никто не помешает, остается целых полтора часа на просмотр электронной почты, поступившей за ночь, и самых срочных бумаг, прежде чем идти в морг на вскрытие «неизвестного мужчины», как пока обозначили тело, вытащенное вчера драгой.

Сначала Грейс запустил компьютер, пробежал глазами сводку за ночь. Ночь выдалась спокойной. Среди самых ярких происшествий нападение на двух гомосексуалистов на Истерн-роуд, взлом офиса, пьяный скандал в муниципальном доме в Маулскомбе, перевернувшийся на шоссе А27 трейлер, шесть разбившихся автомобилей на Тайди-стрит. На последнем сообщении задержался, внимательно перечитал – происшествие недалеко от дома Клио, – но особых подробностей не приводилось. Дальше драка в ранний час на автобусной остановке на Лондон-роуд, потом кража мопеда.

Случаи незначительные, но он старательно досматривал их до конца. Через пару минут открылась дверь и прозвучал слишком знакомый голос:

– Эй, старичок! Рано пришел или поздно уходишь?

– Очень смешно, – буркнул Грейс, подняв глаза на друга, а отныне и постоянного квартиранта Гленна Брэнсона. Выглядит как обычно – костюм, туфли, будто в гости собрался. Высокий, чернокожий, с выбритой до блеска головой, похожей на бильярдный шар, одевается модно, со вкусом. Сегодня в сверкающем сером костюме-тройке с рубашкой в серо-белую полоску и алым шелковым галстуком, на ногах черные начищенные туфли, в руках кружка с кофе.

– Говорят, ты болтал вчера вечером с новым главным констеблем, – продолжал Брэнсон. – Или, лучше сказать, подлизывался?

Грейс улыбнулся. Безумно взволнованный услышанной от Клио новостью, он, все-таки перехватив на секунду начальника, силился сказать что-то умное и вскоре хорошо понял, что не произвел желаемого впечатления. Ну и ладно, не важно. Важно другое – Клио беременна! Носит *их* ребенка! Что может быть важнее? Хочется поделиться новостью с Гленном, но они вечером договорились помалкивать до поры до времени. Шесть недель слишком малый срок, всякое может случиться. Поэтому он просто кивнул.

– Да, мы с ним побеседовали, причем ты его очень сильно тревожишь.

– Я? – забеспокоился Гленн. – Почему? Что он тебе сказал?

– Говорит, любитель такой музыки, как правило, дерьмовый полицейский.

Сержант на секунду нахмурился, потом ткнул в друга пальцем:

– Вот гад! Хочешь меня завести?

Грейс усмехнулся:

– Ну, что новенького? Когда я получу обратно свой дом?

У Гленна вытянулась физиономия.

– Как? Ты меня выгоняешь?

– Кофе до смерти хочется. Можешь готовить мне кофе вместо платы за следующий месяц. Идет?

– Договорились. Отдал бы эту кружку, да она с сахаром.

Грейс неодобрительно сморщился:

– Погубишь себя этой отравой.

– Чем скорее, тем лучше, – мрачно кивнул Брэнсон и испарился.

Через пять минут он снова сидел в кресле перед столом суперинтендента с кружкой кофе.

Грейс подозрительно посмотрел в свою кружку:

– Сахар сыпал?

– Черт побери! Другую налью.

– Ладно, не надо. Не буду размешивать. – Он внимательно всмотрелся в сержанта, который выглядел ужасно. – Не забываешь Марлона кормить?

– Угу, – задумчиво кивнул Гленн. – Мы с ним прочно связаны. Родственные души.

– Правда? Только слишком близко не подходи.

Марлоном зовут золотую рыбку, которую Грейс выиграл на ярмарке девять лет назад. С тех пор Марлон по-прежнему остается крепким угрюмым антиобщественным существом, съедающим любого купленного для него компаньона. Впрочем, сержант Брэнсон ростом в шесть футов три дюйма не по зубам даже этому жадному хищнику с нездоровым аппетитом. Грейс мельком взглянул на монитор, где обновились данные о разбившихся на Тайди-стрит машинах. Арестованы двое юнцов, врезавшихся в автомобиль прямо под камерой видеонаблюдения на углу Трафальгар-стрит.

Хорошо, подумал он с некоторым облегчением. Хотя их, вероятно, выпустят под залог, и вечером они снова будут на улице.

– Что происходит в семействе Брэнсон?

Несколько месяцев назад в попытке спасти семейную жизнь Гленн на компенсацию, выплаченную за ранение, купил своей жене Эри дорогущую лошадь для вечерних прогулок, что привело только к краткому перемирию в бесконечной смертельной вражде.

– Требуются еще лошади?

– Вчера вечером я ходил повидаться с детьми. Она мне велела ждать письма от адвоката. – Брэнсон пожал плечами.

– От поверенного по бракоразводным делам?

Он уныло кивнул:

– Выпьем вечерком, поболтаем?

При всей любви к Брэнсону Грейс без всякого энтузиазма буркнул:

– Конечно…

Разговоры о его семейной жизни катятся по бесконечному кругу. Истина в том, что жена его больше не только не любит, но и *не выносит.* В душе Рой причисляет ее к типу женщин, которых никогда не удовлетворяют взаимные отношения, но, когда он пытается объяснить это другу, тот воинственно огрызается, как будто до сих пор еще верит в возможность уладить проблемы, пусть даже ненадолго.

– Скажи лучше, приятель, – спросил Грейс, – ты утром сильно занят?

– Есть дела, хотя пару часов обождут. А что?

– Драга вчера тело вытащила. Я назначил ответственной инспектора Мантл, а у нее сегодня и завтра занятия в полицейском колледже. Может, придешь на вскрытие?

Брэнсон в насмешливом изумлении вытаращил глаза, покачал головой.

– Ну, старик, ты умеешь поднять настроение огорченному человеку! Хочешь меня позабавить вскрытием «поплавка» сырым ноябрьским утром? Минута радости гарантирована.

– Возможно, полезно увидеть кого-то, кому еще хуже.

– Большое спасибо.

– Вскрытие, кстати, проводит Надюшка.

Кроме высокого профессионального мастерства и заразительной веселости, Надюшка Де Санча в свои сорок восемь лет потрясающе смотрится. Статная, рыжеволосая, с русской аристократической кровью, она выглядит на добрый десяток лет моложе, обожает флиртовать, несмотря на счастливый брак с известным пластическим хирургом, отличается прекрасным чувством юмора. Грейс не знает ни одного офицера в полиции Суссекса, которому она бы не нравилась.

– А! – внезапно оживился Брэнсон. – Так бы сразу и сказал.

– В таком кислом настроении сам решай.

– Ты босс. Как приказываешь, так и делаю.

– Правда? Что-то не замечал.

25

Сержант Таня Уайтлок дрожала на сквозняке. Из окна возле ее стола нещадно дуло. Правая щека заледенела. Она хлебнула горячего кофе, глянула на часы: десять минут двенадцатого. Почти полдня прошло, а на столе по-прежнему высится стопка рапортов и бланков, которые надо заполнить. Снаружи с серого неба нескончаемо сыплется морось.

За травянистой тропинкой видна автостоянка старейшего в мире гражданского Шорэмского аэропорта, построенного в 1910 году на западной окраине Брайтона и Хоува, которым нынче пользуются главным образом частные самолеты и летные школы. Несколько лет назад рядом раскинулась промышленная зона, где в одном из перестроенных складов располагается специальная поисковая бригада суссекской полиции.

Нынче утром практически не слышно авиационных моторов. Кажется, ни один самолет, ни один вертолет не взлетел и не сел. Видно, погода не благоприятствует. Низкая облачность при малой видимости отпугивает неопытных пилотов.

Пожалуйста, пусть так будет и дальше, мысленно попросила она, вновь вернувшись к насущной задаче – оформлению стандартного заключения коронера, к которому надо добавить схемы с подробным указанием мест погружения членов бригады в прошлую пятницу возле пристани брайтонского яхт-клуба в связи с поиском тела яхтсмена. По свидетельству очевидцев, дурак спьяну споткнулся, упал за борт, и лопасти мотора пропороли ему спину.

У маленькой худенькой двадцатидевятилетней Тани симпатичное живое лицо, длинные темные волосы. На ней овчинная синяя теплая куртка поверх форменной рубашки, широкие голубые штаны, рабочие ботинки. При виде изящной хрупкой девушки никому и в голову не придет, что пять лет до перевода сюда она провела в службе содействия полиции, которая работает на передовой, производит рейды и аресты, пресекает массовые беспорядки, занимается различными насильственными правонарушениями.

В специальной поисковой бригаде девять офицеров. Стив Харгрейв до прихода в полицию был профессиональным глубоководным ныряльщиком. Другие прошли подготовку в полицейской школе дайвинга в Ньюкасле. Среди них бывший моряк, бывший дорожный инспектор, ставший среди коллег легендой. Однажды он предъявил обвинение собственному отцу, не пристегнувшемуся ремнем безопасности. Таня единственная женщина в бригаде,

более того, она возглавляет ее, исполняя, по чьим-то словам, тяжелейшие обязанности во всей суссекской полиции.

Члены бригады отыскивают и извлекают трупы, исследуют криминалистические свидетельства в местах, которые для простых полицейских недоступны или слишком опасны. Чаще всего их выуживают из колодцев, каналов, озер, рек и моря, прочих водоемов – всего даже не перечесть. В прошлом году успешно или неудачно – с какой стороны посмотреть – собрали сорок семь отдельных фрагментов тел после ужасной автомобильной аварии, в которой погибли шесть человек, и искореженные останки четырех жертв крушения легкого самолета. За окном на стоянке виден частично загороженный самолетами полицейский трейлер с мешками для трупов, которых должно хватить на случай крупной авиакатастрофы.

Чувство юмора помогает членам бригады сохранить рассудок. У каждого имеется прозвище. Таню прозвали Смерфом,[11] поскольку она маленькая и под водой синеет. С каждым коллегой ее связывает любовь и взаимное уважение.

В рабочем помещении хранится глубоководное оборудование, включая огромный надувной плот, на котором помещается вся бригада, сушилку и грузовик, где находится все необходимое для работы, от альпинистского снаряжения до бурильного аппарата. Бригада пребывает в постоянной готовности двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Почти все пространство маленького кабинета Тани заставлено архивными шкафчиками. Крупная наклейка на одной дверце предупреждает о радиационной опасности. На белой доске над столом синим и бирюзовым фломастером отмечены неотложные первоочередные дела. Рядом с этой доской календарь, фотография четырехлетней племянницы Мэдди, на столе ноутбук, пластмассовая коробка с едой, лампа, телефон и стопки бумаг.

Зимой здесь вечный холод, поэтому Таня в овчинной куртке. Несмотря на астматическое сипение обогревателя, пальцы замерзли так, что с трудом держат ручку. Наверняка на дне Ла-Манша теплее.

Заполняя бланки, она рассеянно ответила на телефонный звонок:

– Сержант Уайтлок слушает.

И тут же сосредоточилась. Звонит суперинтендент Рой Грейс из уголовного розыска. Вряд ли хочет поболтать о погоде.

– Привет, – сказал он. – Как дела?

– Отлично, – ответила Таня без особого энтузиазма.

– Говорят, собираетесь замуж?

– Будущим летом, – подтвердила она.

– Повезло какому-то счастливчику!

– Спасибо. Надеюсь, ему это кто-нибудь растолкует. Чем могу помочь?

– Я сейчас в брайтонском морге. Патологоанатом министерства внутренних дел проводит вскрытие тела, которое подняла вчера драга «Арко Ди» милях в десяти к югу от Шорэмской гавани.

– Знаю, «Арко Ди» обычно работает за пределами Шорэма и Ньюхейвена.

– Думаю, мне понадобятся ваши ребята. Надо бы посмотреть, нет ли на дне еще чего.

– Что можете сообщить?

– Место отмечено довольно точно. Тело завернуто в пластик с грузом. Возможно, захоронено в море, но я не уверен.

– Видимо, «Арко Ди» его вытащила на месте драгирования? – уточнила Таня, делая заметки в блокноте.

– Да.

– Для захоронения в море выделен специальный участок. Возможно, тело принесло течением, только вряд ли, если похороны были проведены профессионально. Хотите, чтобы я подъехала к вам?

– Если не возражаете.

– Через полчаса буду.

– Спасибо.

Таня положила трубку и поморщилась. Собиралась пораньше прийти домой, приготовить для своего жениха Роба особое блюдо. Он любит тайскую еду, поэтому по дороге сюда она, заскочив в магазин, все купила, включая свежие креветки и крупного жирного морского окуня. Роб, пилот дальних линий «Бритиш эруэйз», сегодня дома перед очередной отлучкой на девять дней. По всему судя, намеченным планам не суждено сбыться.

Дверь открылась, заглянул Стив Харгрейв по прозвищу Гонзо.[12]

– Хочу только узнать, шеф, сильно ли ты занята или найдется пара минут для беседы?

Таня улыбнулась так ядовито, что улыбка мгновенно разъела бы стальную решетку.

Стив поднял палец, попятился.

– Неудачный момент?

Она продолжала улыбаться.

26

Кто ты? – гадал суперинтендент Грейс, глядя на обнаженное тело юноши или, если быть терминологически точным, «неизвестного мужчины», лежавшее на столе из нержавеющей стали в центре зала для вскрытия под холодным светом верхних ламп. Чей-то сын. Может быть, чей-то брат. Кто тебя любит? Кого потрясет твоя смерть?

Странно – прежде в морге его всегда мороз по коже продирал. Все переменилось, когда одиннадцать месяцев назад Клио Мори заняла должность старшего патологоанатома. Теперь он при любой возможности является сюда. Даже в голубом халате, зеленом пластиковом фартуке и белых резиновых сапогах Клио неотразима.

Может быть, он просто извращенец, а может быть, любовь действительно ослепляет.

Морг Брайтона и Хоува располагается в низком сером здании чуть в стороне от Льюис-роуд, рядом с кладбищем Вудвейл на склоне холма. Здесь имеется офис, ритуальный зал для верующих разных исповеданий, застекленное помещение для наблюдения, две подсобки, где недавно установлены холодильники с расширенными камерами для покойников с ожирением – примета времени; изолятор для трупов с подозрением на СПИД и другие заразные заболевания и прозекторская.

За стеной слышится вой шлифовальной машины, морг достраивается, расширяется.

Атмосфера в прозекторской соответствует серому дню. Серый свет просачивается в непрозрачные окна, стены выложены серой плиткой, на полу кафель в серую и коричневую крапинку, похожий по цвету на мертвый человеческий мозг. Кроме голубых халатов и зеленых фартуков, единственное красочное пятно – ярко-розовое моющее средство в подвешенном у раковины пластиковом сосуде.

К навязчивому и неприятному запаху дезинфекции иногда добавляется ужасающее зловоние содержимого желудка.

Зал полон, как всегда, когда вскрытие проводит патологоанатом министерства внутренних дел. Кроме Грейса, Надюшки Де Санча и Клио, присутствует помощник Клио Даррен Уоллес, молодой человек двадцати двух лет, начинавший карьеру подручным мясника; коронер Майкл Форман, серьезный внимательный мужчина лет тридцати пяти; крупный мясистый фотограф-криминалист Джеймс Гартрел и Гленн Брэнсон, стоящий

поодаль в полуомборочном состоянии. В последнее время здоровяк сержант все хуже переносит вскрытие.

Сероватый восковой цвет трупа издавна ассоциируется у Роя Грейса с еще толком не начавшимся разложением – по крайней мере, на его не слишком опытный взгляд. Хотя зимний холод и ледяная вода замедлили процесс, очевидно, что смерть «неизвестного мужчины» наступила не очень давно.

Надюшка Де Санча с заколотыми на затылке волосами, в очках в черепаховой оправе на красиво вылепленном носу предполагает, что трупу от силы четыре-пять дней. В данный момент невозможно установить точную причину смерти, главным образом, потому, что у «неизвестного мужчины» отсутствует большинство жизненных органов.

В остальном парнишка симпатичный, с темными короткими волосами, римским носом, открытыми карими глазами. Тело худое, костлявое – судя по слабо развитой мускулатуре, не от занятий спортом, а от недоедания. Гениталии прикрыты куском кожи с живота, который как бы ради приличия срезала и отвернула Надюшка. Грудная клетка раскрыта, обнажая ошеломляюще пустую полость, где присутствует только кишечник, похожий на клубки блестящей прозрачной веревки.

В печатной таблице на стене, куда заносится вес мозга, легких, сердца, печени, почек, селезенки, в соответствующих графах прочерк, кроме графы мозга – он остался цел. Видимо, только с ним тело ляжет в могилу.

Надюшка вытащила мочевой пузырь, положила на металлический поднос для препарирования, стоящий на ножках над коленями трупа, вскрыла одним резким ударом, старательно собрала и запечатала образцы жидкости для анализов.

– Что скажете на данный момент? – спросил Грейс.

– На данный момент, – объявила патологоанатом с четким, изысканным произношением, – причину смерти с полной точностью установить невозможно. Точечного кровоизлияния, свидетельствующего об удушении или об утоплении, не наблюдается, а в отсутствие легких нельзя заключить, наступила ли смерть до попадания в воду. Впрочем, думаю, факт отсутствия органов подтверждает это с большой вероятностью.

– Хирурги редко оперируют под водой, – ворчливо согласился Майкл Форман.

– Содержимое желудка почти ничего не дает, – продолжала Надюшка. – Практически успело перевариться. Присутствуют частички, похожие на курицу, картошку и брокколи – значит, за несколько часов до смерти парень нормально ел, что абсолютно не сходится с отсутствием жизненных органов.

– В каком смысле? – уточнил Грейс, чувствуя на себе вопросительные взгляды коронера и Брэнсона.

Надюшка взмахнула скальпелем.

– Подобные хирургические разрезы делаются при извлечении органов у донора. Внутренние органы изъяты хирургом, опытным специалистом, что подтверждает тщательная перевязка кровеносных сосудов. Периферический жир вокруг почек срезан скальпелем, – указала Надюшка. – Судя по внешним признакам хирургического вмешательства, это донор. След на кисти от внутривенной инъекции, еще один в правой локтевой ямке. Похоже, ему ставили капельницу.

Она осторожно открыла рот покойника, посветила фонариком.

– Если посмотреть поближе, видно покраснение и припухлость гортани чуть ниже голосовых связок. Возможно, раздражение от дыхательной трубки.

– Разве можно есть твердую пищу с интубационной трубкой? – усомнился Грейс.

– Совершенно верно, Рой, – кивнула Надюшка. – Я не понимаю.

– Может, это донор органов, захороненный в море, а потом унесенный течением? – предположил Гленн Брэнсон.

– Возможно, – нерешительно согласилась Надюшка. – Хотя почти все доноры органов какое-то время находятся на аппаратах жизнеобеспечения с дыхательными трубками и капельницами с питательными веществами. Присутствие в желудке остатков непереваренной пищи в высшей степени странно. Может, токсикология обнаружит мышечные релаксанты и прочие медикаменты, использующиеся при изъятии органов.

– Нельзя ли приблизительно определить, за сколько часов до смерти он ел?

– Судя по остаткам, часа за четыре, максимум за шесть.

– Не мог внезапно умереть? – спросил Грейс. – Остановка сердца, разбился в машине или на мотоцикле?

– Тяжелых повреждений нет, Рой. Ни черепной, ни мозговой травмы. Сердечный или астматический приступ возможны, но с учетом возраста – лет семнадцать-девятнадцать, – по-моему, то и другое маловероятно. Думаю, надо искать другую причину.

– Например?

– Пока предположить не могу. Будем надеяться, лабораторные анализы что-нибудь скажут. Хорошо бы установить личность.

– Постараемся, – кивнул Грейс.

– Анализы наверняка дадут ключик к разгадке. Считаю практически невероятным найти что-нибудь на промокшем мешке и веревках, – продолжала Надюшка и добавила, чуть помолчав: – Есть еще одна мысль насчет еды в желудке. В Соединенном Королевстве органы автоматически не извлекаются. После смерти мозга зачастую не скоро удается получить согласие ближайшего родственника. Но в других странах, где таких законов не принято, скажем, в Австрии или Испании, дело идет гораздо быстрее. Возможно, наш мальчик из какой-нибудь такой страны.

Суперинтендент подумал.

– Возможно, но если он умер в Австрии или Испании, то как очутился в десяти милях от берегов Англии?

Услышав пронзительный дверной звонок, Даррен выскочил из зала и через пару минут вернулся с сержантом Таней Уайтлок, в халате и защитных сапогах.

Грейс быстро ввел ее в курс дела. Она попросила показать груз и пластиковую обертку, в которой обнаружили тело. Клио повела Таню в подсобку, потом они вместе вернулись в зал. Надюшка Де Санча наговаривала на диктофон предварительные заключения. Грейс, Брэнсон и Майкл Форман стояли рядом с трупом. Фотограф в хранилище снимал крупным планом пластик и веревки.

– Как считаете, тело могло принести течением из погребальной зоны? – обратился суперинтендент к сержанту.

– Могло, – кивнула Таня, дыша ртом, чтобы не чувствовать зловония. – Хотя груз довольно тяжелый, а погода в последнее время спокойная. Если это поможет, набросаю план возможного района, откуда его принесло бы с более легким грузом.

– Возможно, поможет. За пределами подводного кладбища никого не хоронят?

– Бывает, – подтвердила она. – Но я уже связывалась с «Арко Ди». Тело поднято в пятнадцати морских милях от отведенного для похорон участка. Большое расхождение.

– И я тоже так думаю, – согласился Грейс. – Место точно отмечено?

– С точностью до пары сотен ярдов.

– По-моему, надо как можно скорее взглянуть, нет ли там еще чего-нибудь, – заключил он. – Сегодня успеете?

Таня бросила взгляд на стенные часы, потом, как бы не доверяя им, на свои массивные, для подводников, и в окно.

– Солнце заходит часа в четыре. В десяти милях от берега море наверняка неспокойное, придется взять напрокат большой катер вместо нашего плота. Найти будет легко – в такое время года глубоководные рыбацкие суда большим спросом не пользуются. Остается около трех световых часов, поэтому лучше выйти к рассвету. А пока мы отправимся на плоту и расставим буйки, чтобы драги ничего не нарушили.

– Замечательно, – одобрил Грейс.

– Для того и работаем, – улыбнулась Таня, чуточку развеселившись. Можно все быстро устроить и успеть домой, приготовить еду.

– Вид у тебя поганый, – обратился Рой к Гленну Брэнсону.

– Еще бы, – хмыкнул тот. – Как всегда в этом зале.

– Знаешь, что тебе требуется?

– Что?

– Глоток морского воздуха. Приятный круиз.

– Угу. Круиз как раз кстати.

– Отлично. – Грейс хлопнул друга по плечу. – Отправишься прогуляться с Таней.

Сержант скривился, кивнул на окно:

– Черт побери, старина, прогноз поганый! Я думал, ты Карибы имеешь в виду или что-нибудь вроде того.

– Начни с канала. Самое место, чтоб научиться твердо шагать по палубе.

– У меня даже костюма нет подходящего! – простонал Брэнсон.

– И не надо. Разместишься на палубе первого класса.

Таня с сомнением посмотрела на сержанта:

– Прогноз в самом деле не очень. Ты хороший моряк?

– Нет, плохой, – объявил он. – Можешь мне поверить!

27

Состояние Ната за ночь не ухудшилось – и то слава богу, думала Сьюзен, стараясь найти хоть что-нибудь положительное в пребывании у его койки. Хотя улучшения тоже не происходит. Перед ней все тот же молчаливый инопланетянин, опутанный проводами, окруженный ошеломляющим разнообразием жизнеобеспечивающей аппаратуры и мониторов.

Круглые настенные часы показывают без десяти час. Почти время ленча, что не касается Ната и большинства других пациентов реанимационной палаты – питательные вещества день и ночь вводятся в их организм через трубку, вставленную в нос и в пищевод. Несмотря на горе и усталость, она вдруг улыбнулась. Вечно упрекала мужа за опоздание к обеду. Больничный сотрудник с ненормированным рабочим днем, он часто без предварительного предупреждения задерживался до поздней ночи. Даже дома, когда она ставила еду на стол и звала его завтракать или ужинать, он вечно просматривал очередное электронное сообщение.

Тут хоть не опоздаешь, мысленно заключила Сьюзен, вновь горестно улыбнулась, всхлипнула, вытащила из кармана джинсов салфетку, вытерла покатившиеся по щекам слезы.

Черт побери! Не может все вот так кончиться. Просто не может…

И как бы в подтверждение или для ободрения внутри нее шевельнулся ребенок.

– Спасибо, Тычок, – прошептала она.

После того как консультант в рубашке с открытым воротом и серых брюках в сопровождении персонала в халатах завершил обход минут тридцать назад, в реанимации настала сверхъестественная тишина. Только поминутно звякали сигнальные звоночки мониторов, подключенных к пациентам.

К каждой койке приставлена дежурная сестра, но кажется, будто в палате пусто. Что-то происходит за задернутыми занавесками у кровати напротив, женщина моет полы рядом с предупредительной желтой табличкой с надписью «Уборка», дальше физиотерапевт массирует ногу пожилого мужчины с интубационной трубкой. Пациенты лежат тихо – одни спят, другие тупо смотрят невидящими глазами. Посетителей больше нет, одна Сьюзен.

Номер койки Ната четырнадцатый. По словам ночной дежурной сестры, их тут всего семнадцать. Фактически шестнадцать. Номер тринадцать отсутствует из суеверия. Значит, четырнадцатая на самом деле тринадцатая.

Нат – настоящий врач – не склонен ни к каким суевериям, каждый случай обдумывает, анализирует, рационально объясняет. А Сьюзен до ужаса суеверная. Не дай бог увидеть одинокую сороку, посмотреть сквозь стекло на новую луну, тем более пройти под приставной лестницей. Страшно, что номер койки четырнадцать, а в действительности тринадцать. Но палата полна, ничего не поделаешь.

Она встала, сдерживая зевоту, подошла к столику на колесиках у спинки кровати, где стоит ноутбук медсестры. Долгий вчерашний день просидела здесь до закрытия, в полночь поехала домой, попыталась уснуть. Отказавшись через какое-то время от бесплодных попыток, приняла душ, заварила крепкий кофе, прихватила по совету сестры несколько дисков «Иглс» и «Сноу пэтрол», туалетные принадлежности Ната, поехала обратно.

На него давно надеты наушники, но пока не видно никакой реакции. Обычно дома в кабинете он раскачивался и поводил головой и плечами, помахивал руками под музыку. Расслабляясь в минуты отдыха, потрясающе танцевал. Полностью загипнотизировал Сьюзен, танцуя с ней рок-н-ролл на вечеринке в честь дня рождения одной медсестры.

А теперь она пристально разглядывает гофрированную прозрачную трубку в его рту, крошечный датчик внутричерепного давления, приклеенный к голове пластырем, другие приборы и трубки, прикрепленные и воткнутые в Ната. Грудь вздымается под простыней, сдвинутой с переломанных ног. Пики и волны на главном мониторе регистрируют признаки жизни.

Пульс семьдесят семь – хорошо. Давление сто шестьдесят на девяносто – тоже неплохо. Уровень кислорода хороший. Внутричерепное давление между пятнадцатью и двадцатью. У здорового человека ниже десяти. Выше двадцати пяти опасно.

– Привет, Нат, милый! – сказала Сьюзен, коснувшись правой руки мужа над идентификационным браслетом и пластырями, удерживающими на месте трубку. Осторожно стянула с его головы наушники, стараясь говорить весело и уверенно. – Я здесь, дорогой. Люблю тебя. Тычок брыкается. Слышишь? Как себя чувствуешь? Знаешь, все хорошо. Лежи, держись, ты справишься. И все будет отлично!

Немножко обождала, снова надела на него наушники, обошла вокруг белого вращающегося подъемника с аппаратами и приборами, с помпой, накачивающей медикаменты, которые стабилизируют состояние и контролируют давление, направилась по голубому линолеуму мимо голубых занавесок у коек к окну с голубыми жалюзи. Внизу современный мощеный дворик со скамейками, столиками и гладкой высокой скульптурой, которая отвратительно смахивает на привидение.

Вновь заплакала и услышала, вытирая глаза, проклятый сигнал тревоги. На этот раз громкий.

Оглянулась на монитор, внезапно охваченная чудовищной паникой. Закричала:

– Сестра! Сестра!.. – в ужасе помчалась к посту.

Громкость сигнала росла с каждой секундой, становясь оглушительной.

Мимо нее к Нату бежал огромный чернокожий медбрат, который заступил на дежурство в половине девятого. Прежде неизменно веселое и приветливое лицо напряженно застыло.

28

Младенец давно молчит – теперь плачет Симона, скорчившись у трубы центрального отопления, крепко прижав к щеке Гогу. Всхлипывает, засыпает, просыпается, снова плачет.

В подземелье никого, кроме Валерии с ребенком. В трескучей музыкальной системе Трейси Чэпмен поет про скоростную машину. Марианна часто крутит Трейси Чэпмен – младенцу вроде нравится, он успокаивается, будто ледяной сквозняк с дороги над головой приносит из промозглой сырости колыбельную. Свечной огонь пляшет на сталагмитах растаявшего воска, бросает на бетонный пол тени.

Электричества нет, только свечи, которые надо расходовать экономно. Порой их покупают на деньги, вырученные от продажи краденого, хотя чаще воруют в мини-маркетах. В безнадежных случаях таскают в православных храмах, хотя это Симоне нисколько не нравится. Работая в паре с Ромео, отвлекая молящихся, она набивает полные карманы тоненькими коричневыми свечами, которые скорбящие покупают за деньги, зажигают и ставят в большие металлические коробки с тремя стенками – в одном приделе за упокой, в другом за здравие дорогих и любимых.

Всегда страшно, что Бог за такой грех накажет воришек. И сейчас, рыдая, Симона гадает, не получила ли наказание.

В церковь она не ходит, молиться ее не учили, хоть в одном заведении воспитательница рассказывала о Боге, который за ней постоянно следит и карает за каждый проступок.

За желтым свечным светом темнота тянется до конца туннеля. Там труба выходит наружу, идет дальше поверху через пригород Крангаши. Целые общины бездомных облепили ее лачугами и самодельными шалашами. Когда-то Симона сама в таком жила, только там было тесно и неудобно, кровля протекала.

В подземелье лучше – просторно и сухо. Хотя в одиночестве плохо, страшно темноты за свечами, мышей, крыс, пауков, а то и чего-то похуже.

Ромео часто рыщет в темноте, но кроме костей грызунов ничего не находит. Отыскал однажды сломанную корзинку из магазина. Марианна водит сюда мужчин, шумно возится без всякого стеснения – пусть остальные смотрят. Один с конским хвостом и серебряным крестом на шее всех перепугал. Принес с собой Библию, отказался спать с Марианной, заговорил о Боге и дьяволе, который живет в той самой темноте, любит тепло от труб не меньше обитателей подземелья, надзирает за ними, проклятыми за нечестивые деяния, поэтому им надо спать чутко, на случай, если он выскочит из темноты и кого-нибудь схватит.

– Валерия, меня Бог наказал? – неожиданно выкрикнула Симона.

Валерия с изможденным лицом, обрамленным прямыми волосами, в неизменной дутой изумрудной куртке поверх ярко-желтого спортивного костюма, оставила спящего ребенка, подошла, пригнувшись, чтобы не стукнуться головой о заклепки на перекрещенных балках, которые поддерживают дорогу вверху, обняла ее одной рукой.

– Нет. Тебя просто обидел дурной человек, очень плохой, вот и все.

– Не хочу больше так жить. Хочу свалить отсюда.

– Куда?

Симона беспомощно пожала плечами и снова заплакала.

– Я б уехала в Англию, – призналась Валерия с грустной улыбкой и вдруг оживилась. – Мы теперь в Евросоюзе, вполне можно поехать.

Симона еще похныкала и смолкла.

– В каком еще Евросоюзе?

– Это такая штука, которая разрешает румынам ехать в Англию.

– Там лучше?

– Знаю нескольких девчонок, которые уехали, получили работу, эротические танцы исполняют за большие деньги. Может, и мы с тобой сможем исполнить.

Симона шмыгнула носом.

– У меня не получится.

– Наверняка есть другая работа. В барах, в ресторанах, может быть, даже в булочных или пекарнях…

– Поеду, – решительно заявила Симона. – Сейчас же. А ты? Мы с тобой и Ромео… с ребенком, конечно.

– Надо найти кого-то, кто знает, поможет. Думаешь, Ромео захочет?

Симона пожала плечами и услышала за спиной голос:

– Привет, это я! Не с пустыми руками.

Промокший и запыхавшийся Ромео спрыгнул с последних перекладин лестницы, сбросил с головы капюшон.

– Долго пришлось побегать, – объявил он. – Многие нас уже знают, следят. Дал большой круг, но все-таки достал! – Сияя огромными глазами-блюдцами, сунул руку под куртку, вытащил розовый пластиковый пакет, лихорадочно закашлялся, достал бутылку растворителя, открутил крышку, сорвал защитную фольгу.

Симона наблюдала, мгновенно обо всем позабыв.

Ромео налил чуть-чуть растворителя в пакет, зажал сверху горлышко, протянул, позаботившись, чтобы Симона крепко держала.

Она поднесла пакет к губам, выдохнула, будто надувала воздушный шарик, и глубоко вдохнула. Еще раз выдохнула и вдохнула. Еще. Лицо расслабилось. Симона слабо улыбнулась. Глаза закатились, остекленели.

Боль на время исчезла.

Черный «мерседес» медленно катил по дороге, расплескивая лужи, скрежеща по стеклу «дворниками». Проехал мимо убогого мини-маркета, кафе, мясницкой лавки, православного храма в строительных лесах, автомойки, где трое мужчин поливали из шлангов белый фургон, стаи собак с взъерошенной на ветру шерстью.

На заднем сиденье сидели два пассажира – аккуратный опрятный мужчина под сорок в черном пальто поверх серого свитера с высоким воротом и женщина чуть помоложе с привлекательным открытым лицом под копной светлых волос, в кожаной куртке с овчинным воротником, свободном джемпере, тесных джинсах, черных замшевых сапогах. На ней было множество украшений. Похожа на бывшую мелкую рок-звезду или на столь же второстепенную актрису.

Водитель остановился перед обветшавшим высоким зданием с развешанным в окнах бельем для просушки, десятком телевизионных антенн-тарелок, укрепленных на голых стенах, и заглушил мотор. Потом указал через лобовое стекло на неровную дыру между дорогой и тротуаром.

– Она тут живет, – сообщил он.

– Должно быть, их много, – заметил мужчина.

– Да, но нужна только та, о которой я рассказывал, – сказал шофер. – Лихая девчонка.

С выключенными стеклоочистителями окно быстро залил дождь, прохожие превратились в расплывчатые фигуры. Хорошо. Сквозь тонированные стекла вообще трудно что-то увидеть снаружи. Машины в этом квартале – сплошь битая рухлядь. Каждый прохожий обратит внимание на сверкающий «мерседес» и заинтересуется, что он тут делает, кто в нем сидит.

– Ладно, – кивнула женщина. – Поехали.

Автомобиль тронулся с места.

Под асфальтом, по которому крутились его колеса, спал младенец, Валерия читала газету недельной давности, Трейси Чэпмен пела про гоночную машину, Ромео держал во рту горлышко пакета, выдыхая и вдыхая.

Симона лежала на своем матрасе, спокойная и безмятежная. Во сне она видела Англию и под высокой башней с часами, которая называется Биг-Бен, бросала в стакан кубики льда и наливала виски. Мимо плыли огни. Огни большого города. Люди улыбаются, слышен смех. В огромном зале с картинами и статуями сухо. Боли нет ни в теле, ни в сердце.

Она спала долго, а когда проснулась, все было уже решено.

29

Линн Беккет проснулась в испуге, не сразу сообразив, где находится. Ноги затекли, спина болит. Она с недоумением вгляделась в экран укрепленного высоко на стене телевизора, где шел мультфильм. Мужчину привязали к катапульте, нацелили в кирпичную стену. Через секунду он пролетел сквозь нее, оставив трафаретный отпечаток собственного тела.

Вспомнив, она принялась легонько массировать ноги, восстанавливая кровообращение. Видно, задремала в отдельной палате Кейтлин в печеночном отделении Королевской больницы Южного Лондона. Слышится слабый запах еды. Картофельное пюре. Дезинфекция и политура. Рядом на койке дочка в ночной рубашке, с взлохмаченными волосами, глаза, как обычно, не отрываются от дисплея мобильника. В окно маленькой комнатки видна часть подъемного крана, шлакобетонные блоки и арматура строящегося здания.

Прошлую ночь Линн проспала возле дочери. В какой-то момент, смертельно измучившись в кресле, влезла в постель, прижалась к ней, так и заснула.

Их разбудили в немыслимо ранний час, Кейтлин в каталке повезли на сканирование, потом прикатили обратно. Заходили разные сестры, брали кровь на анализ. В девять Линн, чувствуя себя растрепанной и немытой, позвонила на службу, сообщила строгой, но сочувствующей начальнице Лив Томас, что не знает, когда вернется. Та поняла, предложив поработать сверхурочно в конце недели, чтобы не упустить премиальные. Линн ответила, что постарается.

Разумеется, адски нужны деньги. На больницу уйдет целое состояние. Три фунта в день за телевизор для Кейтлин и телефонную связь. Пятнадцать в день за парковку. Питание в столовой. И постоянный страх, что работодателям все это надоест, и они ее выкинут. Скромная компенсация, полученная после развода с Мэлом, полностью потрачена на дом, где они живут сейчас с Кейтлин. Хотелось обеспечить дочь приличным жильем, по возможности растить нормально, в довольстве и безопасности. Все это требует немалых расходов. Еще надо отремонтировать машину перед техосмотром.

Работа оплачивается хорошо, но в зависимости от результатов, как у коммивояжера. Часами добиваешься цели, вечно видя перед собой приманку – еженедельную премию лучшему работнику. В обычных обстоятельствах Линн в неделю приносит домой больше, чем в Брайтоне и Хоуве зарабатывают секретарши в приемных врачей и отелях, больше, чем торговые агенты. В отсутствие официально признанной квалификации можно считать, что ей повезло. Теперь, когда она оплатила домашние счета, расплатилась за бензин, за обучение Кейтлин игре на гитаре, за все ее цацки вроде мобильника и ноутбука, одежду, даже за

путевки со скидкой на летний отдых в Шарм-эль-Шейхе, денег осталось очень мало. Вдобавок приходится без конца пополнять кредитку Кейтлин. Восьмилетняя служба в агентстве по взысканию долгов внушила Линн смертельный страх перед кредитными картами, которыми она сама старается не пользоваться.

Мэл, по крайней мере, вел себя честно при обсуждении условий развода, как может помогает дочери, но гордость не позволяет просить у него больше. В данный момент отложено чуть больше тысячи фунтов, которые Линн копила весь год, решив устроить Кейтлин веселое Рождество, хотя точно не знает, как дочь относится к Рождеству. Или к дням рождения. Фактически ко всему, что сама она считает *нормальной жизнью.*

Неизвестно, стоит ли рисковать и оставлять здесь Кейтлин, вернувшись в Брайтон на работу. Дочке не нравится в больнице, сегодня она снова в странном настроении, больше сердится, чем боится. Уезжать опасно – вдруг она убежит. Линн взглянула на часы. Без десяти час. Мужчина на экране корчит злобные рожи, пыхтит, вылетает в переднюю дверь, унося с собой весь фасад. Она невольно улыбнулась. Всю жизнь обожает мультфильмы.

Кейтлин нажимает кнопки на телефоне.

– Извини, дорогая, – сказала Линн, – я отключилась.

– Нечего извиняться, – ухмыльнулась дочь, не сводя глаз с дисплея. – Старикам надо выспаться.

Несмотря на заботы и горести, Линн рассмеялась.

– Большое спасибо!

– Нет, правда, – кивнула Кейтлин, на этот раз широко улыбнувшись. – Я только что смотрела программу по телевизору. Хотела тебя разбудить, чтоб и ты посмотрела, да не стала – там про стариков, которым как бы надо выспаться.

– Ах ты, обезьянка щекастая! – Линн попыталась встать, но ноги еще не отошли. На улице скрежетала строительная техника. Дверь открылась, вошла женщина – координатор по трансплантации, с которой они встретились прошлым вечером.

При дневном свете отдохнувшая Шерли Линсел в голубом жилете, белой блузке и темно-коричневых слаксах еще больше напоминала английскую розу.

– Привет, – поздоровалась она. – Ну, как мы сегодня?

Кейтлин проигнорировала вопрос, набирая текст.

– Отлично, – решительно ответила Линн, поднявшись наконец на ноги и колотя кулаками по ляжкам. – Мурашки бегают, – объяснила она.

Координатор послала ей сочувственную улыбку и сообщила:

– Следующий анализ – биопсия печени. – Потом обратилась к Кейтлин: – Ты сильно занята?

– Отправляю распоряжения, – бросила та. – Что делать с моим телом и типа того.

Линн отметила выражение изумления на лице координатора и насмешливый взгляд дочери, по которому никогда невозможно сказать, шутит она или говорит серьезно.

– Я думаю, мы сможем улучшить твое состояние, – ласково и убедительно возразила Шерли Линсел, нисколько не подкупив Кейтлин, которая крепко стиснула губы, подняла тоскливые глаза, передернула плечами.

– Как скажете. Хотя лучше как бы заранее приготовиться, правда?

– Готовиться все-таки лучше к хорошему, – улыбнулась координатор.

Кейтлин помотала головой, словно взвешивая прозвучавшее предложение, потом кивнула:

– Ладно.

– Сейчас тебе сделают легкую местную анестезию и возьмут иглой кусочек печени. Никакой боли не почувствуешь. Через минуту придет доктор Сэддл, расскажет подробнее.

Линн уже знает, что консультант Абид Сэддл, красивый моложавый тридцатисемилетний мужчина-африканец, – единственный, с кем Кейтлин чувствует себя легко и свободно. К сожалению, он не всегда рядом с ней – медицинская бригада постоянно меняется.

– Много возьмут? – уточнила Кейтлин.

– Крошечную частичку.

– Понимаете, я как бы знаю, что печень у меня не фурычит. Поэтому мне нужно все, что от нее осталось.

Координатор снова с недоумением на нее посмотрела, не понимая, шутка это или нет.

– Возьмут минимальное количество, необходимое для анализа. Можешь не беспокоиться.

– Понятно. Если много возьмут, сильно забеспокоюсь.

– Если не хочешь, вообще ничего не возьмут, – терпеливо заверила Шерли.

– Остыньте, – кивнула Кейтлин. – Тогда в действие вступит «план Б»?

– Что? – переспросила Шерли.

– Если я не захочу сдавать этот анализ, будет принят «план Б»? – повторила Кейтлин с непроницаемым выражением лица, не сводя глаз с дисплея.

– Что это значит? – осторожно осведомилась координатор.

– Это значит, что я умру. Хотя лично я считаю «план Б» абсолютно дерьмовым.

30

Рой Грейс возвращался в Суссекс-Хаус после вскрытия, беседуя по громкой связи с Кристин Морган из Королевской больницы графства, которая занимается донорами. Он расспрашивал ее обо всем, что связано с трансплантацией, в частности о процедуре получения органов.

Закончив разговор, повернул на стоянку перед управлением, остановил машину на отведенном ему месте, заглушил мотор и погрузился в раздумья, гадая, кто этот подросток и что с ним случилось. Дождь барабанил в стекла и по крыше автомобиля, превращая белую стену фасада перед глазами в расплывчатую мерцающую мозаику.

Патологоанатом министерства внутренних дел Надюшка Де Санча уверенно заключает, что внутренние органы удалены профессиональным хирургом. Сердце, легкие, почки, печень отсутствуют. Остался желудок, кишечник, мочевой пузырь. Клио, основываясь на личном опыте работы в морге, подтверждает, что родственники доноров чаще всего соглашаются на изъятие именно сердца, легких, почек и печени, желая сохранить кожу и роговицу глаз.

Серьезная загадка – пища, съеденная «неизвестным мужчиной» всего за несколько часов до смерти. Максимум за шесть, по оценке патологоанатома. По утверждению Кристин Морган, практически невозможно так быстро взять органы даже после скоропостижной смерти донора, внесенного в Национальный реестр и имеющего официальную карточку. Прежде ближайший родственник должен подписать кучу бумаг, в компьютерных базах данных надо найти подходящего реципиента, набрать в разных больницах бригаду хирургов, специалистов по трансплантации. Как правило, доноров, даже после гибели мозга, часами, даже днями держат на аппаратах жизнеобеспечения, снабжающих органы кровью, кислородом, питательными веществами. Кристин Морган оговорилась, что поспешная операция в принципе не исключается, но на ее памяти не случалось ничего подобного, а указанный молодой человек в их больнице точно не был.

Грейс взял с переднего сиденья голубой блокнот, положил на рулевое колесо.

Австрия? Испания? Страны, где врачи не связаны официальным контрактом?

Возможно ли, что «неизвестный мужчина» австриец или испанец, донор органов, захороненный в море? Австрия не имеет выхода к морю. Может ли тело за несколько дней проплыть больше ста миль от Испании?

Настолько ничтожную вероятность вполне можно отбросить на данном этапе.

Вдруг почувствовав голод, Грейс взглянул на часы на приборной доске. Четверть третьего. Обычно после вскрытия не бывает особого аппетита, но с утренней миски овсянки прошло много времени.

Он поднял воротник дождевика, перебежал дорогу, перелез через низкую, но очень неудобную кирпичную стенку, нырнул в проем в живой изгороди, проделывая стандартный короткий путь к супермаркету – неофициальной закусочной для офицеров полицейского управления.

Через десять минут суперинтендент сидел за письменным столом в кабинете, разворачивая сандвич с огурцом и зловеще свежей на вид лососиной. Клио давно насмехается над его склонностью к вредной грубой пище на службе, а дома в последние девять лет к разогретым в микроволновке блюдам быстрого приготовления.

Съев *здоровый* сандвич, можно будет хотя бы сегодня честно взглянуть ей в глаза. Только не следовало брать коку, батончик «Кит-Кат» и засахаренный арахис.

Он быстро просмотрел почту, оставленную на столе Элинор. Сверху лежит ответ на запрос о проверке в национальной компьютерной базе полиции встреченного нынче утром «мерседеса» с номером GX57CKL. Зарегистрирован на имя Джозефа Ричарда Бейкера, проживающего, судя по адресу, в многоэтажном доме у набережной за отелем «Метрополь». Фамилия знакомая, но не более того. Ничего подозрительного за машиной не числится. Некий Джо Бейкер давно занимается в Брайтоне сомнительными делишками – держит сауны, массажные салоны. Может, куда-то опаздывал и летел сломя голову.

Грейс сосредоточился на электронной почте, отмечая письма, требующие незамедлительного ответа, прокрутил круглосуточную сводку – ничего серьезного, кроме обычных домашних скандалов, хулиганства, взломов, кражи мопедов и прочего, – откусил кусок сандвича с лососиной и огурцом, пожалев, что не выбрал трехслойную яичницу с колбасой и беконом, открутил крышечку бутылки с кокой, вспомнил вчерашнее обещание репортеру «Аргуса». Потянулся к картотеке, нашел его визитку, набрал номер мобильника.

Мгновенно ответивший Кевин Спинелла, видно, тоже закусывал.

– Мало что могу сказать, – предупредил Грейс. – Брифинг пока не планирую. Разошлю пресс-релиз, а вам дам обещанную эксклюзивную информацию. Идет?

– Очень мило с вашей стороны. Ценю.

– По-моему, вы почти все уже знаете. Вчера днем драга «Арко Ди» на месте работы в десяти милях к югу от Шорэмской гавани вытащила тело неизвестного, предположительно пятнадцати-семнадцати лет. Нынче утром патологоанатом министерства внутренних дел провела вскрытие, но причина смерти пока не установлена.

– Из-за отсутствия жизненных органов?

Откуда тебе известно, черт побери?

Давняя загадка – кто снабжает этого проныру информацией? Обязательно и поскорей надо найти утечку. Стучит кто-то отсюда, из Суссекс-Хаус – штаб-квартиры уголовного розыска, или из офиса коронера, а может, сотрудники морга?..

Грейс старательно обдумывал ответ, слушая довольно противное чавканье репортера.

– Могу подтвердить: найденный неизвестный недавно подвергся хирургической операции.

– Донор органов?

– Пока не хотелось бы оглашать это в прессе.

Репортер помолчал.

– Но ведь это правда?

– Правда, что он недавно подвергся хирургической операции. Так и напишите.

После очередной паузы Спинелла неохотно бросил:

– Ладно, – и снова зачавкал. – Что еще скажете?

– По нашей оценке, труп пробыл в воде всего несколько дней.

– Кто это? Откуда?

– Не знаю. Мы стараемся в первую очередь идентифицировать личность. Хорошо бы, чтоб вы между строк намекнули, что суссекская полиция будет очень признательна за любое известие об исчезнувшем юноше, который недавно перенес операцию.

– Подозреваете грязные игры?

– Может быть, парень умер естественной смертью, был захоронен в море, а течение унесло его с кладбища.

– Все-таки грязные игры не исключаются?

Грейс снова замешкался с ответом. Каждый разговор со Спинеллой – шахматная партия. Если уговорить его описать случай в желательном свете, можно вызвать необходимую общественную реакцию. В то время как сенсационные заголовки в газетах только до смерти перепугают жителей Брайтона и Хоува.

– Слушайте, – предложил он, – если скажу, обещаете пока не упоминать про органы?

В трубке зашуршал целлофан.

– Хорошо, обещаю.

– Суссекская полиция сочла смерть подозрительной.

– Отлично! Спасибо.

– Еще одно, не для печати. Я приказал обследовать место драгирования, и ныряльщики завтра отправятся на участок.

– Расскажете, если что-то найдут?

Грейс обнадежил репортера и завершил разговор.

Живот после еды моментально раздулся – не стоило жевать арахис. Ежедневник в компьютере напомнил о необходимости послать запрос в частную криминалистическую лабораторию «Селлмарк» в Эбингдоне, которая ныне проводит анализы ДНК для суссекского уголовного розыска, сопоставляя полученные данные с нераскрытыми делами за последние полгода.

У полиции всегда имеется шанс наткнуться на ДНК близких родственников преступника, долго скрывающегося от правосудия, если эти самые родственники – родители, дети, братья, сестры – совершат даже сравнительно мелкое правонарушение вроде вождения в нетрезвом виде. Время от времени результаты оправдывают существенные затраты из ежегодного криминалистического бюджета, и поэтому Грейс попросил Элинор Ходжсон составить и послать надлежащий запрос.

Грейс часто сравнивает работу детектива с рыбной ловлей, когда снова и снова терпеливо забрасываешь удочку. На стене его кабинета висит в застекленном футляре коричневое чучело трески весом семь фунтов шесть унций рядом с недавно подаренным Клио огромным чучелом карпа с устрашающей надписью «carpe diem»,[13] выгравированной на латунной табличке на нижней раме. На летучках он нередко указывает на треску молодым

детективам с румяными свежими лицами, повторяя давно надоевшее наставление насчет терпения, труда и рыбки из пруда.

Грейс снова вернулся мыслями к «неизвестному мужчине», сделал ряд телефонных звонков, собирая следственную бригаду. И все время поглядывал на чертовых рыб, переводя взгляд с одной на другую. Вода. Рыбы живут в воде. В морях, в реках. Вдруг вспомнилось – несколько лет назад в Темзе выловили обезглавленный торс неопознанного африканского мальчика без рук и ног. Дело было громкое. В том случае тоже были изъяты органы. Однако было решено, что налицо признаки ритуального оккультного убийства.

Почувствовав внезапный прилив адреналина, Грейс приступил к поиску соответствующего файла в полицейской базе данных.

31

Иногда задумываешься, нет ли у компьютера соображения или чувства юмора. Суперинтендент Грейс еще не объявил «неизвестного мужчину» жертвой тяжкого преступления, но, начав официальное следствие, должен был, согласно протоколу, дать название делу. Специально для этого предназначенная программа выдала на удивление подходящий вариант – операция «Нептун».

За маленьким круглым столом в кабинете суперинтендента сидели плечом к плечу пять надежнейших, по его мнению, детективов.

Длинному как жердь, коротко стриженному констеблю Нику Николлу еще нет тридцати. Будучи президентом полицейской команды регбистов, Грейс видел в ревностном и старательном детективе центрального нападающего, но радости раннего отцовства отняли у бедняги с вечно сонными глазами все силы.

Констебль Эмма Джейн Бутвуд – стройная девушка с оживленным лицом и забранными в пучок длинными светлыми волосами – едва не погибла в недавней операции, когда угнанный преступником фургон прижал ее к стене. Официально до сих пор находится на больничном. Ей полагается несколько месяцев отпуска по ранению, но она упросила допустить ее к работе пораньше, решившись продолжить карьеру, и успела отличиться несколько недель назад во время очередного расследования.

Неопрятный, лохматый, воняющий табачищем сержант Норман Поттинг, полисмен старой школы, постоянно грубит и хамит, не признавая никакой политкорректности, не заинтересован в продвижении по службе, не желает брать на себя никакой ответственности, но и не соглашается выйти в отставку в пятьдесят пять лет – законном пенсионном возрасте для сержанта. По собственному признанию, он особенно любит *разнюхивать* и *раскапывать,* а потому, методично следуя установленным правилам, и впрямь долго и кропотливо исследует каждое преступление, пока не наткнется на трещинку, откуда хоть что-нибудь да просочится. После трех расторгнутых браков он недавно вступил в четвертый с молоденькой тайкой, познакомившись с ней в Интернете, чем теперь громко хвастается при каждой возможности.

Сержанта Беллу Мой, привлекательную женщину лет тридцати пяти с копной крашенных хной волос, вполне можно назвать пропащей душой. Она никогда не была замужем, вернее, как многие другие, навеки обручилась с полицией. Живет со старушкой матерью и ухаживает за ней.

Пятый в команде – Гленн Брэнсон.

Кроме того, на инструктаже присутствуют Дэвид Браун, ответственный за места происшествий, и Джулиет Джонс, аналитик полицейской компьютерной системы ХОЛМС.

Все оглянулись на мелодию «Зеленых рукавов».[14] Смущенный Ник Николл выхватил из кармана предательскую трубку и заглушил сигнал.

Через секунду другой аппарат сыграл тему из «Индианы Джонса». Норман Поттинг взглянул на дисплей, нажал кнопку отмены.

Перед суперинтендентом лежит блокнот, красная папка и подготовленные Элинор бумаги. Он открыл совещание.

– Шестнадцать тридцать, четверг, двадцать седьмое ноября, первый инструктаж по операции «Нептун». Следствие по делу о смерти «неизвестного мужчины», извлеченного из Ла-Манша драгой «Арко Ди» накануне, двадцать шестого, приблизительно в десяти морских милях к югу от Шорэмской гавани. Следующий инструктаж завтра в восемь тридцать, последующие, до особого уведомления, в этом же кабинете в восемь тридцать и в восемнадцать тридцать.

Он зачитал заключение о вскрытии, составленное Надюшкой Де Санча, и перешел к первоочередным задачам:

– Главное сейчас – идентификация личности. На данный момент известно, что юноше лет пятнадцать-семнадцать, у него профессионально изъяты внутренние органы. В базе данных Соединенного Королевства отпечатков пальцев не имеется. Лаборатория проанализирует ДНК за три дня, но у нас на носу выходные, поэтому результаты получим только в понедельник, хотя я сомневаюсь, что они нам сильно помогут.

Помолчав, обратился к сержанту Мой:

– Сними с зубов слепки, Белла, проверь. Задача трудоемкая. Начни с местных дантистов.

– Шеф, в море для захоронения выделен специальный участок? – выскочил с вопросом Норман Поттинг.

– Да. Для жителей Суссекса в пятнадцати морских милях от Брайтона и Хоува, – подтвердил Грейс.

– Насколько помнится из уроков школьной географии, ветра и течения чаще всего идут с запада на восток? – допытывался сержант.

– Это из каких же уроков, времен постройки Ноева ковчега, что ли? – фыркнула Белла Мой, не особенно симпатизировавшая Поттингу.

Суперинтендент бросил на нее строгий предупреждающий взгляд.

– Только сильный шторм протащил бы в такую даль тело за три-четыре дня, – продолжал Поттинг, – а тем более с грузом. Я сейчас разговаривал с парнем из береговой охраны – ему надо увидеть и взвесить грузило для составления вероятной схемы перемещения.

– Этим уже занимается Таня Уайтлок, – сказал Грейс. – Тем временем мы должны расспросить всех специалистов, координирующих трансплантацию органов в Соединенном Королевстве, не был ли наш паренек их клиентом. Поручаю это Норману. Один отрицательный ответ из Королевской больницы Суссекса уже есть.

Поттинг кивнул и сделал пометку в блокноте.

– Можешь на меня положиться, Рой.

– Не исключается, что тело принесло из другого графства? – спросила Белла Мой.

– Нет, – кивнул Грейс. – Даже не исключается, что из другой страны. Обязательно поговори с нашими коллегами из французских портов на берегу Ла-Манша. Прежде всего с испанцами. – Он изложил свои соображения по этому поводу, и сержант Мой согласно кивнула:

– Сейчас же займусь.

– Причина смерти до сих пор неизвестна? – осведомился констебль Ник Николл.

– Нет. Нужно выяснить, не было ли в стране похожих случаев, просмотреть списки пропавших без вести в Суссексе, Кенте и Гемпшире, вдруг найдется похожий на нашего парнишку.

Конечно, дело неподъемное. В одном Суссексе за год без вести пропадают пять тысяч человек, хотя в большинстве случаев скоро находятся.

Грейс протянул Эмме Джейн папку:

– Здесь записи с сентябрьского симпозиума Международной ассоциации следователей-криминалистов в Лас-Вегасе. Речь идет о торсе мальчика, которого сочли нигерийцем. Вытащили из Темзы в две тысячи первом году без жизненно важных органов. Дело не раскрыто, признано ритуальным убийством. Просмотри, поищи что-то общее с нашим случаем.

– Кто-нибудь осматривал место работы драги на предмет вещественных свидетельств? – спросил Поттинг.

– На рассвете туда пойдет поисковая спецбригада. Вместе с Гленном. – Грейс покосился на сморщившегося друга.

– Черт возьми, – недовольно пробурчал Брэнсон, – плохо переношу море. А на завтра поганый прогноз.

– Наш бюджет наверняка потянет таблетки от морской болезни, – улыбнулся суперинтендент.

32

К черту таблетки от морской болезни, думал Гленн Брэнсон. Гонка на скорости по южному берегу Шорэмской гавани в сочетании с тяжким похмельем и утренним скандалом с женой, которая отчитала его по полной программе, привели сержанта в мрачное состояние.

Слева тянется длинный пустынный галечный берег, справа огромные безобразные производственные постройки, подъемные краны, штабеля контейнеров, конвейерные ленты, ограда из колючей проволоки, электростанция, заправки, пакгаузы торгового морского порта. Из головы не шел телефонный разговор с Эри.

– Я ведь работаю, правда, черт побери?! – взорвался он.

– У меня занятия в одиннадцать, – объявила жена.

– А у меня операция.

– То ты жалуешься, что я тебе не позволяю встречаться с детьми, а когда я прошу посидеть с ними пару часов, несешь всякий бред про работу. Решай, кем хочешь быть, отцом или полицейским.

– Это нечестно, будь я проклят!

– Нет, честно. Последние пять лет нашей жизни в ответ на любую просьбу помочь мне жить полноценно я слышу только одно – не могу, у меня работа, срочная операция, встреча с хреновым суперинтендентом Роем Грейсом, чтоб он провалился…

– Ох, одумайся, милая, вспомни, – взмолился Гленн, – ты сама меня уговорила пойти в полицию! Почему ж теперь злишься?

– Потому что вышла за тебя замуж. Потому что хотела прожить с тобой достойную жизнь. А у нас с тобой никакой жизни не было.

– Что же я должен сделать? Вернуться в вышибалы? Тебе этого хочется?

– Тогда, по крайней мере, мы жили счастливо.

Эри оборвала разговор, и Глинн огрызнулся:

– Пошла в задницу, сука!

Он пропустил у дорожной развязки летевший навстречу грузовик с цементом, думая, как было бы легко и просто покончить с проблемой, столкнувшись с ним лоб в лоб.

За складом пиломатериалов открылась Арлингтонская бухта. Притормозив, Гленн набрал домашний телефон и услышал автоответчик. Справа увидел знакомый желтый фургон с логотипом суссекской полиции и надписью сбоку крупными синими буквами: «Специальная поисковая бригада». Остановился рядом, еще раз позвонил, снова попал на автоответчик, минуту посидел, обхватив голову руками, пытаясь ослабить тиски боли.

Глупо, конечно. Надо было пораньше лечь спать, хотя после ухода из дома несколько недель назад сон совсем не приходит. Вчера он, едва сдерживая слезы, долго сидел в одиночестве на полу гостиной Грейса, перебирая диски с записями, допивая бутылку виски – не забыть купить новую, – слушал музыку, навевавшую воспоминания о жизни с Эри.

Черт побери, хорошее было времечко! Они жутко любили друг друга. А теперь он ужасно скучает по детям – Сэмми и Рэми, – безнадежно без них пропадает.

С затуманившимися от тоски глазами Гленн вылез из машины на холодный просоленный ветер, понимая, что должен выглядеть браво, как будто этот день ничем не отличается от любого другого. Сделал глубокий вдох, втянул густой воздух с запахами моря, мазутного масла, пиленого дерева. Над головой кричит чайка, хлопает крыльями, неподвижно зависнув в ветреном небе. Таня Уайтлок и ее команда, все в черных бейсболках с надписью «полиция», в непромокаемых красных ветровках, черных штанах и черных резиновых сапогах, грузят оборудование на старую рыбацкую шхуну «Скуби», стоящую у причала.

Даже в закрытой бухте судно прыгает на волнах. На дальнем краю гавани видны белые танкеры, за ними крутой травянистый берег, поднимающийся к автостраде.

Сержант Гленн Брэнсон в кремовом дождевике поверх бежевого костюма, в рыжевато-коричневых яхтсменских туфлях на каучуковой подошве направился к поисковикам. Все знакомы. Бригада тесно сотрудничает с уголовным розыском при раскрытии тяжких преступлений, мастерски проводя поиск в труднодоступных местах – водосточных трубах, подвалах, на речных берегах и в сгоревших машинах.

– Привет, ребята! – поздоровался он.

Девять голов повернулись к нему.

– Лорд Брэнсон! – произнес чей-то голос. – Дорогой друг, добро пожаловать на борт! Сколько подушек положить в изголовье?

– Здравствуй, Гленн, – весело бросила Таня, пропустив мимо ушей добродушные насмешки коллег, подтаскивая к краю причала огромный моток желтых полосатых дыхательных и коммуникационных шлангов и перебрасывая его на борт своему сотруднику.

– Куда это ты приоделся? Отправляешься в круиз на «Куин Мэри»? – полюбопытствовал наголо стриженный, гибкий и мускулистый Джон Леллиот по прозвищу Див, что означает «долбаный идиот водолаз», протягивая сорокапятилетнему Арфу с мальчишеской физиономией и преждевременно поседевшими волосами сложенный спальный мешок с сильным запахом дезинфекции.

– Угу, дворецкий заказал каюту первого класса, – ухмыльнулся Гленн и кивнул на шхуну. – Видимо, эта посудина доставит меня к лайнеру?

– Не думай, не мечтай.

– Чем могу помочь?

Арф протянул ему тяжелый красный анорак.

– Надень. Будет сыро и холодно.

– Спасибо, обойдусь.

Арф, самый старший и опытный член команды, насмешливо на него покосился.

– Точно? И без сапог?

Гленн поднял ногу, продемонстрировав выбранный с большим вкусом желтый носок.

– Специальная обувь для яхт. Не скользит.

– Пусть тебя это меньше всего беспокоит, – посоветовал Леллиот.

Сержант с усмешкой задрал рукав, обнажив запястье.

– Смотри, какой цвет. Черный, да? Мои предки пересекали Атлантику на судах работорговцев, понятно? Море у меня в крови!

Закончив погрузку, бригада ныряльщиков собралась на причале на краткое совещание перед погружением, которое вела Таня Уайтлок.

– Уходим на десять морских миль к юго-востоку от Шорэмской гавани. Береговая охрана предупреждена. Работаем на главных морских путях, поэтому все должны внимательно следить за обстановкой и информировать берег, если какое-то судно подойдет слишком близко. В канал заходят крупные танкеры и грузовые суда, что опасно для дайверов. – Она помолчала, коллеги согласно кивнули. – В остальном риск минимальный.

Кроме риска утонуть, получить декомпрессию и в чем-нибудь запутаться, договорил про себя Стив Харгрейв.

– Погружаемся на глубину около шестидесяти пяти футов. Видимость плохая, однако на участке драгирования дно сравнительно ровное, без подводных преград. «Арко Ди» нынче утром работает в другом месте. Вчера участок обследован гидролокатором, обнаружены две аномалии, отмечены буйками. Там сейчас и начнем. Учитывая приливное течение, надеваем не ласты, а сапоги, чтоб устоять на дне. Есть вопросы?

– Считаете те самые аномалии трупами? – уточнил Гленн.

– Может, парочка пассажиров первого класса решили поплескаться в бассейне, – усмехнулся Род Уокер по прозвищу Иона.[15]

Не обращая внимания на смешки, Таня Уайтлок продолжила:

– Я иду первой, за мной Див. Со мной на связи Гонзо, с Дивом Арф. Обследуем аномалии, снимем на видео, поднимем на поверхность, обсудим, стоит ли нырять дальше или лучше расширить область поиска. Есть еще вопросы на данном этапе?

Через пару минут могучий бывший матрос Ли Симмс схватил за руку Гленна Брэнсона, прыгнувшего с причала на скользкую, залитую дождем палубу.

Сержант мгновенно почувствовал качку. От шхуны несет смолой, тухлой рыбой, на палубе лежат сети, пара корзинок для ловли лобстеров и ведро. Затарахтел двигатель, палуба задрожала. Он полной грудью вдохнул дизельный выхлоп.

Отчаливали под дождем в полумраке, и никто, кроме Гленна, не разглядел тусклый отблеск окуляров бинокля, направленных на судно из-за нефтеналивных цистерн на другом краю гавани. Снова всмотревшись в предрассветную хмарь, он уже ничего не увидел. Может быть, показалось?

Влад Космеску в черной шапке с помпоном, темно-синем комбинезоне, термическом белье, предохраняющем от жгучего холода, и тяжелых рабочих сапогах торчал в гавани с четырех утра, жалея, что не надел перчатки с подкладкой – пальцы начинали неметь. Наблюдал издали из темноты, как шкипер Джим Тауэрс, старый жилистый морской волк с густой окладистой бородой, у которого полиция арендовала шхуну, заливает в баки горючее и воду, ведет судно выше к востоку от причала суссекского яхт-клуба к Арлингтонской бухте, пришвартовывается и сходит на берег. Ключи зажигания и все прочее уже передано прошлым вечером специальной поисковой бригаде.

Судьба шутит жестоко – зимой, когда прокатные лодки большим спросом не пользуются и можно взять любую, полиция выбрала именно эту. Конечно, возможно случайное совпадение. Только Владу Космеску не нравятся совпадения. Предпочтительны твердые факты и математическая вероятность.

Лишь при первом совместном выходе в море в непринужденной беседе выяснилось, что Джим Тауэрс раньше был частным сыщиком, а потом уж купил рыболовецкое судно и начал сдавать напрокат. Частным сыском нередко занимаются бывшие копы, сохранившие кучу друзей-приятелей в полиции. За тот самый единственный выход Тауэрс получил больше, чем за год проката, и всего через несколько дней сдает шхуну копам…

Дело дурно пахнет.

Правильно говорит старая пословица: «Держи друзей рядом, а врагов еще ближе».

В данный момент Джим Тауэрс очень близко – ближе некуда. Туго обмотанный липкой лентой, лежит египетской мумией в кузове белого фургона, который зарегистрирован на реально существующую, но никогда реально не работавшую строительную фирму, и почти всегда скрыт от постороннего глаза в надежно запертом боксе.

В данный момент фургон стоит в переулочке, в паре сотен ярдов от автострады.

Совсем близко.

Через двадцать минут шхуна медленно вышла в открытое море. За пределами гавани ветер мигом окреп, суденышко запрыгало по волнам.

Рядом со стоявшим за штурвалом Ионой в открытой кабине – можно сказать, под тентом, – сидел на жестком стуле Гленн Брэнсон, то и дело поглядывая на мобильник в ожидании сообщений от Эри. Гавань и береговая линия тают вдали, дисплей пуст и черен. Через полчаса возникло и стало неуклонно усиливаться неприятное ощущение.

Ныряльщики не прекращали насмешек.

– Всегда так наряжаешься перед выходом в море? – спросил на этот раз Крис Дикс по прозвищу Клайд.[16]

– Угу. Только обычно беру отдельную каюту с балконом.

– Видно, в уголовной полиции хорошо платят.

Шхуна вибрировала и чертовски качалась. Гленн глубоко дышал выхлопными газами, остро чувствуя запах смолы, тухлой рыбы и дезинфекции, которая у каждого полицейского ассоциируется со смертью. Голова закружилась, море затуманилось перед глазами.

– Смокинг взял? – подхватил Див. – Пригодится к обеду за капитанским столом.

– Взял, конечно, – кивнул Гленн. Слова выходили с усилием. Вдобавок он замерз.

– Если вдруг затошнит, смотри на горизонт, – заботливо подсказала Таня.

Он попробовал смотреть на горизонт, только было почти невозможно сказать, где серое небо сходится с вздымающейся серой водой. Изо всех сил вглядывался, напрягая глаза и мозги, но безуспешно – мешал водоворот в желудке.

– Смотри, Гленн, вот те самые аномалии, которые мы вчера отметили, – сказала Таня Уайтлок, включив запись на маленьком голубом экране.

Посередине тянулась вниз линия, вычерчиваемая гидролокатором, который тащила за собой шхуна. Таня указала на две крошечные, едва заметные черные тени.

– Вполне возможно, что это тела.

Гленн не совсем понял, куда смотреть. Пятнышки размером с муравьев.

– Вот это? – переспросил он.

– Да. Ходу около часа. Хочешь кофе?

Он покачал головой. *Около часа. Проклятье. Еще целый час.* Вряд ли удастся что-нибудь проглотить. Попытался снова посмотреть на горизонт, но стало только хуже.

– Нет, спасибо, – пробормотал он. – Все в порядке.

– Точно? Вид у тебя неважный, – заметила Таня.

– Никогда себя лучше не чувствовал, – заявил Гленн.

Через десять секунд он сорвался со стула, бросился к борту, и его вывернуло вчерашней лазаньей и виски. А еще единственным утренним тостом.

К счастью для сержанта, а особенно для окружающих, ветер дул ему в спину.

33

Со временем Гленн очнулся под рокот спускавшейся якорной цепи. Двигатель умолк, палуба сразу же перестала вибрировать, только высоко поднималась и проваливалась, бросая при этом сержанта в разные стороны. Послышался скрип каната, визг лебедки, щелчок и шипение вскрытой банки с каким-то напитком, треск рации, потом голос Тани:

– Суспол с борта «Скуби» вызывает береговую охрану.

Суспол – морской позывной суссекской полиции.

Сквозь треск Гленн расслышал ответ:

– Береговая охрана слушает. Прием.

Снова Таня:

– На шхуне десять человек. Находимся в десяти милях юго-восточнее Шорэмской гавани. – Она продиктовала координаты. – Дошли до места погружения, приступаем.

Опять затрещал голос:

– Сколько всего ныряльщиков, сколько в воде?

– На борту девять. Двое выходят.

Гленн смутно понял, что накрыт брезентом, ему больше не холодно. Голова кружится. Хочется быть в любом другом месте, только не здесь. Он заметил на себе пристальный взгляд Арфа.

– Ну, как ты?

– Не очень, – прозвучал слабый голос, напоминающий его собственный.

Внезапно усилилась вонь дезинфекции, сфокусировалась добродушная физиономия Арфа, затененная козырьком черной бейсболки, из-под которой клочьями ваты выбиваются с обеих сторон пряди седых волос.

– Знаешь, что морская болезнь бывает двух типов? – спросил он.

Сержант слабо помотал головой.

– При первом боишься умереть.

Сержант уставился на него.

– А при втором боишься *не умереть,* – договорил Арф.

Вокруг прокатился смех.

Значит, решил Гленн, он страдает сейчас третьим типом – когда уже умер, но не в состоянии покинуть тело.

Таня в непромокаемом гидрокостюме обрезала углы белого мешка для трупов. Если придется поднимать находку, вода должна вытекать из мешка. Полицейское снаряжение не приспособлено для подводных работ, приходится многое подгонять, переделывать. Прикрепившись пуповиной к панели питания и к системе связи, которой заведует Гонзо, Таня

проверила на протечку костюм, маску, дыхательные и коммуникационные трубки. Полностью удостоверившись, что все в порядке, взглянула на часы.

Каждый опытный дайвер перед погружением старается исключить риск кессонной болезни, которую вызывает повышенная концентрация углекислого газа в крови, что причиняет сильную, порой смертельную боль. Поэтому при подъеме необходимо часто, иногда надолго останавливаться, в зависимости от глубины и длительности пребывания под водой. Отсчет времени ведется с момента погружения.

Таня вновь оглядела шланги на животе, уточнила положение розового буйка в нескольких ярдах от шхуны и свалилась спиной за борт в бурное море.

Подняв вихрь пузырей под поверхностью, на мгновение насладилась фантастической тишиной и покоем. Не слышно ничего, кроме собственного гулкого дыхания. Вынырнула в высоких волнах, выставила оба больших пальца для Гонзо.

Несмотря на бессчетные погружения по служебной обязанности и в выходные при каждой возможности, она всегда чувствует под водой свежий прилив адреналина. Одинаковых случаев не бывает. Никогда не знаешь, с чем столкнешься, что испытаешь. До сих пор не верится, что ей выпало счастье работать в специальной поисковой бригаде. И не имеет большого значения, что поиски трупов и криминалистических свидетельств происходят в вонючих каналах, заваленных выброшенными холодильниками и садовыми инструментами, мотками колючей проволоки, тележками из супермаркетов и угнанными машинами, что несколько отличается от подводной охоты на тропических рыбок и прочую морскую живность на Мальдивах.

Таня оглянулась на розовый буй, моментально исчезнувший из поля зрения за поднявшейся волной, неуклюже подплыла поближе, схватила руками в резиновых перчатках канат с грузом, ушла по нему под воду, совсем в другой мир.

Обвив одной рукой канат, она постепенно спускалась и сглатывала, чтобы не закладывало уши. Видимость быстро сокращалась, ноги ушли в песчаное дно, и наступила полная темнота. В погожие дни под водой в канале что-то более или менее видно, а сегодня течения подняли тучи песка и ила, поэтому кругом черно, как в угольном подвале. Бесполезно включать фонарь или видеокамеру, придется действовать на ощупь.

Светящийся глубиномер на запястье показывает шестьдесят семь футов. После погружения прошло две минуты. Таня сообщила наверх:

– Я на дне, приступаю к работе.

Вчера гидролокатор засек на морском дне две аномалии, которые дайверы оградили буйками со свинцовым грузом.

Теперь надо проплыть над участком, засунув под мышку пластиковый мешок для трупов, держась левой рукой за канат, а правой описывая перед собой широкую дугу, пока не наткнешься на искомый предмет.

Гидролокатор пока не обучен определять характер предмета, опознавая лишь форму и приблизительные размеры – футов шесть в длину и около двух в ширину. Сопоставимо с человеческим телом, но вовсе не означает, что на дне находятся трупы. Это вполне могут быть детали оборудования, выброшенный с судов мусор, неразорвавшиеся торпеды военных времен, обломки разбившихся самолетов и всякое другое. Не дай бог в темноте под водой напороться на что-нибудь острое.

В маску мимолетно стукнула какая-то глубоководная рыба, предположительно угорь или камбала. Таня Уайтлок медленно плыла в чернильной воде, держась левой рукой за канат, а правой размахивая перед собой, как будто протирала стекло.

Всякий раз при таком поиске начинает разыгрываться воображение, вспоминаются виденные фильмы ужасов, чудовища и демоны, прячущиеся на дне.

Впрочем, она ныряла в местах, которые гораздо страшнее открытого моря. Однажды отыскивала в канале тело десятилетнего мальчика. Погружалась в различные резервуары, подземные стоки и водоемы. По всей видимости, здесь ей ничто не грозит. Просто *аномалия.*

Рука на что-то наткнулась. Похоже, человеческое лицо под пластиком. Сердце ухнуло в груди. От неожиданности Таня чуть не сорвала маску! По венам прокатился ледяной шарик.

Черт, черт, черт!..

Ее жених, пилот «Бритиш эруэйз», не ныряет. Она не раз пыталась описать ему возбужденное волнение, радостную лихорадку от погружения, а он отвечал, что все необходимые ему волнения испытывает в кабине «Боинга-747». Там тепло, сухо, полно горячительных напитков, еды из салона первого класса. В данный момент она его понимает.

Ее рука коснулась головы, затем под тяжелой пластиковой оберткой обозначились плечи, спина, ягодицы, бедра, ноги, ступни.

34

– Прелестная собака! Какая порода? – спросила с иностранным акцентом женщина.

Глупый вопрос. Его может задать только гость Бухареста. Ромео стоял на коленях в сорной траве и кормил пса. О какой породе тут говорить? Помесь, как тысячи бродячих собак, рыщущих по городским окраинам. За сорок лет до рождения Ромео одним из первых деяний Чаушеску на посту президента было выселение румынской буржуазии из собственных домов. Многие тогда были вынуждены бросить своих собак, которые одичали и расплодились на улицах. Бродячие собаки давно породнились с бездомными людьми. Они их охраняют, а бездомные, со своей стороны, их подкармливают.

– Я бы сказала, в нем есть что-то от шнауцера, – предположила женщина.

Оглядела умное огрубевшее мальчишеское лицо, огромные голубые глаза, неаккуратно подстриженные угольно-черные волосы, высохшую левую руку. Оглядела одежду – драные джинсы, потрепанную куртку с капюшоном, кроссовки без шнурков, – внимательно изучая, как бы инспектируя, хотя уже точно знала, что это за мальчик, в каком мире он существует. И главное, как его приманить.

Ромео решил, что лицо у женщины доброе. Хорошенькая, с копной светлых волос, растрепавшихся на ветру, одета небрежно, но в дорогую одежду, какой не увидишь в этих кварталах. Элегантный сверкающий облегающий кожаный пиджак с поднятым воротником поверх темного свитера с высоким воротом из тонкой шерсти, джинсы с заклепками заправлены в черные замшевые сапоги, крупные украшения, прекрасные черные кожаные перчатки. Он видит таких, когда они выходят из лимузинов у больших отелей, нагруженные покупками, или во всем своем великолепии входят в шикарные рестораны. Они живут совсем в другом мире.

– Его зовут Артур, – сказал он.

– Очень красивое имя. – Женщина улыбнулась и громко повторила: – Артур, Артур… Да, очень красиво. Подходит.

Ромео вытащил из пластикового пакета протухшие почки, сунул в пасть Артуру. Пес жадно их проглотил. Он снова полез в мешок. Мясник за углом всегда к нему добр, каждый день дает мясные обрезки, куски требухи, кости.

– А тебя как зовут? – поинтересовалась женщина.

– Ромео.

Он окинул ее взглядом. Богатая гостья. Хорошая добыча. Вытащил свиную ножку с душком, в которую пес впился зубами.

Женщина улыбнулась, спросила:

– Живешь где-то поблизости? – хотя уже точно знала, где именно.

Ромео кивнул, не сводя с нее глаз. Не сводя глаз с ее сумочки. Из кожи с рюшами, с цепочками, пряжками, с огромной медной застежкой. Мысленно взвесил ее, думая о содержимом. Кошелек с наличными, мобильник. Огляделся. Насколько можно судить, никто ее не сопровождает. Рядом никакой роскошной машины, из которой она могла выйти.

Надо просто выхватить сумочку и убежать.

Но женщина в тот же миг забросила на плечо лямку, просунула левую руку в цепочку, крепко стиснула застежку, зная, как вести себя на улице. Ее надо отвлечь.

– Вы откуда? – спросил Ромео.

– Из Германии, – ответила она. – Из Мюнхена. Ты бывал в Германии?

– Нет.

– Хотел бы съездить?

Он пожал плечами.

– Куда поехал бы, если бы мог?

Он снова передернул плечами.

– Может, в Англию.

Она удивилась:

– Почему в Англию?

Пес доглодал кость и в ожидании смотрел на Ромео.

– Там работа есть. В Англии можно разбогатеть. Жить в красивой квартире.

– Правда? – ласково переспросила женщина.

– Так я слышал. – Ромео заглянул в пакет, убедился, что ничего не осталось, и выбросил его. Пакет подхватил ветер, за ним сразу же бросился другой пес, кудлатый, коричнево-белый, догнал, начал царапать лапами.

– Хочешь билет на самолет в Англию? Может быть, я смогла бы устроить, если действительно хочешь поехать. Могу тебе работу найти.

Их взгляды встретились. У женщины красивые синие глаза. Улыбается, кажется, искренне. Он снова посмотрел на сумочку. Женщина, словно угадав его мысли, крепко ее стиснула.

– Какую?

– Чем хочешь заняться? Что умеешь делать?

Мимо прогромыхал грузовик. Ромео оглядел большие грязные колеса, черное проржавевшее днище. Удачный момент. Толкай ее, рви сумку, беги!

Но его заинтересовали ее слова. Что он умеет делать? С ними недавно жил парень, рассказывал про своего брата, который работает в Лондоне официантом, готовит коктейли, зарабатывает в день больше четырех сотен леев. Целое состояние! Правда, Ромео не умеет смешивать коктейли. Но кто-то говорил, что и уборщик в лондонском отеле неплохо зарабатывает.

– Коктейли готовить, – заявил он. – А еще я хороший уборщик.

– У тебя есть друзья и знакомые в Лондоне? – спросила женщина.

Артур взвыл, выпрашивая еду.

Женщина открыла сумочку, вытащила толстый кошелек, а оттуда банкноту в сто леев. Протянула Ромео.

– Купи еды Артуру.

Он взглянул на нее, торжественно кивнул.

Она вручила ему другую бумажку. В пятьсот леев.

– А на это купи себе чего хочешь.

Он уставился на деньги, перевел взгляд на женщину. И, словно испугавшись, что она их отнимет, сунул бумажки в брючный карман.

– Вы добрая.

– Хочу тебе помочь.

– Как вас зовут?

– Марлен, – представилась женщина.

Несмотря на улыбку и щедрость, что-то в ней все-таки настораживало Ромео. Он слышал об организациях, которые помогают бездомным бродягам, но никогда не пробовал их отыскать. Его предупреждали, что эти организации зачастую передают обратившихся к ним в государственные заведения. Хотя, может быть, эта женщина действительно поможет им перебраться в Англию.

– Вы из благотворительности? – уточнил он.

Женщина секунду поколебалась, потом улыбнулась, энергично затрясла головой и заверила:

– Из благотворительности. Конечно, из благотворительности!

35

Несмотря на доставку в морг Брайтона и Хоува двух черных, сильно потрепанных пластиковых мешков с телами, поднятыми утром из канала, Рой Грейс пребывал в самом солнечном настроении. Наплевать, что уже без пятнадцати три и вскрытие, скорее всего, развеет его планы на вечер. Он будет отцом! Эта мысль затмила все. Вдобавок вчера вечером он выиграл в покер пятьсот пятьдесят фунтов – самый крупный выигрыш на его памяти.

Кроме отдыха по вечерам в братской компании приятелей и коллег, в покере ему особенно нравится психология игры. Вряд ли выиграешь, сев за стол в дурном настроении. Но когда чувствуешь себя на высоте, энтузиазм помогает, можно взять верх даже со средними картами. А вчера у него были не средние карты, а полный банк.

Оставшись на несколько мгновений наедине с Клио в офисе морга, Грейс под свист закипавшего чайника обнял ее, поцеловал.

– Люблю тебя.

– Правда? – усмехнулась она и подняла руки, сплошь закутанная в халат. – Даже в таком виде?

– До конца света.

Действительно. После покера он вернулся к ней, вывалил на постель деньги. Лежал рядом, чересчур взвинченный, чтобы заснуть, раздумывая о своей жизни. О Сэнди. О Клио. На самом деле он хочет на ней жениться. По-настоящему. Решил утром начать давно откладываемый процесс официального признания Сэнди умершей. С утра первым делом связался с рекомендованной ему брайтонской адвокатшей Сьюзен Энсел и договорился о встрече.

Клио вернула ему поцелуй.

– Только до конца света?

Он с улыбкой оглянулся на дверь – закрыта ли, – снова поцеловал ее.

– Если хочешь, до конца Вселенной.

– Лучше, – кивнула она, выставила ладони, шевеля пальцами, требуя продолжения.

– До конца любой другой Вселенной, которая когда-нибудь будет открыта.

– Еще лучше.

Он вдруг замер на полуслове, жалея, что прибег к подобной аналогии. Сэнди была страстной поклонницей «Путеводителя по Галактике», особенно, насколько помнится, второго тома под названием «Ресторан на краю Вселенной». Черт побери, почему ее тень кругом падает, омрачая счастливейшие моменты? Порой кажется, будто его преследует призрак.

– Что с тобой?

– Все прекрасно!

– Ты как бы на секунду исчез.

– Меня потрясла твоя красота.

Она опять усмехнулась:

– Здоров же ты врать, Грейс!

Он тоже усмехнулся в ответ:

– Я не вру.

– Полжизни допрашиваешь преступников, которые убедительно врут. Не рассказывай, будто не научился.

Он крепко, но ласково взял ее за плечи, заглянул в глаза.

– Я тебя никогда не обманывал. Никогда не собираюсь обманывать.

– Я тебя тоже, – сказала она.

Постояли в уютной тишине. Чайник заклокотал, отключился. На секунду отвлекшись, Рой посмотрел через ее плечо на расставленный углом ряд стульев за загроможденным столом. В углу стола маленькая рождественская елка в блестках и сверкающих шариках. Стены сплошь увешаны сертификатами в рамках, календарями, снимком Брайтонского пирса на закате, планшетами на крючках с подробными сведениями о невезучих постояльцах холодильников. На одном стуле номер «Аргуса».

Заметка Кевина Спинеллы об обнаружении «неизвестного мужчины» оказалась на пятой странице. В небольшой колонке изложены факты, в принципе отвечающие предложениям Грейса, включая его призыв к общественности. Он с облегчением удостоверился, что репортер сдержал обещание не упоминать об отсутствии жизненно важных органов.

Пронзительно затрещал дверной звонок.

Клио оглянулась на монитор камеры наблюдения на стене.

– Прибыл твой приятель.

Рой увидел на экране физиономию Гленна Брэнсона – далеко не радостную.

– Пойду, – вздохнул он.

Прошел по короткому коридору мимо раздевалки, толчком открыл дверь, изумленно уставился на сержанта. Что произошло с его всегда безупречно одетым другом? Рыжевато-коричневые туфли промокли насквозь, на белой рубашке пятна, шелковый галстук в грязи, кремовый макинтош в масле цвета ржавчины, словно в рыбьей чешуе.

– Откуда ты, черт побери? – ухмыльнулся Грейс. – Занимался на скотобойне кикбоксингом? Или борьбой без правил на рыбном рынке?

– Очень смешно, старик. Когда будешь в очередной раз отправлять меня в морской круиз, я сам закажу билет.

Суперинтендент посторонился, пропуская сержанта.

– Надюшка уже здесь? – спросил тот.

– Только что звонила. Через десять минут будет. Мне послышалось, что ты собирался заехать домой и переодеться?

– Так и сделал. Приехал к тебе и нашел там два жутких письма.

– Пожалуйста, не стесняйся, я не против, что ты переадресовал ко мне свою почту.

Брэнсон покосился на друга, не поняв, издевается он или говорит серьезно. Не догадавшись, не стал испытывать судьбу.

– Одно от поверенной Эри, надутой идиотки. Сообщает, что по ее распоряжению начинает бракоразводный процесс и советует мне нанять адвоката, будто я только что въехал в город в кузове грузовика и не знаю законов.

Грейс захлопнул за ним дверь.

– Похоже, тебе в самом деле понадобится адвокат, причем незамедлительно.

– Ты опоздал. Я его уже нанял.

– Многих шлюх защитил?

– По правде сказать, это женщина.

– Очень умно. В таких делах женщины гораздо круче мужчин.

Гленн внезапно пошатнулся, схватился за стенку рукой. Рой на миг заподозрил, что он пьян.

– Земля еще шатается под ногами. Вернулся на твердую почву больше двух часов назад, а она все колышется.

– А как же твои предки на судах работорговцев? Море не вошло тебе в гены и в кровь?

– Откуда этот бред насчет предков?

– Слава прирожденного морехода бежит впереди тебя.

– Видел когда-нибудь фильм «Хозяин морей»?

Грейс призадумался.

– С Расселом Кроу, – подсказал Гленн.

– Угу.

– Так вот я себя чувствую тем самым членом команды, которому в живот попало пушечное ядро.

– Слушай, приятель, даже если Эри решила с тобой расплеваться, это автоматически не дает ей права губить твою жизнь.

– Ошибаешься. Помнишь фильм «Крамер против Крамера»?

– С Мерил Стрип?

На губах сержанта промелькнула бледная улыбка.

– Потрясающе, черт побери! Видел оба фильма! Правильно, Мерил Стрип и Дастин Хоффман. Такова ситуация.

– Хотя ты не такой красивый, как Хоффман.

– Умеешь пнуть лежачего, правда?

– Всегда целюсь в мошонку. Самое подходящее место.

Брэнсон принялся стаскивать макинтош.

– В другом письме прошение в суд о разводе. Не поверишь, старик, ни хрена не поверишь, что она там накатала!

Он перебросил макинтош через руку и принялся загибать пальцы.

– Говорит, отношения безвозвратно испорчены, понял? Я веду себя неразумно и безрассудно. Сексом больше не интересуюсь. Слишком много пью – ну, правда, да ведь это она меня довела, черт возьми! Говорит, не видит ни любви, ни заботы…

Сержант полез в карман макинтоша, вытащил сколотые скрепкой бумаги, сверился с верхним листком и продолжил:

– Я отказываюсь возвращаться к семье. Ору на нее в машине. Не даю денег – мать твою, после покупки той дерьмовой лошади! А еще, слушай, не ценю ее заботу о детях! – Он затряс головой. – Обалдеть! Что мне делать? Говорить на службе, извините, я знаю, расследуется убийство, но мне надо домой, купать Рэми?

Роя Грейса мороз по коже прохватил. Он вдруг понял, что ждет его после рождения ребенка. Обычно он сидит в офисе уже в семь утра, если не раньше. Возвращается к восьми вечера, если не позже. Получится ли перекроить расписание?

Без ущерба для карьеры – нет.

Он вгляделся в вопрошающие глаза Гленна, зная, что ответ сержанту не понравится. Хороший полицейский должен быть женат на полиции. В течение тридцати лет до пенсии – дольше, если пожелаешь, – работа стоит на первом месте. Если жена или партнерша смирится, считай, посчастливилось. Катастрофическое множество, включая жену Гленна, не желает мириться.

– Знаешь, в чем проблема?

Сержант недоуменно затряс головой.

– В том, что Эри, возможно, права. Немножко жестока, конечно, но в целом права. Ты сам должен решить, чего хочешь – удачной карьеры или счастливой семейной жизни. То и другое можно совместить, но для этого необходимо полное взаимопонимание и бесконечное терпение.

– Забавно… Я пошел в полицию, чтобы дети могли мной гордиться.

– Значит, они должны гордиться тобой.

– Чем они будут гордиться, если я уйду из полиции?

– Дело не в том, вернешься ли ты в вышибалы или станешь охранником в аэропорту Гатуик, – заявил суперинтендент, – а в том, что ты за человек. Можно быть превосходным гуманным вышибалой. Можно быть замечательным зорким охранником. Можно быть дьявольски хреновым копом. Важно, что у тебя внутри, а не на жетоне и не в удостоверении личности.

– Конечно. Но ведь ты понимаешь, что я имею в виду.

– Слушай, ты хорошо знаешь, как я свою жизнь исковеркал. Не мне давать советы насчет супружеской жизни. Только, по-моему, если Эри действительно тебя любит, то и не разлюбит. Я, по правде сказать, не уверен, будто она действительно тебя любит, затевая судебный процесс и обливая грязью. По-моему, если уступишь, уйдешь из полиции, она со временем еще чего-то потребует. Что ты ни сделаешь, ей все равно не понравится. На мой взгляд, она ненасытная. Любая уступка устроит ее ненадолго. Поэтому я на твоем месте остался бы на службе, продолжил карьеру.

Гленн угрюмо кивнул.

– Знаешь, что Уинстон Черчилль сказал про уступчивость?

– Расскажи.

– Уступчивый кормит крокодила, надеясь, что он его съест в последнюю очередь.

36

Два тела были затоплены в море точно таким же способом, как первый «неизвестный мужчина» – завернуты в пластик, связаны синим шнуром, с грузами из шлакобетонных блоков. Одно тело принадлежит подростку, на год-другой старше предыдущего, по оценке Надюшки Де Санча. Лицо прыщавое, не совсем симпатичное, с крючковатым птичьим носом. У этого «неизвестного мужчины» тоже нет сердца, легких, почек и печени. Они изъяты профессиональным хирургом.

Теперь патологоанатом освобождает от мешка тело девочки лет пятнадцати. В представлении Грейса, смерть лишает индивидуальности человеческое лицо, оно становится чистым, пустым, и поэтому трудно сказать, как *оно* выглядело в реальности. Впрочем, несмотря на восковую бледность кожи, сбившиеся в колтун длинные темные волосы, видно, что девочка была красивой, хотя и чрезмерно худой.

По мнению Надюшки, оба тела пробыли в воде не дольше, чем первый труп. Не надо быть академиком или ракетостроителем, подумал Грейс, чтобы высказать предположение об одновременном затоплении трех тел.

Следовательно, можно отбросить вероятность морских похорон. Что это за подростки? Откуда? Кто их родители? Кто их разыскивает? Возможно, их сбросили за борт с какого-нибудь торгового иностранного судна, которые круглосуточно десятками проходят через Ла-Манш?

На теле второго юноши не обнаружено никаких признаков насильственной смерти или гибели от несчастного случая. На коже, как у первого, следы от уколов. Надюшка Де Санча опять повторила, что такие инъекции делаются при операциях по изъятию предназначенных для трансплантации органов.

Суперинтендента Роя Грейса одолевали все более мрачные мысли. Во время вскрытия он стоял в коридоре, прижав к уху мобильник. Сначала позвонил Элинор Ходжсон, попросил ее перепланировать его расписание на ближайшую пару дней. Хотелось бы только сдержать два обещания. Если инспектор Мантл проведет вместо него сегодняшний инструктаж в 18:30, можно побывать вечером вместе с одним коллегой на матче по регби в Кру-клубе в Уайтхоуке.

А завтра в управлении состоится обед с танцами, на который приглашено более четырехсот пятидесяти человек – можно себе представить, какая там будет толкучка. После нелегкого года Грейс ждал этого события и хотел появиться в обществе с Клио – всем уже известно об их отношениях, – отдохнуть, расслабиться с коллегами, по возможности постараться исправить не слишком хорошее впечатление, произведенное в среду вечером на нового главного констебля. Клио не одну неделю обдумывала наряд, потратив на покупки сумму, сравнимую с ВВП недавно добившейся независимости африканской страны, и поэтому будет сильно разочарована, если они не смогут пойти.

Он принялся звонить дальше, увеличил численность следственной бригады с изначальных шести до двадцати двух человек и теперь договаривался с Тони Кейсом из отдела технической поддержки, одновременно наблюдая за Надюшкой, которая осторожно снимала со шлакобетонных блоков высокопрочный шнур, надеясь обнаружить кожные клетки или волокна перчатки того, кто его связывал. Распутав шнур, она сунула его в пакет для дальнейшего исследования под микроскопом.

Стоявший рядом с ней коронер Майкл Форман время от времени делал заметки. За процедурой следили также Дэвид Браун и два его криминалиста. Фотограф Джеймс Гартрел снимал каждую стадию вскрытия. За соседним столом Клио с Дарреном приводили в порядок тело юноши.

Только подумаешь, будто всего навидался, рассуждал суперинтендент Грейс, как непременно накатит новый кошмар. В газетах иногда пишут, как в Турции или Южной Америке мужчины знакомятся в барах с красивыми женщинами, а потом просыпаются в засыпанной льдом ванне с зашитым боком, без одной почки. До сих пор он не верил подобным историям, считая их выдумкой. Тем не менее перед ним трое подростков, поднятых со дна моря, у которых были изъяты жизненно важные органы…

У прессы будет праздник. Вышедшая наружу новость перепугает жителей Брайтона и Хоува. На мобильнике уже два пропущенных безответных звонка от Кевина Спинеллы. Прессой следует осторожненько продирижировать, добившись максимальной общественной

реакции на просьбу помочь с идентификацией тел и в то же время не вызывая ненужных волнений.

Встречи с прессой в выходные не пользуются особой популярностью, значит, лучше потянуть до понедельника. Бросить Спинелле несколько подачек – в ближайшей перспективе многотиражный «Аргус» весьма пригодится. Но что сказать журналисту? А главное – что утаить? Грейс давно понял, что при расследовании любого убийства необходимо придерживать информацию, известную только убийце.

Он временно выкинул из головы прессу и принялся записывать в блокноте наиболее вероятные предположения.

Ритуальное убийство? Возможно.

Доноры органов, захороненные в море? На данном этапе маловероятно для серьезного обсуждения.

Работа маньяка-убийцы? Тогда зачем старательно зашивать тела после удаления органов? Чтобы сбить со следа полицию? Вариант пока не отбрасывается.

Нелегальная торговля органами?

В голову вдруг ударила мысль, и Грейс написал: «Бритва Оккама». Монах-философ Уильям Оккам в четырнадцатом веке предложил словно бы срезать острой бритвой все объяснения, кроме самого очевидного и простого, в котором обычно и кроется истина. Суперинтендент склонялся к согласию с братом Оккамом. И с любимым литературным героем Шерлоком Холмсом, который заявлял: «Исключим невозможное, и оставшееся, даже самое невероятное, будет правдой».

Он оглянулся на Гленна Брэнсона, разговаривавшего по мобильнику с озабоченным видом. Хорошо бы его чем-нибудь озадачить, отвлечь от кошмарных судебных проблем с Эри, которую Рой в душе всегда недолюбливал.

Он подошел к сержанту, дождался окончания разговора.

– У меня к тебе есть поручение. Отыщи все, что можно, о нелегальной торговле человеческими органами.

– Тебе новая печень понадобилась, старина? Ничего удивительного.

– Угу, очень смешно. Возьми в помощь Нормана Поттинга. Он мастер раздобывать информацию о подпольных делишках.

– Видел «Грязные прелести»? – спросил Брэнсон.

Грейс покачал головой.

– Про нелегальных эмигрантов, торгующих почками в убогом лондонском отеле.

Грейс навострил уши.

– Правда? Расскажи подробней.

– Рой! – неожиданно окликнула его Надюшка. – Посмотрите, это интересно!

Она указала на крошечную татуировку на девичьем теле.

– Что это значит? – спросил Грейс.

– Не знаю, – ответила патологоанатом.

Он глянул на Брэнсона. Сержант, пожав плечами, констатировал очевидное:

– Это не по-английски.

37

Ромео спускался по стальной лестнице с прутьями-перекладинами, держа в одной руке огромный мешок с продуктами. Валерия, прислонившись к бетонной стене, сидит на своем старом матрасе, укачивает спящего ребенка. Трейси Чэпмен поет про машину. Поет и поет. С ума сойдешь от проклятой песни.

У стены напротив скорчились три незнакомца лет по шестнадцать. Похоже, нанюхались «Ауролака». Перед ними на полу лежит красноречивая прямоугольная пластиковая бутылка с желто-красной этикеткой. Как всегда, в нос ударила вонь, на этот раз с особенной силой после свежих запахов дождя и ветра. Испарения от трубы, немытые тела, грязная одежда, запачканные пеленки…

– Я еду принес! – радостно провозгласил Ромео. – Раздобыл денег, жратвы накупил!

Отреагировала одна Валерия. Большие грустные зрачки лениво перекатились, как мраморные шарики под действием инерции.

– Откуда у тебя деньги?

– Из благотворительности. Их раздают на улицах.

Она равнодушно пожала плечами.

– Те, кто раздает деньги, всегда просят что-то взамен.

Ромео энергично затряс головой.

– Нет, знаешь, это добрая и красивая женщина. – Он шагнул к ней, раскрыл мешок, предъявил содержимое. – Смотри, что я мальцу купил!

Валерия вытащила из пакета банку концентрированного молока.

– Мне за Симону страшно, – сказала она, вертя в руках банку, читая этикетку. – Целый день лежит как колода, даже не шевелится. Все плачет.

Ромео направился к Симоне, присел рядом на корточки, обнял.

– Я тебе шоколадку принес. Твою любимую, темную…

Она молча всхлипнула.

– Зачем?

– Что «зачем»?

Симона не ответила.

Ромео достал шоколадный батончик, сунул ей под нос.

– Зачем? Хотел тебе сделать что-нибудь приятное, вот зачем.

– Мне было бы приятно сейчас умереть.

– Собиралась вчера ехать в Англию. Разве не лучше?

– Это просто мечта, – пробурчала она с мрачным взглядом. – А у таких, как мы, никакие мечты не сбываются.

– Я сегодня одну тетку встретил… Ее зовут Марлен. Может забрать нас в Англию. Хочешь с ней познакомиться?

– Зачем? Зачем ей брать нас в Англию?

– Она из благотворительности! – вдохновенно объяснил Ромео. – Помогает бездомным на улицах. Обещает работу в Англии.

– Эротические танцы танцевать?

– Что захотим. Смешивать коктейли в барах, убирать в гостиницах… Любую работу.

– Она вроде того урода с вокзала?

– Да нет, милая, добрая…

По щекам Симоны опять потекли слезы.

– Тут нам больше нельзя оставаться. Хочешь прожить так всю жизнь?

– Не хочу, чтобы мне снова сделали больно.

– Ты можешь мне поверить, Симона? Можешь?

– Чему я должна верить?

– Мы же видели Англию в газетах, в журналах, по телевизору – хорошая страна. Там люди живут в квартирах. Мы сможем начать там новую жизнь…

– Я больше не хочу новой жизни. Я хочу умереть. Чтоб все кончилось. Это проще.

– Марлен завтра придет. Повидайся с ней, поговори!

– Зачем кому-то надо нам помогать? Мы никто.

– На свете есть все-таки добрые люди.

– Думаешь?

– Точно.

Ромео развернул шоколадку, отломил кусочек.

– Смотри. Она денег дала на еду, на подарки. Хорошая женщина.

– Я гада на вокзале тоже считала хорошим.

– Да ты только представь себя в Англии, в Лондоне! Мы будем жить не в этом дерьме, а в квартире, хорошо зарабатывать… Может, рок-звезд увидим. Говорят, их полным-полно в Лондоне…

– Весь мир дерьмо!

– Пожалуйста, хотя бы повидайся с ней завтра!

Симона протянула руку к шоколадке.

– Неужели действительно хочешь прожить тут еще одну зиму? – не унимался Ромео.

– В подземелье тепло.

– Не поедешь в Лондон из теплого подземелья? Очень умно. Вдруг в Лондоне тоже тепло?

– Пошел в задницу.

Парнишка ухмыльнулся, обрадовавшись, что Симона чуточку оживилась.

– Валерия тоже хочет поехать.

– С ребенком?

– Ну да. Почему бы и нет?

– Эта самая женщина завтра придет?

– Да.

Симона откусила дольку шоколада. Вкусно. Так вкусно, что она тут же сжевала весь батончик.

38

Рой Грейс стоял в свете прожекторов у боковой линии поля, глубоко засунув руки без перчаток в карманы дождевика, дрожа на обжигающем ветру. По крайней мере, дождь прекратился, небо ясное, звездное, только холодно, почти заморозки.

В матче лиги в пятницу вечером молодежная команда Кру-клуба играла против полицейской команды. Он успел на последние десять минут игры – в самое время, чтобы стать свидетелем разгрома полиции со счетом 3:0.

Город Брайтон и Хоув раскинулся на многочисленных холмах, а район Уайтхоук находится на одном из самых высоких. В 1920-х годах муниципалитет возвел на месте трущоб дома рядовой застройки и высокие многоквартирные башни, но Уайтхоук давно уже пользовался темной, не совсем заслуженной репутацией преступного района, где бушует насилие. Многие жилые кварталы со сказочным видом на город и море оставались практически необитаемыми – там господствовали самые крутые преступные семейства.

В последние годы ситуация начала меняться, благодаря досконально продуманным инициативам местных властей при поддержке суссекской полиции. Главная роль

принадлежала Кру-клубу, на организацию и содержание которого деловые и промышленные предприятия района затратили два миллиона фунтов стерлингов. Клуб размещается в броском ультрасовременном центре, который вполне можно принять за творение Ле Корбюзье, и предлагает окрестной молодежи разнообразные занятия и развлечения, включая идеально оборудованный компьютерный зал, студию звукозаписи, видеостудию, просторные помещения для вечеринок, собраний, торжественных празднеств, многочисленные спортивные площадки на прилежащих территориях.

Клуб пользуется успехом, потому что создан не бюрократами, а хорошими людьми с чистым сердцем. Мальчишки и девчонки ходят туда с настоящей охотой. Главным образом это заслуга Даррена и Лоррейн Сноу, супружеской пары из Уайтхоука, вкладывающей в него всю свою фантазию и силы.

В данный момент они оба стоят рядом с Грейсом, закутанные в пальто и шарфы, лиц почти не видно из-под шапок. Кроме того, присутствуют родители, немногочисленные офицеры полиции. Рой явился сюда в первый раз и в качестве президента полицейской команды регбистов мысленно оценивал возможности создать здесь секцию, почти с удовольствием наблюдая, как ловкие крепкие ребята из клубной команды задают трепку копам.

Мимо прокатился клубок, пыхтя, толкаясь, идя на прорыв, мяч пересек линию ворот, рефери мгновенно дал свисток.

Но суперинтендента отвлекали мысли о сегодняшнем и вчерашнем вскрытии, на которых он присутствовал, и о стоявшей перед ним задаче. Он вытащил из кармана блокнот, кое-что записал, стиснув ручку почти онемевшими пальцами.

Внезапно грянул радостный вопль, он растерянно поднял глаза. Гол засчитан. Кому? Судя по крикам и комментариям, Кру-клубу. 4:0. Грейс снова в душе улыбнулся. Команду суссекской полиции тренирует Дэйв Гейлор – главный суперинтендент, вышедший в отставку, бывший аккредитованный рефери и его личный друг. Приятно будет подколоть его после игры.

Он на секунду посмотрел на звезды и вдруг мысленно вернулся в детство. У отца был маленький телескоп на треноге, в который он часами разглядывал небо, часто приглашая Роя, особенно полюбившего кольца Сатурна и когда-то умевшего распознавать все созвездия. Теперь с легкостью узнает лишь Большую Медведицу. Надо обновить познания, чтобы передать потом собственному ребенку. Впрочем, грустно подумал он, не будут ли они со временем так же преданы забвению?

Итак, три трупа.

Два «неизвестных мужчины» и «неизвестная женщина». Все подростки. У всех отсутствуют одни и те же органы. Единственный ключик к установлению личности – плохо выполненная татуировка на левом плече мертвой девочки. Возможно, имя? Пока ничего сказать невозможно. Хотя нутром чувствуется, что тут разгадка.

Брайтонские ребята? Если нет, то откуда? Он записал в блокноте: «Запросить береговую охрану, не принесло ли течением». Тела никак не могло далеко унести с таким грузом. Интуиция подсказывает, что подростки, скорее всего, умерли в Англии, раз оказались так близко от Брайтона.

Что происходит? Некое чудовище в Брайтоне убивает детей и крадет органы?

«Опытный хирург», – записал Грейс, вспомнив о решительном утверждении Надюшки Де Санча. Вновь взглянул на вечернее звездное небо, потом снова на поле, залитое светом прожекторов. Спецбригада Тани Уайтлок исследовала район гидролокатором, других тел не обнаружила. Пока.

Ла-Манш большой.

39

– Ла-Манш большой, правда, Джим? – уточнил Влад Космеску.

Джим Тауэрс, лежа на твердом полу из стекловолокна в носовой рубке своей собственной рыболовецкой шхуны «Скуби», обмотанный с головы до ног липкой лентой, с заклеенным ртом, скрытый от любых взглядов с причала брезентом, от которого слегка пахло чьей-то рвотой, мог отвечать только взглядом.

Космеску вывел судно из горловины Шорэмской гавани в открытое море, не подумав о волнении. Но здесь северный ветер оказался неожиданно сильным, волны мощными. Обутый в высокие резиновые сапоги, он устроился на пластмассовом сиденье, не выключив навигационные огни, чтобы береговая охрана и случайные наблюдатели видели обыкновенную прокатную лодку, вышедшую на ночную рыбалку.

Морщась от дизельных выхлопов, смотрел на подсвеченный компас в нактоузе, держа курс 160 градусов, который, по его расчетам, приведет шхуну на середину канала, далеко от отмеченного на карте участка драгирования.

Сперва показалось, будто мобильник глухо верещит из-под палубы, но румын, хорошенько прислушавшись, понял, что звук идет из кармана бывшего частного сыщика. После нескольких звонков мобильник умолк. Тауэрс только бросил на своего захватчика безжизненный взгляд выброшенной на берег рыбы.

– Хорошо, теперь можно поговорить. Вряд ли кто-то услышит.

Космеску сбавил обороты, шагнул в рубку, сорвал пластырь с губ шкипера. Тот задохнулся от боли – кожу будто содрали с лица.

– Послушайте, – выдавил он, – сегодня годовщина моей свадьбы…

– Сказали бы раньше, открытку прислал бы, – хмыкнул Космеску и быстро отступил к штурвалу.

– Жена меня ждет, беспокоится. Наверняка уже обратилась в полицию и в береговую охрану. И мне сейчас звонила.

Как бы в ответ на реплику телефон дважды пискнул, приняв сообщение.

– Ну и что? – бросил Космеску, скрывая тревогу, вызванную неожиданной новостью, следя за огнями далекого рыболовного судна и большого корабля, направлявшегося к востоку. – Тогда поспешим. Говорите.

– Я ошибся, – сказал Тауэрс. – Ошибся, понятно? Просто просчитался.

– Ошибся? – переспросил Космеску, полез в карман, вытащил пачку «Мальборо», прикурил от золотой зажигалки, глубоко затянулся и выпустил дым в лицо шкипера.

Сладкий запах причинил бывшему сыщику смертные муки.

– Дайте затянуться, пожалуйста…

Космеску покачал головой:

– Курить вредно для здоровья. В Англии теперь закон запрещает курение на рабочих местах. А здесь ваше рабочее место. – И вновь выпустил дым в лицо Тауэрсу.

– Мистер Бейкер, наверняка можно обсудить, уладить недоразумение…

– Конечно. Давайте обсудим.

Шхуна взлетела на высокую волну, Космеску крепко вцепился в штурвал, взглянул на глубиномер: шестьдесят футов – маловато.

– Мистер Тауэрс, я заплатил двадцать тысяч. По-моему, щедро. Хотелось положить начало взаимовыгодному деловому сотрудничеству.

– Действительно щедро…

– Но вам не хватило.

– Хватило… Вполне хватило.

– Не верю. Вы опытный моряк, хорошо знаете здешние воды. Думаю, мистер Тауэрс, вы нарочно пришли на участок драгирования, рассчитывая, что там тела скорее всего будут найдены.

– Нет! Неправда!

Проигнорировав возражение, румын продолжал:

– Я игрок. Предпочитаю играть осторожно и методично. Общая площадь Ла-Манша составляет двадцать девять тысяч квадратных миль. Вы получили деньги за доставку тел на то место, где их никогда не найдут. И выбрали участок драгирования площадью в сотню квадратных миль. Посчитайте, мистер Тауэрс.

– Поверьте мне, это ошибка!

– Хорошо, – кивнул Космеску, – я сам посчитаю. Максимальная глубина драгирования составляет сто футов. Никто не нашел бы тела, затопленные на глубине в сто тридцать. Только не говорите, что вы, опытный шкипер и судовладелец, этого не знали. Не уверяйте, будто, долгие годы занимаясь в Шорэме своим бизнесом, ни разу не видели на картах участок драгирования.

– Клянусь, я допустил ошибку!

Космеску помолчал, покурил и продолжил:

– Напомню, мистер Тауэрс: я игрок. Вы, по-моему, тоже. Сделали ставку на этот участок, и вам повезло. Думали, если тела обнаружат, можно будет меня шантажировать, выкачивая за молчание большие деньги.

– Нет, неправда! – отчаянно повторил Тауэрс.

– Если бы вы успели поближе со мной познакомиться, то знали бы, что я всегда играю методично и осторожно. При этом не так много выигрываешь, но дольше остаешься в игре.

Космеску докурил, швырнул окурок за борт, проследив за красным огоньком, который пролетел в воздухе и исчез в черной воде. Снова взглянул на компас. На такой юркой шхуне приходится изо всех сил налегать на штурвал, чтобы не сбиться с курса.

– Понимаете, мистер Тауэрс, мне сейчас предстоит ход в игре. Если я вас убью, меня могут поймать. А если не убью, тоже могут поймать. Но есть другой шанс. И гораздо вернее.

Он вытащил из кармана рулон липкой ленты и нож с костяной ручкой, который всегда носил с собой. Не раз убеждался в его надежности. Нажмешь сбоку кнопку – выскочит лезвие, со щелчком встанет на место. Судя по опыту, не сломается, даже наткнувшись на кость. Заточен как бритва – в самом деле, в одной деловой поездке удалось вполне приемлемо им побриться.

– Думаю, нам больше нечего друг другу сказать.

– Прошу вас… послушайте… я могу…

Не желая ничего больше слушать, румын снова заклеил шкиперу рот.

Сорок минут спустя огни береговой линии Брайтона и Хоува еще виднелись, хотя то и дело скрывались за чернильно-черными волнами. На вполне достаточной глубине в сто пятьдесят футов Космеску, выкурив очередную сигарету, заглушил мотор, выключил навигационные огни. Подходящее место.

До сих пор не дает покоя позавчерашний телефонный звонок в казино с неопределенным, но угрожающим заявлением работодателя, будто он напортачил. Правда, напортачил. Преступил правило не привлекать посторонних без крайней необходимости.

Надо было взять напрокат лодку и самому вывезти трупы. Четырехлетний ребенок запросто справился бы.

Впрочем, было основательное соображение – по крайней мере, казавшееся в тот момент основательным. Регулярно арендуя рыбацкую шхуну и самостоятельно уходя в море в холодные зимние месяцы, быстро навлечешь на себя подозрения. Все суда входят и выходят из гавани под наблюдением, но береговая охрана даже не взглянет на местного предпринимателя, которому позволено беспрепятственно брать на борт арендаторов.

Теперь, когда на него смотрели лишь звезды и молчаливые глаза владельца шхуны, он отодрал палубную обшивку, посветил фонариком на кингстоны, открыл один на пробу – из него мигом хлынула ледяная морская вода.

Космеску прошел на корму, развернул серое полотно купленной накануне надувной спасательной шлюпки, вытащил оттуда весло, кислородный баллон, бак с горючим, подвесной мотор «Ямаха». Через десять минут, вспотев от усилий, накачал лодочку и спустил на воду, прикрепив к шхуне. Она опасно запрыгала на волнах, но вес тела наверняка ее уравновесит.

Бурлившая в двух открытых кингстонах вода уже покрыла палубу, дошла Джиму Тауэрсу до подбородка. Похвалив себя за надетые резиновые сапоги, Космеску включил фонарик, посветил в глаза, которые отчаянно силились что-то сказать, выключил, когда вода начала заливать рот бывшего сыщика, оглядел горизонт. Кроме огней Брайтона и фосфоресценции на гребнях волн, полная тьма. Он прислушался к плеску воды о корпус шхуны, чувствуя, как «Скуби» погружается глубже, все слабее раскачивается под быстро прибывающим водяным балластом.

Шкипер лихорадочно старался поднять голову.

– Советую вам, мистер Тауэрс, сделать очень глубокий вдох, пока вода не дошла до ноздрей. Сэкономите целую минуту жизни. За шестьдесят секунд много чего можно сделать. Может быть, даже за девяносто, если вы крепкий мужчина.

Впрочем, уже непонятно, слышит ли его Джим Тауэрс. Вряд ли – голова ушла под воду. А спасательная шлюпка сровнялась с поручнями палубы. Элементарное правило из школьного учебника предписывает не покидать тонущее судно, пока не сумеешь шагнуть *вверх* на спасательный плот.

Через девяносто секунд Космеску на него шагнул, отвязал трос, запустил подвесной мотор и ушел в темноту. Когда черный корпус «Скуби» скрылся под водой, пустив крупные звучные пузыри, «Зодиак» рванулся, ударив носом в волну. В лицо хлестнули ледяные соленые брызги. Задранный нос провалился и снова взлетел. Крошечную резиновую шлюпку резко бросало из стороны в сторону. В мгновенном приступе паники показалось, будто все пропало – хлипкая лоханка опрокинется, перевернется. Но за очередной волной брайтонские огни в разъедаемых солью глазах засветились чуть ярче, стали чуть ближе. С приближением к берегу море успокаивалось. Космеску целился на освещенный пирс и на пристань яхт-клуба. В холодную слепую ноябрьскую ночь на пешеходной дорожке под утесом за яхтенным причалом вряд ли кто будет. На берегу тоже.

Одно плохо – сегодняшняя годовщина свадьбы владельца и шкипера затопленной «Скуби». Еще один серьезный прокол, если Джим Тауэрс не соврал. Вдруг его жена действительно обратилась в полицию? В береговую охрану? Вдруг местные газеты сообщат об исчезновении бывшего частного сыщика? Надо следить, смотреть, принимать меры.

Через двадцать минут, видя перед собой темные тени утесов, а слева на безопасном расстоянии пристань, Космеску выключил двигатель, открутил две гайки, удерживавшие на месте мотор, и бросил его в море.

«Зодиак» продолжал самостоятельно продвигаться вперед. Работая веслом, Космеску направлял его к берегу, прислушиваясь к усиливавшемуся плеску волн на гальке, и вдруг

резко остановился. Волна плеснула через корму, окатила его. Он с проклятием прыгнул в воду, которая оказалась гораздо глубже и холоднее, чем ожидалось. Ровно по плечи. Волна потащила его за собой. На миг стало страшно. Галька поехала под ногами. Космеску решительно рванулся вперед, таща на канате шлюпку, добираясь до прочного берега.

Налетела другая волна, нос «Зодиака» врезался в затылок. Космеску выругался, упал, забарахтался, пытаясь удержаться за дурацкую надувную резинку, болтавшуюся позади.

Наконец он вытащил лодку на берег, внимательно вслушался в темноту, огляделся. Никого. Волны плещут, вода шипит на гальке. Выдернул с боков пробки, медленно скатал резину, похожую на гигантский мочевой пузырь, выпустил воздух, разрезал на полосы, собрал в кучу, связал, потащил под утесами тяжелый мокрый тюк к фургону, оставленному на стоянке у супермаркета на пристани для яхт, бросая куски резины в каждый мусорный бак, попавшийся по дороге.

Без нескольких минут полночь. Для успокоения хорошо бы выпить, провести пару часов за рулеткой в казино «Рандеву». Но не стоит являться туда в таком виде.

40

Следственная бригада в составе двадцати двух человек собралась в отделе тяжких преступлений, который занимает почти треть этажа. Здесь два больших рабочих помещения, две комнаты для опроса свидетелей, конференц-зал для совещаний и встреч с прессой, криминалистические лаборатории и несколько отдельных кабинетов.

В просторной, светлой, современной комнате с окнами, закрытыми жалюзи и стеклянной матовой потолочной панелью, по которой барабанит дождь, ничто не отвлекает от дела, в данном случае от операции «Нептун». К белым доскам на стенах пришпилены фотографии жертв: первый подросток, завернутый в пластик, зажатый стальными щупальцами головки драги «Арко Ди», и разные стадии вскрытия; второй подросток и девочка в мешках для трупов на палубе рыболовецкой шхуны «Скуби» и тоже вскрытие. На одном снимке крупным планом девичье плечо с татуировкой, к которой приложена масштабная планка.

Фривольный штрих в серьезную обстановку вносит изображение на одном из стендов желтой подводной лодки из альбома «Битлз». Уже стало традицией иллюстрировать названия операций. Эту картинку наверняка приклеил какой-то остряк из следственной бригады – скорее всего, по мнению Грейса, Гай Батчелор.

На отделанном под дуб столе перед суперинтендентом лежит утренний номер «Аргуса», протокольная книга и его собственные заметки, отпечатанные Элинор Ходжсон. Заголовок в газете гласит: «В канале найдены еще два трупа».

Могло быть гораздо хуже. Кевин Спинелла проявил нехарактерную для себя сдержанность, практически не отклонившись от предложенной Грейсом линии. Сообщил об имеющихся у полиции подозрениях, что тела сброшены с проходившего через канал судна. Информации вполне достаточно, чтобы местные жители, не впадая в панику, призадумались о знакомых подростках, которые недавно перенесли хирургическую операцию, а потом исчезли из виду.

В перспективе дело необычайно важное. Три трупа за три недели после вступления в должность нового главного констебля Тома Мартинсона. Злопыхательница Элисон Воспер несомненно уже сообщила ему свое личное мнение о суперинтенденте Грейсе. Неуклюжая попытка Грейса завести с ним беседу на проводах Джима Уилкинсона наверняка лишь усугубила это мнение. Надо снова перехватить его на пару минут на нынешнем балу и внушить по возможности, что следствие в надежных руках.

Грейс открыл совещание.

– Восемь тридцать, суббота, двадцать девятое ноября. Четвертый инструктаж по операции «Нептун». Следствие по делу о смерти трех человек: первого и второго

«неизвестных мужчин» и «неизвестной женщины». Операцией руковожу я, суперинтендент Рой Грейс, а в мое отсутствие инспектор Мантл.

Он указал на сидевшую напротив Лиззи, представив ее тем, кто с ней не был знаком. Если почти все присутствующие явились в партикулярной одежде, как принято в выходные, на ней неизменный мужской костюм – сегодня коричневый с белой полоской. Единственная уступка субботе – коричневая водолазка вместо официальной блузки.

– Я помню, что вы должны сегодня присутствовать на вечернем приеме, – продолжал Грейс, – и что в выходные трудно отыскать людей, с которыми надо поговорить, поэтому кое-кого освобождаю на воскресенье. Остальных жду завтра в полдень. Успеете проспаться с похмелья после бала, – усмехнулся он. – В понедельник с восьми тридцати возвращаемся к прежнему расписанию.

Слава богу, Клио понимает, что его работа не подчиняется никаким общепринятым правилам. В отличие от Сэнди, неспособной смириться с занятостью в выходные.

Он заглянул в заметки.

– Может быть, результаты токсикологии помогут установить причину смерти, только придется ждать до понедельника. Начнем пока с первого «неизвестного мужчины».

Грейс посмотрел на сержанта Беллу Мой, перед которой, как всегда, стояла открытая коробка конфет. Для Беллы конфеты как лекарство.

– Что у нас с зубными слепками?

– Пока никаких совпадений не обнаружено. Но, по утверждению двух дантистов, с которыми я разговаривала, для юноши в таком возрасте состояние зубов плоховатое. Оба это приписывают дурному питанию, несоблюдению элементарных правил гигиены, отсутствию стоматологической помощи и, возможно, употреблению наркотиков. Видимо, парень из неблагополучной среды.

– Специалисты не могут назвать страну, где применяются аналогичные материалы и способы лечения? – спросила Лиззи Мантл.

– Нет, – ответила Белла. – Нет вообще никаких признаков лечения зубов. Вполне возможно, что мальчик никогда не был у стоматолога. Едва ли нам удастся что-нибудь найти.

– В понедельник будут три слепка, – напомнил Грейс. – Шансы увеличатся.

– Дали бы мне еще двух помощников, можно было бы быстрее опросить дантистов.

– Ладно, спрошу в отделе кадров после инструктажа. – Грейс быстро черкнул в блокноте и обратился к Норману Поттингу: – Что с координаторами пересадки органов?

– Объехал все больницы в радиусе ста миль, – доложил сержант. – Пока ничего, хотя обнаружилось кое-что интересное. – И провокационно умолк с самодовольной ухмылкой.

– Что именно? – вздохнул Грейс.

Норман Поттинг с нарочитой медлительностью полез в один из бесчисленных карманов пиджака из мятого твида, с погончиками на плечах, который постоянно, зимой и летом, носит в выходные, как будто собирался вытащить нечто важное, но ничего не вытащил, а принялся раздражающе позвякивать ключами.

– В мире катастрофически не хватает донорских органов, – объявил он, надул губы, важно покачал головой. – Особенно печенок и почек. Знаете, почему?

– Нет, но надеюсь, что вот-вот узнаем, – раздраженно буркнула Белла Мой, сунув в рот очередную конфету.

– Из-за автомобильных ремней безопасности! – триумфально воскликнул Поттинг. – Лучше всего, чтобы донор умер от черепно-мозговой травмы, а тело осталось в целости и сохранности. Теперь пристегнутые получают массированные повреждения. Ничего себе

шуточка? В былые времена люди первым делом врезались головой в лобовое стекло и от этого погибали. Сейчас в доноры попадают почти исключительно мотоциклисты.

– Спасибо, Норман, – поблагодарил сержанта Грейс.

– И еще одна любопытная вещь, – продолжал Поттинг. – Манилу на Филиппинах фактически называют «однопочечным островом».

– Ох, только не надо легенд! – воскликнула Белла.

Грейс предупредительно поднял руку.

– Что же тут интересного, Норман?

– Богачи с Запада едут туда и покупают почки у бедняков. За кусок – по тамошним меркам сумма существенная. В целом покупка и пересадка обходятся в сорок-шестьдесят тысяч.

– В сорок-шестьдесят тысяч фунтов? – изумленно переспросил Грейс.

– Печень в пять-шесть раз дороже, – сообщил Поттинг. – Люди годами в очереди стоят, доходят до отчаяния.

– У нас тут не филиппинцы, – заметила Белла.

Поттинг проигнорировал замечание.

– Я снова разговаривал с парнем из береговой охраны. Сообщил вес шлакобетонных блоков, которые удерживали первого бедолагу. По его мнению, при погодных условиях на прошлой неделе тело сдвинуться не могло. Почти все течения там идут на поверхности или близко к ней. Подобную тяжесть унесло бы только цунами.

– Спасибо за ценную информацию, – кивнул Грейс, сделав пометки. – Ник?

Гленн Брэнсон поднял руку.

– Простите, что перебиваю. Рой, из сообщения «Аргуса» следует, что будто бы всех троих убили в другой стране или даже на судне и сбросили в канал. Действительно такой вариант возможен?

– Да. Если б они оказались чуть дальше от берега, никаких проблем у нас не было бы. Проблемы возникли, поскольку тела обнаружены в территориальных водах Соединенного Королевства. Я уже попросил наших аналитиков составить полный список судов, которые проходили через канал за последние семь дней. Хотя пока не знаю, где взять деньги и силы на полную проверку. Даже не знаю, стоит ли возиться.

– Слушайте, – продолжал рассуждать Брэнсон, – раз тела найдены на глубине приблизительно в шестьдесят пять футов, а течением их принести не могло, значит, ребят там и сбросили – с лодки, шхуны, самолета, вертолета. Вполне можно исключить крупные грузовые суда, которые на такой глубине не пройдут. По-моему, каждый мало-мальски опытный шкипер видит на морской карте участок драгирования, где никогда не станет затапливать то, что надо надежно и навеки спрятать. А пилот частного самолета или вертолета не всегда заглядывает в морские карты или не все учитывает. Поэтому предлагаю проверить местные аэропорты, особенно Шорэмский, выяснить, кто оттуда в последнее время взлетал.

– Молодец, Гленн, все правильно, – кивнула Лиззи Мантл. – Хотя легкий самолет, взявший на борт трупы, чтобы сбросить их в море, вполне мог взлететь с частного аэродрома, не заполняя полетный лист.

– Их могли сбросить и с иностранного самолета, – заметил Ник Николл.

– Едва ли, – усомнился Грейс. – Иностранные самолеты, скажем французские, залетают в канал лишь на несколько миль, не вторгаясь в британское воздушное пространство.

Брэнсон покачал головой:

– Прошу прощения, шеф, не могу согласиться. Специально могли залететь.

– Как это? – удивилась инспектор Мантл.

– Ну, устроили как бы двойной блеф, – пояснил сержант. – Если б их обнаружили, приняли бы за англичан.

– По-моему, ты кино чересчур насмотрелся, – улыбнулся Грейс. – Если б какие-то иностранцы собрались затопить в море трупы, которые ни при каких обстоятельствах не должны были быть обнаружены, то не подлетали бы так близко к английской береговой линии. – Он сделал пометку в блокноте. – Проверим местные аэродромы и летные клубы, поговорим с диспетчерами. Они в выходные работают.

Руку поднял Дэвид Браун, который в свои сорок лет легко сошел бы за веснушчатого рыжеволосого брата актера Дэниела Крейга. Давно ходит шутка, что когда кинокомпания несколько лет назад выбирала нового исполнителя на роль Джеймса Бонда, то взяла не того, кого надо. У Брауна настоящая актерская внешность – могучие плечи, коротко стриженные волосы, море обаяния. Однако он полицейский до мозга костей и благодаря этому поднялся по служебной лестнице на приличную высоту.

– Все три тела завернуты в идентичную поливинилхлоридную пленку промышленного производства, которая продается в любом магазине, – сказал Браун. – Все связаны столь же общедоступным одинаковым высокопрочным шнуром.

– Есть шанс выяснить, где куплены материалы? – спросил Грейс.

Браун с сомнением покачал головой:

– Такой товар поставляется в сотни магазинов. Можно поспрашивать местных торговцев. Почти все в субботу-воскресенье работают.

Грейс сделал очередную пометку и опять кивнул Нику Николлу.

– Я просмотрел списки пропавших без вести, – начал констебль, – описанию наших подростков более или менее соответствуют многие. Требуются фотографии.

– К понедельнику будут готовы отретушированные снимки для прессы, которые надо послать в розыск пропавших, в полицейские участки на юго-востоке, в телевизионную программу «Криминальный дозор», если успеем к очередному выпуску. Кто-нибудь знает, когда она выходит?

– Еженедельно по четвергам, – подсказала Белла Мой.

Грейс огорченно сморщился. Слишком долго. Он обратился к констеблю Эмме Джейн Бутвуд:

– Что у тебя?

– Ну, – заговорила она с изысканным произношением выпускницы частной школы, – я просмотрела дело об обезглавленном торсе мальчика, выловленном в Темзе в две тысячи втором году. Полиция дала так и не опознанному бедняжке имя Адам. По микроскопическим частицам растений, обнаруженным в кишечнике, удалось установить, что он из Нигерии. Заключение подписано экспертом, доктором Хейзл Уилкинсон из лаборатории в Кью-Гарденс.

– Рой, мы знаем Хейзл, много раз с ней работали, – добавил Дэвид Браун.

– Хорошо, – кивнул Грейс. – Эмма Джейн, договорись, чтобы она получила все необходимое от Надюшки.

– Будет сделано. И еще кое-что. Я об этом в больнице читала. Решила с пользой провести время… У лаборатории «Селлмарк форенсик», которая для нас делает анализы ДНК, материнская фирма в Соединенных Штатах – «Селлмарк оркид». Я познакомилась с очень отзывчивым парнем по имени Мэтт Гринлаф из отдела судебной медицины, и он мне рассказал, что американские лаборатории сильно продвинулись в анализе ДНК. По его словам, они доказали, что по пище, в частности по содержащимся в ней минералам, вполне можно установить регион ее происхождения, а то и конкретную страну. Я отправила туда

экспресс-почтой лабораторные образцы первого парнишки, и в начале недели Мэтт перезвонит.

– Отлично. Спасибо, Эмма Джейн, – сказал Грейс, мысленно взвешивая шансы на успех при условии, когда материал рассылается по всему миру. Впрочем, отказываться от помощи не стоит. Он встал, подошел к стенду, указал на снимок предплечья. – Все видите?

Присутствующие кивнули. Грубая татуировка длиной в дюйм с буквами RARES.

– Рарес? – переспросил Норман Поттинг. – Видно, какой-то неграмотный хотел написать рабис.[17] Значит, нам придется работать как бешеным! – И посмеялся собственной шутке.

– По-моему, это имя, – сказал Грейс, не обращая на него внимания. – Девочка скорее всего вытатуирует на руке имя своего приятеля. Похоже, она сама это сделала. Кто-нибудь слышал такое имя?

Никто не отозвался.

– Поручаю Норману и Эмме Джейн выяснить, действительно ли это имя и в какой стране имеет хождение. Если нет, то что это слово значит. – Он перевел взгляд на инспектора Мантл. – Знаю, за пару дней на курсах, Лиззи, ты отстала от жизни. Хочешь что-нибудь уточнить?

– Нет, Рой. Я нагоню, – сказала она.

Грейс обратился к аналитику системы ХОЛМС Джулиет Джонс, темноволосой женщине в блузке в коричневую полоску.

– За выходные необходимо провести обзорную операцию – связаться с полицией в каждом графстве Соединенного Королевства, проверить, не было ли чего-то, хотя бы отчасти похожего на наш случай. Трансплантаты – самая очевидная линия расследования, но не исключено, что мы имеем дело с чокнутым маньяком-одиночкой. Надюшка считает, что операции сделаны опытным хирургом. Надо запросить в министерстве внутренних дел сведения о всех, так или иначе связанных с хирургией, кто за последнюю пару лет вышел из тюрьмы или из психиатрической лечебницы. – Грейс на секунду задумался. – И обо всех уволенных хирургах, которые могли затаить злобу. – Он сделал пометки.

– Как насчет Интернета, Рой? – спросил Дэвид Браун. – Помню, несколько лет назад было объявление насчет продажи почки. Стоит проследить.

– Да, очень хорошо. – Грейс взглянул на инспектора Мантл. – Лиззи, поручи компьютерщикам. Пусть посмотрят, нет ли предложений об органах на продажу.

– Ты действительно веришь, что кто-то это делает, Рой? – спросила Белла Мой. – Убивает людей и продает их органы?

Давно прошло то время, когда Грейс сомневался в человеческом потенциале зла. Возьми самую жуткую вещь, какую только можно вообразить, потом умножь на десять и все-таки даже близко не подойдешь к уровню мерзости, на которую способны люди.

– Да, – кивнул он. – К сожалению, верю.

41

В половине четвертого уже темнеет. Линн стоит у кухонного стола, глядя в окно, ожидая, когда микроволновка, дребезжащая, как циркулярная пила в мусорном баке, завершит процесс. Льет дождь, сад позади дома, которым она вот уже год страшно гордится, выглядит жутко запущенным. Надо обрезать осенние розы с мертвыми головками, трава под ковром палых листьев вновь нуждается в стрижке, хотя уже конец ноября – спасибо глобальному потеплению! Может, в следующие выходные на это хватит сил и энтузиазма. Если…

Если с очень большой буквы.

Если удастся избавиться от жуткого страха за Кейтлин, который держит ее в тисках, почти парализуя рассудок, не позволяя ни на чем сосредоточиться, даже на газете.

Во второй половине воскресного дня есть что-то такое, что никогда ей не нравилось, сколько она себя помнит. Сожаление оттого, что выходные кончаются, завтра придется вернуться к реальной жизни. Хотя сегодня дело не в этом. Дело в тошнотворном страхе за Кейтлин, в ощущении своей беспомощности, в злости на свою беспомощность. Смотреть в испуганное личико дочери на больничной койке и не иметь возможности ничего предложить, кроме слов утешения, молодежных журналов и дисков… Сердце разрывается!

Она всегда старалась и умела помогать людям. Сама еще девочкой два года ухаживала за младшей сестрой Лоррейн, искалеченной, прикованной к постели, после того как ее на велосипеде сбил грузовик. Помогала приходить в себя, учиться ходить. Пять лет назад вновь поддерживала ее во время развода и сражения с раком груди, которое Лоррейн проиграла.

После собственного развода опорой стала мать, но годы берут свое, и, хотя она еще сильная, Линн знает, что со временем и ее потеряет. Если уйдет Кейтлин, она останется абсолютно одна на всем белом свете, и эта эгоистичная мысль страшит ее почти так же, как нынешние страдания дочки.

Последние несколько дней в Королевской больнице Южного Лондона были истинным адом. На три ночи ей выделили комнату в учебном центре Армии спасения, который находится на противоположной стороне улицы, но она там почти не бывала, чтобы не пропустить ни одного обследования и анализа на совместимость трансплантата, которым подвергалась Кейтлин чуть не круглые сутки. Линн предпочитала спать с ней рядом в кресле.

Кто только не побывал за это время в палате. Трансплантологи, социальные работники, медсестры, гепатолог, хирург, анестезиолог. Сканирование, рентген, ультразвук, анализы крови, основные данные, видеосъемка, проверка легочной функции, обследование сердца, бесконечные клинические осмотры.

«Я просто экспонат, правда?» – в отчаянии спросила однажды Кейтлин.

Единственный человек, с кем дочка общалась, – консультант доктор Абид Сэддл – нынче утром заверил, что надеется очень скоро найти подходящий трансплантат, несмотря на редкую группу крови. Возможно, уже через несколько дней.

Что за человек! Всегда умеет подбодрить. Линн нравится его энергичность, теплота, искренняя забота. Трудно установить точное число жителей Соединенного Королевства, ожидающих пересадки печени. Доктор Сэддл по секрету признался, что девятнадцать процентов пациентов Королевской больницы умирают, так и не дождавшись операции. Причем наверняка не сказал полной правды. Очередность меняется на еженедельных совещаниях медиков по средам. Беседуя с больными в каждый свободный момент, Линн слышит, что их без конца отодвигают, ставя на первое место тех, кому еще хуже.

Лотерея.

И полная беспомощность, черт побери.

На глаза попался заголовок на первой странице толстого номера газеты «Обсервер», предрекавший дальнейший экономический спад, падение цен на недвижимость, увеличение числа банкротств. Завтра, вернувшись на работу, ей предстоит столкнуться с человеческими последствиями всей этой неразберихи. Жалко почти каждого, с кем она разговаривает по телефону. Приличные люди запутались в финансовых силках. Среди них есть женщина, Энн Флоренс, почти ровесница Линн, тоже с больной дочкой-подростком. Проблемы у нее начались несколько лет назад после покупки машины в рассрочку за пятнадцать тысяч фунтов. Она не успела расплатиться, как автомобиль угнали. Осталась должна компании, но уже без машины.

Линн уже почти год договаривается с кредитной компанией, клиентом ее фирмы, о сокращении для Энн Флоренс суммы ежемесячных выплат. Хуже того, она сильно просрочила выплаты по закладной на дом. Каждому ясно: потеря жилья и всего остального – вопрос времени. Хорошо бы иметь волшебную палочку, уладить проблемы Энн Флоренс и десятков других, с кем Линн ежедневно имеет дело, но она может лишь проявлять сочувствие и в то же время твердость. А у нее гораздо больше сочувствия, чем твердости.

Полосатый кот Макс потерся о ноги. Она наклонилась, погладила его, чувствуя успокоение от прикосновения к теплой мягкой шерсти.

– Счастливчик ты, Макс. Понятия не имеешь обо всем дерьме, которое в жизни валится на человека, правда?

Если Макс даже имел понятие, то не признался. Просто замурлыкал. Линн взяла телефон, набрала номер своей лучшей подруги Сью Шеклтон в надежде получить от нее поддержку. Услышав автоответчик, смутно вспомнила, что новый бойфренд собирался увезти ее в Рим на выходные. Оставила сообщение. Звякнула микроволновка. Она выждала еще минуту, открыла дверцу, вытащила пиццу, разрезала на куски, выложила на тарелку, понесла поднос в гостиную.

В гостиной орал телевизор. Линн узнала на экране двух персонажей любимого сериала Кейтлин «Лагуна-Бич». Дочь лежала на диване босая, положив голову на грудь Люка. Рядом на кофейном столике со стеклянной крышкой две откупоренные банки коки. Линн смотрела на Кейтлин, полностью погруженную в происходящее на экране. Ее вдруг охватила буря эмоций. Страшно захотелось схватить девочку на руки и укачать.

Господи, ей требуется утешение – она вполне заслуживает утешения! Заслуживает, чтобы рядом с ней на диване сидел кто-то получше этого недоумка с дурацкой однобокой стрижкой, который только и знает, что пугать их статистикой по поводу очередей на пересадку и смертности в этих очередях.

– Пицца! – как можно бодрее объявила Линн.

Люк в куртке с капюшоном, драных джинсах, расшнурованных кроссовках, глянул на нее из-под косой челки, махнул рукой, будто регулировал уличное движение.

– Ух! Улет. Балдею от пиццы.

«Еще сильней обалдел бы, если б надеть ее тебе на голову вместо шляпы», – подумала Линн. Она с удовольствием так сделала бы, но вместо этого спокойно поставила поднос и вернулась на кухню. Оставив без внимания воскресную газету, взяла детектив Вэл Макдермид, который читает в последние дни в надежде на час-другой уйти в выдуманный мир. Один персонаж романа применял к жертве дубликат средневековой пыточной машины. Хорошо бы сунуть туда Люка.

Она бросила книгу и заплакала.

42

Сьюзен Купер совсем выдохлась. Потеряла счет дням после несчастья с Натом. Кроме кратких поездок домой, чтобы принять душ и переодеться, с прошлой среды живет здесь, в реанимационной палате. Сегодня, согласно газете «Дейли мейл», понедельник. В газете полно советов в рамочках из падуба и веселых праздничных фестончиков. Как избежать похмелья после Рождества. Как не набрать лишнего веса на праздниках. Как украсить елку с помощью старых ненужных вещей. Сотня замечательных идей насчет рождественских подарков. Как купить мужу подарок, которого он никогда не забудет.

Почему никто не посоветует, как сохранить мужу жизнь до Рождества, как помочь ему увидеть еще неродившегося ребенка?

За последние пять дней никаких перемен. Пять самых долгих дней в ее жизни. Пять дней жизни в кресле у койки Ната в голубой реанимационной палате. Ее тошнит от

голубизны. Тошнит от бледно-голубых стен, от голубых занавесок, задернутых в данный момент вокруг его койки, от голубых жалюзи, от голубых блуз и брюк медсестер и врачей. Другие краски только на присланных ему открытках. Цветы она отдает в соседние палаты, потому что здесь мало места.

Сейчас за занавесками столпились медики. Неожиданно прозвенел сигнал монитора и почти сразу умолк. Ненавистный писк каждый раз пугает до чертиков. Теперь зазвенел в другом конце палаты. Сьюзен положила газету. Решила выйти на несколько минут из палаты, сменить обстановку. Остановилась у рукомойника на стенке у двери. Послушно спрыснула руки, втерла в кожу дезинфицирующий раствор, нажала зеленую кнопку. Дверь открылась, и она направилась по коридору, как зомби, мимо двери слева в комнату отдыха и двери справа в комнату ожидания, мимо абстрактной картины, напоминающей столкновение грузовиков, полных разноцветных каракатиц, и дальше к окну за лифтом.

Для нее оно стало окном в мир. Сквозь него она смотрит в другую реальность. Крыши, парящие чайки, канал вдалеке. Мир нормальный, спокойный. Мир, где Нат был здоров. Мир, где серые корпуса кораблей проплывают вдоль серого горизонта, где она вчера следила за белыми парусами яхт, гонявших вокруг буйков. Зимняя регата «Фростбайт». Ей все об этом известно, потому что пару лет назад Нат в свободные воскресенья был членом команды одной такой яхты, крутил лебедки. Радовался свежему воздуху, успешно снимал больничное напряжение. Потом купил мотоцикл и вместо воскресных гонок на яхте начал гонять по проселочным дорогам с компанией других «заново рожденных» мотоциклистов. Она до ужаса ненавидела этот мотоцикл.

Ох, черт! Черт, черт, черт… Как будто реагируя на ее настроение, шевельнулся младенец.

– Привет, Тычок, – сказала она.

Вытащила мобильник – восемь пропущенных вызовов. Новые сообщения одно за другим. Брат Ната. Друзья-яхтсмены. Сестра. Джейн, лучшая подруга Сьюзен, и еще две приятельницы. За спиной послышались шаги, тихие, скрипящие по линолеуму. Раздался женский голос, который Сьюзен не узнала:

– Миссис Купер?

Оглянувшись, она увидела симпатичную женщину с планшетом, к которому прикреплено множество бланков. Под сорок, русые волосы собраны в пучок, блуза в коричневую и кремовую полоску, черные брюки, мягкие черные туфли. На груди жетон с надписью «старшая сестра».

– Меня зовут Крис Джексон, – представилась она с сочувственной улыбкой. – Как себя чувствуете?

Сьюзен пожала плечами, невесело улыбнулась.

– Не очень хорошо, если хотите знать правду.

Сестра нерешительно помолчала, и Сьюзен сжалась, предчувствуя недоброе.

– Можно с вами поговорить, миссис Купер? – спросила Крис Джексон. – То есть если я ни от чего вас не отрываю.

– Конечно, пожалуйста.

– Может, зайдем в комнату отдыха? Хотите, я вам чаю налью?

– Спасибо.

– Как вы пьете?

– С молоком, без сахара.

Через пару минут Сьюзен сидела в зеленом кресле с деревянными ручками в тихой комнате без окон. На угловом столике лампа со сборчатым абажуром. На одной стене

зеркальце, на другой гравюра с унылым пейзажем, на потолке маленький выключенный вентилятор. Гнетущая атмосфера.

Сестра вернулась с двумя чашками чаю и села напротив, смущенно улыбаясь.

– Можно называть вас по имени?

Сьюзен кивнула.

– К сожалению, Сьюзен, положение не слишком хорошее. – Крис Джексон помешала чай ложечкой. – Мы сделали для вашего мужа все, что могли. Поскольку мы его знаем и любим, то, поверьте, старались сверх меры. В течение пяти дней он не реагировал, а сегодня, боюсь, кое-что произошло.

– Что?

– Судя по исследованию зрачков, в мозгу произошли изменения, связанные с повысившимся давлением.

– Зрачки расширились? – спросила Сьюзен.

Старшая сестра мрачно улыбнулась.

– Конечно. С вашим опытом, с вашим образованием вы понимаете.

– И понимаю серьезность повреждения мозга. Долго ли… как по-вашему… знаете… – Она давилась словами. – Долго он еще будет с нами?

– Надо сделать повторные анализы, но это решающий признак. Хотите кому-нибудь позвонить? Другим членам семьи, которых хотели бы видеть здесь, которые могли бы с ним попрощаться и вас поддержать?

Сьюзен поставила чашку с блюдцем, вытащила из сумочки платок, промокнула глаза и кивнула.

– Его брат… он уже едет из Лондона, скоро будет. Я… я… – Она затрясла головой, высморкалась, сделала глубокий вдох, постаралась успокоиться, сдержать слезы. – Вы вполне уверены?

– Давление поднялось до двухсот двадцати на сто десять. Вы ведь медсестра, правда? Понимаете, что это значит?

– Да, – кивнула Сьюзен. – Нат фактически умер. Так?

– К большому сожалению, – очень тихо ответила Крис Джексон.

Сьюзен крепко прижала к глазам платок. Старшая сестра терпеливо ждала. Через несколько минут Сьюзен сделала глоток чаю.

– Послушайте, – сказала Крис Джексон. – Я сейчас еще кое-что хочу обсудить. Поскольку тело вашего мужа особых повреждений не получило, вы могли бы разрешить забрать его органы для пересадки, спасти жизнь других людей.

И замолчала, ожидая реакции.

Сьюзен молча уставилась в чайную чашку.

– В этом многие черпают утешение. Это значит, что смерть их любимых способна хотя бы спасти другие жизни. Что смерть Ната послужит доброму делу.

– Я беременна, – сказала Сьюзен. – Ношу его ребенка. Значит, он его не увидит, да?

– По крайней мере, частица его будет жить в ребенке.

Сьюзен снова уставилась в чашку. Гортань туго перехватила стальная лента.

– Как… я хочу спросить… если я… если он отдаст органы… то будет… сильно обезображен?

– За ним будет точно такой же медицинский уход, как за живым пациентом. Он вообще не будет обезображен. Всего один разрез по грудине.

После долгого молчания Сьюзен сказала:

– Я знаю, Нат всегда поддерживал идею пересадки органов.

– Но у него нет донорской карточки? Он не внесен в реестр?

– Думаю, сделал бы это со временем. – Сьюзен содрогнулась. – Вряд ли он ожидал, что… что…

Сестра кивнула, избавив ее от необходимости договаривать фразу.

– Мало кто ожидает.

Сьюзен горько рассмеялась.

– Проклятый мотоцикл. Мне так не хотелось, чтобы он его покупал. Если бы топнула ногой…

– Очень трудно отговорить людей с сильной волей от того или иного поступка. Никогда не вините себя.

Наступило долгое молчание. Потом Сьюзен спросила:

– Если я дам согласие, вы ему сделаете анестезию?

– Сделаем, если вы пожелаете. Хотя в этом нет необходимости. Он ничего не чувствует.

– Что возьмете?

– Как скажете.

– Не хочу, чтобы глаза трогали.

– Вполне понимаю. – У сестры запищал пейджер. Она взглянула, сунула его обратно в чехол. – Налить еще чаю?

Сьюзен пожала плечами.

– Я сейчас принесу, захвачу бланки, которые надо заполнить. Мы должны вместе с вами просмотреть его медицинскую карту.

– Знаете, кто получит органы? – спросила Сьюзен.

– Пока нет. Существует национальная база данных – почки, сердце, печень, легкие, поджелудочная железа, тонкая кишка… Органов ждет больше восьми тысяч человек. Их распределят в зависимости от совместимости и очередности – найдут реципиентов с наилучшими шансами на успех. Мы вам письменно сообщим, кого они спасли.

Сьюзен закрыла глаза.

– Несите бланки, – сказала она. – Несите проклятые бланки, пока я не передумала.

43

Агентство по взысканию долгов «Динарий», где работает Линн, располагается на двух этажах одного из новейших в Брайтоне и Хоуве офисных зданий в модном шикарном квартале Новая Англия рядом с железнодорожной станцией.

Клиенты агентства, носящего название древнеримской монеты, – всевозможные компании, предоставляющие коммерческие кредиты: банки, строительные общества, конторы почтовых заказов по каталогам, магазины, выпускающие собственные кредитные карточки, фирмы, торгующие в рассрочку. При ухудшении экономической ситуации агентство процветает. Иногда оно просто отыскивает сомнительных должников, но главным образом скупает портфели долгов, рассчитывая на возможность взыскать максимальную сумму.

В понедельник в четверть шестого Линн сидела на своем рабочем месте. Их подразделение из десяти человек именуется «Осы-разорители». Название каждой бригады написано на табличке, свисающей с потолка гигантского офиса: «Серебряные акулы», «Прыгучие леопарды», «Демоны динария». Между ними идет жесточайшая конкуренция. В дальнем конце расположен судебный отдел под табличкой «Орлы закона». Дальше менеджеры, которые отслеживают звонки агентов.

Обычно Линн здесь нравится. Нравится братский дух и дружеское соперничество, подогреваемое огромными плоскими мониторами на стенах с изображением выигрышных призов – от коробки шоколада до приглашения на ужин в модном ресторане или угощения сосисками. На одном экране горшок, наполненный золотыми монетами, с подписью: «Премиальные – 673 фунта». Порой кажется, что находишься в казино.

К концу недели в горшке накопится еще больше, кто-то из членов ее команды или конкурирующих бригад унесет деньги домой. Она сама смогла бы, успешно начав неделю, несмотря на отлучки. Боже, как хочется выиграть! Заплатить за ремонт машины, сделать подарок Кейтлин, повысить ежемесячные долговые выплаты…

Из офиса открывается чудесный вид на Брайтон, погруженный в зимние сумерки, но Линн всегда настолько сосредоточена на работе, что редко любуется городом. В данный момент на ней наушники, на столе дымящаяся кружка кофе, она старается думать только о звонках по списку. То и дело прерывается, смотрит с тяжелым сердцем на фотографию Кейтлин, пришпиленную к красной перегородке прямо над компьютером. Кейтлин прислонилась к выбеленной стене дома в Шарм-эль-Шейхе, загорелая, в футболке и шортах, в потрясающих темных очках, изображает перед фотографом – Линн – комично надутую супермодель.

Вернувшись к списку, Линн набрала номер, услышала грубый мужской голос с северным акцентом:

– Слушаю.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась она. – Мистер Эрнест Мурхаус?

– Э-э-э… кто говорит? – настороженно уточнил мужчина.

– Меня зовут Линн Беккет. Вы мистер Мурхаус?

– Допустим.

– Я звоню из долгового агентства «Динарий». Мы недавно отправили вам письмо относительно восьмисот семидесяти двух фунтов, которые вы задолжали по карточке магазина «Хоум-ФиксИт». Представьтесь хотя бы.

Последовало минутное молчание.

– Ах, – сказал мужчина, – извините, не понял. Я не мистер Мурхаус. Вы ошиблись номером.

Связь оборвалась.

Линн опять набрала номер, ответил тот же голос.

– Мистер Мурхаус? Это Линн Беккет из «Динария». Кажется, нас разъединили.

– Я только что сказал, я не мистер Мурхаус. Проваливайте, не беспокойте меня, иначе я приду в вашу шарашку в Новой Англии и засуну телефон в вашу пышную задницу.

– Значит, вы получили мое письмо? – невозмутимо продолжала Линн.

Голос повысился на несколько октав и набрал децибелы.

– Ты чего-то не понимаешь, глупая корова?! Я не мистер Мурхаус!

– Если не получили, то откуда знаете, что мы находимся в Новой Англии? – вежливо спросила Линн, по-прежнему сохраняя спокойствие.

Сдвинула наушники, чтобы не слышать поток брани. Неожиданно в сумочке зазвонил мобильник. Она его вытащила, взглянула на дисплей: «Номер не определяется». Нажала кнопку отмены. Когда брань стихла, сказала:

– Должна предупредить, мистер Мурхаус, что наш разговор записывается в учебных и контрольных целях.

– Да? Ну, я тоже должен вас предупредить, мисс Барнет. Больше мне никогда не звоните в это время дня и не толкуйте о деньгах. Понятно?

– Какое время дня вам удобнее?

– Никакое время дня и ночи, мать твою! Поняла?

– Мне бы хотелось разработать приемлемый для вас план еженедельных выплат.

Она снова сдвинула наушники.

– Для меня ничего не приемлемо, черт побери. Я потерял долбаную работу! У меня в кармане шиш с маслом! Проклятые приставы ломятся в дверь за более крупными долгами, чем ваша хреновина! Проваливай, и больше никогда не звони, мать твою! Поняла меня, сука?

Линн глубоко вдохнула.

– Может, начнем с десяти фунтов в неделю? Нам хочется облегчить ваше положение. Мы предлагаем удобный план.

– Оглохла, мать твою?!

Телефон опять умолк, и почти сразу же пискнул мобильник – пришло сообщение. Она сделала пометку в досье Эрнеста Мурхауса. Ему будет послано следующее письмо, за которым на будущей неделе последует новый звонок. Если не сработает – а похоже на то, – придется передать дело в судебный отдел. Линн тайком – частные разговоры не поощряются, – поднесла к уху мобильник, прослушала сообщение.

Координатор по трансплантации из Королевской больницы Южного Лондона просит срочно перезвонить.

44

В выходные в городе случилась еще одна подозрительная смерть – известный сорокалетний торговец наркотиками по имени Джеффри Дивер выпал из окна своей квартиры на седьмом этаже многоквартирного дома на набережной. Все признаки самоубийства, но ни коронер, ни полиция не хотели делать поспешные заключения. Небольшая следственная бригада, занявшаяся этим делом, собралась в первом помещении отдела тяжких преступлений, поэтому, чтобы им не мешать, Грейс проводил свои летучки в конференц-зале с другой стороны коридора.

Его разросшаяся команда сидела вокруг прямоугольного стола на красных стульях. В конце зала прямо за суперинтендентом стоял выгнутый стенд, выкрашенный в два голубых оттенка, с электронным адресом суссекской полиции и изображением пяти полицейских значков. На противоположной стене монитор.

Расследуемое дело все больше волновало Грейса. В субботу на обеде с танцами удалось поболтать с новым главным констеблем, и его удивила осведомленность Тома Мартинсона о ходе работы. Понятно, что за каждым его шагом будет следить не только Элисон Воспер, но и сам Мартинсон. Три тела, доставленные в Брайтон и Хоув, привлекают все более пристальное внимание национальных средств массовой информации, что, в частности, означает и пристальное внимание к суссекской уголовной полиции. Единственным происшествием, которое в данный момент препятствует широкому освещению этого случая, стало исчезновение больше недели назад двух маленьких девочек в деревушке близ Гуля. Пресса сосредоточилась на них и на их ближайших родственниках.

– Восемнадцать тридцать, понедельник, первое декабря, – объявил Грейс. – Восьмой инструктаж по операции «Нептун». – Он хлебнул кофе и продолжил: – Нынче утром я выдержал в высшей степени неприятную встречу с прессой. Кто-то проболтался об отсутствии у жертв органов.

Он по очереди оглядел своих самых надежных коллег – Лиззи Мантл, Гленна Брэнсона в костюме цвета электрик, как бы готового отправиться на званый вечер, Беллу Мой, Эмму Джейн Бутвуд, Нормана Поттинга, Ника Николла, – абсолютно уверенный, что это не они и не сержант Гай Батчелор. Фактически уверен, что утечка не отсюда. И не из морга. И не из полицейской пресс-службы. Может, из кадрового отдела…

Белла взяла номер лондонской «Ивнинг стандарт» и последний выпуск «Аргуса». Заголовок в «Стандарт» гласил: «Загадка украденных органов из найденных в Ла-Манше тел». «Аргус» возвещал: «В телах из канала отсутствуют жизненно важные органы».

– Завтра будет и в утренних газетах, – вздохнул Грейс. – В Шорэмской гавани шастает пара бригад из теленовостей, в нашу пресс-службу целый день звонят с радиостанций. – Он кивнул на Дэнниса Пондса, которого пригласил на совещание.

Бывший журналист, старший офицер по связям с общественностью, Пондс больше напоминает столичного торговца. Сорокалетний, с гладко зализанными волосами, густыми широкими бровями и пристрастием к блестящим костюмам, он решает нелегкую задачу укрепления неизменно хрупких отношений между обществом и полицией. Ситуация часто бывает проигрышной, и полицейские, питая вечную подозрительность к тем, кто хоть как-нибудь был связан с прессой, называют ее «пондсовой».

– Надеюсь, освещение событий подтолкнет людской интерес, – сказал Пондс. – Я отправил отретушированные фотографии жертв во все газеты, в телевизионные программы новостей, разместил в Интернете.

– И на сайте «Абсолют Брайтон»? – уточнил Ник Николл, имея в виду относительно новый городской интернет-портал.

– Разумеется! – Пондс просиял, как бы довольный собственной сметливостью.

Грейс заглянул в свои заметки.

– Прежде чем выслушать доклады, отмечу одно интересное сообщение в сегодняшней сводке происшествий, – сказал он. – Возможно, пустышка, но надо проверить. – Он взглянул на Брэнсона. – Проверять будешь ты, как специалист по навигации.

Раздались смешки.

– Скорей по прицельному блевотометанию, – фыркнул Норман Поттинг.

Не обращая на него внимания, Грейс продолжил:

– Сообщается о пропавшей с вечера пятницы рыболовецкой шхуне «Скуби», стоявшей в Шорэме. Возможно, в этом ничего особенного нет, но мы должны отслеживать все происшествия на побережье.

– Ты сказал «Скуби», Рой? – переспросил Брэнсон.

– Да.

– Да ведь это… та самая шхуна, на которой я ходил в пятницу с поисковой бригадой!

– Ты нам не рассказывал, Гленн, что затопил ее к чертовой матери! – подколол его Гай Батчелор.

Сержант проигнорировал коллегу, крепко задумался. Что значит «пропала» – украдена или затонула? Спросил Грейса:

– Еще есть какая-нибудь информация?

– Нет. Сам ищи.

Брэнсон кивнул.

– По-моему, похоже на рэкет, – неожиданно заявил Норман Поттинг.

Грейс вопросительно посмотрел на него.

– Один писатель сказал, что в Брайтоне только и есть что трактиры да рэкетиры. Полная картина, правда? – ухмыльнулся Поттинг.

Белла бросила на него недружелюбный взгляд.

– Норман, – сказал Грейс, – присутствующие могут принять это за оскорбление. Ясно?

– Да, шеф. Понял. Просто хочу отметить, что, раз у всех трех нет органов, надо искать рэкетиров, которые ими торгуют.

– Что еще можешь добавить?

– Я велел Филу Тейлору и Рею Паккарду из отдела высоких технологий покопаться в Интернете, да и сам посмотрел.

– В Соединенном Королевстве есть какие-то совпадения?

– Пока нет. Максимально расширяю сферу поиска, связался с Интерполом и Европолом. Только, думаю, скорого ответа мы от них не получим.

Грейс согласился. Не раз прежде связываясь с Интерполом, он хорошо знает, что эта организация бывает невыносимо медлительной, а иногда и надменно-презрительной.

– Хотя я нарыл кое-что интересное, – объявил Поттинг, поднялся со стула, пошел к фотографии с татуировкой. Указав на нее, громко произнес:

– Рарес. Это румынское имя. Мужское.

– Только румынское? – уточнил Грейс.

– Только, – ответил сержант. – Конечно, это не обязательно означает, что тот самый Рарес, кем бы он ни был, румын. Тем не менее ниточка.

Грейс сделал пометку.

– Отлично, это нам очень поможет.

Поттинг рыгнул, Белла пронзила его кинжальным взглядом.

– Ох, простите. – Сержант похлопал себя по животу. – И еще одно, Рой. Организация Объединенных Наций публикует список нехороших стран, связанных с контрабандной переправкой людей для трансплантации органов. Румыния занимает в нем далеко не последнее место.

45

Больница предложила прислать карету скорой помощи, но Линн не захотела и была уверена, что Кейтлин тоже не захочет. Решила попытать счастья с «пежо». Позвонив Мэлу, сразу попала на автоответчик – значит, он в море. Поэтому послала эсэмэску, зная, что он ее примет:

«Найден подходящий донор. Пересадка завтра в 6 вечера. Позвони, когда сможешь. Линн».

На этот раз Кейтлин не отправляла никаких текстов. Цеплялась за руку матери, слабо, испуганно тискала. Желтушное личико призрачно вспыхивало в свете уличных фонарей и фар встречных машин. По радио пошли новости. Третьей темой была деятельность в Суссексе преступной сети, торгующей крадеными человеческими органами. Полицейский, какой-то суперинтендент Рой Грейс, сказал:

«Обсуждать результаты следствия пока слишком рано, но на данной стадии одно из главных наших направлений – выяснение, не были ли тела сброшены с проходившего судна. Хочу заверить общественность, что мы считаем это единичным случаем, и…»

Линн поспешно заглушила радио, включила проигрыватель.

Кейтлин вновь стиснула ее руку.

– Знаешь, мам, где мне сейчас по-настоящему хочется быть?

– Где, дорогая?

– Дома.

– Хочешь, чтоб я повернула назад? – растерянно спросила Линн.

Кейтлин покачала головой.

– Нет, не в нашем доме. Я хочу быть *дома.*

Линн сморгнула подступившие слезы. Кейтлин имеет в виду Зимний коттедж, где до развода они жили с Мэлом, где росла дочка.

– Хорошо было там, ангел мой, да?

– Просто блаженство. Я там была счастлива.

Зимний коттедж. Само название будит воспоминания. Вспоминается летний день, когда они с Мэлом впервые поехали его смотреть. В то время она была беременна Кейтлин, на шестом месяце. Длинный спуск по проселочной дороге мимо фермерских хозяйств вел к маленькому ветхому коттеджу, обсаженному ивами, с полуразвалившимися подсобными постройками и теплицей с выбитыми стеклами, но с прекрасной лужайкой и покосившимся игровым детским домиком, который Мэл позже с любовью отстроил для Кейтлин.

Прекрасно помнится тот первый день. Запах сырости, паутина, сгнившие балки, древняя печка на кухне. Вид на покатые холмы Южного Даунса, за который можно умереть. Мэл сильной рукой обнял ее за плечи, крепко прижал к себе, перечисляя все, что может сделать сам с ее помощью. Смелый план, но *их* план. Их *дом.* Их кусочек рая.

Стоя там, Линн отчетливо представляла, как здесь будет зимой, чуяла острые морозные ароматы, видела горящие дрова в камине, опавшую листву, мокрую траву. Какой покой, надежность, безопасность!.. Да, да, да.

При каждом упоминании дочки о Зимнем коттедже становится грустно. Еще печальнее, что через семь лет после переезда оттуда Кейтлин, которой тогда было восемь, до сих пор говорит о Зимнем коттедже как о своем *доме.* Не считая домом тот, в котором живет. Больно и обидно.

Но понятно. Восемь лет, прожитых в Зимнем коттедже, девочка была здорова. В тот период жизни она была беспечна. Болезнь началась годом позже, и Линн порой задумывается, не сыграл ли роковую роль стресс, который Кейтлин испытала при разводе родителей.

Проехали мимо трубы «Икеа». Линн уже видит в ней некий символ своей жизни. Словно пограничный столб. Старая нормальная жизнь к югу от него, новая, незнакомая, неизвестная – к северу. Джастин Тимберлейк запел на диске: «Одно приходит, другое уходит…»

– Эй, мам, – неожиданно оживилась Кейтлин. – Думаешь, это правда?

– Что именно?

– Одно приходит, другое уходит…

– Ты хочешь спросить, верю ли я в карму?

Кейтлин немного подумала.

– Я как бы говорю, что получаю выгоду от чьей-то смерти. Правда?

От смерти разбившегося мотоциклиста, как Линн объяснили в больнице, но дочке она этого не сказала, не желая ее волновать и расстраивать.

– Может, лучше посмотрим с другой стороны? Может быть, у того человека остались любимые, которым будет приятно знать, что их утрата принесла кому-то пользу.

– Дичь какая-то. То есть то, что мы типа не знаем, кто это такой. Как думаешь, я когда-нибудь могу встретиться с его… родными?

– Тебе захочется?

Кейтлин помолчала.

– Не знаю. Может быть.

Пару минут ехали дальше в молчании.

– Знаешь, что Люк говорит?

Линн пришлось сделать глубокий вдох, удерживаясь от ответа: «Не знаю, что говорит этот отморозок, и знать не желаю».

– Расскажи, – попросила она гораздо более легкомысленным и заинтересованным тоном, чем следовало.

– Ну, говорит, что некоторые люди с пересаженными органами как бы что-то перенимают от доноров. У них меняется характер, вкусы… К примеру, если донор обожал батончики «Марс», ты их типа тоже полюбишь. Или какую-то особую музыку. Или станешь хорошим футболистом. Вроде от его генов.

– Откуда Люк это взял?

– Из Интернета. Там куча сайтов. Мы кое-куда заходили. И если они чего-то не любили, ты тоже не полюбишь.

– Правда? – встрепенулась Линн. Может, донор этой печени терпеть не мог оболтусов с дурацкой стрижкой.

– Там настоящие истории. – Кейтлин посерьезнела. – Нет, правда! Ну ладно, ты же знаешь, что я боюсь высоты?

– Угу.

– Я прочитала про американку, которая тоже жутко боялась высоты, потом ей пересадили легкие одного альпиниста, и ее потянуло к скалолазанию, и теперь она просто горная фанатка!

– Может быть, потому, что ей стало лучше, легче дышать с новыми легкими?

– Нет.

– Удивительно, – кивнула Линн, не желая выглядеть скептиком и стараясь поддержать энтузиазм дочки.

– А еще, мам, – продолжала Кейтлин, – один мужчина из Лос-Анджелеса терпеть не мог ходить по магазинам, а когда ему пересадили женское сердце, буквально не вылезает оттуда!

Линн усмехнулась.

– А ты что хотела бы унаследовать?

– Ну, я об этом думала. Например, рисовать не умею. Вдруг получу печень потрясающего художника?

Линн рассмеялась.

– Масса возможностей! Слушай, ты станешь просто чудом!

Кейтлин кивнула:

– Угу, с печенью мертвеца внутри. Правда, стану чудом, только чуточку *желчным!*

Линн снова расхохоталась, с радостью видя улыбку на губах дочери.

Когда смех умолк, внутри сжалось холодное стальное кольцо. Им обеим растолковали, что операция рискованная. Что-то может не получиться, и часто не получается. Есть реальная возможность, что Кейтлин умрет на операционном столе. Но без пересадки нет реальной возможности, что она проживет дольше нескольких месяцев.

Линн никогда не была прихожанкой церкви, но почти всю жизнь с раннего детства каждый вечер читала молитвы. Вскоре после смерти сестры перестала молиться. Вновь начала в последнее время, когда болезнь Кейтлин приняла серьезный оборот, хоть и не от всего сердца. Иногда хочется верить в Бога, переложить на Него свои заботы.

Она коснулась руки дочери. Живой прекрасной руки, которую сотворили они с Мэлом, возможно, по образу и подобию Божию, а может быть, и нет. Определенно по ее собственному. Может быть, Бог присматривает за своими созданиями, и, если пожелает выступить в роли хорошего парня, она примет Его с распростертыми объятиями. А если захочет свести ее с ума, надругаться над чувствами, над жизнью ее дочери, то пускай на дорогу идет, голосует.

Тем не менее у следующего светофора Линн ненадолго закрыла глаза и помолилась.

Рой Грейс, охваченный паникой, бежал по траве по краю утеса, отвесно обрывавшемуся вниз на тысячу футов, в лицо дул воющий ветер, не позволяя двигаться, так что он бежал на месте. А мужчина мчался к обрыву с ребенком на руках. С его ребенком. Грейс рванулся вперед, грубым приемом регбиста обхватил его за пояс, повалил. Мужчина решительно вырвался, перевернулся, держа ребенка, как мяч, который он не собирается отдавать, и покатился к краю. Грейс схватил его за щиколотки, дернул назад. Вдруг земля под ними подалась с громоподобным треском, огромный кусок скалы отломился куском засохшего кекса, и он полетел, полетел вместе с мужчиной и своим ребенком к острым камням и кипящему морю.

– Рой, милый! Рой!..

Клио.

Голос Клио.

– Рой, любимый, все в порядке!

Он открыл глаза. Увидел свет. Сердце колотится паровым молотом. Весь в испарине, будто лежал в ручье.

– Черт, – шепнул он. – Извини.

– Опять с горы упал? – мягко спросила Клио, заботливо на него глядя.

– С Бичи-Хэд.

Сон повторяется не первую неделю. Не просто из-за реально пережитого происшествия, но и из-за арестованного несколько месяцев назад, летом, чудовища. Тошнотворный зверь убил двух женщин в городе и пытался убить Клио. Он сидит за решеткой, не выпущенный под залог, но Грейс все равно вдруг занервничал. Сквозь гулкие удары сердца и шум крови в ушах прислушался к ночной тишине.

На часах 3:10. В доме тихо. На улице дождь.

Клио, беременная его ребенком, кажется ему еще беззащитнее. О чудовище он справлялся уже довольно давно, хотя на днях занимался бумагами для суда над ним. Сделал мысленную зарубку – в понедельник позвонить и убедиться, что он по-прежнему в заключении, что какой-нибудь тупоголовый судья его не выпустил, выполняя клятвенное обещание разгрузить переполненные английские тюрьмы.

Клио погладила его по лбу, на лице почувствовалось теплое дыхание, сладкий, слегка мятный запах, будто она только что почистила зубы.

– Извини, – повторил он чуть слышным шепотом, чтобы это не прозвучало назойливо.

– Бедняжка. Тебе слишком часто снятся кошмары.

Он лежал на влажной холодной простыне. Она права. Пару раз в неделю как минимум.

– Почему перестал ходить на терапию? – спросила Клио и нежно поцеловала в глаза.

– Потому… – Он передернул плечами. – Потому что она не помогает жить дальше. – Рой чуть подвинулся в постели, посмотрел вокруг.

Ему нравится белая спальня Клио – пушистый белый ковер на дубовом полу, белые льняные шторы, белые стены, несколько изысканных черных предметов мебели, включая черный лакированный туалетный столик, пострадавший во время нападения на нее.

– Одна ты помогаешь жить дальше. Тебе об этом известно?

Она улыбнулась.

– Время – лучший лекарь.

– Нет, ты. Я люблю тебя. Очень сильно. Никогда не думал, что снова смогу так полюбить.

Она смотрела на него, улыбаясь, медленно моргая.

– Я тебя тоже люблю. Даже больше, чем ты меня.

– Это невозможно.

Она приблизила к нему лицо.

– Врунье меня называешь?

Он ее поцеловал.

47

Гленн Брэнсон лежал без сна в гостевой комнате в доме Роя Грейса, который сейчас стал его вторым домом, или, точней сказать, основной резиденцией. Каждую ночь одно и то же. Напивается в стельку, пытаясь свалить себя с ног, но ни выпивка, ни прописанные врачом таблетки не действуют. Тело, которое он прежде держал в форме, занимаясь дома или в спортзале, начинает утрачивать тонус.

«Разваливаюсь ко всем чертям на куски», – угрюмо думал он.

Сэнди оформила комнату в том же минималистском стиле дзен, что и остальной дом. У низкой постели вроде японского хлопчатобумажного матраса неудобное узкое изголовье, о которое он из-за высокого роста постоянно стукается головой, стараясь подтянуть ноги. Матрас тверже бетона, шаткий каркас скрипит при каждом движении. Он все собирается подтянуть гайки, но приходит со службы в таком отчаянном состоянии, что ничего не хочется делать. Половина одежды так и лежит в застегнутых на «молнию» пластиковых мешках в кресле в маленькой комнатке, к некоторым вещам он не прикасался несколько недель, хотя давно уже надо развесить их в почти пустом гардеробе.

Рой вполне прав, утверждая, что дом превращен в свалку.

3:50. Мобильник лежит рядом с постелью в надежде – в еженощной надежде, – что Эри вдруг позвонит, скажет, что передумала. Думала-думала – и поняла, что по-прежнему любит его, очень глубоко, хочет найти способ наладить семейную жизнь.

Телефон молчит – в эту и в любую другую проклятую ночь.

Сегодня была еще одна ссора. Эри разозлилась, что завтра он не сможет забрать детей из школы, а она хочет поехать на лекцию в Лондон. Возникли подозрения, прозвонил тревожный звонок. Она никогда не ездила в Лондон на лекции. Завела себя парня? С кем-то встречается? Расставание и без того тяжело, но мысль, что Эри может с кем-то встречаться, вступить в новые отношения, познакомить этого типа с детьми, просто невыносима.

Надо подумать. Надо как-нибудь сосредоточиться.

На улице два кота с воем бились друг с другом. Где-то вдали взвыла сирена. Дежурная бригада. Или «скорая». Он перевернулся, внезапно соскучившись по телу Эри. Испытывая искушение позвонить. Может быть…

Что? Ох, боже милостивый, как же они привыкли друг друга любить!

Постарался переключиться на работу. На свой разговор вчера вечером с женой пропавшего шкипера «Скуби». Дженет Тауэрс страшно расстроена. В пятницу была двадцать пятая годовщина их свадьбы. Заказали столик в ресторане «Мидоус» в Хоуве. Муж так и не вернулся домой. С тех пор от него нет никаких известий.

Она абсолютно уверена – с ним случилось несчастье. Смогла сказать только одно: в воскресенье утром звонила в береговую охрану, и офицер в ответ сообщил, что в пятницу в девять вечера «Скуби» проходила шлюз вместе с алжирским грузовым судном. Местные рыболовы обычно входят в шлюз следом за каким-нибудь грузовым судном, чтобы проскочить, не платя пошлину. На них никто внимания не обращает. С тех пор никто не видел ни шхуну, ни Джима Тауэрса. Береговая охрана не заметила никаких происшествий на море, сказала жена шкипера. Джим и шхуна буквально растаяли в воздухе.

Погружаясь в сон, Гленн кое-что вспомнил. Возможно, пустяк, ерунда. Но Рой Грейс дает ему уроки, обучая быть хорошим детективом, и один из них всплыл сейчас в памяти. *Расчищай землю у себя под ногами.* И он принялся вспоминать, как стоял утром в пятницу на причале Арлингтонской бухты, ожидая посадки на «Скуби». И заметил блик света на дальнем краю гавани за цистернами нефтеперегонного завода.

Утром в половине седьмого Гленн поставил полицейский «хёндэ» без опознавательных знаков на Кингсуэй. Вылез в сырых сумерках, перелез через невысокую стену, побежал, заскользив, по заросшему травой берегу за нефтяными баками, спустился до самого низа. На дальней стороне за серой водой виден склад пиломатериалов, портал подъемного крана, еще дальше – огни драги «Арко Ди», выгружающей последнюю партию песка. Слышен рокот ленты конвейера, шорох сыплющегося гравия.

Он отыскал то место, где садился на «Скуби» вместе с полицейской поисковой бригадой – прямо перед складом пиломатериалов, – рассчитал, где сверкнул отблеск, – между четвертой и пятой цистерной, – и направился туда.

Рыболовецкое судно тарахтело в утренней тишине. Над ним кричали чайки. Ноздри наполнились запахами гавани – гниющие водоросли, машинное масло, ржавчина, опилки, расплавленный асфальт.

Гленн направил себе под ноги луч фонаря, мельком осветил стенки белых баков. Их было шесть, и вблизи они оказались гораздо крупнее, чем показалось в пятницу. Он взглянул на часы. Остается полтора часа, потом надо спешить в управление. Опять посветил на мокрую траву, ища следы, которые еще могли остаться с пятницы. Вообще любое свидетельство. Вдруг увидел окурок. Возможно, ерунда, мусор. Но заповедь Роя Грейса вертится в голове, словно мантра.

Расчищай землю у себя под ногами.

Сержант опустился на колени, подцепил окурок пакетиком для вещественных доказательств, который захватил с собой просто на всякий случай. Над фильтром лиловыми буквами напечатано «Силк кэт». Через пару секунд попался второй. Той же марки.

Один окурок означал бы, что кто-то просто шел мимо. Два означают, что здесь кто-то ждал.

Он искал еще час. Больше ничего не нашел, но отправился в промокших туфлях на утренний инструктаж с ощущением удачи.

48

– Умоляю, скажите, что вы пошутили! – воскликнула Линн.

Она совсем вымоталась после бессонной ночи в кресле у кровати Кейтлин в маленькой, вызывающей клаустрофобию палате. На экране небольшого, плохо настроенного телевизора беззвучно крутится мультфильм. Капает вода из крана. Пахнет вареными яйцами с подносов с завтраком, жидким кофе и дезинфекцией. Не похоже ли все это на напряженную безнадежную ночь заключенного перед назначенной на рассвете казнью?

Всю ночь зажигались и гасли лампы. Постоянно кто-то входил. Кейтлин то и дело обследовали, делали уколы, давали таблетки, брали анализы крови и мочи. Над ее головой висит шнурок срочного вызова. Стоят пустые капельницы и ненужный дыхательный аппарат.

Кейтлин никак не могла заснуть, вновь и вновь повторяла, что у нее жуткий зуд, ей страшно и она хочет *домой.* Линн старалась ее успокоить. Заверяла, что утром все будет хорошо. Через три недели она выйдет из больницы с новенькой печенью. К Рождеству будет дома. Ну, не в Зимнем коттедже, а в нынешнем доме. Это будет лучшее в жизни Рождество!

Теперь в палате стоит Шерли Линсел. У нее нежно-розовое, типично английское лицо, длинные волосы. Она в той же самой белой блузке, вязаной розовой кофте и черных брюках, как при их первой встрече неделю назад – а кажется, прошел миллион лет. Только держится она иначе. Тогда была дружелюбна, а сейчас, в семь утра, холодная, отчужденная, виноватая. Линн пылала гневом.

– Мне чрезвычайно жаль, – сказала координатор. – К несчастью, такое случается.

– Жаль? Вы вчера вечером позвонили, объявили об идеально подходящей печени, а теперь сообщаете, что ошиблись?

– Нас известили о появлении подходящего трансплантата.

– И что случилось?

Координатор поочередно обращалась к Линн и Кейтлин:

– Судя по полученным нами сведениям, печень можно было разделить надвое, правую часть пересадить взрослому пациенту, а левую тебе, Кейтлин. Наш консультант с бригадой признали ее здоровой и подходящей для пересадки. Мы оцениваем размеры печени относительно веса тела. Но сегодня утром ее обследовал главный хирург и обнаружил более тридцати процентов жира. Он решил, что она для тебя не подходит.

– Я все-таки не понимаю, – твердила Линн. – Значит, вы ее выбросите?

– Нет, – ответила Шерли Линсел. – Ее пересадят шестидесятилетнему мужчине с раком печени. Это на несколько лет продлит ему жизнь.

– Потрясающе! – воскликнула Линн. – Отказываете моей дочери ради старика? Кто он такой? Наверняка какой-нибудь хренов алкоголик!

– Я не могу обсуждать с вами других пациентов.

– Нет, можете! – Линн повысила голос. – Можете, черт побери! Отправляете Кейтлин домой умирать, чтоб какой-то долбаный пьянчуга прожил еще пару месяцев?

– Прошу вас, миссис Беккет… Линн… это вовсе не так.

– Да? А как?

– Мам, – пробормотала Кейтлин. – Послушай ее.

– Я слушаю, милая. Очень внимательно слушаю. Только услышанное мне не нравится.

– Здесь все очень заботятся о Кейтлин. Не только по обязанности – для всех нас это глубоко личное дело. Мы хотим пересадить ей здоровую печень, дать наилучший шанс на нормальную жизнь. Зачем же пересаживать орган, который через несколько лет может выйти из строя, и ей вторично придется пройти через этот кошмар. Пожалуйста, поверьте, все хотят помочь Кейтлин. Мы ее очень любим.

– Прекрасно, – кивнула Линн. – Когда будет здоровая печень?

– Не могу ответить. В зависимости от подходящего донора.

– Значит, мы вернулись к тому, с чего начали?

– Ну… да.

Наступило долгое молчание.

– Моя дочь останется среди первоочередных кандидатов? – требовательно спросила Линн.

– Очередность устанавливается строго определенным образом. Здесь имеют значение многие факторы.

Линн яростно затрясла головой.

– Нет, Шерли… сестра Линсел. Для меня имеет значение лишь один фактор – моя дочь. Ей срочно требуется пересадка – правильно?

– Правильно, и мы над этим работаем. Но вы должны понять – она одна из многих.

– Только не для меня.

Шерли кивнула:

– Я понимаю.

– Действительно? – переспросила Линн. – Какой процент пациентов из списков умирает, не дождавшись трансплантации?

– Мам, прекрати скандалить!

Линн села на край кровати, обхватила голову Кейтлин.

– Милая, дай мне, пожалуйста, разобраться.

– Ты говоришь обо мне как о слабоумной. Я тоже переживаю! Разве не видишь? Переживаю не меньше тебя – даже больше, – но что толку злиться?

– Ты вообще понимаешь, что говорит эта стерва?! – вдруг взорвалась Линн. – Отправляет тебя домой умирать!

– Не разыгрывай драму.

– Ничего я не разыгрываю! Скажите, когда будет новая печень?!

– Не стану вводить вас в заблуждение, называя точное время.

– Речь идет о сутках? О неделе? О месяце?

Шерли Линсел пожала плечами, слабо улыбнулась.

– Скажу честно – не знаю. Мы считали, что нам повезло так быстро получить эту печень. Донор – с виду здоровый тридцатилетний мужчина, а на поверку вышло, что у него были проблемы либо с алкоголем, либо с питанием.

– И в другой раз может выйти такая же хреновина?

Координатор улыбнулась, стараясь умиротворить Линн и подбодрить Кейтлин.

– У нас очень хорошие показатели. Я уверена, все будет в полном порядке.

– Хорошие показатели? – повторила Линн. – Что это значит?

– Мам! – воскликнула Кейтлин.

Линн продолжала:

– То есть у вас хорошие показатели по сравнению со средними по стране? У вас умирает всего девятнадцать процентов, не дождавшись очереди, а по всей стране двадцать? Мне все известно о национальном здравоохранении и о вашей дерьмовой статистике. – Она заплакала. – Вы рискуете жизнью моей дочери, обеспечивая старику-алкоголику несколько лишних месяцев, потому что это подкрепляет статистику? Так или нет?

– Мы не боги, миссис Беккет. Не можем сказать, что у кого-то больше прав на жизнь, потому что он молод, заботится о себе, ведет здоровый образ жизни. Мы не судим. Делаем все возможное, чтобы помочь каждому. Иногда приходится принимать нелегкие решения.

Линн прожгла ее взглядом. Никогда не испытывала ни к кому такой ненависти, как сейчас к этой женщине. Даже не скажешь, говорит ли она правду или вешает лапшу на уши. Может, какой-то богатый олигарх с больным ребенком сделал больнице пожертвование, чтобы Кейтлин вышвырнули, а его дитя спасли? Или тут прикрываются грязные делишки?

– В самом деле? – усмехнулась она. – Нелегкие решения? Скажите, Шерли, вы когда-нибудь проводили бессонную ночь, принимая трудное решение?

Координатор, сохраняя спокойствие, мягко ответила:

– Я глубоко беспокоюсь о каждом пациенте, миссис Беккет. Каждый вечер возвращаюсь домой, унося с собой их проблемы.

Линн поняла, что она говорит правду.

– Ладно. Тогда ответьте – вы только что сказали, что Кейтлин сделали бы трансплантацию, если бы печень была здоровой, поскольку она стояла первой в списке подходящих реципиентов. Положение может измениться? В любую минуту?

– Список уточняется на еженедельных совещаниях, – сказала Шерли Линсел.

– Значит, может измениться на следующем? Если в него внесут того, кто, *по вашей оценке,* нуждается больше, чем Кейтлин?

– К сожалению, это возможно.

– Замечательно! – снова вскипела Линн. – Вы как расстрельная команда, да? Еженедельно решаете, кому жить, а кому умереть. Одновременно спускаете курок, а у одного оружие не заряжено, там холостой патрон. Пациенты умирают, и никто из вас, черт возьми, не считает себя виноватым!

49

Симона лежала на смотровой кушетке в одном халате. Доктор Николаи, серьезный приятный мужчина лет сорока, наложил ей на руку манжету тонометра, воткнул стетоскоп в уши, принялся накачивать резиновую грушу, пока манжета не затянулась натуго. Посмотрел на шкалу, через несколько секунд выпустил воздух, кивнул – все отлично.

Рядом стояла женщина, назвавшаяся Марлен. Красивая, на взгляд Симоны. В гладком черном замшевом пальто, отделанном мехом, легком розовом пуловере, модных джинсах, черных кожаных сапогах. Светлые, вьющиеся волосы каскадом падают на плечи, пахнет чудесными духами. Симона ее полюбила, поверила. Ромео оценил правильно. Надежная женщина, добрая, ласковая. Своей матери Симона не помнит, но, если бы довелось выбирать, остановилась бы на такой, как Марлен.

– Теперь возьмем немного крови, – сказал доктор, беря в руки шприц.

Симона со страхом посмотрела на него.

– Ничего, не бойся, – сказала Марлен.

– Что вы делаете? – У Симоны перехватило горло.

– Проводим полное обследование, хотим убедиться, что ты здорова. Отправка в Англию дорого стоит. Надо раздобыть тебе паспорт, а это непросто – ведь у тебя нет документов. Если ты нездорова, тебе не разрешат там работать.

Симона отпрянула от иглы.

– Нет! – прошептала она. – Нет!..

– Все в порядке, милочка!

– Где Ромео?

– За дверью. Ему делают такие же анализы. Хочешь, чтобы он зашел?

Она кивнула.

Марлен открыла дверь, вошел Ромео. Глаза-блюдца стали еще шире при виде Симоны в халате.

– Что они делают? – спросила у него Симона.

– Ничего, – кивнул Ромео. – Не больно. Мы должны пройти медицинский осмотр.

Симона взвизгнула, почувствовав укол, и в ужасе наблюдала, как доктор медленно, ровно втягивает в шприц темно-красную кровь.

– Нам нужны свидетельства для въезда в страну, – объяснил Ромео.

– Больно…

Через несколько секунд шприц наполнился, доктор вытащил иглу, положил шприц на стол, прижал к ранке антисептическую салфетку, подержал, заклеил место укола пластырем.

– Вот и все! – объявил он.

– Уже можно идти? – спросила Симона.

– Конечно, – кивнула Марлен. – Будете в том же месте?

– Да, – ответил за обоих Ромео.

– Если нам повезет, и анализы будут хорошие, я за вами приеду. Можешь одеваться. Точно решила насчет Англии? Действительно хочешь поехать, моя дорогая?

– Вы найдете для меня работу? Для меня и Ромео? И квартиру в Лондоне?

– Хорошую работу, отличную квартиру. Вам понравится.

Симона взглянула на Ромео за подтверждением. Он пожал плечами, кивнул.

– Да, – сказала она. – Хочу.

– Хорошо, – улыбнулась Марлен и чмокнула ее в лоб.

– Когда поедем? – спросил Ромео.

– Если медицинские показатели хорошие, то скоро.

– Когда?

– Когда бы ты хотел?

– А Валерия сможет с нами поехать?

– Мать ребенка?

Он кивнул.

– Пока невозможно. Может, попозже, когда вы устроитесь, удастся что-нибудь придумать.

– Она хочет с нами, – сказала Симона.

– Нельзя, – ответила немка. – Не сейчас. Если хотите остаться с ней здесь, в Бухаресте, скажите.

Симона лихорадочно затрясла головой:

– Нет!..

Ромео тоже замотал головой.

На следующее утро в Берлине Марлен Хартман ответила на телефонный звонок доктора Николаи из Бухареста. Группа крови Симоны – AB отрицательная. Она с улыбкой записала детали – хорошо иметь в запасе редкую группу крови. Наверняка все органы будут очень быстро пристроены.

50

Во вторник после утреннего инструктажа по операции «Нептун» Рой Грейс поехал на встречу с Элисон Воспер. Хотя в конце года ее сменил главный суперинтендент из Йоркшира Питер Ригг, о котором пока мало что известно, полномочия Элисон продлятся еще несколько недель, и она не отменяет обычных еженедельных личных докладов Роя о ходе следствия по наиболее крупным делам. К его удивлению и облегчению, сегодня Элисон находилась в непривычно мирном настроении. Спокойно выслушала и отпустила уже через несколько минут.

Вернувшись в свой кабинет, он сосредоточился на расследовании. И тут в дверь постучали, вошел Норман Поттинг, распространяя зловоние застоявшегося табака. Наверняка сделал за дверью последние две-три затяжки из трубки.

– Есть минуточка, Рой? – спросил он с неразборчивым деревенским выговором.

Грейс жестом предложил садиться.

Устроившись в кресле перед письменным столом и звучно рыгнув чесноком, Поттинг начал:

– У меня есть кое-какие мысли насчет Румынии. Кое-что, о чем я не стал рассказывать при всех.

– Давай. – Грейс с любопытством взглянул на сержанта.

– Ну, я как бы хочу срезать угол. Знаю, мы отправили снимки зубов, отпечатки и образцы ДНК в Интерпол, но нам-то известно, сколько эти бумажные крысы будут тянуть с результатом.

Грейс усмехнулся. Интерпол – хорошая организация, но в Бюро действительно полно офицеров, прикованных к конторским столам, которые надеются на сотрудничество с полицией других стран и редко выходят из жестких временных рамок.

– Прождем три недели как минимум, – продолжал Поттинг. – Я еще пошарил в Сети. В Бухаресте тысячи уличных ребятишек ведут запредельную жизнь. Если, предположим, наши жертвы бездомные, то они вряд ли хоть раз заходили к дантисту, а если их не арестовывали, то в архивах нет ни отпечатков, ни ДНК.

Грейс согласно кивнул.

– В Хендоне я учился с одним парнем, Йеном Тиллингом. Мы оба в то время были молоденькими констеблями. Ну, закорешились, не теряли связи. Он пошел в Столичную полицию,[18] потом его перевели в Кент. Дорос до инспектора. Коротко говоря, лет семнадцать назад его парнишка погиб в мотоциклетной аварии. Жизнь вразнос пошла, брак распался, Йен раньше времени вышел в отставку. Решил заняться чем-нибудь совсем другим – ну, есть такой синдром: извлечь из случившегося хоть какой-нибудь смысл, делать что-нибудь полезное. Вот он и поехал в Румынию, открыл приют, начал работать с уличными ребятишками. Я с ним в последний раз разговаривал лет пять назад, сразу после своего развода. – Поттинг горько улыбнулся. – Бывает такое: слетаешь с катушек, лезешь в адресную книгу, обзваниваешь старых приятелей.

Рой Грейс никогда так не делал, однако кивнул.

– Его как раз тогда наградили медалью за эти дела, он чертовски гордился. Думаю, неплохо было бы с ним связаться. Прицел, конечно, дальний, а вдруг он нам сумеет помочь?

Грейс задумался. В последние годы в полиции крепнет бюрократия, почти на каждый случай издается инструкция. Шагнуть в сторону рискованно, любое отклонение без всяких сомнений приведет к конфликту с новым главным констеблем. С другой стороны, Норман Поттинг прав – можно неделями ждать ответа из Интерпола, причем скорее всего отрицательного. Сколько между тем появится трупов? Вдобавок утешает, что упомянутый Йен Тиллинг – бывший офицер полиции, значит, не подведет.

– В протокол записывать не стану, Норман, но, если дело выгорит, буду признателен. Благодарю за инициативу.

Поттинг был доволен.

– Прямо сейчас и начну. Старик удивится, услышав меня. – Он собрался уходить, но вдруг остановился и снова уселся. – Рой, тут такое обстоятельство… все хочу спросить… как мужчина мужчину?

Грейс оглянулся на очередную порцию сообщений, появившихся на мониторе.

– Слушаю.

– Насчет моей жены.

– Ли? Ведь ее так зовут?

Поттинг кивнул.

– Она из Таиланда?

– Да. Из Таиланда.

– Знакомство по Интернету?

– Вроде того. В Интернете отыскал агентство знакомств. – Поттинг почесал в затылке, проверил мозолистой грязной ладонью, что чуб лежит на месте. – Обычное дело?

– Не для всех. – Грейс озабоченно посмотрел на компьютер, понимая, что утро уходит впустую. – Так в чем проблема?

Поттинг помрачнел.

– Мне совет нужен. – Он полез в карман, покопался, будто что-то отыскивал. – С Ли несколько месяцев все было потрясающе, а потом она вдруг начала предъявлять ко мне требования. – Он умолк.

– Какие? – спросил Грейс, со страхом ожидая живописных подробностей сексуальной жизни Нормана Поттинга.

– Денег для родни требует. Я должен каждую неделю посылать им деньги. Которые откладываю на пенсию.

– С какой стати?

Поттинг долго смотрел на Грейса, словно не слышал вопроса.

– С какой стати? – повторил он. – Ли говорит, если я люблю ее по-настоящему, то должен охотно помогать ее родителям.

Суперинтендент взглянул на сержанта, удивляясь его наивности.

– Ну и лопух!

– Не хочет сексом заниматься, пока не проследит за банковским переводом – я это делаю по компьютеру, – добавил Поттинг, гордясь своими техническими познаниями. – То есть, понятно, страна относительно небогатая, они считают меня богачом и всякое такое. Но… – Он передернул плечами.

Грейс разглядывал коллегу. Растерянный, одинокий. Не понимает, действительно не понимает.

– Господи помилуй, – не выдержал он. – И это полицейский. Детектив, черт возьми, и хороший! Разве не видишь, друг? Она над тобой смеется. Тобой движет член, а не разум. Она из тебя вытянет все до последнего пенни и сделает ручкой. Я читал про таких девочек.

– Нет… Ли не такая!

– Да ну? Чем отличается?

Сержант пожал плечами, беспомощно посмотрел на суперинтендента.

– Я люблю ее. Ничего не могу с собой сделать, Рой. Люблю.

У Грейса зазвонил мобильник. Он ответил почти с облегчением. Звонил любимый и блистательный коллега Роб Лит, инспектор Восточного Брайтона.

– Рой, – сказал он, – возможно, тут нет ничего, но я думаю, может, тебе интересно в связи с текущим расследованием насчет тел из канала. Парень из моей команды сейчас отправился на берег к востоку от яхтенной пристани. Один тип выгуливал там собаку во время отлива и наткнулся на новенький лодочный подвесной мотор.

Грейс быстро прикинул.

– Действительно, может быть, интересно. Позаботься, чтоб его никто не трогал. Можете упаковать по всем правилам и прислать?

– Сей момент.

Он поблагодарил и разъединился. Извиняющимся жестом поднял палец, набирая внутренний номер отдела идентификации этажом ниже, и тут же услышал:

– Майк Блумфилд.

– Майк, это Рой Грейс. Ваши ребята смогут снять отпечатки с подвесного лодочного мотора, который был выброшен в море?

– Забавно, что вы как раз сегодня об этом спросили. Мы только что получили новую аппаратуру, испытываем. Стоит сто двенадцать тысяч. Должна снимать отпечатки с пластмассы, которая долго пробыла в любой воде.

– Неплохо. Пожалуй, сумею подкинуть первую подходящую задачу.

Норман Поттинг встал, сообщил одними губами, что заскочит позже, и медленно, слегка сгорбившись, вышел в дверь. Грейс обратил внимание на его дрогнувшие плечи и вдруг посочувствовал ему всем сердцем.

51

Влад Космеску стоял в зале прилета аэропорта Гатуик среди встречавших: родственников, шоферов и туроператоров, держа в руках небольшой плакат с объявлением. Самолет из Бухареста приземлился чуть больше часа назад, но девушки еще не появились.

Хорошо.

Судя по ярлычкам, которые удалось разглядеть на багаже пассажиров, выливавшихся ровным потоком с таможенного контроля, все уже сошли. Замелькали ярлычки «Ал-Италия», видно, туринский рейс, задержка на добрых полчаса. Далее «Евро-Джет» из Ниццы, SAS, KLM.

Он посмотрел на свои часы: 11:35. Сунул в рот таблетку жвачки «Никоретте». Девушкам, которых он встречает, даны строгие инструкции. Кажется, они их выполняют. Надо час проболтаться, пока не прибудут другие самолеты и с них не сойдут пассажиры, только потом пристроиться в очередь. Хотя Румыния стала членом Евросоюза, хорошо известно, что во всем мире ее считают горячей зоной нелегальной транспортировки людей. Пограничные и иммиграционные службы мигом настораживаются при виде румынского паспорта.

Поэтому всем, кого он встречает – еженедельно и чаще, – приказано порвать румынские паспорта, спустить в унитаз в туалетах аэровокзала, выждать час и явиться на паспортный контроль с поддельными итальянскими документами, которые им выданы. Если за прибывшими из Румынии ведется наблюдение, к моменту появления девушек оно будет снято.

Вот идет парочка. Хорошенькие, молоденькие, в дешевой одежде, с дешевыми чемоданами. Должно быть, они. Одна – по-настоящему сексуальная, стройная, с длинными темными волосами, – махнула ему рукой.

– Хорошо долетели? – спросил он по-румынски вместо приветствия.

– Угу. Потрясающе!

– Добро пожаловать в Англию.

– Угу, – повторила она, – потрясающе!

– Потрясающе, – добавила ее спутница.

На их лицах читалось явное облегчение.

Через двадцать минут Космеску сидел на переднем пассажирском сиденье старого коричневого «мерседеса». Вел машину неопрятный Григор с торчащими зубами. Горба у него нет, а кажется, что есть. Он скорчился за рулем в дешевом бежевом костюме, с сальными волосами, крючковатым носом. Глаза больше косятся в зеркало, чем на дорогу, сладострастно смотрит на девушек на заднем сиденье.

Космеску работает с Григором уже пять лет и практически ничего о нем не знает. Этот карлик-извращенец всегда в нужный момент оказывается поблизости, отвозит и привозит посылки, но говорит редко, что вполне годится для Влада. Вступая в беседы, со временем

обязательно заговоришь о себе. О себе ему ни с кем не хочется говорить. Это неразумно. Чем меньше о тебе знают, тем успешнее твоя роль невидимки. Так учит шеф.

Григор отлично улаживает дела. Руками делает почти все, от сантехники до электрики и гидроизоляции, справляется с любым дерьмом – с текущими трубами, засорившимися унитазами, расшатавшимися половицами, сломанными жалюзи, со всем, что случается в четырех городских борделях, которыми управляет Космеску. Значит, нечего беспокоиться о болтливых мастерах. Раз в неделю он позволяет Григору взять на час девушку по своему выбору. Этого вместе со щедрой платой вполне достаточно, чтоб гарантировать безраздельную верность.

Он по-прежнему думает о телах. О своем промахе. О Джиме Тауэрсе. Глупо было его убивать. Но еще глупей оставить в живых, позволить обо всем проболтаться полиции. Тауэрс что-то задумал. Может, заговорила нечистая совесть, может, решился на шантаж. Необходимо уравновешивать риск, как в азартной игре. Маленький против большого.

Он оглянулся на девушек. Анка слева хороша. У ее товарки Нуши лицо погрубее, нос великоват. Ничего, сойдут. Он не станет выкидывать их из постели.

Космеску повернул личный ключ, лифт с подземной стоянки без остановок пошел на самый верх многоквартирного дома за отелем «Метрополь», где он поселился. Девушки со своим багажом молча стояли в кабине.

Потом Анка спросила:

– Когда начнем работать?

– Сейчас, – сказал он.

Она ткнула вверх пальцем.

– Мы в бар поднимаемся?

Он взглянул на ее блестящее ожерелье, вдохнул сладкий запах духов. У компаньонки духи еще слаще. Оглядел шею. Хорошие сиськи. У подружки даже лучше, компенсируют грубость лица. Вытащил пачку сигарет, зная, что обе почти наверняка курят. Правда, обе взяли. Зажигалкой щелкнуть не успел, умея идеально рассчитывать время. Лифт остановился, дверцы открылись.

Теперь они полностью сосредоточатся на нераскуренных сигаретах. Продолжая испытывать их терпение, он прошел к квартире, придержал дверь, пока они втащат чемоданы, где явно содержится все их имущество.

Шагая по коридору с ковровым покрытием, каждой показал ее комнату. Отдельную. Разделяй и властвуй. Эта стратегия безотказно срабатывает. Потом зашел в комнату Анки, взял ее пластиковую сумку.

– Эй! – воскликнула она.

Не обращая внимания, Космеску вытащил оттуда паспорт и наличные из кошелька.

– Что ты делаешь? – сердито возмутилась она.

Он поднес зажигалку, дал, наконец, прикурить.

– Знаешь, сколько денег ты задолжала? Сколько тысяч должна за переезд и паспорт? Как только расплатишься с моим боссом, возможно, получишь обратно.

Вышел и повторил то же самое с Нушей.

Через несколько минут девушки мрачно вошли в просторную современную гостиную, откуда открывается чудесный вид на Дворцовый пирс, почерневшие останки Западного причала, яхт-клуб на востоке, на Ла-Манш вдали.

Космеску точно знает, что они никогда в жизни не видели такой квартиры. Знает, где они жили, откуда явились. Знает, что Марлен пришлось их отмыть и отчистить, готовя к новой жизни.

Все девушки приезжают сюда в долгах по уши, подписывая в Румынии немыслимо огромный заем, хотя наличных даже не нюхают, соглашаясь отработать в Англии стоимость проезда в один конец к свободе, как им кажется. Начинают здесь, в Брайтоне. Если подойдут для работы – отлично. Однако бдительная полиция Брайтона и Хоува вместе с социальными работниками время от времени заглядывает в местные бордели, беседует с девушками, старается отыскать тех, кто попал сюда против собственной воли.

Если кто-нибудь собирается просить помощи у полиции, Космеску отправляет их из Брайтона в лондонские бордели, где никто не проявит особенного интереса.

– Вечером в бар пойдем? – спросила Анка.

– Раздевайтесь, – велел он. – Обе.

Девушки удивленно переглянулись.

– Раздеваться?

– Хочу посмотреть на вас голых.

– Мы… не думали работать в стриптизе.

– Вы не будете работать в стриптизе, – сказал он. – Будете ублажать мужчин своим телом.

– Нет! Мы так не договаривались! – запротестовала Анка.

– Знаешь, сколько стоило привезти вас сюда? – рявкнул он. – Домой хотите? Завтра в аэропорт отвезу. Только господин Боджин не обрадуется встрече. Захочет получить деньги обратно. Или желаете, чтоб я в полицию позвонил? В этой стране фальшивые паспорта – серьезное преступление.

Девушки молчали.

– Ну, решайте. Могу сейчас же звякнуть господину Боджину.

Девушки перепугались.

– Ладно. – Космеску вытащил из кармана мобильник, набрал номер. – Значит, в полицию.

– Нет! – крикнула Анка. – Не надо в полицию!..

Он сунул телефон обратно в карман.

– Тогда раздевайтесь. Я вас научу, как доставлять удовольствие мужчинам в этой стране.

Тупо глядя в ковер, черный, как пучина новой жизни, девушки начали раздеваться.

52

На плоском экране высоко на стене Линн читала крупные золотые буквы: «Первая десятка претендентов на премию». Под надписью список фамилий. Вверху неизменно Энди О'Коннор из соперничающей бригады «Серебряные акулы». Экран извещает, что Энди на этой неделе собрал с должников 9987 фунтов наличными. Если удержит первое место, то бонус составит 871 фунт.

Господи, как бы они ей пригодились!

Она с завистью посмотрела на остальные девять фамилий. На последнем месте ее подруга и коллега по команде, собравшая 3337 фунтов. Линн в список не попала. Хотя есть

один перспективный крупный клиент. Ему предлагается заплатить добрый кусок в 500 фунтов и дальше выплачивать по 50 ежемесячно в счет долга на общую сумму 4769 фунтов по карточке «Мастер-кард». Впрочем, даже с этими пятью сотнями – если он согласится, – ее общий итог за неделю составит всего 1650. Цель остается недостижимо далекой.

Может быть, задержаться сегодня попозже, постараться нагнать. К Кейтлин придет Люк, по крайней мере, у нее будет компания. Только не хочется слишком надолго ее оставлять.

Звякнуло электронное сообщение. Лив Томас, менеджер бригады, просит еще раз пообщаться с одним из самых нелюбимых клиентов. Линн молча застонала. Золотое правило компании – никогда лично с клиентами не знакомиться. Никогда ничего о себе не рассказывать. Но у нее всегда возникает мысленный образ каждого, с кем она разговаривает. А мысленный образ Реджа Окумы представляет собой нечто среднее между Робертом Мугабе и Ганнибалом Лектором.[19] За ним числится долг в 37 870 фунтов по частному займу в банке «Брэдфорд кредит», поэтому он занимает место среди крупнейших должников в списке «Динария», главный из которых задолжал ошеломляющую сумму в 48 906 фунтов.

Несколько недель назад она, отчаявшись взыскать с Окумы хоть пенни, передала досье в судебный отдел. Может, на этот раз повезет, и она фантастическим образом вознесется наверх и поспорит за недельный бонус.

Линн набрала номер. После первого звонка ответил низкий звучный голос.

– Мистер Окума?

– А, видимо, это моя дорогая подруга Линн Беккет из «Динария», если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, мистер Окума, – подтвердила Линн.

– Чем могу вам служить в такой прекрасный день?

«Может, в твоем представлении он и прекрасный, а в моем, как за окнами, проливной дождик хлещет», – подумала Линн и продолжила разговор, следуя давно заученным правилам:

– По-моему, было бы неплохо обсудить новый план погашения вашего долга во избежание тягостного судебного разбирательства.

В масленистом голосе смесь самоуверенности и обаяния.

– Заботитесь о моем спокойствии?

– Думаю о вашем будущем.

– А я о вашем обнаженном теле.

– Я бы на вашем месте не слишком на этом сосредоточивалась.

– Возбуждаюсь при одной мысли о вас.

Линн помолчала, прокляв себя за промашку.

– Хочу предложить план выплат. Сколько вы могли бы выплачивать еженедельно или ежемесячно?

– Может, встретимся? Побудем немножечко тет-а-тет?

– Если желаете встретиться с представителем компании, могу устроить.

– Знаешь, у меня член просто гигантский. Предлагаю посмотреть.

– Обязательно передам своим коллегам.

– Они такие же хорошенькие, как ты?

При этих словах мороз по коже пробежал.

– У твоих коллег тоже длинные темные волосы? У них тоже дочки нуждаются в трансплантации печени?

Линн в ужасе разъединилась. Откуда он знает, черт побери?

Зазвонил мобильник. Она сразу ответила, задыхаясь, уверенная, что Редж Окума раздобыл ее частный номер.

Но это была Кейтлин. В ужасном состоянии.

53

Иногда Йен Тиллинг тоскует по временам службы в британской полиции. Нередко тоскует по Англии, несмотря на болезненные воспоминания. Особенно в холодные бухарестские зимы, когда немеет каждая косточка в пятидесятивосьмилетнем теле. Когда хаос и мрак 14-й пригородной зоны, царящая в приютившей его стране бюрократия, коррупция, грубость и бескультурье выматывают из него всю душу.

Падая духом, он мысленно возвращается к страшному вечеру семнадцать лет назад, когда в его дом в Кенте пришли двое коллег с сообщением о гибели сына Кевина в мотоциклетной аварии.

Йен научился быстро справляться с болью. Надо встать из-за стола в убогом кабинете, обставленном пожертвованной мебелью, который он делит с тремя молодыми социальными работницами, пройтись по приюту, устроенному им для пятидесяти бездомных из этого жестокого города, увидеть улыбки на лицах. Вот и теперь он решил отправиться в обход.

Придя к власти в 1954 году, Чаушеску имел фантастический план превратить Румынию в крупнейшую западную индустриальную державу. Для этого требовалось резко поднять численность населения, получив необходимую рабочую силу. Одним из своих первых законодательных актов он приказал всем девушкам старше четырнадцати в течение месяца сдать анализ на беременность. Беременным было запрещено делать аборт.

В результате за несколько лет семьи выросли, отпрыски получили прозвище «декретные дети». Многих забирали в государственные заведения под опеку правительства, растили в огромных бездушных дортуарах, подвергая жестоким мучениям, оставляя без заботы и присмотра. Многие бежали, начинали жить на улицах. И ныне бесчисленные бродяги влачат жалкое существование в полуразвалившихся зданиях на окраинах, около труб парового отопления, в подземных провалах под дорогами. Трубы обогревают каждый дом в городе, выключаются весной, включаются осенью.

После трагической гибели Кевина, положившей конец семейной жизни, Тиллинг понял, что больше не может сосредоточиться на служебных обязанностях, и ушел из полиции, проводил дни в пьянке до отупения, неотрывно глядя в телевизор. Однажды вечером, увидев документальный фильм о положении бездомных детей в Румынии, который произвел на него сильное впечатление, он понял, что может иначе распорядиться собственной жизнью. Кевина уже не вернуть, но, может, удастся помочь другим детям, никогда не имевшим таких возможностей, какие имел Кевин и его ровесники в Англии. На следующее утро Йен Тиллинг позвонил в румынское посольство.

Помнится первый визит в государственный детский дом по приезде в страну. Он вошел в спальню, где пятьдесят детей-инвалидов от девяти до двенадцати лежали в зарешеченных койках, тупо глядя перед собой или в потолок. Ни одной игрушки. Никаких книжек. Абсолютно нечем заняться.

Он сразу же вышел, накупил игрушек, вернулся, вручил каждому. К его изумлению, реакции не последовало. Дети смотрели равнодушно, и Йен понял – они просто не знают, что с ними делать. Не из-за умственной отсталости, а потому, что никто никогда не давал им игрушек, они не научились играть. Их никто никогда вообще ничему не учил. Даже играть с какой-нибудь чертовой куклой. В тот момент на том самом месте он твердо решил что-нибудь сделать для этих детей.

Сначала собирался провести в Румынии несколько месяцев. Даже не думал, что через семнадцать лет все еще будет там, счастливо женатый на румынке Кристине, довольный своей жизнью, как никогда прежде.

Он по-прежнему крепкий, подтянутый, несмотря на несколько лишних фунтов на талии, с энергичной походкой полицейского, живым морщинистым лицом, щетинистыми усиками, коротко стриженными седыми волосами. Сделав некоторые уступки погоде, оделся сегодня в голубую рубашку без ворота, мешковатые коричневатые брюки и старые коричневые грубые башмаки.

Выйдя в коридор, Тиллинг улыбнулся компании новичков, присланных попечительской организацией, сидевших на обшарпанных диванах и в креслах. Четверо смуглых цыганят: восьмилетний мальчик в тонких нейлоновых штанах и искрящейся футболке, четырнадцатилетний подросток в широкой блузе и слишком коротком черном спортивном трико, и две девочки – одна лет двенадцати, в спортивном костюме не по размеру, другая лет четырнадцати, в джинсах и дырявой кофте. Все в честь торжественного события держат надутые воздушные шарики.

Все из одной семьи, которая не смогла с ними справиться, отдала в государственный приют, откуда они через два года удрали. С тех пор жили на улицах, а теперь он видит на лицах улыбки, которые столько раз видел прежде, от которых каждый раз разрывается сердце. Улыбки отчаявшихся существ, до конца еще не верящих, что им улыбнулась удача.

– Как дела? Все в порядке? – спросил он по-румынски.

Дети просияли, замахали разноцветными шариками. Неизвестно, откуда взялись эти шарики, но одно Тиллинг знает наверняка: кроме надетой на них одежды, это их единственное имущество.

Кого только нет в его приюте «Каса Иона» – начиная от семимесячного младенца с четырнадцатилетней матерью и кончая восьмидесятидвухлетней старухой, которую какой-то мерзавец, пользуясь непродуманными румынскими законами, лишил жилья и сбережений. В стране не предусмотрено социальное обеспечение бездомных и очень мало приютов. Старой женщине посчастливилось попасть сюда, поселиться в одной комнате с тремя другими престарелыми, разделившими ее судьбу.

– Господин Йен!

Тиллинг оглянулся на оклик Андреа – социальной работницы, выглянувшей из кабинета. Худенькая хорошенькая девушка, вышедшая весной замуж, обладает поразительным добросердечием, состраданием и бесконечной энергией. Она ему очень нравится.

– Вам звонят… из Англии!

– Из Англии? – удивился он. В последнее время редко приходится общаться с соотечественниками. Только с матерью, которая живет в Брайтоне, он разговаривает каждую неделю.

– Какой-то полицейский. Говорит, старый друг? – объяснила Андреа с вопросительной интонацией. – Норман…

Он нахмурился, потом глаза вспыхнули.

– Норман Поттинг?

Андреа кивнула.

Йен Тиллинг бросился обратно в кабинет.

54

Линн выругалась, заметив в зеркале заднего вида вспышки двух камер, засекающих скорость. Обычно она всегда замедляет ход, проезжая мимо проклятой хреновины напротив Престон-парка, а нынче утром совсем вылетело из головы. Одна мысль – как можно скорее попасть домой к Кейтлин, и больше ничего. Теперь вдобавок ко всем финансовым затруднениям ей грозит штраф и три прокола в карточке. Но она все равно не притормозила, отчаянно торопясь к своему ребенку.

Через пять минут свернула на подъездную дорожку, выскочила из машины, приложила ключ к домофону парадного, толкнула дверь. В коридоре стоял Люк с косо нависшими на один глаз волосами, в широченной рубахе, в штанах, будто только что снятых с задницы клоунской лошади. Рот открыт, на лице идиотское выражение краше обычного, будто опоздал на последний поезд, а следующий только утром. Поднял в приветствии руку.

– Где она?

– А… э-э-э… ну… Кейтлин? – уточнил Люк.

А ты думал кто, кретин трахнутый? Боадицея? Клеопатра? Хилари Клинтон?

Линн увидела дочь на верхней площадке лестницы в халате поверх ночной рубашки, покачивающуюся, как пьяная. Бросила на пол сумку, взлетела наверх как раз в тот момент, когда Кейтлин шагнула вперед мимо ступеньки. Линн чудом успела схватить ее за талию, предотвратив падение. Вгляделась в лицо, находившееся на расстоянии в пару дюймов, увидела закатившиеся глаза.

– Детка! Милая! Что с тобой?

Кейтлин невразумительно забормотала.

Приложив все силы, Линн втолкнула ее назад на площадку, привалила к стене. Люк последовал за ними, остановился посреди лестницы.

– Наркотики принимали? – рявкнула на него Линн.

– Э-э-э… нет… да вы что! – заверил Люк испуганно.

Кейтлин с трудом выдавила:

– Я… я… как бы…

Линн затащила дочь в комнату, свалила на кровать, села рядом, обняла.

– В чем дело, моя дорогая? Скажи!

Глаза Кейтлин вновь закатились.

На миг пришла ужасная мысль, что она умирает.

– Если ты что-то ей дал, Люк, клянусь, я убью тебя! Глаза вырву, будь я проклята!

– Ничего, поверьте. Ничего… Ничего! Я наркотой не балуюсь. Ей никогда ничего не давал…

Линн принюхалась к дыханию дочери, стараясь учуять пары спиртного, но почувствовала только теплый, чуть кисловатый запах.

– В чем дело, детка?

– Голова кружится. Ничего не пойму… Где я?

– Дома, детка. Все хорошо. Ты дома.

Кейтлин невидящим взглядом окинула комнату, не узнавая, словно это было незнакомое место. Линн следила за ее глазами, которые останавливались на мишени для игры в дартс с висевшим на ней фиолетовым удавом, на портрете рок-звезды, имя которой Линн моментально забыла. Дочка как будто видела их впервые.

– Н-не знаю, где я, – повторила она.

Линн вскочила, охваченная жуткой паникой.

– Люк, побудь с ней минутку…

Она ринулась вниз, схватила с пола сумку, забежала на кухню, вытащила телефонную книжку, набрала номер мобильного телефона координатора по трансплантации из Королевской больницы Южного Лондона.

Боже, пожалуйста, пусть она будет на месте!

К ее облегчению, Шерли Линсет ответила после третьего звонка. Линн описала симптомы.

– Похоже на энцефалопатию, – заключила Шерли. – Сейчас свяжусь с консультантом, и либо он, либо я сразу вам перезвоним.

– Ей действительно очень плохо, – добавила Линн. – Как эта «энцефалопатия» пишется?

Координатор продиктовала по буквам и снова пообещала через несколько минут перезвонить. Линн снова побежала наверх с радиотелефоном.

– Люк, найди в Сети энцефалопатию!

Он сел за туалетный столик Кейтлин, открыл ее ноутбук, застучал по клавиатуре.

Через пять минут перезвонила Шерли Линсет:

– Нужно очистить кишечник и мочевой пузырь. Хотите сюда ее привезти?

– Нашли для нее печень?

Последовала заминка, которая Линн не понравилась.

– Нет, но, по-моему, будет разумно вернуть ее к нам.

– Надолго?

– Пока не удастся стабилизировать состояние.

– Когда будет печень?

– Я уже вчера сказала, что не могу ответить на такой вопрос. Впрочем, неотложные меры можно и дома принять.

– Что надо делать?

– Дайте ей слабительное. Как правило, при таком состоянии очищение кишечника помогает.

– Какое слабительное? Где его взять?

– В любой аптеке.

– Ужас, – вымолвила Линн.

– Почему не попробовать? Обождите пару часов, понаблюдайте за ней, потом мне позвоните. Здесь всегда кто-то есть, можно приехать в любое время.

– Да, – пробормотала Линн. – Отлично, так я и сделаю.

Они попрощались.

Кейтлин лежала в постели, то открывая, то закрывая глаза.

– Я вроде как бы чего-то нашел, – объявил Люк.

Линн вгляделась через его плечо. От волос мальчишки пахло грязью.

Он начал вслух читать текст с сайта:

– Энцефалопатия – нейропсихический синдром, проявления варьируются от сонливости, легкого расстройства сознания и координации до изменения личности и комы…

– Потрясающе, черт побери! – воскликнула Линн и повернулась к Кейтлин, которая теперь закрыла глаза. Вдруг испугавшись, что дочь погружается в кому, она ее встряхнула.

– Детка! Очнись, дорогая!..

Та открыла глаза и пробормотала:

– Знаете… Печеночная недостаточность – камень.

– Как – камень? – опешила Линн.

– Почему бы и нет? – буркнул Люк.

– Почему она камень? – Линн вопросительно на него посмотрела, словно хотела прочесть истину на глупой бессмысленной физиономии.

– Ну, эта самая очередь на трансплантацию, да?..

– Что?

– Ее можно типа обойти.

– Каким образом?

– Э-э-э, ну, я смотрел в Сети. Печень можно как бы купить.

– Как купить?

– За бабки.

– За бабки? Боюсь, мы с тобой с разных планет. Как это можно *купить печень?*

– Через брокера.

– Через какого брокера?

– Поставщика органов.

Линн вытаращила глаза, на секунду подумав, что у Люка такое чувство юмора. Но он выглядел абсолютно серьезным.

– Что это за «поставщик органов»?

– Тот, кто достанет любой нужный орган. По Интернету продают все, что хочешь: сердца, легкие, роговицу, кожу, части ушей, почки… печенки.

Линн молча смотрела на него.

– Ты серьезно? Можно купить печень по Интернету?

– Целая куча сайтов, – продолжал Люк. – И, если вам интересно, я нашел форум про очереди на трансплантацию. Там говорится, в некоторых странах очереди на пересадку печени как бы еще хуже наших. В Штатах умирают почти девяносто процентов, так и не дождавшись. По сравнению с этим наши двадцать процентов типа семечки.

Если в эти двадцать процентов не попадет твоя дочь, думала Линн, пристально глядя на Люка. В Соединенном Королевстве ежедневно умирают три человека, ожидающие трансплантации.

Ее тошнило от тревоги, внутренности свернулись от злости в тугой клубок. Она напряженно думала. Думала о Шерли Линсет, теплота которой внезапно сменилась холодом. Кейтлин для нее очередная пациентка. Через год-другой даже не вспомнит ее имени, останется лишь палочка в статистике.

– Я поеду в аптеку, – сказала она. – Когда вернусь, покажешь мне сайты тех самых брокеров.

По пути она остановилась у газетного киоска посмотреть в «Аргусе» новую информацию о трех телах. Увидела большую статью с заголовком: «Полиция по-прежнему недоумевает по поводу найденных в канале тел». Всмотрелась в лица мертвых подростков. Обратила внимание на предположения, что они являются донорами органов.

В душе шевельнулось что-то темное. Оставив газету на стойке, чтоб дома ее не увидела Кейтлин, Линн купила пачку «Силк кэт» с десятью сигаретами, вернулась к машине, закурила трясущимися руками.

55

Много лет назад детектив Рой Грейс еще в чине сержанта присутствовал на месте взлома небольшой винной лавки на Куинс-Парк-роуд рядом с ипподромом и безобразным комплексом Центральной больницы Брайтона и Хоува.

Хозяина лавки Генри Батлера, бритоголового молодого человека с безупречным произношением, больше волновало качество украденного вина, чем сам взлом. Пока криминалисты делали свое дело, посыпая поверхности порошком в поисках отпечатков, он без конца сокрушался, что у этих конкретных брайтонских подонков вообще нет вкуса. Филистимляне прихватили несколько коробок дешевой бурды и не тронули тонкие вина, которые пить гораздо приятней. Грейсу он сразу понравился, и с тех пор, когда была нужна бутылка к особому случаю, он шел к нему.

Во вторник в четыре часа, взяв краткий запоздалый обеденный перерыв, Грейс остановил «форд-фокус» без опознавательных знаков у маленького непритязательного магазинчика под названием «Винный погреб Генри Батлера». Генри Батлер был на месте, по-прежнему с выбритой головой, золотым кольцом в ухе, козлиной бородкой, в рабочих брюках из грубой хлопчатобумажной ткани и рубашке без ворота, словно только что вернулся со сбора винограда. Как только дверь захлопнулась, Грейс сразу почуял знакомый кислый винный запах, смешанный с более сладким запахом ящиков из свежераспиленных деревянных планок.

– Добрый день, суперинтендент Грейс! – воскликнул хозяин. – Очень рад вас видеть. Все преступления уже раскрыты, можно с чистой душой совершать возлияния?

– Хорошо бы, – улыбнулся Грейс. – Как идут дела?

Батлер кивнул на пустой магазин.

– С вашим приходом день становится чуточку лучше. Чем могу соблазнить?

– Мне нужна особая бутылка шампанского, Генри, – сказал Грейс. – Самого дорогого.

– Молодец! Вот что приятно слышать. – Батлер исчез за дверью крошечного заставленного офиса, оттуда простучал вниз по ступенькам.

Грейс взглянул на только что поступившее на телефон сообщение: ничего серьезного, просто напоминание, что на завтра у него назначена стрижка в салоне, куда самозваный гуру в области стиля Гленн Брэнсон требует заходить ежемесячно. Осмотрел пыльные бутылки, лежащие на боку на полках и стоящие в деревянных ящиках на полу. Мельком заметил заголовок в «Аргусе»: «Брайтон вновь обрел статус столицы Англии по числу смертей от наркотиков».

Мрачная статистика, но, по крайней мере, сегодня она вытеснила с первой страницы расследуемое им дело.

Через пару минут Генри Батлер вернулся, почтительно держа в руках прямоугольную бутылку.

– Вот довольно соблазнительный «Круг». Один глоток, и пойдешь плясать!

Грейс усмехнулся.

– Только для вас, сэр, двести семьдесят пять фунтов, причем с десятипроцентной скидкой.

Усмешка канула в черную дыру.

– Черт, я вовсе не имел в виду *настолько* дорогое. Я не русский олигарх, а коп, если вы позабыли!

Торговец бросил на него вопросительный, притворно-суровый взгляд.

– Есть сладкая испанская кава[20] по девять фунтов. Мы ее дома пьем летом. Прекрасно.

– Слишком дешево.

– Правильно. Никогда не опускайтесь до дешевки. Имеется особое шампанское. Для вас, сэр, – семнадцать фунтов. Богатый маслянистый букет, послевкусие, сложный бисквитный стиль. Джейн Маккитти описывала дегустацию в «Санди таймс».

Грейс покачал головой:

– Все равно слишком дешево. Мне нужно что-то *особенное,* только я не хочу закладывать дом.

– Что скажете о сотне фунтов?

– Не так страшно.

Торговец опять на некоторое время исчез в чреве магазина.

– Вот вам собачье ухо! «Луи Родерер Кристал» двухтысячного года. Лучший год за десятилетие. Последняя бутылка в моих закромах. Красота! Обычно сто семьдесят пять, но я обещал вам за сотню, так что она ваша.

– Беру.

– Драгоценный алмаз, – одобрительно кивнул Генри Батлер.

Грейс вытащил бумажник.

– Кредитка годится?

Батлер как будто получил пинок в мошонку.

– Умеете прижать человека, когда он в упадке. Ну ладно, – пожал он плечами. – Говорите, по особому случаю?

– Не то слово.

– Налейте ей бокал, и она вас полюбит навеки.

Грейс улыбнулся.

– На это я и надеюсь.

56

Линн сидела возле кровати Кейтлин, уставившись в компьютер. Люк, сгорбившись на стуле у туалетного столика, деловито стучал по клавиатуре одним пальцем, поглядывал одним глазом на экран.

Кейтлин в течение последнего часа расхаживала в халате взад-вперед по комнате. Линн с облегчением видела, что она уже выглядит чуточку лучше, хотя снова чешется, царапает руки так сильно, будто их искусали насекомые. Надев наушники, попеременно смотрит старый сериал по телевизору с выключенным звуком и сосредоточенно набирает какой-то текст на своем лиловом мобильнике, потирая пятки об изножье кровати.

Люк тыкал в клавиши почти час, прочесав «Гугл», другие поисковые программы, пробуя разные сочетания фраз со словами «органы», «покупка», «доноры», «печень». Отыскал дебаты в парламентской ассамблее Совета Европы по поводу противозаконной торговли человеческими органами, на другом сайте прочел о хирурге с Харли-стрит[21] по имени Реймонд Крокет, которого в 1990 году исключили из медицинского реестра за приобретение в Турции почек для четырех пациентов. И кучу всяких споров о том, следует ли автоматически изымать органы для трансплантации после смерти донора, который не возражал против этого при жизни.

Но никаких брокеров он не нашел.

– Ты уверен, что это не миф, Люк?

– В одном сайте Филиппины называются «однопочечным островом», – сообщил он. – Там можно купить почку типа за сорок тысяч долларов, включая операцию. В том самом сайте сказано и про брокеров… – Он вдруг остановился.

На экране возникла клинически-белая надпись на угольно-черном фоне: «Трансплантацион-Централе». Меню сверху предлагало выбрать язык. Люк щелкнул на британский флажок, и через некоторое время открылось новое окно.

«Добро пожаловать в „Трансплантацион-Централе" – ведущую в мире брокерскую фирму, поставляющую человеческие органы для трансплантации.

Конфиденциальные глобальные услуги, тайна личности гарантируется.

Свяжитесь с нами по телефону, электронной почте или посетите мюнхенский офис по предварительной договоренности».

Линн напряженно вглядывалась в экран компьютера, чувствуя нараставшее возбуждение. И опасность. Возможно, действительно существует альтернатива тирании Шерли Линсел и ее команды. Другой способ спасти дочь.

Люк оглянулся на Кейтлин:

– Слушай, мы как бы чего-то нашли.

– Классно, – бросила она.

Руки дочки легли Линн на плечи, теплое дыхание коснулось шеи – она тоже смотрела на экран. Потом буркнула:

– Жуть какая… Думаете, у них есть прайс-лист? Как при покупках в «Теско» по Интернету?

Линн фыркнула, радуясь, что Кейтлин вроде бы возвращается к более или менее нормальному состоянию.

– Ладно, – сказала она, – пошлем сообщение.

И начала диктовать. Люк печатал:

«Я мать пятнадцатилетней девушки, которой срочно требуется пересадка печени. Мы живем на юге Англии. Можете нам помочь? Если да, сообщите, пожалуйста, какие услуги оказываете, какую информацию мы должны предоставить. Искренне ваша Линн Беккет».

Перечитав, оглянулась на Кейтлин:

– Ну как, ангел мой?

Дочь горько улыбнулась, пожала плечами:

– Как скажешь.

Люк отправил текст.

– Может, надо номер телефона сказать? – спросила Кейтлин. – Адрес или еще что-нибудь?

Линн думала, яростно ворочая мозгами.

– Возможно. Не знаю.

– Вреда ведь не будет? – заметила Кейтлин.

– Не будет, – согласилась мать.

Люк послал второе сообщение с номером мобильника Линн и кодом Англии.

Минут через десять, когда Линн заваривала чай и готовила на троих ужин, зазвонил мобильник. На дисплее надпись: «Номер не определяется». Она моментально ответила. Послышалось тихое шипение, треск, потом раздался гортанный женский голос с задержкой на долю секунды – четкий, но дружелюбный, с акцентом:

– Можно поговорить с миссис Линн Беккет?

– Это я, – выдохнула Линн. – Говорите.

– Меня зовут Марлен Хартман. Вы только что послали нашей компании электронное сообщение?

Задрожав, Линн переспросила:

– «Трансплантацион-Централе»?

– Верно. Кстати, завтра я буду в Англии, в Суссексе. Если удобно, может быть, встретимся?

– Да, – сказала Линн. Нервы ее были натянуты до предела. – Да, пожалуйста!

– Вы, случайно, не знаете группу крови вашей дочери?

– Знаю. АВ отрицательная.

– АВ отрицательная?

– Да.

Последовало короткое молчание, затем Марлен Хартман сказала:

– Отлично.

57

– Восемнадцать тридцать, вторник, второе декабря, – объявил Рой Грейс. – Десятый инструктаж по операции «Нептун». Следствие по делу о смерти трех неизвестных.

Он оглядел свою быстро растущую команду – уже двадцать восемь человек сгрудились вокруг стола. Перед ним бутылка воды, стопка газет, блокнот, отпечатанная повестка дня, которую надо выполнить, прежде чем удастся перейти к другому, гораздо более приятному пункту вечерней повестки. С участием дорогой бутылки шампанского, лежащей в багажнике.

На стенде наборы отпечатков пальцев и отретушированные фотографии жертв. Грейс посмотрел на них. Инспектор Джейсон Тингли однажды заметил, что на полицейских фото все похожи на человекообразных обезьян. В его словах действительно что-то есть. Эти лица и впрямь напоминают человекообразных молоденьких самцов и самочку.

Мертвых.

Убитых.

От него зависит предать убийц правосудию.

От него зависит закрыть этот вопрос для родных.

Он развернул «Индепендент», верхнюю в газетной стопке. На третьей странице броский заголовок: «Брайтон вновь криминальная столица Англии». Намек на 1934 год, когда город сидел на ножах знаменитых преступных группировок и в чемоданах на железнодорожной станции были обнаружены два тела.

– У нового шефа не слишком хорошее впечатление, – сказал Грейс. – Хочет, чтобы дело было быстро раскрыто. – Он заглянул в перепечатанные Элинор заметки. – Итак, получено заключение патологоанатома с окончательным подтверждением, что органы у наших жертв изъяты в операционной. В тканях обнаружены следы пропофола и кетамина. Это препараты для анестезии.

Он помолчал, давая коллегам время усвоить информацию.

– Я тут обдумал линию нелегальной торговли органами, Рой, – начал обсуждение Гай Батчелор. – В Соединенном Королевстве продажа и покупка человеческих органов запрещена законом. Но трансплантатов катастрофически не хватает, люди в длинной очереди на пересадку сердца, легких и печени, многие умирают, не дождавшись операции. Те, кто годами ждут почку, влачат жалкое существование. Как идут поиски недовольных хирургов?

– Пока безрезультатно, – ответила инспектор Мантл.

– Может, взять под подозрение всех наших специалистов по трансплантации? – предложил Ник Николл. – Их должно быть немного.

– А как насчет уволенных? – напомнила Лиззи Мантл. – По-моему, неплохая отправная точка. Обиженный и рассерженный человек желает опорочить систему…

– Я над этим работаю, – сказала Сара Шенстон из аналитического отдела. – Надеюсь закончить список к завтрашнему дню. Их немало.

– Хорошо. Спасибо, Сара. – Грейс сделал пометку. – Думаю, надо побывать во всех медицинских учреждениях, где проводится пересадка органов. – Он взглянул на Батчелора. – Надо выявить цепочку получения и передачи органов. Как орган попадает от донора к реципиенту? Есть ли какие-нибудь лазейки для нелегальных поставщиков?

– Подумаем, – кивнул Батчелор.

– По-моему, для начала можно допустить, что жертвы как-то связаны с Брайтоном или с Суссексом. Полагаю, на это указывает факт обнаружения тел неподалеку от брайтонского берега. Кто-то думает иначе?

Все кивнули в знак согласия.

– Для решения нашей головоломки очень важно установить личность пострадавших, и в этом направлении мы понемногу продвигаемся. Из криминалистической лаборатории «Селлмарк», куда были отправлены образцы ДНК, получена любопытная информация. Были проанализированы энзимы и минералы в ДНК жертв. Заключение следующее: продукты, которыми они питались, производятся в Юго-Восточной Европе. Кроме того, в ходе токсикологического анализа в нашей лаборатории в крови жертв обнаружены микроскопические следы выпускающегося в Румынии растворителя под названием «Ауролак». Это вещество дает тот же эффект, что клей, которым дышат. Для проверки Надюшка вчера вечером продолжила обследование и нашла в ноздрях жертв остатки этого растворителя. – Грейс взглянул на Поттинга. – Норман, как продвигаются румынские дела?

Довольный своим выходом на сцену Поттинг выпятил грудь.

– Ну, я осведомил Интерпол, только с этими канцелярскими крысами вечно одно и то же. Для них нет ничего срочного. Три недели будем ждать ответа, Рождество быстрей настанет. – Он замялся, глядя на Грейса. – Про Йена Тиллинга в Бухаресте можно рассказать, сэр?

Грейс кивнул и пояснил:

– У Нормана есть контакт в Румынии – бывший офицер британской полиции, который занимается там благотворительностью. Он устроил приют для бездомных. Учитывая необходимость как можно скорее продвинуться в нашем расследовании, я дал разрешение сержанту Поттингу действовать, не дожидаясь ответа из Интерпола. Выкладывай, Норман.

– Я попросил Тиллинга выяснить, не уезжал ли недавно в Англию некто по имени Рарес. Разговаривал с ним всего несколько часов назад, но он обещал сразу взяться за дело, поэтому надеюсь получить отчет завтра. Пока все.

Грейс обратился к Белле Мой:

– Что с зубными слепками?

– Ничего. – Она взмахнула кипой бумаг. – Здесь дантисты, у которых я побывала. Все твердят одно и то же: у жертв признаки истощения, недоедания, возможно употребление наркотиков, и никаких следов стоматологического вмешательства. Сомневаюсь, что есть смысл продолжать опросы.

– Да, похоже, это ничего нам не даст. – Грейс перешел к констеблю Нику Николлу: – Как у тебя со списком пропавших?

– Пока ничего, шеф.

Ник принялся докладывать о результатах своей деятельности. Ни рассылка фотографий по Суссексу и соседним графствам, ни публикации в газетах ничего не дали. Остается телевизионная программа «Криминальный дозор», но она выйдет только через несколько дней.

Грейс снова заглянул в заметки:

– Рей Паккард из отдела высоких технологий хочет что-то нам сообщить.

Сидевший напротив аналитик олицетворял традиционное представление о безумце, помешанном на компьютерах. В свои сорок лет он обладал высочайшим уровнем интеллекта и кипучим энтузиазмом. Но, увидев Паккарда в сером костюме с клубным галстуком, каждый принял бы его за добродушного и опытного банковского менеджера.

– Да. Мы выявляем страны, включенные в глобальную сеть нелегальной торговли человеческими органами, – сказал аналитик. – В их число входит Румыния, что согласуется с сообщением сержанта Поттинга. Мы занимаемся этим вопросом.

Грейс поблагодарил:

– Хорошо. Днем я беседовал с членами команды, которая разрабатывает операцию «Периметр», как раз по поводу незаконной торговли органами. По распоряжению нашего

шефа Джека Скеррита инспектор Пол Фернелл и сержант Джастин Хэмблок дали мне список людей, имеющих отношение к Юго-Восточной Европе, включая пару румын. В брайтонских борделях много румынских девушек. Надо всех проверить, может, они узнают кого-то из наших подростков. И может быть, что-то расскажут о своих связях здесь и в Румынии. У тебя что-нибудь есть, Гленн? – спросил он сержанта Брэнсона.

– О пропавшей шхуне по-прежнему никаких вестей. Я условился о встрече с женой владельца «Скуби», а также отправил два окурка, найденные мной в Шорэмской гавани, на анализ ДНК.

Грейс кивнул:

– Возможно, тут нет никакой связи, но сегодня на берегу во время отлива найден новенький лодочный подвесной мотор «Ямаха» мощностью в пять лошадиных сил. Я попросил его исследовать на предмет отпечатков с помощью новой техники, которую сейчас испытывают в лаборатории. Гленн, составь список всех дилеров в районе, которые предлагают моторы «Ямаха», и выясни, у кого был куплен данный экземпляр.

– Где он сейчас?

– На складе вещдоков.

– Хорошо.

Грейс тайком посмотрел на часы. Обещал Клио прийти к восьми. И снова сосредоточился на работе.

– На мой взгляд, мы имеем дело с нелегальным ввозом людей в нашу страну для изъятия органов, пока мне не докажут обратное. Как сообщил инспектор Фернелл, до сих пор речь шла исключительно о сексуальной торговле. Этим бизнесом заправляют здешние крупные шишки. За некоторыми следит команда Фернелла, но, по его убеждению, многие еще не накрыты радаром. Я считаю ключевым направлением следствия опрос девушек из брайтонских борделей, что, возможно, поможет пополнить список замешанных в этом деле.

Исходя из того, что проституция процветает в каждом городе, брайтонская полиция предпочитала, чтоб девушки работали в публичных домах, а не на улицах – главным образом, ради их собственной безопасности. Вдобавок так легче выслеживать несовершеннолетних.

– Думаю, лучше всего поручить это Белле и Нику, – заключил Грейс.

На его взгляд, проституткам проще разговаривать с женщиной, а Ник Николл – любящий отец маленького ребенка – вряд ли поддастся соблазну, в отличие, скажем, от Нормана Поттинга.

– Я инспектирую бордели с той самой минуты, как надела форму, – сообщила Белла Мой.

Ник Николл вспыхнул.

– Знаете, я готов выполнить задание при условии, что моей жене объяснят, что именно я там делаю.

– После родов женщины лишаются сексуального пыла, – вставил Поттинг. – Можешь мне поверить. Скоро начнешь бегать на сторону.

– Норман! – одернул сержанта Грейс.

– Прошу прощения, шеф. Это просто жизненное наблюдение.

Грейс продолжил:

– Поговорите с максимально возможным числом девушек. Известно, что многие хорошо зарабатывают и вполне довольны жизнью, а многие по уши увязли в долгах.

– Почему? – спросил Гай Батчелор.

– Их вытаскивают из нищеты мошенники, обещая в Англии прекрасную новую жизнь, паспорт, визу, работу, квартиру. Но все это за такие деньги, которых они никогда не смогут вернуть. Девушки приезжают сюда, задолжав десятки тысяч фунтов, и попадают в бордель, даже несовершеннолетние. Если отказываются, им грозят расправиться с родными и друзьями. Но, как правило, в руках их хозяев не один кусок пирога. Они также торгуют наркотиками, а некоторые, видно, и человеческими органами. Думаю, тот, за кем нам предстоит охотиться, как раз из таких шишек.

58

Гленн Брэнсон миновал эстакаду и двинулся по широкой улице, застроенной с обеих сторон магазинами, ресторанами, пабами, сверкавшими рождественскими огнями. Даже в дождливый вторник в половине девятого вечера кругом полно народу. Сезон корпоративных вечеринок в полном разгаре. Впрочем, ему до этого дела нет.

Настроение ужасное. Маячит Рождество. Эри на эту тему даже говорить не желает. Неужели придется праздновать в одиночестве в доме Роя Грейса? На мобильнике три пропущенных звонка от Эри, поступившие днем во время инструктажа, но когда Гленн перезвонил, ответил мужской голос.

Мужчина отвечает из *его* дома, что *его* жены нет. На вопрос, кто он такой, черт возьми, с возмущением объявил, что сидит с детьми, а Эри на лекции по английской литературе.

Нянька мужского пола?

Будь у него мальчишеский голос – одно дело. Но этот «нянь» гораздо старше, лет тридцати. Кто такой, что за хрен? На этот вопрос говнюк высокомерно ответил: *друг.* Проклятье, о чем думает Эри, оставляя детей на попечении мужчины, которого он никогда в жизни не видел? Господи Иисусе, вдруг это педофил? Гленн решительно собрался по окончании задания отправиться домой, посмотреть на извращенца и вышвырнуть его вон.

Он сбавил ход, свернул в узкую жилую улочку, медленно проехал мимо рыбной лавки, читая номера домов. Перед номером 64 увидел узкое пространство между двумя припаркованными машинами, завел туда маленький «хёндэ», вылез, заспешил под дождем, подняв воротник кремового макинтоша, нажал кнопку звонка.

Вышла женщина лет пятидесяти пяти, высокая, грудастая, с короной рыжеватых волос, словно только сегодня подстриженных и уложенных. В дымчатой блузе, джинсах и сабо. Судя по темным кругам под глазами и потекам туши, сильно переживает.

– Миссис Дженет Тауэрс? – уточнил Гленн, предъявляя удостоверение.

– Да.

– Детектив, сержант Брэнсон.

– Спасибо, что пришли. – Дженет Тауэрс посторонилась, пропуская его, и с надеждой спросила: – Есть новости?

– Пока нет, – вздохнул он. – Мне очень жаль.

Гленн шагнул в узкую прихожую, увешанную старыми морскими гравюрами с изображением Брайтона. В доме жарко, душно, пахнет сигаретным дымом, мокрой собачьей шерстью. По прошлому опыту он заметил, что скорбящие люди обычно задергивают занавески и включают отопление на полную мощность.

Дженет Тауэрс привела его в крошечную гостиную, почти всю площадь которой занимал коричневый бархатный гарнитур из трех предметов, а также большой телевизор, кофейный столик в виде штурвала с пепельницей, полной испачканных помадой окурков, и несколько застекленных шкафчиков с корабликами в бутылках разных размеров. В камине пылал старомодный обогреватель с фальшивыми углями. На каминной полке семейные фотографии и огромные поздравительные открытки.

– Не желаете выпить чего-нибудь, детектив… сержант Брэнсон? Как Ричард Брэнсон?[22]

– Да, только не такой богатый. Кофе с удовольствием выпил бы.

– Как вы любите?

– Без сахара, покрепче, чуточку молока.

Миссис Тауэрс вышла, и Гленн, воспользовавшись возможностью, принялся рассматривать фотографии. На одной новобрачные перед церковью – он узнал храм Всех Святых в Патчеме, потому что венчался там с Эри. Муж – предположительно Джим – в тесном костюме с пышными волосами и вопросительной улыбкой. Жена – Дженет, еще стройная, с серьгами до плеч, в кружевном наряде с длинным шлейфом. Сбоку снимки двоих ребятишек на разных стадиях детского возраста и отдельная фотография робкого молодого человека в моторной лодке в мантии выпускника колледжа.

Колледж, мрачно подумал Гленн. Пойдет ли он когда-нибудь на выпускной вечер своих детей? Или сучка вычеркнет его из списка?

Он вытащил личный мобильник, проверил на случай. На случай чего? С несчастным видом сунул обратно в карман, снова подумал об ответившем по телефону мужчине. Который остается наедине с его детьми. Собирается трахнуть Эри, когда та вернется?

Послышалось хрипение, и Гленн, оглянувшись, увидел старого перекормленного золотистого ретривера, смотревшего на него из дверей.

– Привет, – сказал он, махнув псу рукой.

Ретривер пустил на ковер слюни и затрусил к нему. Он наклонился, погладил его, и пес моментально повалился на спину.

– Да ты просто замечательная сторожевая собака, – сказал ему сержант Брэнсон. – И развратник к тому же, показываешь причиндалы!

Почесал псу животик, поднялся, взял в руки поздравительную открытку. На ней было золотом напечатано: «Моей любимой». На развороте написано:

«Дженет, самой любимой на свете. Обожаю, тоскую каждую минуту в разлуке. Спасибо за счастливейшие двадцать пять лет моей жизни. С бесконечной любовью – Джим».

– Надеюсь, это вас убедило? – спросила вошедшая в комнату Дженет Тауэрс.

Гленн закрыл карточку и поставил на место.

– Замечательная открытка.

– Он замечательный человек.

– Я так и понял из текста.

Дженет Тауэрс поставила поднос с двумя чашками кофе и блюдом с шоколадным печеньем на столик, села на диван. Пес сунул нос к тарелке.

– Нет, Голди! – сурово прикрикнула на него хозяйка.

Ретривер неохотно отошел. Гленн выбрал самое дальнее от камина кресло, посмотрел на печенье, вдруг поняв, что проголодался. Но было бы неучтиво набрасываться на еду в такой щекотливый для бедной женщины момент.

– У меня к вам несколько вопросов, которые возникли после нашего вчерашнего телефонного разговора, – начал он. – Не возражаете?

– Я в отчаянии, – призналась Дженет Тауэрс. – Все, что угодно, пожалуйста.

Он оглянулся на каминную полку:

– Это ваши дети? Сколько им? – и пристально вгляделся в глаза женщины.

Ее взгляд устремился направо. Она нахмурилась:

– Джейми двадцать четыре, Хлое двадцать два. Почему вы спрашиваете?

Не ответив, Гленн продолжил:

– Как я понимаю, по-прежнему никаких вестей?

Рой Грейс учил его определять, лжет человек или говорит правду, по движению глаз. Человеческий мозг делится на правое и левое полушария. Хотя дело гораздо сложнее, чем растолковывал Грейс, но в принципе у правшей за воображение отвечает левое полушарие, а правое за долгосрочную память и факты. Слыша вопрос, люди часто переводят взгляд либо влево, когда хотят что-то выдумать, либо вправо, в сторону памяти, когда собираются сказать правду.

Наблюдая за Дженет Тауэрс, Гленн уже понял, что она правша. Если теперь пристально следить за ее глазами, можно отличить ложь от истины.

Взгляд резко метнулся вправо.

– Ни слова. С ним что-то случилось, можете мне поверить.

Он вытащил блокнот и ручку.

– Если не ошибаюсь, вы с вечера пятницы не получали известий от мужа?

Глаза снова посмотрели вправо.

– Верно.

– Он когда-нибудь так долго отсутствовал?

– Никогда.

Вроде пока все правда. Гленн сделал пометку, отхлебнул кофе, который оказался слишком горячим.

– Простите за бестактность, миссис Тауэрс, не было ли у вас с мужем какой-нибудь ссоры перед его… исчезновением?

– Нет! Абсолютно! Мы собирались отметить годовщину свадьбы, двадцать пять лет. За день до этого он говорил, что хочет, чтобы мы повторили брачные обеты. Мы были… необычайно счастливы.

– Хорошо. – Сержант с тоской посмотрел на печенье, но по-прежнему удержался. – Он рассказывал вам о клиентах?

– Рассказывал, об интересных… или странных.

– В каком смысле странных?

– Прошлым летом его нанимал один тип для рыбалки в открытом море, а потом оказалось, что он любит рыбачить голым. – Женщина выдавила усмешку.

– От таких причуд и лодка может затонуть, – усмехнулся Гленн в ответ.

Наступило неловкое молчание, и он понял, что это не самая лучшая шутка в данных обстоятельствах.

– Что делает полиция, чтобы его найти? – спросила миссис Тауэрс.

– Все, что в наших силах, – заверил Гленн, побагровев от допущенного промаха. – Береговая охрана задействовала спасательные бригады на море и в воздухе. Ищут шхуну. Предупреждены все порты Соединенного Королевства и других стран по берегам канала. Всем судам приказано искать «Скуби». Но пока, к сожалению, усилия безрезультатны.

– Мы заказали столик в ресторане на восемь часов в пятницу. Джим сказал, что шхуну на день арендовали ныряльщики из полиции. Когда они вернутся, ему останется лишь привести ее на причал, и он будет дома к шести. В девять часов видели, как она прошла шлюз в Шорэмской гавани и ушла в море. Не могу этого объяснить.

– Может, клиент возник в последнюю минуту?

Миссис Тауэрс лихорадочно затрясла головой.

– Джим романтик! Планировал праздничный вечер за недели, да что там, за месяцы. Он ни в коем случае не взял бы клиента в такой день.

Гленн в конце концов не выдержал, взял печенье, откусил кусочек.

– Не хочется задавать неприятный вопрос, но мы знаем о процветающей в городе контрабанде наркотиков… Ваш муж не мог быть причастным к подобным делам?

Миссис Тауэрс вновь энергично тряхнула головой.

– Только не Джим.

По-прежнему радуясь, что она говорит правду, Гленн спросил:

– У него были враги?

– Нет. По крайней мере, насколько мне известно. Все любят Джима. Такой он человек.

– За время работы частным сыщиком он не нажил недоброжелателей?

– Может быть, и нажил. Я все думаю о его прежних клиентах. Возможно, кого-то он против себя настроил, но десять лет назад вышел из игры.

– Может, кого-то упек за решетку, а теперь тот вышел на свободу?

– Джим в тюрьму никого не сажал. Чаще, знаете, занимался неверными женами, иногда промышленным шпионажем. Сбор информации, наблюдение, слежка, всякое такое…

Гленн сделал очередную пометку.

– У него был мобильник?

– Да.

– Он здесь?

– Нет, Джим всегда носит его с собой.

– Номер не подскажете?

Миссис Тауэрс продиктовала.

– Провайдера знаете?

– «Т-Мобил».

– Когда вы говорили с ним в последний раз?

– Примерно в четверть шестого в пятницу. Он как раз забрал у полиции шхуну, возвращался к причалу. Сказал, пришвартуется и приедет домой.

– Это был последний разговор?

– Да. – Женщина всхлипнула.

Гленн пил кофе, терпеливо ждал, когда она успокоится.

– Наверняка вы пытались ему дозвониться?

– Каждые пять минут. Попадала на автоответчик.

Гленн снова вспомнил мужчину, ответившего по телефону из его дома. Мужчину, который сидит с его сыном и дочкой. Мужчину, которого он никогда не встречал, но ненавидел больше любого другого.

Если ты спишь с Эри, то помоги тебе Бог. Вырву яйца из мошонки голыми руками!

Он улыбнулся, протянул Дженет Тауэрс свою визитку:

– Звоните мне, если что-то услышите. Мы найдем вашего мужа. Не волнуйтесь. Найдем.

– Надеюсь, вы найдете его раньше, чем я, черт возьми, вот что я вам скажу! – вдруг резко сказала миссис Тауэрс и снова заплакала.

59

Рой Грейс, крепко зажав под мышкой самую дорогую бутылку шампанского, какую когда-нибудь покупал, сунул ключ в замочную скважину двери дома Клио, огороженного решеткой с воротами. В ту же секунду у него зазвонил телефон. Он с проклятием выудил его из кармана, ответил:

– Суперинтендент Грейс.

Это была Элисон Воспер. Только ее сейчас не хватало.

– Где вы? – назойливо осведомилась она.

– Только что подошел к дому, – доложил Грейс, надеясь, что на начальницу ответ произведет впечатление: как-никак начало десятого, пора и честь знать.

– Утром хочу первым делом вас видеть. Шеф беседовал с Аланом Маккарти по поводу дурной репутации Брайтона в прессе в связи с вашим делом.

Маккарти – председатель городского совета Брайтона и Хоува.

– Хорошо, – сказал Грейс, изо всех сил стараясь замаскировать свое недовольство.

– В семь часов.

Он мысленно выругался.

– Отлично!

– Надеюсь, сможете доложить о продвижении, – закончила разговор Элисон Воспер.

«Желаю вам всего хорошего, доброй ночи», – произнес Грейс одними губами и открыл дверь.

Клио в мужской рубашке и вельветовых джинсах стояла на четвереньках на полу, играя с Хамфри в игру под названием «а ну-ка, отними». Пес рычал, скулил, скалился, цеплялся за носок, как за собственную жизнь.

– Привет, дорогая! – поздоровался Грейс.

Клио взглянула на него снизу вверх, не прекращая перетягивать канат и словно не замечая высоко поднятой бутылки.

– Привет. Хамфри, смотри, кто пришел. Суперинтендент Рой Грейс!

Он опустился на колени, поцеловал ее. Она его быстро чмокнула в ответ, воскликнула:

– Шампанское! Как мило, – и снова сосредоточилась на собаке. – Что скажешь, Хамфри? Суперинтендент Рой Грейс принес нам шампанское. Думаешь, в честь перемирия?

– Извини, опоздал. Пришлось задержаться.

Клио сильно дернула носок, Хамфри заскользил, не сумев зацепиться лапами за полированный дубовый пол, выпустил из зубов носок, тут же снова вцепился. Клио посмотрела на Грейса:

– Я приготовила лучший в твоей жизни мартини. Открыла фантастическую новую водку «Калашников». Мартини в холодильнике. Счастливчик, – добавила она, – за двоих будешь пить. – И снова обратилась к собаке: – Везет ему, Хамфри, правда? Является на час позже обещанного и все-таки получает чудесную выпивку. А мы с тобой будем воду пить. Как тебе это нравится?

– Пойду поставлю шампанское охлаждаться, – пробормотал Грейс, стараясь умилостивить Клио, и снова показал бутылку.

Она прищурилась на этикетку, продолжая дразнить Хамфри:

– У вас порочные планы на вечер, суперинтендент?

– В высшей степени, – кивнул он.

– Ты же знаешь, что мне нельзя пить.

– Я смотрел в Интернете. По новым понятиям, бокал время от времени не повредит беременной женщине.

– А два?

– Еще лучше. Один тебе, другой *ему.*

Клио усмехнулась, опустила глаза, похлопала себя по животу:

– До чего же заботливый папочка!

Грейс бросил на диван пиджак и галстук, положил бутылку в морозильник, открыл холодильник, где стоял полный до краев стакан с мартини с оливкой на палочке, взял его, понес в гостиную, немного отхлебнул, сел на краешек дивана. Спиртное вспыхнуло, как ракетное топливо, мгновенно его взбодрив. Хамфри бросил носок, полетел к нему короткими прыжками.

– Эй, ты! – Грейс наклонился, погладил собаку и тут же отдернул игриво прикушенную в ответ руку. – Ух!

Хамфри посмотрел на него, подпрыгнул и снова куснул.

Оберегая мартини, Грейс крикнул:

– Эй, парень, у тебя зубы острые! Больно!

– Знаешь, что мой отец говорит про мартини? – спросила Клио.

Хамфри снова бросился к носку, вырвал у хозяйки, принялся трепать изо всех сил, как бы намереваясь убить добычу.

– Нет. Что?

– «Запомните, леди, не больше двух сухих мартини. После третьего будете под столом, после четвертого – под хозяином!»

Грейс усмехнулся:

– А что он говорит про марочное шампанское?

– Ничего. Как правило, напивается мартини, прежде чем дело дойдет до шампанского.

– Не терпится с ним познакомиться.

– Он тебе понравится.

– Наверняка, – кивнул Грейс, точно не зная, как шикарный отец Клио примет простого копа.

Вновь хлебнул мартини, и на этот раз крепкий напиток по-настоящему ударил в голову. Зазвонил телефон. Кивком попросив извинения, он вытащил из кармана пиджака мобильник:

– Рой Грейс.

– Эй, старина!

Это был Гленн Брэнсон.

– Привет. Чего тебе?

– Удобный момент?

– Нет. В чем дело?

– Ни в чем, – ответил сержант. – Просто хотел поговорить с тобой насчет Эри.

– До завтра обождать не можешь?

– Ладно, до завтра. Не беспокойся.

– Точно?

– Завтра вполне годится. – Тон у Гленна был жуткий.

– Рассказывай!

– Да нет, завтра. Будь здоров.

– Вполне могу поговорить.

– Нет. Не можешь. Завтра.

– Слушай, приятель, что стряслось?

Трубка молчала.

Грейс попробовал перезвонить, попал на автоответчик. Позвонил к себе домой, на случай, если Гленн там: после восьмого гудка тоже включился автоответчик. Клио продолжала играть с Хамфри, практически не замечая его присутствия. Потом ей надоело,

она выпустила носок, пес поволок его к пуфу, на котором спал, не прекращая борьбу, рыча, будто бился с дохлой крысой.

– Есть хочешь? – спросила она. – Я приготовила твое любимое. На случай, если вдруг решишь заглянуть.

Почти то же самое обычно говорила Сэнди. Вечно сердилась на его занятость, особенно когда его вызывали посреди совместного обеда.

– Эй! – воскликнул он. – Что это значит, если я вдруг решу заглянуть?

– Ты босс, – ответила Клио. – Если захочешь, то сможешь вовремя вернуться домой. Правда?

– Нет. Слушай, не будем из-за этого ссориться. У меня три убитых подростка, и масса людей жаждет объяснений. Ты видела тела. Я хочу выяснить, кто это сделал, и выяснить быстро, пока это не повторилось. А тысячи людей у меня за спиной хотят слышать ответы до Рождества. Я тоже. Ради этого я все отдам.

– В морг каждый день привозят людей, которым я все отдаю. Их родственникам тоже. Но умудряюсь также устроить собственную жизнь. Ты этого не делаешь, Рой. Твоя жизнь – работа.

Впереди замаячила темная бездна.

– Тебя тоже могут вызвать каждую минуту дня и ночи в течение семи дней в неделю, – напомнил он.

– Это другое дело. – Она пожала плечами, окинув его странным взглядом.

Грейс ощутил внезапный укол паники. Сделал долгий глоток из стакана, но алкоголь перестал действовать. Впервые с начала их связи Клио показалась чужой, незнакомой.

– И так будет всегда, правда?

– Как?

– Я буду слоняться по дому, ждать тебя. Ты влюблен в свою работу.

– Я в тебя влюблен, – пробормотал он.

– И я тоже в тебя влюблена. Но не настолько глупа, чтобы думать, будто смогу тебя изменить. Ты хороший, однако… – Она пожала плечами. – Я очень горжусь, что вынашиваю твоего… нашего ребенка. Однако меня беспокоит, какой из тебя получится отец.

– Мой отец был полицейским, – сказал Грейс. – Отец из него был ужасный. Я им всегда страшно гордился.

– Он был сержантом.

– Ну и что из этого?

– Черт возьми, выпить хочется. Долго еще ждать шампанского?

– Может, еще минут десять?

– Соберу ужин. Выведешь Хамфри в патио? Ему дела надо сделать.

Грейс покорно вывел пса в крытый садик, походил с ним кругами десять минут, за которые Хамфри ничего не сделал, только изгрыз его руку. Снова впущенный в заднюю дверь, пес просеменил по лестнице, написал на пол в гостиной, а затем гордо навалил кучу на белый ковер. Пока Грейс за ним убирал, шампанское идеально остыло. На маленьком кухонном столике стояли две миски с креветками, нарезанный авокадо и листья салата. Он взял из буфета два узких высоких хрустальных бокала, откупорил бутылку с предельной осторожностью, как будто младенца держал на руках, налил вино.

Они чокнулись. Клио осторожно попробовала шампанское, закрыла глаза на секунду. А когда открыла, они искрились, как вино.

– Ух! Потрясающе!

– Слушай… – начал Грейс. – Знаю, я еще не познакомился с твоим отцом, в вашем мире существуют формальности, которых необходимо придерживаться, но… Клио… ты выйдешь за меня замуж?

Последовало долгое мучительное молчание. Она просто смотрела на него с непроницаемым выражением, потом снова надолго приникла к бокалу.

– Рой, милый, мне не хочется, чтобы ты посчитал то, что я скажу, за причуду, каприз или что-нибудь вроде того… Хорошо?

Он пожал плечами, понятия не имея, что последует дальше.

Она повертела в руках бокал.

– Знаешь, я решила, если ты сделаешь мне предложение из-за беременности, я за тебя не пойду. – Она бросила на него беспомощный взгляд. – Это не та жизнь, какой мне хочется… для нас обоих.

На этот раз молчание длилось еще дольше. Потом он сказал:

– Беременность тут вообще ни при чем. Это просто очень крупная премия. Я люблю тебя, Клио. Из всех, кого мне посчастливилось в жизни встретить, ты самая прекрасная душой и телом. Люблю тебя всем сердцем. Буду любить до конца света и дальше. Больше того – хочу прожить с тобой оставшуюся жизнь.

Клио задумчиво кивнула, улыбнулась.

– Неплохо. – И махнула рукой. – Еще.

– Люблю твой нос. Глаза. Юмор. Взгляд на мир. Люблю твой ум. Доброту к людям.

– Значит, дело не в том, как я верчусь в постели? – уточнила она с притворным возмущением.

– В этом тоже.

Она еще выпила, уткнулась в стол локтями, держа бокал перед лицом, глядя поверх ободка.

– Знаешь, ты тоже неплох в этом смысле.

– Поганка!

Она сморщила нос.

– Грубиян, сукин сын!

– Тебе нравится!

Она высокомерно надулась.

– Нет, не нравится. Я это делаю исключительно для твоего удовольствия.

Он ухмыльнулся:

– Не верю.

Хамфри сидел на полу и выл, пока они занимались любовью. Наконец, ему надоело, и он отправился спать.

Они держали друг друга в объятиях. Клио поцеловала Роя в нос, в глаза, в губы.

– Знаешь, ты просто невероятный любовник. Не эгоист, как ни странно.

– Все мужчины эгоисты?

Она кивнула, усмехнулась:

– Судя, конечно, по личному опыту общения с сотнями любовников!

– Из уст специалистки принимаю за комплимент.

Она ткнула его кулаком, снова поцеловала.

– Есть в тебе еще кое-что, суперинтендент, – ты внушаешь мне ощущение безопасности.

– А ты внушаешь мне ощущение, будто я грубиян.

Она провела ладонью по крепкому мускулистому телу:

– Еще, черт побери?

– Разве это было недавно?

– Минут пять назад.

– Видно, у меня проявляются первые признаки болезни Альцгеймера.[23] Я думал, это было просто для разогрева.

Она снова усмехнулась:

– В жизни не видела такого грубияна!

– Сама меня толкаешь на грубость. – Он стал целовать ее лицо, шею, плечи…

Много позже в мерцающем свете почти догоревшей свечи Клио, крепко прижавшись к нему, сказала:

– Ладно, сдаюсь. Выхожу за тебя.

– Правда?

– Правда. Мне этого хочется больше всего на свете. Но ведь будут проблемы?

– Какие?

– У тебя есть жена.

– Я уже начал процесс признания ее мертвой. Столько лет прошло. Сестра меня давным-давно уговаривает.

– Клио Грейс, – мурлыкнула Клио. – М-м-м, красиво звучит.

Снова поцеловала его и заснула.

60

Гленн Брэнсон молча сидел за рулем черного «хёндэ», в отчаянии глядя на собственный дом. Сидел уже пять часов.

Маленький домик 1960-х годов пристроен одной стеной к другому на крутой улочке в Солтдине за вершиной утеса, в настоящем гнезде ветров. Машина раскачивалась, по корпусу хлестал дождь.

По щекам текли слезы. Он не обращал внимания ни на ледяной ветер, ни на голод, ни на необходимость помочиться. Просто смотрел на ярко-желтую дверь, за которой некогда был его дом. Смотрел на фасад, ставший чем-то вроде Берлинской стены между ним и его прежней жизнью. Глаза затуманили слезы. Стекла автомобиля затуманил дождь. Сознание туманит любовь, злоба, боль.

Он видел, как Эри в начале одиннадцатого приехала домой, не заметив его в этой машине. Начал ждать, когда выйдет тот самый нянь, кем бы ни был самодовольный сукин сын. Уже половина третьего ночи. Больше двух часов назад свет внизу погас, загорелся в спальне. Вскоре и там был выключен. Значит, она спит с этим нянем. Трахается с ним в *их* доме.

Вбежав утром в спальню, Сэмми с Рэми, как обычно, крикнут: «Мама! Папа!» – и увидят в постели чужого мужчину? Или перестали уже забегать? Что изменилось в доме за несколько последних недель? Эта мысль пронзала сердце кинжалом.

Он взглянул на часы на приборной доске. 2:42. Посмотрел на наручные, словно автомобильные ошибались. 2:43. По тротуару покатилась пластмассовая крышка от мусорного бака. В боковом зеркале засверкали льдисто-голубые вспышки, через мгновение мимо пронесся полицейский патруль с мигалкой. На самом верху машина свернула направо и скрылась из вида. Должно быть, едет на семейный скандал, на взлом, или несчастный

случай, или по другому какому поводу. Не желая рисковать, что его сорвут с места, Гленн нерешительно набрал номер. Раз сидит в служебной полицейской машине, обязан позвонить. Несмотря на случившееся в личной жизни, он все равно благодарен полиции, давшей ему новый шанс. Позвонил по мобильнику в южную диспетчерскую.

– Говорит детектив Гленн Брэнсон, сержант из отдела тяжких преступлений. Только что видел, как ваши ребята проехали по Солтдину с мигалкой, – есть что-нибудь для нас?

– Нет, просто вернулись в участок.

Гленн вновь сосредоточился на доме. Нарастала злость. Плевать на все, кроме происходящего там, внутри.

Когда наконец не стало сил терпеть, он вылез из машины, перешел дорогу, прошагал к двери, чувствуя себя вороватым чужаком, как бы не имеющим права здесь быть, на собственной подъездной дорожке. Вставил ключ, повернул. Ключ не поворачивался. Озадаченно вытащил, на секунду подумав, что воспользовался по ошибке ключом от двери Роя Грейса. Нет, ключ тот самый. Попробовал еще раз и опять безуспешно. Тут его осенило – Эри сменила замок!

Ох, черт! Не может быть, леди!

В памяти замелькали сотни кинокадров с дерущимися супругами. Охваченный яростью, он крепко прижал кнопку звонка секунд на десять, слыша громкий звон в доме. И понял в багровом тумане, что впервые в жизни звонит в свою дверь. Отпустил кнопку, застучал кулаком. Через несколько секунд увидел над собой свет. Эри стояла в окне спальни, раздвинув гардины. Открыла створку, глянула вниз, вытянув шею. Гладкие распрямленные черные волосы, как всегда, безупречны, будто она только что вышла из парикмахерского салона. Однажды прическа выглядела точно так же во время сплава по горной реке на плоту.

– Гленн? Какого черта ты делаешь? Детей разбудишь!

– Ты сменила замок, мать твою!

– Я ключи потеряла, – воинственно заявила она.

– Впусти меня!

– Нет.

– Это и мой дом тоже, будь ты проклята!

– Мы договорились на время разъехаться.

– Мы не договаривались, что ты будешь водить домой мужиков, трахаться с ними!

– Я с тобой утром поговорю, ладно?

– Нет. Впусти меня, сейчас поговорим.

– Я дверь не открою.

– Тогда выбью окно на хрен, если ты этого хочешь.

– Давай, я полицию вызову.

– Если забыла, я сам из полиции.

– Делай, что хочешь, черт побери! Как всегда делаешь.

Она захлопнула окно. Он отошел, чтобы лучше видеть, увидел, как плотно задернулись шторы, погас свет. Сжал кулаки, разжал. Мысли крутились водоворотом. Прошел несколько ярдов вверх по улице, вернулся обратно. Мимо проехала машина, маленькая, сделанная на заказ, рэп из динамиков сотрясал и без того расколотый воздух. Он снова уставился на дом. На секунду почувствовал искушение расколотить окно, влезть, свернуть шею чертову няню.

Проблема в том, что если влезет, то именно так и сделает.

Неохотно повернул, влез в машину, поехал по главной прибрежной дороге. Остановился на перекрестке, сигналя о правом повороте. Уже тронувшись с места, вдруг заметил

крошечную светящуюся далеко в темноте точку. Какое-то судно в море. Внезапная мысль моментально отбросила в сторону злость. Она не уходила, а лишь крепла, пока он ехал по продуваемой ветром дороге через Роттингдин и Кемптаун и дальше вдоль брайтонского побережья.

Вернувшись в дом Роя, Гленн налил себе большую порцию виски и сел в кресло. Он по-прежнему трясся от злости на Эри, но так неожиданно пришедшая в голову мысль его не покидала. Осталась при нем и когда он проснулся через три часа.

Гленн Брэнсон плохо успевал почти по всем школьным предметам из-за отца, который либо пил, либо был под кайфом, бил мать, постоянно твердил сыну и дочкам, что из них не выйдет ничего хорошего. И сын ему верил. Единственным его любимым предметом была геометрия. Как раз из нее запомнилось то, что на всю ночь застряло в памяти.

Триангуляция.

61

В девять утра Йен Тиллинг сидел за письменным столом в своем кабинете в «Каса Иона» в Бухаресте, с энтузиазмом просматривая длинное электронное сообщение, присланное старым другом Норманом Поттингом. К нему прилагались три набора отпечатков пальцев, фотографии двух мальчиков и девочки, а также другие снимки. На самом интересном крупным планом примитивная татуировка с именем Рарес.

Приятно вновь заняться детективной работой, как в прежние времена! Он хлебнул из кружки английского чаю «Твайнингс» – старушка мать регулярно присылает из Брайтона чай в пакетиках и апельсиновый мармелад. Почти единственное, чего ему не хватает из Англии и что здесь купить нелегко.

Перед его столом сидят на деревянных стульях две социальные работницы: Дорина – высокая женщина двадцати трех лет, которая приехала с мужем в Румынию из Молдавии, и очень привлекательная Андреа с длинными темными волосами, в коричневом джемпере с треугольным вырезом поверх полосатой рубашки и в джинсах.

Она взяла слово первой, высказав общее мнение, что Рарес – имя редкое, изысканное, необычное для уличного парня. На ее взгляд, татуировка самодельная, значит, девушка могла быть цыганкой. А девушки-цыганки редко завязывают отношения с парнями другой национальности.

– Можно вывесить у нас объявление с фотографиями, – предложила Дорина. – Вдруг кто-нибудь из наших бездомных клиентов что-нибудь знает о жертвах.

– Хорошая мысль, – кивнул Тиллинг. – Свяжитесь, пожалуйста, и со всеми другими приютами. Андреа, доставьте материалы в домá «Фара».

Домá «Фара» – три благотворительных сиротских приюта, устроенные Майклом и Джейн Николсон, супружеской парой из Англии, в городе и на деревенской ферме, куда берут бездомных детей с улицы.

– Обязательно, сейчас же съезжу.

Тиллинг поблагодарил и взглянул на часы.

– У меня встреча в местной полиции в половине десятого. Вас обеих прошу обратиться в центры распределения во всех шести административных районах.

– Я уже начала, – сообщила Дорина. – Не скажу, что меня тепло встретили. Обратилась в один, помогать отказались. Говорят, не могут делиться конфиденциальной информацией, расследование должна вести полиция, а не директор благотворительного приюта.

Тиллинг огорченно хлопнул по столу ладонью:

– Черт! Нам известно, какой помощи следует ждать от проклятой полиции!

Дорина кивнула. Ей известно. Всем известно.

Тиллинг отправил ответ Норману Поттингу и пошел пешком в 15-й полицейский участок, где был единственный знакомый ему полицейский, способный помочь. Хотя особого оптимизма он не испытывал.

62

Гленн Брэнсон, оживленный и напряженный, несмотря на пропащую ночь, стоял у двери конференц-зала с чашкой кофе в одной руке и сандвичем с яичницей, колбасой и беконом в другой. Члены команды подтягивались на утренний инструктаж.

Белла Мой, проходя мимо, криво улыбнулась.

– Доброе утро, приятного аппетита на *здоровую* еду, – бросила она.

Гленн что-то неразборчиво пробормотал с полным ртом. У Беллы зазвонил телефон. Она взглянула на дисплей и, ответив, отошла в сторону.

Через несколько секунд появился и тот, кого Гленн поджидал: Рей Паккард из отдела высоких технологий.

– Рей! Как дела? – спросил он.

– Устал. Ночью жене было плохо.

– Сочувствую.

– У нее диабет, – объяснил Рей, кивая. – Сходили в китайский ресторан, утром сахар зашкалило.

– Диабет это худо.

– В чем проблема с китайскими ресторанами – никогда не знаешь, что там суют в еду.

– У моей жены со здоровьем тоже плоховато.

– Господи помилуй! С прискорбием слышу.

– Угу. У нее на меня аллергия.

Глаза Паккарда сверкнули за толстыми стеклами очков. Он поднял палец.

– Ох! Я знаю, кто тебе нужен. Дам номер телефона. Лучший аллерголог в стране!

Гленн улыбнулся:

– Если б он был лучшим поверенным по делам о разводах, я бы заинтересовался. Слушай, прежде чем идти на инструктаж, хочу задать тебе технический вопрос.

– Давай. Развод… Очень жаль.

– Если бы ты познакомился с моей женой, то не жалел бы. Слушай, напряги мозги насчет мобильников, а?

Мимо протискивались люди. Гай Батчелор приветствовал Гленна улыбкой:

– Доброе утро!

Сержант в ответ махнул сандвичем.

– Ты ведь на кино помешан, Гленн, правда? – спросил Рей Паккард. – Видел когда-нибудь «Телефонную будку»?

– Угу. С Колин Фаррел и Кифером Сазерлендом. И что?

– Конец дерьмовый, как думаешь?

– Да нет, вполне нормальный.

Рей Паккард кивнул. Он не только один из самых уважаемых криминалистов-компьютерщиков, но и единственный известный Гленну фанат кино, кроме него самого.

– Мне требуется кое-какая помощь по поводу ретрансляционных вышек сотовой связи. Ты в этом разбираешься?

– В вышках? На базовых станциях? Я тот, кто тебе нужен. Можно сказать, немножечко разбираюсь. Что ищешь?

– Одного типа, пропавшего вместе с судном. У него всегда был с собой телефон. В последний раз его видели вечером в пятницу на выходе из Шорэмской гавани. Я и подумал, что можно определить направление, в котором он двигался, по сигналам мобильника. Как бы с помощью триангуляции. Знаю, на земле вполне реально, а в море?

– В зависимости от того, далеко ли он ушел и на каком судне.

– При чем тут судно?

Паккард оживленно пустился в объяснения. Похоже, ничто на свете не доставляло ему такой радости, как возможность слить в подходящую емкость обширные запасы знаний, хранящиеся в голове.

– Вот при чем. Уходя в море на десять миль и больше, ты остаешься в зоне приема, но все зависит от конструкции лодки и местонахождения телефона. Понимаешь, в стальной коробке зона существенно сокращается. Где телефон – на палубе или хотя бы в каюте с иллюминаторами? Высота вышек – еще один важный фактор.

Гленн сильно призадумался, вспоминая свое пребывание на «Скуби». Спереди маленькая каюта, куда надо спускаться по трапу. Там же находится туалет, кухонька, комната отдыха. У него возникло ощущение, что она расположена ниже ватерлинии. Но если Джим Тауэрс вел шхуну, то находился на палубе, в частично крытой рубке у штурвала. И если шел в открытое море, то по прямой от берега. Все это он изложил Паккарду.

– Здорово! – кивнул тот. – Не знаешь, звонил он кому-то?

– Жене не перезванивал. Насчет других не знаю.

– Надо получить распечатку звонков. При расследовании тяжкого преступления проблем не возникает. Как я понимаю, дело связано с операцией «Нептун»?

– Да.

– Тогда слушай. Пока телефон находится в режиме ожидания, сеть его регистрирует приблизительно каждые двадцать минут, как бы проверяет, окликая: «Эй, ребята, я тут!» Если ты когда-нибудь клал мобильник в машине рядом с радио, то иногда слышал треск и писк, вроде радиопомех, правда?

Брэнсон кивнул.

– Вот так и осуществляется связь, – просиял Паккард, будто сам научил телефоны подобному трюку. – По распечатке можно установить место последней регистрации с точностью до нескольких сотен ярдов. Дело в том, что сигналы идут от телефона к станции со скоростью света – триста тысяч километров в секунду. Это позволяет определить расстояние между ними. Улавливаешь?

Гленн кивнул.

– Таким способом с помощью триангуляции определяется место с точностью до нескольких сотен ярдов. Только помни, это будет лишь место последней регистрации. Лодка могла уйти от него на двадцать минут.

– По крайней мере, можно засечь последние известные координаты и курс?

– Правильно.

– Ты звезда, Рей, – признал Гленн, делая заметки в блокноте. – Настоящая звезда, мать твою!

63

Утром в половине девятого в очереди на паспортный контроль для граждан Евросоюза в аэропорту Гатуик стояли двое, похожие со стороны на мать с сыном. Статная, уверенная в себе блондинка с волосами чуть ниже плеч, подстриженными и уложенными в современном стиле, в черном замшевом пальто с мехом и таких же сапогах, с саквояжем от Гуччи на колесиках и подросток, растерянный, худенький, с коротко стриженными взъерошенными

черными волосами, в великоватом для него джинсовом пиджачке, жестких голубых джинсах и новеньких кроссовках. У него ничего не было, кроме электронной игрушки, которую ему дали для развлечения, и затаившейся в душе надежды, что скоро – может быть, даже этим же утром – он вернется к своему единственному любимому существу.

Женщина несколько раз разговаривала по телефону на непонятном ему немецком языке, пока он играл в игру, которая ему уже надоела, как надоела и сама поездка.

Наконец, подошла их очередь. Марлен Хартман шагнула вперед, стиснула руку парнишки, предъявила два паспорта. Офицер полиции сперва просмотрел ее документ, взглянул на монитор, который ничего не показал, потом обратился к паспорту мальчика. Рарес Хартман. На экране снова ничего не выскочило. Он вернул паспорта.

В зале прибытия в толпе встречающих Марлен заметила Влада Космеску. Они обменялись рукопожатиями, и Марлен сказала парнишке, который ни разу в жизни не выезжал из Бухареста:

– Рарес, это дядя Влад. Он о тебе позаботится.

Космеску пожал ему руку, сообщил на родном румынском языке, что очень рад приветствовать его в Англии. Мальчик пробормотал в ответ, что тоже очень рад и хочет поскорее увидеть свою подружку Илонку – может, прямо сейчас?

Илонка его ждет не дождется, заверил Космеску. Сначала подвезем госпожу Хартман, а потом поедем к Илонке.

Мальчишеские глаза загорелись, он улыбнулся.

Через пять минут коричневый «мерседес» с неопрятным Григором за рулем отъехал от аэропорта Гатуик и вскоре мчался на юг к Брайтону и Хоуву. Марлен Хартман сидела на переднем пассажирском сиденье, Рарес сзади. Он волновался. Его ждала новая жизнь. Но прежде всего ему не терпелось встретиться с Илонкой.

Они расстались несколько недель назад с бурными поцелуями, обещаниями и слезами. Всего через пару месяцев после того, как в их жизнь вошла Марлен – ангел, вызвавшийся их спасти. Все это походило на сон.

Полное имя Рареса – Рарес Петре Флореску, ему пятнадцать лет. Когда-то – он точно не помнит когда, но вскоре после того, как ему исполнилось семь, – мать, забрав его с собой, сбежала от отца, который пил и бил ее. Потом она встретила другого мужчину. Объяснила сыну, что тот не хочет заводить семью, а поэтому она отдает его в дом, где у него будет много друзей, где его будут любить и заботиться о нем.

Через две недели старуха с твердым плоским лицом, как паровой утюг, привела его по каменной лестнице на четвертый этаж в переполненную спальню, кишевшую блохами. Мать ошиблась. Никто его не любил, никто о нем не заботился, и он взбунтовался. Но со временем подружился с ровесниками, хотя старшие регулярно его избивали.

Жизнь была адом. Каждый день ранним утром их заставляли петь национальные песни, а если он не стоял по стойке «смирно», его вместе с другими мальчиками и девочками нещадно пороли. Он научился воровать у старших раздобытые ими где-то продукты, и однажды его застукали с двумя шоколадными батончиками.

Чтобы избежать расправы, Рарес удрал, да так и остался на улице, влившись в компанию, которая шлялась по вечерам на главном бухарестском железнодорожном вокзале, выпрашивая милостыню и балуясь наркотиками. Спали где придется, иногда у подъездов, иногда в грязных лачугах возле паровых труб, иногда в провалах под дорогами.

Встреча с хорошенькой искушенной Илонкой в дыре под дорогой вернула Рареса к жизни. Илонка ему показала, что жить все-таки стоит. Отделившись от друзей, утащив подстилки подальше в туннель под горячей трубой, они занимались любовью, а потом мечтали. Мечтали о лучшей жизни. О жизни в собственном доме.

В один прекрасный день, взбодрившись украденным «Ауролаком», Рарес встретил на улице ангела, в которого всегда верил, но никогда не осмеливался надеяться на его появление. Ангела звали Марлен. И вот теперь он сидит на заднем сиденье ее «мерседеса» и скоро увидит возлюбленную Илонку. Его охватило блаженство.

Машина остановилась. Какая вокруг чистота! Как в богатых кварталах Бухареста, где он иногда попрошайничал.

Марлен, оглянувшись, сказала:

– Теперь Влад и Григор будут за тобой присматривать.

– Отвезут к Илонке?

– Конечно, – подтвердила она, вышла из машины, направилась к багажнику.

Рарес видел в заднее окно, как поднялась крышка, захлопнулась, и она пошла к парадному с кейсом в руках. Он надеялся, что ангел повернется, махнет рукой. Но этого не случилось.

«Мерседес» резко рванул с места, отбросив его на спинку сиденья.

64

Рой Грейс сидел в своем кабинете, перечитывая заметки, сделанные во время инструктажа. Несмотря на сырой серый день, он был в солнечном настроении. А ведь уже фактически забыл, как чувствовать себя счастливым и довольным жизнью. Летать на недосягаемой высоте. Состоявшаяся в семь часов встреча с кислой Элисон Воспер нисколько его не омрачила. Днем он беседовал с поверенным по поводу признания смерти Сэнди. Наконец, кажется, прошлое осталось позади, можно закрыть за ним дверь и двигаться дальше. Жениться на Клио. Ждать ребенка.

Но расслабляться, безусловно, нельзя. Впереди куча дел. Его долг – служить обществу, ловить преступников, обеспечивать безопасность в Брайтоне и Хоуве. В любом серьезном преступлении, которое совершается в городе, он видит провал всей полиции, а значит, отчасти свой собственный. Ничего не поделаешь, таким уродился.

Трое мертвых подростков лежат в холодильниках в морге потому, что полиция не сумела их уберечь. Вину можно хотя бы частично загладить, найдя преступников, кем бы они ни были, и посадив их за решетку.

Перед ним список врачей, исключенных из медицинского реестра Соединенного Королевства. Просматривая длинный перечень в поисках тех, кто способен произвести трансплантацию, Грейс удивлялся разнообразию прегрешений. Мысль о бесчестном враче столь же ненавистна, как мысль о бесчестном полицейском, которых, к счастью, насчитывается не так много. Ненавистен любой некомпетентный и коррумпированный делец или чиновник, занимающий авторитетный пост.

Первым в списке стоит доктор из наркодиспансера, исключенный за недосмотр, приведший при детоксикации к смерти пациента, сидевшего на героине. Не похож на нашего кандидата, решил Грейс. Дальше муж и жена, терапевты, открывшие частный дом престарелых, где доведенные до отчаяния пациенты содержались в ужасных условиях. Тоже вряд ли. Молодой врач провалил экзамены и соврал, скрыв это, пытаясь устроиться консультантом. Интересно. Именно такой тип, пусть даже не хирург-трансплантолог, может ассистировать при нелегальных операциях в какой-нибудь частной клинике. Грейс записал фамилию: Ной Олуджими.

Он задумался, какие процедуры приняты в больницах Соединенного Королевства, в отделениях трансплантации, в Национальном центре трансплантологии? Кто координирует процесс, предотвращая использование незаконно полученных органов? Наверняка приняты строгие меры, однако он сделал пометку – проверить. И продолжал читать.

Терапевт исключен за распространение детской порнографии. Нет. Следующий случай весьма любопытен. Эвтаназия пациента, больного раком. Грейс сочувственно относится к эвтаназии. Помнит, как в детстве навещал любимого умиравшего деда. Здоровенный, как медведь, дед лежал в кровати и кричал от боли, умоляя помочь ему, что-нибудь сделать, а окружающие только беспомощно смотрели на него. Мать Роя сидела рядом, держала его за руку и молилась. Никогда не забудется тот последний визит. И тщетность материнских молитв.

Эвтаназия, мысленно повторил он. Некоторые врачи нарушают законы, потому что не согласны с системой. Среди них непременно найдется и бунтарь-хирург. Список хирургов, составленный аналитиком Сарой Шенстон, оказался гораздо пространнее, чем ожидалось.

Звоночек компьютера, звучавший чуть не каждую минуту, сообщил о поступлении очередного электронного сообщения. Грейс взглянул на экран. Очередная белиберда в дополнение к Закону о здоровье и безопасности на рабочих местах, которая рассылается каждому кадровому офицеру полиции. В последнее время он возненавидел этот закон больше, чем всю политкорректную этику в целом. Согласно только что поступившему бреду любой полицейский, очутившийся на высоте больше шести футов, считается выполняющим высотные работы и должен иметь соответствующую квалификацию. Потрясающе! Стало быть, коп, преследующий преступника, должен крикнуть: «Эй, выше шести футов не забирайся, а то я тебе позволю уйти!»

В дверь постучали, вошел Гленн Брэнсон. Грейс кивнул на его залоснившийся галстук.

– Батарейки смени. Не слишком ярко светят.

– Очень остроумно, старик. – Сержант внимательно посмотрел на суперинтендента. – Ты уже поменял? Сияешь.

– Кофе хочешь? – Грейс жестом указал другу на кресло.

– Нет. Пил только что. – Брэнсон уселся, поставив на стол локти. В глазах любопытство. – Как ты вообще в таком хаосе что-то находишь?

– Обычно уносил бумаги домой, по ночам разбирал, но сдал свой дом горилле весом в девятьсот фунтов, которая по нему скачет, раскачивается на проводах и крушит все подряд.

Брэнсон смутился:

– Ну, я действительно наметил на выходные генеральную уборку, знаешь, как весной. Ты свой дом не узнаешь.

– Уже не узнаю?

– Слушай, половина дисков лежала в чужих конвертах, я рассортировал. Проблема в том, что коллекция дерьмовая.

– Разве может обожатель Джей-Зеда говорить это с честным лицом?

– Джей-Зед настоящий парень! Ты со своими вкусами прибыл с другой планеты. – Брэнсон усмехнулся. – Одно хорошо, что машина разбилась, а вместе с ней и поганая музыка канула в пропасть.

Грейс выдвинул ящик стола, вытащил маленькую грязноватую упаковку с шестью лазерными дисками.

– Прости, должен тебя огорчить.

– Я думал, «альфа» рухнула в воду с высоты в восемьсот футов.

– Правда, только был отлив, я забрал диски, когда ее вытащили.

Брэнсон покачал головой:

– Ладно, а новые колеса когда купишь?

– Жду страховки. У Клио есть маленький мотоцикл «Ямаха», на котором она ни разу не ездила. Думаю, можно воспользоваться. Внести вклад в защиту окружающей среды.

Брэнсон ухмыльнулся.

– Что смешного?

– Видел фильм «„Харлей-Дэвидсон“ с синим отливом»? Про копа на мотоцикле? – У Брэнсона зазвонил телефон. Он сразу ответил, встал, отошел от стола. Кивнул Грейсу, прося извинения: – Привет, Брайан… я как раз напротив тебя, в кабинете Роя Грейса. Да, оба окурка… Мне надо знать, один человек курил и, значит, стоял на месте какое-то время, или разные люди. Хорошо, прекрасно. Спасибо.

Он снова сел, снова с любопытством посмотрел на Грейса:

– Не скроешь, старик.

– Что?

– Ты похож на кота, объевшегося сливок. Что происходит?

Грейс пожал плечами, но не сдержал улыбки.

– Между вами с Клио?

Он улыбнулся еще шире.

– Но ведь ты не… не… – забормотал Брэнсон, тараща глаза. – Я чего-то не знаю? Признайся другу…

Грейс подавил улыбку, кивнул:

– Вчера вечером мы обручились. По-моему.

Брэнсон едва не перескочил через стол. Протянул руки, стиснул приятеля в медвежьей хватке.

– Потрясающе! Лучшая новость! Ты выбрал себе классную женщину! По-настоящему рад за тебя! – Он выпустил Грейса, тряся головой и сияя. – Ух ты… Здорово!

– Спасибо.

– Дату назначили?

– Надо сначала поехать, слегка познакомиться с папочкой, сделать формальное предложение. Родня у нее спесивая, великосветская.

– Значит, выйдешь в отставку, будешь участвовать в управлении капиталом?

Грейс усмехнулся:

– Не настолько великосветская.

– Ах ты, проходимец! – воскликнул Брэнсон.

– А ты? Что у тебя?

Сержант упал духом, как барометр.

– Не спрашивай. Эри с кем-то связалась. Не будем. Хочу с тобой поговорить, попросить помощи, только позже. Отметим событие, выпьем и, может быть, поболтаем, идет?

Грейс кивнул:

– Что будешь делать на Рождество?

– Не знаю. Просто не знаю, будь я проклят. – Брэнсон вдруг резко отвернулся, голос его дрогнул, прервался. – Какое Рождество без Сэмми и Рэми… – Он направился к двери.

– Может, останешься, поговорим?

– Нет, потом. Спасибо. – Он захлопнул за собой дверь.

Грейс сидел неподвижно. Известно, что Гленн прошел через ад, положение с каждым годом все хуже – а теперь и вовсе темные унылые ночи перед близящимся Рождеством… Из всех его рассказов было ясно, что супружеские проблемы фатальны. Как только он это признает, как бы ему ни было больно, то сможет хотя бы двинуться дальше вместо существования в безнадежном лимбе.[24]

Грейс на секунду почувствовал искушение догнать друга, явно нуждавшегося в общении, однако ему надо было работать. Проигнорировав очередной писк компьютера, он вновь вернулся к своим заметкам. Задумчиво глядя на лист бумаги, начал писать под заголовком «Направления расследования».

Зазвонил внутренний телефон. Он снял трубку.

– Рой Грейс.

Это был Рей Паккард.

– Вы просили меня поискать в Сети сведения о брокерах, поставляющих органы.

– Да.

– Нашел кое-что интересное. В Германии, в Мюнхене, есть одно заведение под названием «Трансплантацион-Централе». Объявляет себя крупнейшим в мире поставщиком человеческих органов. Мой босс сержант Пол Тейлор несколько лет назад связывался по этому поводу с Интерполом. У него есть знакомые ребята в Германии, поэтому мы быстро провели проверочку. Надеюсь, вам понравится.

– Слушаю.

– Управление уголовной полиции земли Бавария – нечто вроде немецкого ФБР – держит их под наблюдением, подозревая в нелегальной перевозке людей. Но особенно вам понравится, что среди прочих стран у них налажены связи с Румынией!

– Блестяще, Рей, – сказал Грейс. – У меня есть очень верный контакт в управлении уголовной полиции в Мюнхене.

– Что ж, по-моему, дело стоящее.

Грейс поблагодарил, разъединился, схватился за картотеку, вытащил карточку, на которой было напечатано: «Комиссар уголовной полиции Марсель Куллен». Старый приятель, приезжавший года четыре назад в Суссекс-Хаус по обмену и полгода работавший вместе с ним. В начале этого года помогал ему в Мюнхене, где якобы видели Сэнди. Грейс летал туда на день, ко оказалось, что они охотились на дикого гуся.

Он набрал номер мобильника немца, попал на автоответчик, оставил сообщение.

65

В ожидании важного визита Линн больше прежнего переживала, что не смогла позволить себе привести нижнюю часть дома в приличный вид. Хотя бы сменить жуткие цветастые шторы в гостиной на современные жалюзи и избавиться от облысевшего ковра. Утром она сделала все возможное, чтобы дом выглядел презентабельно. Расставила в холле и в гостиной свежие цветы, разложила на столике дорогие журналы «Суссекс лайф» и «Абсолют Брайтон», позаимствовав фокус из телешоу по оформлению интерьеров. Сама приукрасилась, надев синий костюм, купленный в магазине секонд-хенда, белую блузку, черные туфли, сбрызнулась туалетной водой «Эскада», подаренной Кейтлин на день рождения в апреле, которую расходовала очень бережно.

Шли минуты, накатывал страх, что немка вообще не придет. Уже четверть одиннадцатого, а вчера она обещала прибыть к половине десятого. Разве немцы не обязаны быть пунктуальными? Может быть, самолет опоздал.

Черт побери. Нервы натянуты до предела. Ночью она почти глаз не сомкнула, тревожась за Кейтлин, без конца проверяя, все ли с ней в порядке. И сердито думая о Шерли Линсел. Гадая, к чему приведет встреча с брокершей. Не видя альтернативы.

В последний раз оглядела гостиную, вдруг с ужасом заметив окурок, воткнутый в землю в горшке с апидистрой. Вытащила его, разозлившись на Люка. Хотя, конечно, воткнуть могла и Кейтлин. Иногда по запаху ясно, что она покуривает. Начала после знакомства с Люком. В глаза бросилось пятно на бежевом ковре, и Линн уже собралась бежать за пятновыводителем, когда услышала стук захлопнувшейся автомобильной дверцы.

Охваченная волнением, она метнулась к окну, увидела сквозь кружевную занавеску остановившийся перед домом коричневый «мерседес» с тонированными стеклами, пробежала через кухню, бросив окурок в мусорное ведро и приглушив звук телевизора. На экране супружеская пара показывала посетителям маленький дом, похожий на ее собственный, по крайней мере снаружи.

Линн поспешила наверх, в комнату Кейтлин. Сегодня она рано разбудила девочку, заставила ее принять душ и одеться, точно не зная, будет ли немка проводить медицинский осмотр. Теперь дочка спала на застланной постели в наушниках, драных джинсах, зеленой блузе с капюшоном поверх белой футболки, в толстых серых вязаных носках. Лицо стало совсем желтым. Линн легонько тронула ее за плечо.

– Приехали, милая!

Кейтлин взглянула на нее с незнакомым непонятным выражением, в котором смешались надежда, отчаяние, изумление. В темных зрачках мелькнуло привычное упрямство. Будем надеяться, она его не утратит.

– И печень с собой привезли?

Линн рассмеялась. Кейтлин выдавила кривую усмешку.

– Хочешь, чтобы я ее сюда привела, или спустишься?

Дочь задумчиво покачала головой:

– Думаешь, я должна выглядеть насмерть больной или как?

Прозвенел дверной звонок.

Линн чмокнула ее в лоб.

– Просто будь естественной, ладно?

Кейтлин запрокинула голову, высунула язык.

– Хр-р-р, – прохрипела она. – Умираю, хочу новую печень и добрый стакан кьянти для ополаскивания!

– Заткнись, Ганнибал!

Линн выскочила из комнаты, сбежала вниз, открыла дверь. Изумилась элегантности стоявшей перед ней женщины. Не зная, чего следует ждать, она воображала ее суровой, официальной, чуточку страшноватой, но уж никак не высокой красоткой, по прикидке чуть за сорок, с волнистыми светлыми волосами до плеч, в черном замшевом пальто с мехом, за которое вполне можно было бы умереть.

– Миссис Линн Беккет? – проговорила женщина низким чувственным голосом с заметным акцентом.

– Марлен Хартман?

Женщина одарила Линн обезоруживающей улыбкой, синие глаза наполнились теплотой.

– Извините за опоздание. Рейс задержали из-за снегопада в Мюнхене. Но вот я здесь, и alles ist in Ordnung, ja?[25]

На секунду сбившись из-за неожиданного перехода на чужой язык, Линн пробормотала:

– Э-э-э, да-да, – и отступила, пропуская гостью в холл.

Та прошагала мимо. Линн смущенно заметила промелькнувшее на ее лице неодобрение, махнула рукой в сторону гостиной, спросила:

– Разрешите взять пальто?

Немка стряхнула пальто с плеч с высокомерием оперной дивы и сунула, не глядя, хозяйке, словно гардеробщице.

– Выпьете чаю, кофе? – Линн внутренне сжалась, следя за рыщущим взглядом брокерши, подмечавшим каждую деталь, каждое пятно, каждую трещинку на картинах,

дешевую мебель, старый телевизор. У лучшей подруги Сью Шеклтон был однажды бойфренд из Германии, который ей рассказывал, что немцы особенно любят кофе. Поэтому вчера вечером, покупая цветы, она заодно захватила пакет свежемолотого колумбийского кофе.

– Не найдется ли мятного чая?

– Э-э-э… мятного? Конечно, – кивнула она, подавляя досаду из-за напрасной траты.

Через несколько минут вернулась в гостиную с подносом с чашкой мятного чая и растворимым кофе с молоком для себя. Немка стояла у каминной полки, держа в руках рамочку с фотографией Кейтлин в дикарском виде с торчащими черными волосами, в черной тунике, с заклепкой на подбородке и кольцом в носу.

– Ваша дочь?

– Да. Кейтлин. Года два назад.

Марлен Хартман поставила снимок, села на диван, положив рядом с собой черный кейс.

– Очень красивая девочка. Строгое лицо. Хороший костяк. Может быть, станет моделью?

– Возможно. – Линн тяжело сглотнула, мысленно добавив: *если будет жить.* – Хотите с ней сейчас познакомиться?

– Пока нет. Сначала кратко изложите историю болезни.

Линн поставила поднос на столик, протянула Марлен Хартман чашку с чаем, села рядом в кресло.

– Н-ну, хорошо, попробую. До девяти лет она была прекрасным, нормальным, здоровым ребенком. Потом возникли проблемы с кишечником, время от времени сильные боли. Наши терапевты сначала диагностировали колит неизвестной этиологии. Дальше начался понос с кровью, продолжался пару месяцев, она сильно ослабла. Ее направили к специалисту по заболеваниям печени. – Линн отпила кофе. – Специалист нашел, что печень и селезенка увеличены. Живот раздулся, дочка теряла вес, силы, без конца засыпала, где бы ни находилась. Училась в школе, но ей требовалось четыре-пять раз в день поспать. Потом боли в желудке возобновились, не отступали всю ночь. Бедняжка совсем пала духом, все спрашивала: «Почему именно я?» – Подняв глаза, она внезапно увидела входившую в комнату Кейтлин.

– Привет! – поздоровалась та.

– Ангел мой, это миссис Хартман.

Кейтлин тепло пожала гостье руку.

– Приятно познакомиться. – Голос ее дрожал.

Линн наблюдала за пристально разглядывавшей ее немкой.

– Я тоже очень рада знакомству с тобой.

– Милая, я как раз рассказываю фрау Хартман о желудочных болях, из-за которых ты не спала по ночам. Доктор прописал антибиотики, да? Какое-то время они хорошо помогали, правда?

Кейтлин села на диван напротив.

– Плохо помню.

– Ты была еще маленькой. – Линн опять обратилась к Марлен Хартман: – Потом антибиотики действовать перестали. Ей тогда было двенадцать. Поставили диагноз – первичный склерозный холангит. Она почти год пролежала в больнице, сначала здесь, в Брайтоне, потом в печеночном отделении Королевской больницы Южного Лондона. Сделали операцию, вставили эндопротезы в желчные протоки. – Линн оглянулась на дочку за подтверждением.

Та кивнула.

– Понимаете, что значит для живой подвижной девочки провести год в больничной палате?

Марлен Хартман сочувственно улыбнулась:

– Могу себе представить.

Линн тряхнула головой:

– Вряд ли вы можете себе представить английскую больницу. А ведь она лежала в одной из лучших, Южной лондонской. В какой-то момент больница оказалась переполнена, ее поместили в общую палату. Без телевизора. Кругом слабоумные старики. Двое ненормальных, женщина и мужчина, день и ночь пытались залезть к ней в постель. Она была в чудовищном состоянии. Я сидела с ней с утра до ночи, пока не выгоняли. Спала в комнате ожидания или в коридоре. – Она вновь оглянулась на Кейтлин, ища поддержки. – Правда, дорогая?

– В той палате было плоховато, – подтвердила Кейтлин с горькой улыбкой.

– После выписки мы обращались повсюду. Ходили к целителям, к священникам, пробовали коллоидное серебро, переливание крови, акупунктуру… Ничего не помогло. Бедняжка повсюду таскалась со мной, как маленькая старушка, без конца падала, правда, милая? Если бы не наш терапевт, не знаю, что было бы. Это святой, доктор Росс Хантер. Нашел нового специалиста, который перевел ее на другой лекарственный режим и вернул к жизни – на время. Она снова пошла в школу, стала плавать, играть в волейбол, занялась музыкой, которую очень любит. Начала играть на саксофоне.

Линн раздраженно заметила, что Кейтлин утратила интерес к разговору и занялась телефонными текстами.

– С полгода назад дела покатились под горку. Она заметила, что ей трудно дуть в саксофон, так, дорогая?

Кейтлин подняла голову, кивнула, вернулась к телефону.

– Теперь специалист говорит, что ей требуется пересадка – срочно. Нашли подходящего донора, несколько дней назад я отвезла ее на операцию в Королевскую больницу. В последнюю минуту выяснилось, что с донорской печенью какие-то проблемы – нам толком не объяснили. В любом случае объяснения меня не устроили. Потом последовал весьма откровенный намек, что она больше не будет пользоваться приоритетом. Значит, может попасть в те самые двадцать процентов ожидающих трансплантации печени, которые… – Она замешкалась, глядя на Кейтлин, но та довела приговор до конца:

– Которые умирают, так и не дождавшись.

Марлен Хартман взяла ее за руку, пристально заглянула в глаза:

– Кейтлин, mein Liebling,[26] поверь мне, пожалуйста. В современном мире от этого вовсе не обязательно умирать. Посмотри на меня. – Она постучала себя по груди. – Веришь?

Девочка кивнула.

– У меня была дочь, Антье. Ей было тринадцать лет, на два года меньше, чем тебя. Надо было пересадить ей печень, чтобы она могла жить. Найти было невозможно. Антье умерла. В день похорон я дала обещание, что больше никто не умрет в ожидании трансплантата – печени, сердца, легких и почек. И открыла агентство.

Кейтлин кивнула в знак согласия и одобрения.

– Можете гарантировать, что подыщете для нее печень? – спросила Линн.

– Natürlich![27] Это мой бизнес. Я всегда гарантирую подходящий орган и пересадку в течение недели. За десять лет ни одной неудачи. Если требуется подтверждение моих бывших клиентов, многие охотно с вами свяжутся и поделятся личным опытом.

– В течение недели? Несмотря на редкую группу крови – АВ отрицательную?

– Группа крови не так важна, миссис Беккет. Каждый день в мире гибнут на дорогах три тысячи пятьсот человек. Где-нибудь непременно найдется подходящий донор.

Линн вдруг охватило невероятное облегчение. Кажется, этой женщине можно верить. Многолетняя работа по взысканию долгов показала ей человеческую натуру с самых разных сторон. В частности, научила отличать честных людей от дерьмовых мошенников.

– Как вы подыщете моей дочери подходящую печень?

– У меня глобальная сеть, миссис Беккет. – Немка умолкла, поднесла чашку к губам. – Не так трудно найти на планете жертву несчастного случая с подходящей печенью.

Тогда Линн задала вопрос, которого смертельно боялась:

– Сколько это будет стоить?

– Полный пакет услуг, включая плату старшему и младшему хирургам, двум анестезиологам, сестрам, полгода неограниченного послеоперационного ухода, полный набор медикаментов, обойдется… – Марлен Хартман пожала плечами, будто точно знала, какой последует эффект, – в триста тысяч евро.

Линн задохнулась:

– *Триста тысяч?*

Марлен Хартман кивнула.

– То есть… – Линн быстро прикинула в уме, – почти двести пятьдесят тысяч фунтов…

Кейтлин бросила на мать взгляд, говоривший: «забудь».

Линн в отчаянии всплеснула руками:

– Это… колоссальная сумма. Невозможно… я хочу сказать, у меня просто нет таких денег.

Немка молчала пила чай.

Линн встретилась взглядом с дочерью, видя, что вспыхнувшая было в ее глазах надежда угасла.

– Я… понятия не имела. Вы не предлагаете никакой… рассрочки?

Марлен открыла кейс, вытащила коричневый конверт, протянула Линн:

– Вот мой стандартный контракт. Я беру половину вперед и остаток сразу перед трансплантацией. Не такая большая сумма, миссис Беккет. Я никогда не посещаю клиентов, которые не в состоянии ее выплатить.

Линн обреченно покачала головой:

– Очень много. Почему так много?

– Давайте вместе подсчитаем. Вам должно быть известно, что печень начинает гибнуть через полчаса после изъятия из тела. Поэтому донора необходимо доставить сюда в санитарном самолете, подключив к аппаратам жизнеобеспечения. Как вы знаете, в вашей стране это запрещено законом. Медицинская бригада сильно рискует, а мы, разумеется, привлекаем только высококвалифицированных специалистов. В Суссексе работаем в одной частной клинике, но услуги врачей и персонала очень дороги. Я лично мало получаю сверх покрытия своих расходов. Можете сэкономить, полетев вместе с дочкой в страну без особых юридических проблем. У нас есть клиника в Мумбаи в Индии и в Боготе в Колумбии. Возможно, обойдется тысяч на пятьдесят дешевле.

– Но ведь там придется надолго остаться?

– Да, на несколько недель. Дольше в случае осложнений, скажем, инфекции или, конечно, отторжения. Подумайте также о стоимости препаратов, предупреждающих отторжение, которые по окончании шестимесячного послеоперационного периода вашей дочери придется принимать до конца жизни.

Линн затрясла головой в безнадежном отчаянии:

– Я… не хочу ехать в незнакомую страну. И мне надо работать. Так или иначе, это невозможно. У меня нет таких денег.

– Подумайте вот о чем, миссис Беккет… Можно называть вас по имени?

Линн кивнула, смаргивая слезы.

– Подумайте об альтернативе. Каковы шансы Кейтлин в ином случае? Вот о чем вы должны думать, разве нет?

Линн уронила голову на руки, по щекам потекли слезы. Четверть миллиона фунтов. Немыслимо! На секунду вспомнились клиенты, которым она предлагала план выплат, рассчитанный на годы. Но такая сумма…

– Может, повысите закладную на дом? – подсказала Марлен Хартман.

– Уже повысила выше крыши, – ответила Линн.

– Некоторые мои клиенты получают помощь от родных и друзей.

Линн подумала о матери, которая живет в съемной муниципальной квартире, имеет кое-какие сбережения, но небольшие. Подумала о бывшем муже, который зарабатывает на драге неплохие деньги, но все-таки не такие, которые требуются, к тому же он должен обеспечивать новую семью. Друзья? Деньги есть только у Сью Шеклтон, после развода с богатым мужем она имеет симпатичный дом в одном из самых шикарных кварталов Брайтона, но четверо ее детей учатся в частных школах, поэтому едва ли она купается в деньгах.

– Я сотрудничаю с одним банком в Германии, – продолжала Марлен Хартман. – Прежде они улаживали проблемы моих клиентов. Заем на пять лет. Могу вас порекомендовать.

Линн угрюмо взглянула на нее:

– Я работаю в финансовой сфере. Займы трагично заканчиваются взысканием долгов. Не знаю никого, кто одолжил бы мне такие деньги. Простите, мне отчаянно жаль, но вы приехали напрасно. Я себя чувствую полной идиоткой. Надо было спросить вчера по телефону, на том дело было бы кончено.

Марлен Хартман поставила чашку.

– Миссис Беккет, позвольте кое-что вам сказать. Я делаю свое дело. Не раз совершала напрасные поездки. Может быть, в данный момент сумма вам кажется слишком большой, но у вас не было времени хорошо подумать. Я пробуду в Англии пару дней. Мне очень хочется вам помочь. – Она протянула Линн визитную карточку. – Можете звонить по этому телефону двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Линн уставилась на карточку сквозь слезы. Буквы и цифры совсем маленькие. Надежда достать деньги еще меньше.

66

Рарес тискал в руках электронную игрушку, глядя в заднее окно «мерседеса» на проплывавшие мимо английские поля и луга. День был ветреный, густые кучевые облака плыли по голубому небу. Вдали виднелась гряда высоких зеленых холмов, немного напоминая румынскую деревню, где он провел первые годы жизни.

Проехали мимо указателя к какому-то Стейнингу. Он одними губами повторил название. Машина резко ускорила ход, Рарес вжался спиной в сиденье. Он сильно волновался. Скоро опять увидит Илонку. Вспомнил ее улыбку. Мягкую кожу. Доверчивые ореховые глаза. Уверенный независимый дух. Она вошла в число тех, кому ангел устроил новую жизнь. Илонка сама такая. Все может устроить. Может о себе позаботиться. Приятно, что она называет его единственным в жизни, кто о ней заботится.

Очень хотелось ехать вместе, но красивая добрая немка была неумолима. Сначала Илонка, потом Рарес. Уверяла, что есть основательные причины, по которым нельзя ехать вдвоем. Они поверили. И теперь оба здесь!

Сидевшие спереди мужчины молчат. Это его спасители. Хорошо сидеть молча, думать, предвкушать будущее. По обеим сторонам зеленые живые изгороди. В машине музыка играет. Рарес узнал певицу – Фейст.

Он на свободе! Скоро они с Илонкой начнут зарабатывать большие деньги, как было обещано. Будут жить в красивой квартире, может быть, даже с видом на море.

Машина притормозила, свернула в огромные ворота с пилонами и табличкой с надписью: «Водолечебница Уистон-Грэндж». Рарес внимательно смотрел на табличку, гадая, как это произносится и что означает. «Мерседес» завилял по узкой асфальтовой подъездной дорожке мимо многочисленных предупредительных знаков, которые он не мог прочитать.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА
ПИКНИКИ ЗАПРЕЩЕНЫ
СТАВИТЬ ПАЛАТКИ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Впереди высятся холмы. Вершина одного заросла деревьями. Проехали мимо большого озера, попали в длинную аллею, обсаженную деревьями с низко нависающими ветвями. У обочины палая листва. За деревьями подстриженная трава и флажок на шесте в центре. Там стоят две женщины, одна готовится ударить металлической палкой по маленькому белому мячу. Интересно, чем это они занимаются?

Машина еще притормозила, остановились в конце дорожки у гигантского серого каменного дома, с виду старого и грандиозного. Перед ним всевозможные шикарные автомобили. Может быть, это дорогущий отель? Здесь Илонка работает? Да, наверное, поэтому они сюда и приехали. И он тоже тут будет работать. У них с Илонкой будет ночлег, тепло, еда, за ними не будет больше гоняться полиция.

«Мерседес» вильнул вправо, въехал в арку, остановился за маленьким белым фургоном у задней части дома, не такой красивой.

– Илонка здесь? – спросил Рарес.

Космеску оглянулся:

– Здесь, тебя ждет. Сейчас быстро пройдешь медицинский осмотр, а потом с ней встретишься.

– Спасибо. Какие вы добрые!

Дядя Влад Космеску молча отвернулся. Григор глянул через плечо, улыбнулся, обнажив золотые зубы. Рарес нажал на ручку дверцы, та не шевельнулась. Рванул еще раз, вдруг охваченный паникой. Дядя Влад вылез, открыл заднюю дверцу, вытащил его, повел к белой двери.

Как только они подошли, дверь открыла мрачная толстая женщина в медицинской блузе и белых штанах, с квадратным лицом, приплюснутым носом, по-мужски коротко стриженными черными волосами, зализанными назад с помощью геля. На именном значке написано: «Драгута». Она взглянула на Рареса суровыми холодными глазами, крошечные губки в виде розового бутона дрогнули в подобии улыбки.

– Добро пожаловать, Рарес. Хорошо доехал? – по-румынски сказала женщина.

Он кивнул.

Сопровождаемый с обеих сторон мужчинами, он ничего не мог сделать, как только шагнуть вперед в стерильно чистый коридор, выложенный белым кафелем. Пахло дезинфекцией. Рарес вдруг встревожился.

– Где Илонка?

Вопросительный взгляд маленьких темных женских глаз под нависшими веками мгновенно обострил беспокойство.

– Здесь, – кивнул дядя Влад.

– Я сейчас же хочу ее видеть!

Рарес много лет жил на бухарестских улицах своим умом. Научился читать по лицам. Ему не понравилось, как переглянулись женщина и мужчины. Он вывернулся, нырнул Космеску под локоть и побежал. Григор ухватил его за воротник джинсового пиджака. Рарес вырвался и упал без сознания от удара в затылок.

Женщина взвалила на плечи обмякшее тело, понесла по коридору, втащила в двойные двери предоперационной, положила на стальную каталку.

Румынский анестезиолог Дивид Барбу, закончивший пять лет назад бухарестскую медицинскую школу, уже был готов его принять. Молодой человек с густыми черными волосами и тонкими чертами лица, он вполне мог сойти за профессионального теннисиста или актера. Не нуждаясь в указаниях, он ввел иглу шприца с бензодиазепином в руку потерявшего сознание парнишки. Вполне достаточно, чтобы отключить его на нужный срок.

За это время остальные полностью его раздели, подключили к запястью внутривенную капельницу, в которую из трубки с помпой поступал пропофол, гарантируя, что пациент не очнется, а драгоценные внутренние органы не пострадают.

В смежном помещении – главном операционном зале клиники – младший хирург, тридцатилетний специалист по пересадке печени Разван Ионеску, в зеленой униформе, в очках с увеличительными стеклами, уже вскрыл брюшную полость находившегося под наркозом двенадцатилетнего мальчика, печень которого пришла в такое состояние, что жить ему оставалось несколько недель. В родной Румынии Разван зарабатывал около четырех тысяч евро в год с небольшой добавкой в виде взяток. В этой клинике получает больше двухсот тысяч. Через пару минут он начнет удалять непригодную печень.

Развану ассистировали две медсестры-румынки, ставившие зажимы, а за каждым шагом тщательно следил, подмечая самые микроскопические детали, один из известнейших в Соединенном Королевстве специалистов по трансплантации.

Первый врачебный закон, который Разван усвоил много лет назад, еще студентом, гласит: «Не навреди». По его мнению, в данный момент он никому не вредит.

У румынского уличного мальчишки нет будущего. Умрет сегодня или через пять лет от злоупотребления наркотиками, разницы не составляет. Английский мальчик, которому достанется его печень, – совсем другое дело. Он талантливый музыкант, у него большие жизненные перспективы. Конечно, не дело врачей играть роль Бога, решать, кому жить, а кому умереть, или оценивать, чья жизнь дороже. Однако суть в том, что одного из подростков обрекла жестокая реальность.

И хирург никогда никому не признается, что на его решение хоть как-то влияют не подлежащие налогообложению пятьдесят тысяч фунтов, которые переводятся на счет в швейцарском банке за каждую трансплантацию.

67

В половине первого – в половине второго по мюнхенскому времени, подсчитал Грейс, – перезвонил комиссар уголовной полиции Марсель Куллен. Приятно было поговорить со старым приятелем. Они пару минут обсуждали семейные дела и служебные успехи немецкого детектива, случившиеся после слишком краткой летней встречи в Мюнхене.

– Появились какие-то сведения о Сэнди? – спросил Куллен.

– Никаких, – ответил Рой.

– Ее фотографии до сих пор хранятся во всех полицейских участках. Пока нет новостей. Мы стараемся.

– Собственно, я прихожу к заключению, что это пустая трата времени, – сказал Грейс. – Начинаю процесс официального признания ее умершей.

– Да, но я все думаю о вашем приятеле, который ее видел в Английском саду. По-моему, надо еще посмотреть, нет?

– Я женюсь, Марсель. Надо жить дальше, закрыть прошлое.

– Женитесь? У вас новая женщина?

– Да.

– Ох! Отлично, очень рад! Хотите, чтобы мы прекратили поиски Сэнди?

– Да. Спасибо за все. Хотя я звоню не поэтому. Мне нужна помощь совсем в другом деле.

– Слушаю.

– Требуется информация об одной мюнхенской организации под названием «Трансплантацион-Централе». Как я понимаю, вашей полиции она известна.

– Конечно, посмотрю, проверю, – пообещал Куллен. – Перезвоню, хорошо?

– Да, пожалуйста. Это срочно.

Куллен позвонил через полчаса.

– Интересно, Рой. Я поговорил со своими коллегами. Управление уголовной полиции уже несколько месяцев держит под наблюдением «Трансплантацион-Централе». Босс – женщина по имени Марлен Хартман. У них налажены связи с колумбийской мафией, частично с русской мафией, с румынскими преступными организациями, с Филиппинами, Китаем, Индией… Похоже, занимаются контрабандой органов в международном масштабе.

– Что вы против них предпринимаете?

– На данном этапе собираем информацию, наблюдаем. Ищем связи с конкретными правонарушениями в Германии. Вы нам можете что-нибудь сообщить об их деятельности?

– Пока нет. Хотелось бы поговорить с Марлен Хартман. Можно приехать?

Немец заколебался.

– Конечно.

– Есть какие-то проблемы?

– В настоящий момент, по данным наблюдения, ее нет в Мюнхене. Уехала.

– Куда, не знаете?

– Два дня назад в Бухарест улетела. Больше ничего не известно.

– Но вы будете знать, когда она вернется в Германию?

– Да. Она регулярно бывает в Англии. На прошлой неделе в Мюнхен прилетела из Лондона. Неделей раньше тоже.

– Надо думать, не ради зимнего отдыха.

– Почему бы и нет? – возразил Куллен.

– Марсель, ни один человек в здравом рассудке не отправится в Англию в такое время года, – заявил Рой.

– Даже полюбоваться рождественской иллюминацией?

Суперинтендент рассмеялся.

Он крепко задумался. Эта женщина была в Англии на прошлой неделе и на позапрошлой. За последние семь-десять дней были убиты трое подростков, у которых изъяли внутренние органы.

– Есть возможность добыть распечатку ее телефонных звонков? – спросил он.

– Со стационарных телефонов или с мобильных?

– С тех и с других.

– Вам нужны все звонки или только в Соединенное Королевство?

– Для начала хорошо бы в Соединенное Королевство. Вы не собираетесь арестовать ее в ближайшее время?

– Пока нет. Надо понаблюдать. Она связана с другими каналами нелегальной транспортировки людей, существующими в Германии.

– Хорошо бы заглянуть в компьютер.

– Думаю, тут мы сможем помочь.

Грейс почувствовал, как комиссар улыбается в трубку.

– Правда?

– У нас есть судебное постановление на доступ к телефонным и компьютерным данным. Теперь в управлении хорошая аппаратура. Насколько я знаю, мы получаем дубликаты компьютерных сообщений с ноутбуков фрау Хартман и ее коллег. Сервлеты внедрили.

О сервлетах Грейс знает от коллег, Рея Паккарда и Пола Тейлора из отдела высоких технологий. Сервлет можно ввести, отправив подозреваемому электронное сообщение. Как только он его откроет, все, что делает компьютер, будет автоматически копироваться и пересылаться обратно.

– Блестяще! – обрадовался он. – Дадите взглянуть?

– Переслать не разрешат, несмотря на договор о сотрудничестве в рамках Евросоюза. Это долгий бюрократический процесс.

– Никак нельзя ускорить?

– Для моего друга Роя Грейса?

– Именно.

– Если приедете, могу случайно забыть копии на столике в ресторане. Но исключительно для ознакомления, понимаете? Источник ни в коем случае не раскрывать и не использовать сведения в качестве доказательства. Хорошо?

– Не то слово. Марсель, черт возьми, вы просто замечательный парень!

68

Комиссар Раду Константинеску из 15-го полицейского участка располагал роскошным кабинетом – по крайней мере, по румынским стандартам. Согласно гравированной табличке на стене четырехэтажное здание построено в 1920 году и, похоже, с тех пор не ремонтировалось. Голые каменные лестницы, потрескавшийся линолеум на полу, облезшая штукатурка на стенах, из щелей цемент сыплется. Йен Тиллинг всегда вспоминает здесь старую школу в Мейденхеде.

Темный, грязный кабинет Константинеску заполнен сизым табачным дымом. Его почти полностью занимает хлипкий старый деревянный письменный стол таких же колоссальных размеров, как самолюбие комиссара, и стол заседаний неизвестного года рождения, окруженный разношерстными стульями. Под грязным потолком гордо вывешены охотничьи трофеи – головы медведей, волков, рысей, оленей, серн, лис. На стене дипломы в рамках и погрудные фотографии Константинеску с разнообразными знаками отличия. На паре снимков он в охотничьем костюме: на одном поставил ногу на убитого медведя, на другом держит в руках рогатую оленью голову.

Комиссар сидел за рабочим столом в черных брюках и белой рубашке с плетеными погонами, с распущенным зеленым галстуком. В данный момент он был занят, раскуривая сигарету от предыдущего окурка, который затем раздавил в огромной переполненной хрустальной пепельнице. Пол вокруг стола усыпан смятыми листами бумаги, не попавшими в мусорную корзинку.

Сорокалетний Константинеску невысокий, жилистый, с длинной костлявой физиономией, угольно-черными волосами, пронзительными темными глазами с широкими темными кругами под ними. Йен Тиллинг познакомился с ним, когда офицер начал регулярно заходить в «Каса Иона».

– А, мой друг, мистер Йен Тиллинг, кавалер медали Британской империи за заслуги перед румынскими бездомными! – воскликнул он сквозь клубы ядовито-сладкого дыма. – Ну? Встречались со своей королевой?

– Встречался, когда получал побрякушку.

– Что?

– У нас так медаль называется, – объяснил Тиллинг.

Комиссар вытаращил глаза.

– Побрякушка! – повторил он. – Очень хорошо. Может, выпьем, отметим?

– Это было несколько месяцев назад.

Константинеску полез под стол, вытащил бутылку виски, два стаканчика, наполнил их, протянул один Тиллингу.

– Подарок, – объявил он, намекая на взятку. – Хорошее, правда? Особое.

– Отличное, – подтвердил Йен, не желая его разочаровывать.

– За вашу… побрякушку!

Неохотно, но повинуясь протоколу, Тиллинг осушил стакан. Спиртное почти мгновенно ударило в пустой желудок, вскружив голову. Он поставил пустой стаканчик.

– Ну, чем могу помочь своему влиятельному другу? Еще более влиятельному теперь, когда Румыния и Англия стали партнерами по Евросоюзу?

Йен Тиллинг выложил на стол три набора отпечатков пальцев, три фотографии и снимок татуировки «Рарес» крупным планом.

Глядя на них, Константинеску внезапно спросил:

– Кстати, как это получается, что на вас работают такие хорошенькие девушки?

– Действительно, замечательные.

– Красавица Андреа по-прежнему с вами?

– Да. Через месяц замуж выходит.

Физиономия комиссара разочарованно вытянулась. Под тем или иным предлогом он частенько заскакивает в «Каса Иона», но Тиллинг хорошо знает истинную причину – желание поболтать с девушками. Неисправимый бабник при каждом визите безуспешно пытается назначить Андреа свидание. Она, как хороший дипломат, всегда с ним любезна и вежлива, обязательно оставляет открытой щелку для надежды, чтобы сохранить в его лице сторонника приюта.

Стараясь перевести встречу на деловые рельсы, Тиллинг указал на фотографии, объяснил их происхождение.

– Рарес, – повторил Константинеску, когда Тиллинг закончил. – Конечно, румын. У Интерпола есть отпечатки?

– Не могли бы вы сделать мне одолжение, лично проверить? Быстрей будет.

– Ладно.

– И разослать по всем полицейским участкам экземпляры фотографий подростков?

Константинеску закурил очередную сигарету, зашелся кашлем. Прокашлявшись, плеснул себе еще виски, предложил англичанину, который отказался.

– Конечно, без проблем.

Он снова глубоко и хрипло закашлялся, сунул фотографии и отпечатки в коричневый конверт, после чего, к неудовольствию Тиллинга, бросил его в ящик стола. По долгому опыту общения Йен Тиллинг знал о привычке комиссара быстро обо всем забывать. Иногда возникало подозрение, что попавшее в этот ящик оттуда уже никогда не выходит. Впрочем, Константинеску действительно думает о положении бездомных детей на улицах города.

Ладно, все-таки лучше в ящике, чем среди скомканных бумаг на полу.

Семнадцать лет сражаясь с официальными лицами в этой стране, Йен Тиллинг усвоил, что надо быть благодарным за маленькие милости.

69

Мэлу Беккету всегда нелегко разговаривать с бывшей женой, и теперь, сидя напротив нее в тихом кафе на Черч-роуд, он чувствовал себя очень неловко.

После их разрыва, признавая за собой вину и тревожась за душевное здоровье Линн, Мэл взял за правило раз в несколько месяцев приглашать ее на ленч. Она всегда начинала с вопроса: «Ты счастлив?»

Он очутился в положении проклятого за то, что счастлив, и за то, что несчастлив. Если скажешь, что счастлив, Линн будет еще несчастнее. Поэтому на первых встречах он говорил, что несчастлив, о чем она немедленно сообщала друзьям и подругам. Поскольку Брайтон – большая деревня, молва быстро доходила до Джейн.

Мэл вскоре научился нейтральному ответу: «Все в порядке». Но сейчас, слизывая с ложечки взбитые сливки капучино, он понял, что они оба выросли из этой игры. Ему искренне жалко Линн, по-прежнему одинокую; его поразило до глубины души, как она похудела с их последней встречи месяца два назад.

Линн тоже тяжело видеть Мэла. Она замечает, что, хотя он и постарел, с каждым годом он выглядит лучше – внушительнее и мужественней. Если бы он попросил ее вернуться к нему, она сделала бы это в мгновение ока. Боже, как он ей нужен!

– Спасибо, что выкроил время, – сказала она.

Он взглянул на часы:

– Ну что ты! Мне надо будет уйти ровно в час, чтобы поймать вечерний отлив.

Линн грустно улыбнулась, без всякого упрека:

– Господи, как часто я это слышала долгие годы! Надо поймать вечерний отлив!..

На миг они с неподдельной нежностью посмотрели друг другу в глаза.

– Может, эти слова высекут на моем могильном камне, – усмехнулся он.

– По-моему, возникнут проблемы. Я думала, ты хочешь быть похороненным в море.

Мэл рассмеялся:

– Действительно, но… – и споткнулся на полуслове.

Ей не интересно знать мнение Джейн по этому поводу. Сама же она безуспешно возражала все время их совместной жизни.

В кафе было пусто. Только что миновал полдень, для ленча рановато. Официантка принесла заказ – сандвич с солониной для Мэла и порцию салата с тунцом для Линн.

– Двести пятьдесят две тысячи фунтов? – переспросил он.

Она кивнула.

– Знаешь, мы вытащили мертвое тело, попавшее в головку драги, одно из тех самых, о которых трубят все газеты…

– Читала. Представляю, как это тебя потрясло.

– Подросток. Неизвестно откуда, но есть предположения, будто его убили ради органов. Какая-то контрабандная сеть.

Линн пожала плечами:

– Чудовищно. Но это ведь не имеет ни малейшего отношения к ситуации с Кейтлин, правда?

– Позднее нашли еще два трупа. Тоже без внутренних органов.

Мэл снова зачерпнул ложечкой сливки, отправил в рот, оставив на верхней губе следы белой пены, припудренной порошком какао. Несколько лет назад Линн дотянулась бы и вытерла их салфеткой.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты намерена купить печень для Кейтлин. Знаешь, откуда она возьмется?

– Да. Ее возьмут где-нибудь за границей у погибшего при несчастном случае. Скорее всего, в автомобильной катастрофе или на мотоцикле. Так говорит фрау Хартман.

Мэл посмотрел на свой сандвич, снял верхний ломоть хлеба, выдавил на мясо горчицу из пластиковой бутылочки, положил корнишон.

– Уверена, что печень будет кошерная?

– Слушай, – вспыхнула Линн, – пока печень здоровая и подходящая, мне на самом деле плевать, где ее взяли. Я забочусь о спасении жизни моей дочери. Извини, – поправилась она, выразительно глядя на Мэла, – *нашей* дочери.

Он поставил бутылочку с горчицей, вновь накрыл хлебом розовое мясо. Взял сандвич, открыл рот, примериваясь к куску, и положил на тарелку, будто вдруг потеряв аппетит.

– Черт возьми. – Он покачал головой.

– Знаю, у тебя другие приоритеты.

Мэл еще раз тряхнул головой.

– Двести пятьдесят две тысячи фунтов?

– Да. Час назад сумма сократилась до двухсот двадцати семи тысяч. Мать отдает мне двадцать пять тысяч, которые скопила.

– Благородно. Но и двести двадцать семь тысяч немыслимые деньги.

– Я долги взыскиваю. Слышу это по двадцать раз в день. Каждый клиент мне твердит: «Невозможно, немыслимо». Знаешь что? Не бывает немыслимых сумм, все дело в отношении. Всегда есть способ. Я пришла сюда не для того, чтобы ты мне говорил, будто вшивые двести двадцать семь тысяч фунтов достать невозможно и поэтому мы позволим Кейтлин умереть. Я хочу, чтобы ты помог мне их найти.

– Даже если найдем, то какая гарантия, что печень подойдет? Что не произойдет отторжения и она заработает? Что мы через полгода не окажемся в том же самом положении?

– Никакой, – откровенно признала Линн.

Он молча посмотрел на нее.

– Могу дать единственную гарантию. Если я… если мы… не найдем эти деньги, то Кейтлин умрет к Рождеству или вскоре после него.

Широкие крепкие мужские плечи поникли.

– У меня есть кое-какие сбережения, – сказал Мэл. – Чуть больше пятидесяти тысяч. Пару лет назад повысил закладную, чтобы высвободить наличные, заплатить за пристройку. Однако с планировщиками возникли проблемы. – Он едва не добавил, что Джейн просто взбесится, если он отдаст деньги бывшей жене, но сдержался и промолчал. – Могу дать половину, если это поможет.

Линн вскочила, чуть не опрокинув кофе, и неловко чмокнула его в щеку.

Осталось всего сто семьдесят пять тысяч!

Прекрасное архитектурное наследие издавна служит главной приманкой как для жителей, так и для посетителей Брайтона и Хоува. Хотя его отчасти затмили современные безжизненные функциональные здания, любой, повернув за угол в широко расползшемся центре, очутится на улице, застроенной георгианскими, викторианскими, эдвардианскими домами и виллами, порой в идеальном, порой в не столь замечательном состоянии.

Силвуд-роуд – типичная жемчужина, знавшая лучшие времена. Любители архитектуры иногда на нее заворачивают и столбенеют, пораженные неприглядными обитателями идеальных викторианских домов. Забитый вывесками агентств по недвижимости квартал упорно и быстро превращается в сегмент дешевого рынка, тем более что в последние годы он становится районом «красных фонарей».

В пять часов дня, уже в непроглядной тьме, Белла Мой сказала сидевшему за рулем Нику Николлу:

– Можешь остановиться в любом месте.

Констебль завел серый «форд-фокус» без опознавательных знаков на стоянку и заглушил мотор.

– Бывал когда-нибудь в борделе? – спросила она.

Первым на их пути оказался «Дом малюток».

Он вспыхнул:

– Фактически никогда.

– Там особый запах, – сообщила Белла.

– Какой?

– Узнаешь. Завяжи мне глаза, и я скажу, что это бордель.

Они вышли из машины и направились под жгучим ветром к одному из домов, остановились под молчаливым глазом камеры наблюдения. Белла позвонила в дверь. На ней был коричневый брючный костюм на размер больше, чем следовало, и неуклюжие черные ботинки.

– Слушаю? – прозвучал из домофона визгливый женский голос с йоркширским акцентом.

– Детективы, сержант Мой и констебль Николл, суссекская уголовная полиция.

В динамике раздался оглушительный треск, потом громкий щелчок. Белла толкнула дверь, Ник вошел за ней, раздув ноздри, но чуя лишь застоявшийся дух табака и пищевых отходов. Убогий вестибюль освещен слабой красной лампочкой, пол целиком застелен сильно потертым розовым ковром, стены оклеены ярко-красными обоями. На телевизионном экране на стене чернокожая женщина занимается оральным сексом с мускулистым татуированным белым мужчиной с таким большим пенисом, какого Ник Николл себе и вообразить не мог.

К ним вышла невысокая женщина лет пятидесяти пяти, в спортивных брюках и блузе с низким вырезом, открывавшим ложбинку между грудями. Лицо под челкой было, вероятно, хорошеньким, когда она была моложе и на десять стоунов легче.

– Сержант Мой! – пропела мадам детским голоском. – Рада вас видеть. Всегда рада!

– Добрый вечер, Джоуи. Это мой коллега, констебль Ник Николл, – кратко и резковато ответила Белла.

– Приятно познакомиться, констебль Николл, – почтительно кивнула женщина. – Очень милое имя Ник. Моего сына тоже зовут Ник.

Констебль Николл смущенно улыбнулся.

Джоуи повела их в приемную, удивившую Ника. По книгам и фильмам он ожидал увидеть бархатную гостиную, увешанную зеркалами в золоченых рамах, а вместо этого попал

в комнату с двумя продавленными диванами, захламленным столом, на котором стояли открытая картонка с пластмассовой вилкой, воткнутой в готовую лапшу, испускавшую пар, грязные кружки, несколько переполненных окурками пепельниц. На конторском столе старый телефонный аппарат рядом с таким же старым факсом. На стене прейскурант.

– Можно предложить вам чего-нибудь выпить? Кофе, чай, кока-колу? – Джоуи села, покосилась на недоеденную лапшу.

– Нет, спасибо, – сухо ответила Белла к облегчению Николла, вновь взглянувшего на грязные кружки.

Между городскими борделями и полицией существует неписаное соглашение, по которому дома, где не работают несовершеннолетние или нелегально ввезенные в страну девушки, оставляют в покое, лишь время от времени проводя без предупреждения выборочные проверки. Почти все владельцы и управляющие борделями, включая мадам Джоуи, соблюдают условие, но опыт научил Беллу не позволять им путать терпимость с дружескими отношениями.

Она показала три фотографии.

– Видели их когда-нибудь?

Джоуи внимательно рассмотрела изображение мертвой девушки и двух парней и покачала головой:

– Никогда.

– Сколько здесь сегодня девушек? – спросила Белла.

– Пять на данный момент.

– Есть новенькие?

– Да, две новые приехали из Европы. Одну зовут Анка, а другую Нуша.

– Откуда?

– Из Румынии, – сказала Джоуи и добавила: – Из Бухареста, – словно желая подтвердить свою готовность к сотрудничеству.

– Они сейчас… гм… свободны? – деликатно осведомилась Белла.

– Я проверяла документы. – В голосе мадам прозвучала тревога. – Анке девятнадцать, Нуше двадцать.

Раздался громкий режущий звук. Глаза Джоуи метнулись к монитору высоко на стене. На некачественном цветном экране возникло изображение лысеющего пучеглазого мужчины в костюме с галстуком.

Мадам подмигнула полицейским и с некоторым смущением пояснила:

– Один из моих регулярных клиентов. Хотите повидаться с ними по отдельности или сразу с обеими?

– По отдельности, – решила Белла.

Джоуи быстро повела их по коридору к маленькой комнатке.

– Сейчас приведу.

Она закрыла за собой дверь, и тут Ник Николл почуял запах, о котором говорила Белла, – острый гигиенический запах дезинфекции с сильной примесью мускуса. Он с недоумением разглядывал розовую комнатушку. Двуспальная кровать с пятнистым покрывалом под леопарда, сложенное белое полотенце, телеэкран, на котором крутился порнографический фильм, тумбочка с туалетными принадлежностями и рулоном туалетной бумаги, широкое зеркало на стене, стопка эротических лазерных дисков.

– До чего вульгарно, – пробормотал он.

– Нормально, – пожала плечами Белла. – Понял, что я говорила про запах?

Констебль кивнул, снова медленно втянув носом воздух.

Через несколько минут дверь открылась и Джоуи ввела хорошенькую девушку с длинными темными волосами, в прозрачном розовом пеньюаре поверх темного нижнего белья. Вид у нее был мрачный, нервный.

– Это Анка… Я через минуту вернусь, – проговорила Джоуи одними губами, закрывая дверь.

– Привет, Анка, – поздоровалась Белла и кивнула на кровать. – Садись.

Девушка села, стреляя глазами на полицейских, держа в руках пачку сигарет и зажигалку, как театральный реквизит.

– Мы офицеры полиции, – объявила Белла. – Ты говоришь по-английски?

– Немножко, – кивнула она.

– Хорошо. Мы не собираемся причинять тебе неприятности, поняла?

Анка непонимающе глядела на них.

– Только хотим убедиться, что у тебя все в порядке. Тебе здесь нравится?

Анку хорошо натаскали. Космеску предупредил, что полиция будет задавать вопросы. И рассказал о последствиях, которые повлекут за собой жалобы.

– Да, тут хорошо.

– Точно? Хочешь остаться?

– Хочу.

Белла бросила взгляд на коллегу, не знавшего, куда деваться.

– Ты недавно приехала из Румынии?

– Да… из Румынии.

Белла показала ей три фотографии, пристально вглядываясь в лицо.

– Кого-нибудь узнаешь?

Румынка посмотрела, не проявив ни малейшей реакции, тряхнула головой:

– Нет.

Белле показалось, что девушка говорит правду.

– Хорошо. Мне хочется знать, кто тебя сюда привез?

Анка замотала головой и ответила, как учил Космеску:

– Не понимаю.

Терпеливо, очень медленно, помогая себе жестами, Белла повторила:

– Кто тебя сюда привез?

Анка вновь затрясла головой.

Ник принялся листать блокнот, остановился на нужной странице и с расстановкой проговорил по-румынски:

– У вас есть знакомые в Англии?

Анка, с изумлением услышав родной язык, пускай даже с чудовищным произношением, покачала головой.

Ник перевернул страницу, вновь прочитал по-румынски:

– Если лжете, мы узнаем. Отправим вас обратно в Румынию. Говорите правду!

Потрясенная Анка пробормотала:

– Его зовут Влад.

– А дальше?

– Кос… Косма… Космек…

– Космеску? – подсказала Белла.

Девушка со страхом на нее поглядела. Потом кивнула.

Через двадцать минут полицейские вернулись к машине.

– Может быть, объяснишь, что за фокус? – спросила Белла.

– Я обратился в одну организацию.

– В какую?

– В Центр наблюдения за нелегальным въездом в Соединенное Королевство. Хотел выяснить, откуда чаще всего поступают девушки. Румыния на одном из первых мест в этом списке.

– И за день научился бегло говорить по-румынски?

– Только фразы, которые, на мой взгляд, могли пригодиться.

– Должна сказать, ты произвел на меня очень сильное впечатление, – усмехнулась Белла.

– Не такое сильное, какое произведу на жену, когда она узнает, где я провел день.

– Разве не все мужчины ходят в бордели? – спросила Белла.

– Нет, – возмутился Ник Николл. – Действительно не все.

– Ты правда ни в одном раньше не был?

– Нет, Белла. Правда не был. Извините, если я вас разочаровал.

– Нисколько. Приятно знать, что есть еще на свете порядочные ребята. Просто я их до сих пор не встречала.

– Может быть, потому что единственного встретила моя жена! – заявил он.

Белла посмотрела в свете уличных фонарей на его удлиненное усмехающееся лицо:

– Значит, она счастливица.

– Это я счастливчик. А вы? Такая привлекательная леди. Наверняка у вас масса возможностей.

– Нет. У меня масса разочарований. Знаешь, я на самом деле довольна своей независимостью. Ухаживаю за мамой, а в остальном свободна. Мне нравится.

– А я своего малыша люблю, – сказал Ник. – Невероятное ощущение. Описать невозможно.

– По-моему, ты будешь великолепным отцом.

Констебль опять улыбнулся:

– Хотелось бы, – и передернул плечами. – Можете себе представить отца Анки? И другой девушки, Нуши?

– Нет.

– Не могу поверить, что жизнь в грязном брайтонском борделе для них лучше прежней.

– А я не могу поверить, что ты потрудился выучить их язык. Просто с ног меня сбил.

– Я не выучил язык. Всего несколько фраз. Чтобы до них достучаться.

Белла заглянула в свои записи:

– Влад Космеску.

– Влад Закалыватель.

– Кто?

– Это прозвище трансильванского графа, послужившего прототипом Дракулы. Обаятельный мужчина, сажал своих недругов на кол.

– Слишком много информации, Ник, – сморщилась Белла.

– Вы офицер полиции. *Слишком много* информации не бывает.

Она улыбнулась, потом повторила:

– Влад Космеску.

– Вы его знаете?

– Слышала. Сутенер, сводник. Активно работал несколько лет назад, когда я занималась борделями. Теперь служит как бы диспетчером на пропускном пункте для румынских, албанских и прочих восточноевропейских контрабандистов. Наркотики, пиратское видео, сигареты, всего не перечесть. Несколько лет прикрывал шайки торговцев наркотиками, но, насколько я знаю, сам всегда умудрялся избежать неприятностей. Интересно, что он все еще крутится тут. – Белла сделала пометку в блокноте и радостно заключила: – Отлично! Один долой. В Брайтоне всего лишь двадцать восемь борделей, где мы должны побывать, прежде чем кончим дело. Хватит сил?

– Сил невпроворот! – усмехнулся Ник Николл, а про себя подумал: «Когда надо кормить ребенка по часам круглые сутки, сил, пожалуй, гораздо больше, чем либидо».

71

В Бухаресте только что минуло семь. Йен Тиллинг обещал сегодня своей румынской жене Кристине пораньше вернуться домой. Сегодня десятая годовщина их свадьбы, и они ради такого торжества заказали столик в излюбленном ресторане с традиционной румынской кухней.

Он привык к тяжелой мясной пище принявшей его страны – кроме холодных мозгов и кубиков сала, которые любит Кристина, а он едва ли когда-нибудь сможет переварить.

К гигантской доске объявлений на стенке перед рабочим столом прицеплены бесполезные часы. «Время – деньги» написано на циферблате, а поскольку циферблат без цифр, времени может быть сколько угодно. Рядом женский фен, который висит так давно, что уже забылось, кто повесил его и зачем. Пониже между правительственными брошюрами для бездомных лист бумаги с любимой Йеном цитатой из Махатмы Ганди: «Сначала тебя не замечают, потом смеются, потом бьют, потом ты побеждаешь».

Таково краткое определение семнадцати лет его жизни, прожитых в непонятном, но прекрасном городе, в непонятной, но прекрасной стране. Он побеждает. Шаг за шагом, шаг за шагом одерживает маленькие победы. Спасенные с улиц дети и взрослые находят приют в «Каса Иона». Перед уходом надо обойти спальни, как принято каждый вечер. Взять с собой фотографии подростков, присланные Норманом Поттингом, вдруг кто-нибудь что-нибудь вспомнит. Приятно было поговорить со старым приятелем. Очень приятно снова участвовать в деле британской полиции. До того приятно, что надо изо всех сил постараться.

Как только он поднялся, дверь открылась, вошла улыбающаяся Андреа.

– Есть минуточка, господин Йен? – спросила она.

– Конечно.

– Я встречалась с Илеаной из четвертого сектора.

Илеана раньше работала в «Каса Иона» в качестве социального работника, потом перешла в центр распределения в сектор под названием «Мерлин».

– И что она сказала?

– Согласилась помочь, хотя беспокоится, что об этом узнают. В их центре приказано с посторонними не общаться, даже с нами.

– Почему?

– Власти явно встревожены нехорошими отзывами о румынских детских домах в зарубежной прессе. Посещения и съемки запрещены. Мне пришлось с ней встречаться в кафе. Она сообщила, что одна уличная девчонка слышала, будто можно получить работу и

квартиру в Англии, если повезет. Надо только пойти повидаться с одной шикарной женщиной.

– Можно с ней поговорить? Имя известно?

– Ее зовут Ралука. Проститутка, работает на Северном вокзале. Пятнадцать лет. Не знаю, есть ли у нее сутенер. Илеана хочет с нами пойти. Можно нынче же вечером.

– Сегодня не могу. Давайте завтра.

– Спрошу у Илеаны.

Йен поблагодарил и отправил короткое сообщение Норману Поттингу, изложив сегодняшние новости. Потом сжал кулаки, грохнул по столу. Да! О да! Он снова в седле! С любовью вспоминает времена своей службы в полиции и теперь чертовски хорошо себя чувствует.

72

Линн сидела на своем рабочем месте в отделе «Осы-разорители». Уже восемь вечера. Она отрабатывает список звонков, стараясь наверстать время: мало того, что задержалась сегодня дома, так еще встречалась с Мэлом. Утром пришла ее мать, потом явился Люк, так что Кейтлин в компании и, главное, под присмотром. Даже слабоумный Люк на это способен.

Мало кто еще из коллег задержался на работе. Разве что пара упорных бойцов. Накопленная премия составляет 1150 фунтов. Ее шансы на этой неделе нулевые. Душа не лежит к работе. Линн посмотрела на фотографию Кейтлин, пришпиленную к красной перегородке.

Сто семьдесят пять тысяч фунтов решают, жить дочке или умереть. Сумма колоссальная и в то же время мизерная. Такие суммы, и гораздо крупнее, еженедельно проходят через этот офис. В голову закралась черная мысль. Она прогнала ее, но мысль вернулась.

Люди то и дело крадут деньги у работодателей.

Чуть ли не каждый день читаешь в газетах о каком-нибудь служащем, который стянул деньги в конторе поверенного, инвестиционном фонде, банке, любом другом месте, где крутятся большие суммы. Часто это длится годами. Миллионы исчезают, никто даже не замечает. Ей надо всего-навсего сто семьдесят пять тысяч. Семечки, по стандартам «Динария». Но как *взять их взаймы,* чтобы никто не узнал? Контроль очень строгий.

Вдруг загорелся огонек телефона. Она ответила, думая, что это Кейтлин. К несчастью, это оказался ужасный Редж Окума.

– Линн Беккет? – спросил он привычным похабным тоном.

– Да, – сухо подтвердила она.

– Поздно работаете, моя красавица. Для меня большая честь разговаривать с вами.

«А уж для меня-то», – едва не сказала Линн, но вместо этого спросила:

– Чем могу помочь?

– Ну, – вздохнул он, – вот какая ситуация. Я вчера подал просьбу о приобретении новой машины. Знаете, мне колеса нужны для работы, я открываю новую компанию, которая совершит революцию в Интернете.

Линн промолчала.

– Слышите?

– Слушаю.

– По-прежнему хочется заняться с вами потрясающим сексом. Хочу с тобой заняться любовью, милая.

– Вы отдаете себе отчет, что разговор записывается в учебных и контрольных целях?

– А как же.

– Хорошо. Если хотите сказать, что согласны обсудить план выплат, я выслушаю. Если нет, разъединяюсь. Идет?

– Послушайте, пожалуйста. Вчера мне дали от ворот поворот, отказали в продаже в рассрочку. На вопрос почему, ответили, что «Экспериан» отрицательно оценивает мою кредитоспособность.

– Вас это удивляет? – усмехнулась Линн.

«Экспериан» – одна из крупнейших в Соединенном Королевстве компаний по оценке платежеспособности. Все банки и финансовые учреждения обращаются к ней по поводу своих клиентов.

– Вы же долги не платите, на какой рейтинг можно надеяться?

– Стойте, выслушайте. Я связался с «Экспериан» – имею право по закону о защите информации, – и мне сообщили, что на низкий рейтинг повлияла ваша фирма.

– Есть простой выход, мистер Окума. Согласуйте с нами план выплат, и я позабочусь об отмене запрета.

– Да, конечно, но все не так просто.

– По-моему, просто. Что вам непонятно?

– Обязательно надо враждебно ко мне относиться?

– Мистер Окума, я очень устала. Если обратитесь ко мне с планом выплат, посмотрю, что смогу сделать с «Экспериан». До тех пор доброй ночи.

Она разъединилась.

Опять замигал огонек, но Линн не ответила. Собралась домой. И как только вышла из лифта на первом этаже, в голове снова возникла коварная мысль.

73

Рой Грейс сидел один в своем кабинете. Оконные рамы сотрясал крепнувший юго-западный ветер, дождь хлестал в стекла. Очередной штормовой вечер, когда даже уличное освещение и сияние автомобильной стоянки у супермаркета непривычно тускнеют. Вдобавок холодно, сырой сквозняк будто проникает сквозь стены, пробирает до костей. На часах пять минут девятого.

Он извинил Гленна Брэнсона за отсутствие на вечернем инструктаже. Жена ему позволила прийти, искупать детей, уложить в постель – несомненно, по совету адвоката, цинично заключил Рой. Он принялся изучать заметки под заголовком «Направления расследования». Вспомнил о Джулиет Джонс, аналитике системы ХОЛМС. Джулиет выискивает совершенные в Соединенном Королевстве раскрытые и нераскрытые преступления, потенциально связанные с нынешним делом. Тягостная, но важная задача, сравнимая с рыбалкой. Перебираешь бесчисленные ключевые слова и фразы в поисках аналогичных жертв по всей стране. Начавшиеся в субботу поиски пока не принесли ничего.

За последние девять лет Грейс много вечеров провел в одиночестве, самостоятельно изучая историю сыска и криминалистики. Особенное восхищение ему внушил французский медик Эдмон Локар, родившийся в 1877 году и получивший прозвище французского Шерлока Холмса. Именно Локар сформулировал основной принцип научной криминалистики, который гласит: «Любой контакт оставляет след».

Интересно, гадал Грейс, какой контакт он проглядел в деле о трех трупах? Где хирургические инструменты, оставившие на них след? Теперь все уже точно стерильно. Может быть, даже микроскопические следы указали бы на совпадение, только сначала их надо найти. Но где искать? Изъявший органы хирург – если это не маньяк-одиночка – наверняка работал в униформе. На ней, и особенно на перчатках, должны были остаться следы. Вопрос об обыске мусорных ящиков и отправленного в стирку белья всех клиник на юге Англии не рассматривается.

Если удастся успешно снять отпечатки с лодочного мотора, их можно будет сравнить с отпечатками на пластиковой обертке… Суперинтендент сделал очередную пометку, быстро прочел три страницы под заголовком «Направления расследования». Надо их обновить, внести важные дополнения, но он истосковался по Клио. Дело можно с таким же успехом сделать у нее, а не в холодном пустом кабинете.

Температура падала. Ветер практически достиг ураганной силы, когда Грейс остановил «форд» у антикварной лавки. Торопливо перебегая дорогу, он уловил обрывок хриплой, отчаянно исполняемой где-то поблизости песни «Бог пошлет вам покой, веселые джентльмены». Преждевременные колядки или просто пьяная компания? В голове еще не укладывается, что близится Рождество. Непонятно, что купить Клио – кроме кольца, конечно, но это не рождественский подарок, а хочется подарить что-то особенное.

Рой очень давно не покупал подарков любимой женщине и был в растерянности. Сумочку? Другое ювелирное украшение в придачу к кольцу? Надо посоветоваться с практичной знающей сестрой. Инспектор Мантл тоже знает толк в таких делах. Кроме вопроса о подарках, надо решить, где встречать Рождество. После исчезновения Сэнди он ежегодно бывал у сестры, а Клио предлагает поехать к ее семье в Суррей. Разумеется, хочется провести рождественские каникулы рядом с ней, но он пока незнаком с ее родителями. Родная сестра, безусловно, будет рада помолвке. Однако, если операция «Нептун» затянется, каникулы у него едва ли состоятся.

Грейс мгновенно воспрянул духом, очутившись в теплой уютной гостиной. Клио счастливо улыбалась. Ноздри дразнил чесночный запах готовившейся еды, лилась оперная музыка. Он узнал увертюру из «Кармен» Бизе и за это был очень собою доволен. Клио занялась его музыкальным воспитанием, и он с удивлением понял, что действительно начинает любить оперу.

К нему с громким лаем мчался Хамфри, волоча за собой ярды туалетной бумаги. Он наклонился, погладил пса по голове.

– Эй, приятель!

Тот, возбужденно прыгая, лизнул его в подбородок. Клио свернулась клубочком на огромном диване, обложившись бумагами, с книгой в руках – несомненно, по философии, которую изучает в Открытом университете, вознамерившись получить степень.

– Смотри, Хамфри! – воскликнула она, и пес взвыл, услыхав ее голос. – Суперинтендент Рой Грейс дома! Твой хозяин. Кто-то очень рад тебя видеть, Рой.

– Только он? – с притворным огорчением спросил Грейс, направившись к ней вместе с Хамфри, вцепившимся в штанину.

– Он сегодня очень хороший мальчик. Дома не писал.

– Большое достижение.

– А я рада тебе еще больше, чем он! – объявила Клио, откладывая книгу под названием «Экзистенциализм – это гуманизм», на многих страницах которой были наклеены желтые листочки для заметок.

Он смотрел на нее, испытывая невероятную радость. Волосы заколоты на макушке, длинная коричневая кофта крупной вязки закрывает бедра, черные легинсы подчеркивают красоту ног.

Грейс смаковал вкусные запахи, переполненный счастьем, ощущением сопричастности. Сознание, что после долгих трудных часов он наконец пришел в дом, где сосредоточилась вся его жизнь, доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие. Его душа пела.

– Люблю тебя. – Он наклонился, обнял Клио за шею, страстно поцеловал в губы. Оторвался на миг, сказал: – Похоже, в самом деле люблю.

Они снова поцеловались.

– И я тебя тоже, пожалуй.

– Правда?

Клио кивнула:

– Угу. Да!

– Я хочу в выходные купить тебе кольцо.

Она взглянула на него. В больших глазах выражение взволнованной школьницы. Усмехнулась:

– Давай. Большое, чертовски тяжелое, сплошь усыпанное камнями!

– Самое большое на свете. Если королеве доведется когда-нибудь его увидеть, то она съест свою шляпу от зависти!

– Кстати, о еде. Я тебе приготовила жареные гребешки.

Это было его любимое блюдо.

– Ты чудо.

Клио подняла палец:

– Правильно. Никогда об этом не забывай.

– И необычайно скромная.

Грейс взглянул на книгу рядом с ней, прочитал имя автора: Жан-Поль Сартр.

– Хорошая книжка?

– Фактически да. Я там как раз кое-что прочитала про нас с тобой – до нашей встречи.

– Что же?

Клио взяла книгу, нашла отмеченную страницу:

– «Если ты одинок в одиночестве, значит, у тебя плохая компания». – Она взглянула на него. – Правильно?

– Абсолютно, – кивнул он. – Так и есть. Я был в чертовски дерьмовой компании.

– Ну, – сказала она, – когда же мой драгоценный жених будет ужинать?

Он кивнул на свой кейс:

– Надеюсь, до полуночи.

– М-м-м… а я возбудилась. Рассчитывала пораньше улечься…

– Через полчасика?

Соблазнительно выпятив губы, она открыла другую страницу и процитировала:

– «Я уже ни в чем не уверен. Если утоляю желания, то грешу, но избавляюсь от них; если отказываюсь утолять, то они заражают мне душу». – Клио положила книгу. – Тебе наверняка не захочется, чтобы у меня душа заразилась.

– Действительно.

– Хорошо, что мы на одной странице.

Грейс понес кейс наверх по деревянной лестнице в кабинет Клио, где сейчас устроил себе рабочее место. На столе в пластмассовой коробке с переборками стояла книга с прилепленным желтым листочком, на котором почерком Клио было нацарапано его имя. Он вытащил том под названием «Эклипс» с изображением скаковой лошади на обложке. Вспомнилось, как Клио рассказывала, что ее отец помешан на скачках. Книгу она заказала, чтобы Рой преподнес ему подарок.

Грейс осторожно отложил том в сторону, вытащил из кейса кипу бумаг. Через пять минут тихо вошла Клио, чмокнула его в макушку, поставила стакан, налитый до краев водкой с мартини.

– «Калашников», – пояснила она. – Распалит тебя до невозможности.

– Я уже распалился! Как твоя душа? – шепнул он.

– Борется с инфекцией. – Она снова поцеловала его и вышла.

– Эту самую книжку, «Эклипс», я должен подарить твоему отцу на Рождество? – спросил он вслед.

Она вернулась:

– Именно. Заработаешь почти тысячу очков. Эклипс был самым прославленным скакуном всех времен и народов. Отец сочтет тебя очень умным, раз ты это знаешь.

– Лучше ты мне поточнее расскажи.

– Лучше книжку прочти, – улыбнулась она.

– Ох! – хлопнул он себя по лбу. – Как же я не подумал! – Пристальнее вгляделся в обложку, прочитал фамилию автора. – Кто такой Николас Клее? Знаменитый жокей?

Клио покачала головой:

– Нет. По-моему, он был теннисистом, но, может быть, я ошибаюсь. – Она ушла.

Грейс перечитал свои заметки, задумался. Контрабанда людей для трансплантации органов – одна из главных линий расследования. Но в отсутствие доказательств существования в Соединенном Королевстве подобной практики трудно ее обосновать.

Может быть, просто орудует маньяк-убийца.

Обладающий хирургическим опытом.

Почему тогда он ограничился четырьмя органами? Потому что они самые ценные?

Что сделал бы брат Оккам? Каково самое очевидное объяснение? Что великий философ-монах срезал бы своей бритвой?

Размышления прервала Клио, проворковав, что ужин на столе.

74

Приехав домой около девяти, Линн услышала оглушительную музыку. Захлопнула за собой дверь, укрывшись наконец от ледяного ветра, размотала шаль, купленную несколько недель назад по Интернету, как и большинство прочих своих нарядов, заглянула в гостиную, не сняв пальто.

Люк развалился на диване, посасывая диетическую кока-колу из банки, с идиотской, как всегда, прической – волосы одной прядью, залитой гелем, свешиваются на правый глаз. Смотрит видео: две тощие девицы в черных лифчиках и бикини, с серебряными коробками на головах монотонно вертятся под жесткий неумолчный грохот. На руках, ногах, животах надписи корявыми буквами: «Давай!», «Делай!», «Паши!», «Еще лучше!».

– «Дафт панк»? – уточнила Линн.

– Угу, – кивнул Люк.

Она схватила пульт дистанционного управления, приглушила звук.

– Все в порядке?

Он снова кивнул:

– Кейтлин спит.

«Под этот адский грохот?» – едва не возмутилась Линн, но вместо этого поблагодарила его за присмотр, спросила:

– Как она?

– Как бы без перемен, – пожал он плечами. – Я пару минут назад к ней заглядывал.

Линн, по-прежнему в пальто, поспешила наверх в спальню дочери. Кейтлин лежала с закрытыми глазами. В слабом свете ночника лицо ее кажется еще желтее. Открыла один глаз, посмотрела на мать.

– Ну, как ты, мой ангел? – Линн наклонилась, поцеловала дочь, пригладила влажные волосы.

– Пить хочу.

– Воды принести? Фруктового сока? Коку?

– Воды, – тихо вымолвила Кейтлин.

Линн пошла на кухню, налила стакан воды из холодильника. Огорченно заметила наледь на задней стенке камеры – верный признак, известный по прошлому опыту, что холодильник доживает последние дни. Еще одна трата, на которую теперь невозможно пойти.

Вошел Люк, босиком, в серой куртке поверх драной рубашки, в мешковатых джинсах.

– Выгорело сегодня чего-нибудь?

– В смысле сбора денег?

Он кивнул.

– Моя мать дает кое-что. Отец Кейтлин предложил свои сбережения. Все равно остается найти сто семьдесят пять тысяч фунтов.

– Может, я помогу, – сказал Люк.

Линн удивилась:

– Н-ну, спасибо… это… очень мило с твоей стороны. Но сумма неподъемная.

– У меня деньги есть. Не знаю, говорила ли Кейтлин когда-нибудь про моего отца – не про отчима, а про родного отца.

Линн, торопясь отнести стакан с водой, кратко ответила:

– Не говорила.

– Он погиб на работе. Как бы несчастный случай. На него кран на стройке упал. Мама получила крупную компенсацию, мне чуть не все отдала, не хотела, чтобы отчим добрался до бабок – он типа игрок. С удовольствием внесу вклад.

– Действительно, благородный поступок, Люк, – сказала Линн, искренне тронутая. – Любой вклад принимается с благодарностью. Сколько можешь пожертвовать?

– У меня сто пятьдесят тысяч фунтов. Все берите.

Линн выронила стакан.

75

Иногда, думал Рой Грейс, легко впасть в излишнюю самоуверенность и забыть самые элементарные вещи. Время от времени полезно вернуться к основам.

Сидя в кабинете без четверти семь утра за второй чашкой кофе, он вытащил с полки учебник «Расследование убийства» – толстый, но содержательный, составленный в Центре повышения квалификации при Ассоциации старших офицеров полиции.

В регулярно обновляемом томе описана каждая процедура расследования убийства. Следствие включает в себя десять пунктов, намертво запечатленных в сознании каждого детектива, и именно потому, что они так знакомы, вполне можно что-нибудь упустить.

Первый пункт: «Выявление подозреваемых». Ладно, можно поставить галочку. Дело движется.

Второй: «Полицейская разведка». Тоже учтено. Есть приятель Нормана Поттинга в Румынии, комиссар Марсель Куллен в Мюнхене; сержант Мой и констебль Николл ведут

разведку в борделях, Гай Батчелор занимается исключенными хирургами, аналитик ХОЛМС ищет сходные случаи.

Третий: «Криминалистическое исследование свидетельств». Дно канала не очень-то обследуешь. Надежда лишь на пластиковую обертку трупов, на новую технологию снятия отпечатков с подвесного мотора и с дальним прицелом на два окурка, отправленные Гленном Брэнсоном в лабораторию для анализа ДНК.

Дальше: «Оценка места преступления». Место преступления как таковое отсутствует. Есть только место затопления трупов.

«Поиски свидетелей». Кто мог видеть подростков? Сотрудники неизвестной больницы или клиники, где их оперировали? Пассажиры и служащие аэровокзала, морского порта, железнодорожной станции, через которые они въехали в Соединенное Королевство? Возможно, при этом их засекла камера наблюдения, но когда это было? Они могли находиться в стране дни, недели, даже месяцы. На данной стадии невозможно просмотреть видеозаписи. Может, их знают другие работающие здесь румыны? Фотографии разосланы повсюду, опубликованы в прессе, но пока свидетели не объявились.

Шестой пункт: «Сведения о жертве». Особые надежды возлагаются на приятеля сержанта Поттинга в Румынии. Частично на Интерпол.

Над седьмым пунктом «Возможные мотивы» Грейс крепко задумался. Объявлять членам своей команды, что родители подростков, предположительно, слабоумные звери, было бы необоснованно. Со вчерашнего вечера его гложет мысль, не заводит ли их в тупик допущение, будто убийства связаны с нелегальной торговлей человеческими органами. Может, просто какой-нибудь психопат обожает кромсать людей?

«Бритвой Оккама» пока не воспользуешься.

В мире недостает человеческих органов. Это факт. Румыния причастна к нелегальной переправке людей с разными целями, в том числе для торговли органами. Тоже факт. Жертвы подверглись профессиональным хирургическим процедурам. Еще один факт. Его подкрепляют сведения об известном британском хирурге докторе Реймонде Крокете, которого лишили прав за незаконное приобретение в Турции четырех почек для его пациентов.

Доктора Крокета разоблачили. Кто он – одинокий бунтарь, выступивший против системы, или его отловили случайно, просто по невезению? Не существует ли в Соединенном Королевстве десятков еще не пойманных специалистов, которые незаконно используют органы? Не вернулся ли Крокет к работе? С ним надо побеседовать, чтобы исключить из числа подозреваемых.

Восьмой пункт: «Средства массовой информации». Возможности использованы максимально. Но самый главный ресурс – телевизионная программа «Криминальный дозор» пока не вышла.

Затем: «Посмертное вскрытие». В данный момент получена вся информация. Если найдутся хирургические инструменты, которыми проводились операции, работа продолжится. Тела хранятся в морге.

Последний пункт программы: «Другие особо важные обстоятельства». Немного подумав, он перечитал свои заметки. Добавил в блокноте: «Подвесной мотор?», «Пропавшая шхуна „Скуби"?».

Отодвинулся в кресле, пока спинка не уткнулась в стену. За окном начинал пробиваться рассвет. Буря ночью утихла, на улице сухо. Хотя прогноз плохой. Темно-серое небо испещрено красными и розовыми штрихами. Как говорится в старой поговорке? «Ночью красно, моряку повезло. Утром красно – держи ухо востро!»

«Что пропущено мимо ушей? Что я упустил? – требовательно спрашивал он себя. – Наверняка что-нибудь проглядел». *Что? Что, черт побери?*

Молча уставился в кофейную чашку, будто ответ лежал там, в дымящейся черноте.

И вдруг ответ вынырнул.

Сэнди любила викторины в пабах по вечерам и знала гораздо больше, чем он. Вспомнилась одна викторина с их участием одиннадцать или двенадцать лет назад. Вопрос требовал угадать размеры Ла-Манша в квадратных милях. Сэнди победила, дав точный ответ: двадцать девять тысяч.

Грейс прищелкнул пальцами:

– Есть!

76

– Мы не там ищем! – объявил суперинтендент своей команде. – А может быть, и не тех. Я имею в виду, мы идем не туда не в географическом, а в концептуальном смысле!

Грейса осенил четвертый пункт программы действий: «Оценка места преступления».

– Пожалуйста, на секундочку выбросьте из головы прежние соображения и сосредоточьтесь на «Оценке места преступления». Мы считали, что место затопления выбрано неудачно или по незнанию. Но давайте подумаем. Площадь Ла-Манша составляет двадцать девять тысяч квадратных миль. Площадь участка драгирования – сто квадратных миль. Кто-нибудь здесь силен в математике?

Аналитик системы ХОЛМС подняла руку.

– Какой процент от площади канала приходится на этот участок, Джулиет? – спросил Грейс.

Она быстро прикинула в уме:

– Приблизительно тридцать четыре сотых, Рой.

– Немного, – кивнул он. – Треть процента. Если бы мне надо было утопить труп в канале, я был бы полным дураком, сбросив его на участок драгирования. Но что, если место выбрано *не случайно.* – Он помолчал, чтобы все усвоили сказанное.

– Не случайно?.. – переспросила Лиззи Мантл.

– Выслушайте мои рассуждения, – продолжил Грейс. – Если мы имеем дело с международной контрабандой органов – а это быстро растущая сфера преступной деятельности в мире, – в одном можно быть точно уверенным: в калибре преступников. Если они создали организацию, которая позволяет ввозить в нашу страну подростков, заполучить и обустроить здесь медицинское заведение для эффективной пересадки органов, то, скорее всего, столь же профессионально они избавляются и от трупов. Не выходят в море в резиновой лодке, сваливая их за борт.

Все согласно кивнули.

– Знаю, мы уже говорили о том, что тела, возможно, сброшены с частного судна, самолета или вертолета. Но для этого в любом случае нужен профессиональный пилот или шкипер. У него должны быть карты, он должен знать глубины, по всей вероятности, воды ему знакомы как свои пять пальцев. Возможно, участок драгирования отмечен не на всех картах, но он все равно мелкий. Желая утопить трупы, когда весь канал в твоем распоряжении, не разумнее ли уйти на глубину? Я бы так и сделал.

– Где самая глубокая точка, Рой? – поинтересовался Поттинг.

– Во многих местах глубина свыше двухсот футов. Так зачем их топить на шестидесяти пяти?

– Может, в спешке? – предположил Гленн Брэнсон. – Или в панике?

– Те, кого мы ищем, не паникуют, – ответил суперинтендент.

– Может, действительно не посмотрели на карту? – вставила Белла Мой.

Грейс тряхнул головой:

– Я этого не исключаю, но думаю, что трупы там затопили нарочно.

– Почему, Рой? Я не понимаю, – сказала инспектор Мантл.

– В надежде, что их обнаружат.

– Зачем им это надо? – спросил Ник Николл.

– Может быть, кто-то не одобрял их деятельность? – подсказал Грейс. – Затопил тела там, где их могут найти…

– Если ему их деятельность не нравилась, почему просто в полицию не сообщил? – спросил Гленн.

– По самым разным причинам. Я бы первым внес в список пилота или шкипера, который любит деньги, но имеет совесть. Поэтому он их сбрасывает на доступной ныряльщикам небольшой глубине. Если драга не вытащит, можно будет стукнуть в полицию, но долго тянуть нельзя.

Команда молчала. Грейс продолжил:

– Знаю, может быть, я клоню не в ту сторону, но предлагаю новое направление – проверить все суда, начав с Шорэмской гавани. Попросим помощи у начальника порта, операторов шлюза, береговой охраны. Особенно пристальное внимание к быстроходным прогулочным и рыболовным катерам и всем прокатным судам. Гленн, ты занимаешься пропавшей шхуной. Что скажешь?

Сержант помахал пухлым коричневым конвертом:

– Только что, минут пять назад, получил из телефонной компании. Здесь схема размещения ретрансляционных вышек, принимавших сигнал телефона шкипера в пятницу вечером. Мы с Реем Паккардом возьмемся за это дело сразу после инструктажа.

– Хорошая мысль. Но надо осмотреть также другие суда. Теперь еще одно замечание. – Грейс обратился к Поттингу: – Не знаю, почему мы раньше не подумали. Необходимо проверить списки очередников на трансплантацию, кто ждал сердце, легкие, печень, почки, но по какой-то причине был вычеркнут из списка.

– Причины могут быть самые разные, – заметил Поттинг.

Грейс покачал головой:

– Причины-то разные, но лишь два варианта исхода: либо такие пациенты умирают, либо… делают трансплантацию в другом месте.

Запищал его мобильник. Грейс посмотрел на дисплей, узнал код Германии. Звонит Марсель Куллен из Мюнхена.

Жестом извинившись, он вышел в коридор.

– Рой, – сказал немецкий детектив, – вы просили сообщить, когда Марлен Хартман, брокер органов, вернется в Мюнхен…

– Да.

– Так вот, она прилетела вчера поздно вечером. И уже этим утром трижды звонила в ваш город, в Брайтон.

– Замечательно! Не можете назвать номер?

– Никому не расскажете, откуда узнали?

– Даю слово.

Куллен продиктовал номер.

Утром без четверти девять Линн сидела на кухне, глядя в ноутбук. Пришли сообщения от клиентов «Трансплантацион-Централе».

Одно из Финикса в штате Аризона от матери тринадцатилетнего сына, два года назад получившего через брокера печень. Женщина дала номер телефона, по которому можно ей позвонить. Она безгранично довольна услугами и уверена, что без помощи Марлен Хартман ее сын не дожил бы до нынешнего дня. Другое от мужчины из Кейптауна, которому компания восемь месяцев назад предоставила новое сердце. Тоже доволен, тоже сообщает номер своего телефона. Третье, особенно трогательное, опять из Америки, из Мадисона, штат Висконсин. Сестра двадцатилетней девушки, которой пересадили почку, предлагает звонить в любое время. Четвертое от шведки из Стокгольма: ее тридцатилетнему мужу пересажено сердце и легкие. Пятое от женщины из Манчестера – в прошлом году ее восемнадцатилетней дочери сделана трансплантация печени. Сообщается адрес, номер телефона.

Линн, еще в халате, пила чай. Целую ночь почти глаз не сомкнула, вся на взводе. Кейтлин зашла в гостиную плача, до крови расчесывая руки и ноги. Успокоив ее, Линн лежала без сна, стараясь все тщательно обдумать.

Трудно принять огромные деньги Люка и последние сбережения матери. Вклад Мэла меньше ее беспокоит – в конце концов, Кейтлин и его дочка тоже. Но более всего пугает, что трансплантат не будет функционировать. В контракте, оставленном фрау Хартман, предусмотрен отказ пересаженной печени. В случае неудачи или отторжения в течение шести месяцев печень будет заменена бесплатно.

Все равно, черт возьми, нет гарантии, что орган заработает. Но допустим, заработает. Тогда возникнут очередные проблемы: на предотвращающие отторжение медикаменты потребуется несколько тысяч фунтов в год.

Самое главное – альтернативы нет. Кроме той, которую невозможно представить.

А если Марлен Хартман все-таки аферистка? Накануне вечером Линн тайком направила из офиса запросы и получила надежные сведения. Тем не менее она до тошноты опасается очередного шага – подписать контракт, отправить факсом в Мюнхен, перечислить пятьдесят процентов. Сто пятьдесят тысяч фунтов.

По телевизору крутят «Завтрак», звук выключен, хозяин с хозяйкой сидят на диване, болтают с красавицей гостьей лет двадцати. Актрису Линн смутно узнала. Темные волосы, фигура как у Кейтлин. Она вдруг представила, что на этом диване сидит дочь, смеется, рассказывает хозяевам, как чуть не умерла, но сумела обыграть систему – хо-хо-хо! Может быть, Кейтлин станет звездой. Вполне возможно. Красивая девочка, на нее обращают внимание. Кроме того, она – личность. Если к ней вернется здоровье, станет кем пожелает.

Если… Линн взглянула на часы, быстренько подсчитала, спросила:

– Висконсин отстает от Соединенного Королевства на шесть-семь часов, так?

– Финикс, наверно, на столько же, – промямлил Люк, развалившийся на диване в гостиной.

– Значит, там середина ночи. Очень хотелось бы поговорить с этой матерью… Я ей днем позвоню.

– А у той в Манчестере дочка почти того же возраста. Можно ей звякнуть. По-моему, вы с ней сконтачите.

Линн взглянула на Люка и, несмотря на усталость и смятение чувств, вдруг почувствовала к нему глубокую симпатию.

– Хорошая мысль, – кивнула она и набрала домашний номер женщины из Манчестера.

После шести гудков сработал автоответчик. Попробовала мобильный. Почти сразу раздался щелчок и на гулком фоне раздался голос.

– Алло? – ответила женщина с сильным северным акцентом.

Линн представилась, поблагодарила за сообщение.

– Я сейчас отвожу младших детей, – сказала женщина. – Буду дома через двадцать минут. Можно вам перезвонить?

– Конечно.

– И послушайте, милая, не беспокойтесь. Марлен Хартман – звезда. Приезжайте, познакомьтесь с моей Челси. Она вам расскажет о том кошмаре, через который прошла с национальным здравоохранением. Я вам и фотографии покажу. Через двадцать минут удобно?

– Отлично, спасибо! – ответила Линн.

В душе вспыхнула надежда.

78

На окружной дороге по пути к аэропорту сильный ветер трепал маленький «хёндэ» Гленна Брэнсона. Он проехал мимо стоявших вертолетов, взглянул на двухмоторный самолетик, садившийся на заросшую травой полосу, повернул направо за ангары, подкатил к перестроенному складу за сетчатой проволочной оградой, где разместилась специальная поисковая бригада. Часы на приборной доске показывали 12:31.

Через несколько минут сержант очутился в тесно забитой комнате, которая служила и офисом, и столовой. Поставив рядом с собой кружку с кофе, он аккуратно расстелил на широком столе фотокопию карты, которую ему помог подготовить Рей Паккард.

На стенах висят карты, полицейские бляхи, белая доска, фотографии бригады в рамках, диплом за отвагу. За окном открывается вид на автостоянку и безликую серую металлическую стену другого склада. На подоконнике круглый аквариум с одинокой золотой рыбкой и игрушечным глубоководным ныряльщиком. Смерф, Иона, Арф и Див уже расселись. Таня Уайтлок в черной овчинной куртке на «молнии» с вышитым словом «полиция» и суссекским значком. Мужчины в голубых рубашках с короткими рукавами, с номерами на погонах. Вошел Гонзо в меховой куртке, протянул Гленну Брэнсону жесткий бумажный пакет:

– На случай, если понадобится.

Остальные четверо усмехнулись.

– Для чего? – озадаченно спросил сержант.

– Вдруг стошнит, – объяснил Гонзо.

– Непогода на улице, – вставил Иона.

– Угу, а этот сарай елозит на месте в ветреный день, – добавил Див. – Вот мы и подумали, знаешь, помня нашу с тобой прошлую встречу…

– Очень остроумно, – проворчал Гленн.

Таня Уайтлок сочувственно улыбнулась, остальные продолжали его задирать.

– Слышно, ты просишь о переводе в нашу бригаду, – сказал Арф. – Видно, в тот раз тебе очень понравилось.

– Давай, Гленн, – перебила их Таня Уайтлок, – рассказывай.

На карте изображался отрезок береговой линии от Уортинга до Сифорда. Красными чернилами были очерчены три неровных кольца с существенными промежутками между ними. Кольца помечены буквами А, В, С. Зеленая пунктирная линия указывает курс в открытое море из устья Шорэмской гавани, в конце будто детской рукой нарисована лодочка, рядом с которой надпись: «Подводная лодка». И проведена большая голубая дуга.

– Значит, так, – начал Брэнсон. – Шкипер «Скуби» Джим Тауэрс имел мобильный телефон, подключенный к сети O_2. В трех красных кругах находятся базовые станции и вышки, охватывающие этот сектор побережья. Телефонные компании предоставили схему, которая полностью перенесена на карту. Здесь отмечены сигналы, полученные с телефона

Тауэрса вечером в пятницу между 20:55, когда его заметил летевший над бухтой пилот и проходивший шлюз лодочник, и 22:08, когда был принят последний сигнал.

– Звонил сам Джим Тауэрс? – уточнила Таня Уайтлок.

– Нет. Включенный телефон в режиме ожидания каждые двадцать минут посылает сигнал на базовую станцию, вроде того, как вы в прошлый раз, когда я был с вами, время от времени радировали береговой охране, сообщая о своем местонахождении. Телефон как бы отмечается, звонит домой. Технический термин: обновление координат.

Все кивнули.

– Сигнал принимает ближайшая базовая станция, а если она занята, то следующая. Если в зоне приема не одна станция, сигнал могут принять две, даже три.

– Господи помилуй, Гленн! – воскликнул Арф. – Мы даже не подозревали, что ты не только старый морской волк, но и специалист по телефонной связи.

– Пошел в задницу! – с широкой ухмылкой огрызнулся сержант и продолжил: – Когда шхуна вышла из бухты, первый сигнал поймали станции в Шорэме и в Уортинге. – Он указал на круги A и B. – Второй через двадцать минут приняли они же. А третий, приблизительно через час после выхода из бухты, поймала третья станция чуть восточнее брайтонской яхтенной пристани. – Он ткнул в круг с буквой C. – Это показывает, что Тауэрс шел к юго-востоку, и мы отметили наиболее вероятный курс зеленым пунктиром.

– Хорошо, – кивнул Гонзо. – Если я правильно понимаю, мы знаем направление, в котором двигалась шхуна, и ее последние координаты, прежде чем она вышла из зоны приема?

Гленн Брэнсон покачал головой:

– Я не думаю, что она вышла из зоны.

Он огляделся, лица у всех были серьезные.

– В этом месте был послан последний сигнал, это последние обновленные координаты. Морская зона приема стандартных базовых станций составляет около двадцати миль. Но я выяснил, что прибрежные вышки ставят повыше, чтобы, расширив таким образом зону, получать прибыль с сигналов от проходящих иностранных судов. Так что тут зона побольше – возможно, миль тридцать.

Гонзо произвел в блокноте какие-то вычисления.

– Хорошо, – сказал Гленн, – все вы знаете «Скуби». Шхуна не быстроходная – максимальная скорость десять узлов, грубо говоря, восемь миль в час. К моменту получения последнего сигнала она провела в море всего девяносто минут, шла угловым курсом, значит, углубилась миль на десять, наверняка не выйдя из зоны.

Все помолчали, осмысливая услышанное. Молчание нарушила Таня Уайтлок.

– Может, в телефоне батарейка села? – предположила она.

– Возможно, но Джим Тауэрс опытный шкипер, телефон для него – это связь с жизнью. Вряд ли он вышел в море без зарядника или с выработанной батарейкой.

– За борт мог уронить, – вставил Гонзо.

– Мог, – согласился Гленн, – но опять не похоже на профессионального шкипера.

Гонзо пожал плечами:

– Да, Тауэрс свое дело знает, хотя всякое бывает. Думаешь, что-то другое случилось?

Брэнсон твердо взглянул на него:

– Вдруг шхуна затонула?

– А, теперь понял! – воскликнул Арф. – Хочешь, чтобы мы пошли, посмотрели и дно просканировали.

– Смышленые ребята, – усмехнулся Брэнсон.

– Шхуна прочная, рассчитана на бурное море, – возразил Див. – Вряд ли затонула.

– А несчастный случай? – спросил Гленн. – Столкновение? Пожар? Саботаж? Или что-то похуже…

– Например? – уточнила Таня Уайтлок.

– Тут вообще какая-то бессмыслица, – объяснил Гленн. – Я разговаривал с женой шкипера. В пятницу вечером они должны были праздновать годовщину свадьбы. Столик в ресторане заказали. Клиентов на ночную рыбалку не было. А он вместо того, чтобы пойти домой, ушел в море.

– Ну, я его вполне понимаю, – кивнул Арф. – Либо ужин с женой, либо один в море – какое может быть сравнение!

Все усмехнулись. Таня, у которой семейная жизнь началась лишь несколько месяцев назад, отнеслась к проблеме серьезней коллег.

Гонзо кивнул на окно:

– Ветерок девять баллов. Знаешь, что сейчас на море творится?

– По-моему, волнение. – Гленн с недоумением посмотрел на него.

– Если хочешь, чтоб мы посмотрели, посмотрим, – сказал Див. – Только ты тоже с нами пойдешь.

79

Линн в наушниках сидела за рабочим столом бригады «Осы-разорители», дергаясь от нетерпения, глядя на календарь, висевший на красной перегородке справа от компьютера. До Рождества три недели. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой неподготовленной и такой равнодушной к празднику. Ей нужен только один рождественский подарок.

Подруга Сью Шеклтон вызвалась внести десять тысяч. Недостача сократилась до пятнадцати. Люк сейчас в банке, готовит перевод ста пятидесяти тысяч евро на имя Марлен Хартман в «Трансплантацион-Централе». Реально деньги будут переведены после полной проверки.

Пока все хорошо. Линн поговорила с женщиной из Манчестера, которую зовут Мэрилин Фрэнкс. Ее дочери печень пересадили в клинике в Суссексе рядом с Брайтоном – с полным успехом. Мэрилин Фрэнкс до небес превозносит Марлен Хартман. То же самое с мужчиной из Кейптауна. Сначала были осложнения, но послеоперационный уход, заверяет он, превзошел всякие ожидания. Шведка из Стокгольма, муж которой получил новое сердце и легкие, не может нахвалиться. В двух последних случаях операции проводились в местных клиниках.

В Америку звонить еще рано. Хотя уже полученные отзывы убедили Линн, она все-таки поручила Люку довести проверку до конца. Сегодня к вечеру, по крайней мере завтра, после разговора с двумя другими свидетелями, первая половина денег будет перечислена. Оставшиеся пятьдесят процентов предстоит заплатить в день операции. Остаются считаные дни на поиски недостающих пятнадцати тысяч.

Она спрашивала немку, что будет, если денег немного не хватит, но та держалась твердо – все или ничего. Яснее не скажешь.

Пятнадцать тысяч. Все равно много, тем более что их надо найти за неделю, даже меньше. Вдобавок предсказывается падение курса фунта стерлингов по отношению к евро. Значит, недостача может вырасти еще больше.

Как только Люк оформит перевод, часы начнут тикать. Немка может позвонить в любую минуту, предупредив всего за два часа, что их с Кейтлин заберут и повезут в клинику. Она вполне логично объяснила, что невозможно предвидеть, когда произойдет несчастный случай, у жертвы которого окажется подходящая печень.

Линн огляделась. На рабочих столах появляются рождественские открытки, мишура, ветки падуба. Но поскольку в компании работает много мусульман, сотрудникам запрещено широко отмечать Рождество, чтобы не оскорбить людей другой веры. Значит, не будет ни украшений, ни официального праздничного обеда в офисе. В прошлом году у нее кровь вскипела от негодования, а сейчас все равно. В данный момент ее волнует только одно – время. Без пяти час. В час все отправятся на ленч по расписанию, как солдаты, включая коллег по бригаде. Самое главное – уйдут Кэти и Джим, которые сидят по обе стороны от нее и могут при желании слышать каждое ее слово, а также менеджер бригады Лив Томас.

На экране на стенке общий премиальный фонд увеличился нынче утром до 1450. Идет предрождественский бум, надо выкачать из клиентов деньги, пока они их не потратили на подарки и выпивку.

С большим усилием сосредоточившись на работе, но не надеясь на бонус на этой неделе, она набрала следующий номер в списке. Через несколько секунд ответил дрожащий женский голос.

– Миссис Холл?

– Кто это?

– Линн Беккет из «Динария». Мы вас просто предупреждаем, что в понедельник на этой неделе вы не внесли платеж.

– Да ведь сейчас Рождество… Надо сделать покупки. Что я детям скажу, как вы думаете? Что они в этом году не получат подарков, потому что я должна платить «Динарию»?

– Но ведь мы с вами договорились, миссис Холл.

– Ладно, тогда приходите сюда, черт возьми, и сами объясняйтесь с детьми!

Линн на секунду закрыла глаза, слыша сдавленный звук, словно женщина что-то проглотила. Сил нет с этим сейчас разбираться.

– Скажите, когда можно ждать возобновления выплат по плану?

– Это вы мне скажите. Расскажите о социальной программе жилищного строительства, о социальном обеспечении… Почему бы вам с ними не поговорить?

Женщина заплакала, слов понять невозможно.

– Я перезвоню завтра, миссис Холл.

Она разъединилась.

Сидевший справа от нее Джим сдернул наушники, резко выдохнул.

– Проклятье, – буркнул он. – Что сегодня творится с людьми?

Линн сочувственно улыбнулась ему. Он поднялся:

– Пойду. Полагаю, сегодня мне требуется жидкий ленч. Выпить не хочешь? Я угощаю.

– Извини, Джим, спасибо. Надо поработать.

– Дело твое.

Линн с облегчением увидела, как рыжеволосая сорокалетняя Кэти снимает наушники, берет сумочку.

– Ну, – сказала она, – ударим по магазинам!

– Желаю удачи, – ответила Линн.

Спустя несколько минут и начальница принялась натягивать пальто. Линн вытащила досье одного клиента, принялась набирать номер, дожидаясь, пока все трое покинут помещение. Как только они ушли, она сбросила наушники, вытащила из сумки мобильник, включила функцию «не показывать номер» и позвонила самому ненавистному клиенту.

– Алло? – раздался низкий елейный голос.

– Редж Окума?

– Представьтесь, пожалуйста.

Еле слышным шепотом она проговорила:

– Линн Беккет из «Динария».

Его тон мгновенно переменился:

– Линн, моя красавица! Звонишь сообщить, что мы теперь можем заняться любовью?

– Собственно, хочу сказать, что могла бы помочь вам. Мы делаем клиентам специальные рождественские предложения. Вы должны трем кредитным компаниям тридцать семь тысяч пятьсот фунтов плюс проценты, так?

– По вашим словам.

– Если выплатите сейчас пятнадцать тысяч наличными, мы готовы списать остаток долга и выдать вам с Нового года чистый лист.

– Правда? – недоверчиво переспросил он.

– Специальное предложение к Рождеству. Для нас важен годовой итог. Нам выгодно закрыть дела некоторых основных клиентов.

– Очень интересное предложение.

Известно – у него есть деньги. История его долгов тянется больше десятилетия. Он оперирует с наличными – фургоны с мороженым, уличные продуктовые ларьки, – потом покупает кредитные карты, максимально использует и заявляет, что у него нет денег, хотя на руках, по прикидкам, скорее всего, сотни тысяч наличными. Пятнадцать для него просто мелочь. И выгодная сделка.

– Вы мне вчера говорили, что вам отказывают в кредите на покупку машин для нового предприятия.

– Да.

– Тогда для вас это хороший выход.

Наступило долгое молчание.

– Мистер Окума, вы слушаете?

– Слушаю, моя красавица, люблю слушать твое дыхание. Помогает прояснить мысли и страшно возбуждает. Итак, если я найду… э-э-э… сумею найти эту сумму…

– Наличными.

– Обязательно наличными?

– Я вам оказываю большую услугу. Кладу голову под топор на колоду, чтобы вам помочь.

– Хочу вознаградить тебя, Линн. Может быть, в постели?

– Сначала покажите деньги.

– Пожалуй, такая сумма… возможна. М-м-м… да. Сколько даете времени?

– Двадцать четыре часа.

– Скоро перезвоню.

– Позвоните по этому номеру. – Линн продиктовала номер мобильника.

Разъединилась и задрожала.

80

Грейс ввел в ноутбук дату и время: 18:30, вторник 4 декабря. Взглянул на пространную повестку четырнадцатого инструктажа по операции «Нептун».

Гай Батчелор, Норман Поттинг и Гленн Брэнсон яростно спорили насчет сомнительного решения судьи на вчерашнем футбольном матче, которого Грейс, предпочитая регби, не видел.

– Ладно, – сказал он, подняв руку, – введем мяч в игру.

– Очень остроумно, – буркнул Гленн.

– Нарываешься на желтую карточку?

– Вряд ли ты ее мне предъявишь, услышав о результате. Фактически о двух результатах. Хочешь, чтобы я ввел мяч в игру?

– Надевай бутсы, – ухмыльнулся Грейс.

– Хорошо. – Гленн взял лист с заметками. – Во-первых, сегодня ребята из специальной поисковой бригады отправились сканировать район, где в последний раз была замечена «Скуби». Приблизительно на глубине в сто футов лежит нечто похожее по форме на лодку. Конечно, возможно, это старое затонувшее судно, но, если погода позволит, они завтра будут нырять и посмотрят.

– И ты с ними пойдешь, Гленн? – спросила инспектор Мантл.

– Э-э-э… – заколебался он. – Если б мог выбирать, не пошел бы.

– А по-моему, надо, – сказала она. – На случай, вдруг что-то найдут.

– Сильно им помогу, когда меня скрутит.

– Когда блюешь, обязательно ложись на живот или на бок, – посоветовал Норман Поттинг. – Тогда не захлебнешься.

– Очень ценный совет, Норман, спасибо. Запечатлею в памяти, – проворчал Гленн.

– Меня беспокоят только наши ресурсы, – вмешался в перепалку Грейс. – Есть ли какая-то связь между исчезновением «Скуби» и нашим расследованием, которая оправдала бы затрату средств и времени?

Гленн кивнул:

– Да. Я получил из лаборатории результаты анализа ДНК на окурках, которые нашел в Шорэмской гавани. Помните, я докладывал, что утром в прошлую пятницу видел, как кто-то внимательно следил за «Скуби»? Так вот: в национальной базе данных в Бирмингеме установлено полное сходство наших анализов с ДНК человека, недавно внесенного в нее по требованию Интерпола. Он выступает под двумя именами. Здесь его зовут Джо Бейкер, а в действительности Влад Космеску. Румын.

Грейс задумался. Джо Бейкер. Владелец черного «мерседеса», который он засек на ранней утренней пробежке. Совпадение или нечто большее?

– Вот что интересно, – вставила Белла Мой. – Второе имя как раз выскочило вчера вечером – это сутенер двух девушек, недавно прибывших из Румынии.

– Видно, важная персона, – заключил Грейс, вытаскивая из коричневого конверта документы. – Умельцы из нашего дактилоскопического отдела умудрились с помощью экспериментального оборудования снять четкий набор отпечатков с утопленного в море лодочного мотора, и сегодня они совпали с образцами из Европола. Кому принадлежат – угадайте!

– Нашему новому лучшему другу Владу Закалывателю? – предположил сержант Батчелор.

– Точно в яблочко, – подтвердил Грейс.

– Брать будем? – спросил Норман Поттинг. – Румыны отъявленные мошенники.

– Что еще за расистские штучки! – возмутилась Белла Мой.

– Кондовая правда.

– На каких основаниях ты собрался его арестовывать, Норман? – поинтересовался Грейс. – За курение? За выброшенный в море мотор? За то, что он румын?

Поттинг что-то неразборчиво пробормотал.

– На «Скуби» был подвесной мотор, Гленн? – спросила Эмма Джейн.

– Я не видел. Не было.

– Известно, где живет этот Бейкер-Космеску?

– Одно время он занимался борделями, – ответила Белла. – Легко узнать адрес.

– Хочешь, чтобы кто-нибудь с ним побеседовал, Рой? – спросила инспектор Мантл.

– Нет. Полагаю, мы просто его обозначим персоной, представляющей интерес. Не думаю, что надо с ним разговаривать на данной стадии. Если он в чем-то замешан, то насторожится. Может быть, установим слежку. – Грейс заглянул в заметки. – Хорошо, что с вещественными доказательствами?

– Два констебля обходят поставщиков полихлорвиниловой пленки в районе. Пока ничего, – доложил Дэвид Браун.

– Мы с Ником вчера побывали в двенадцати борделях, – продолжила Белла Мой, протягивая руку за конфетой.

– Ник, наверно, совсем вымотался, – вставил Норман Поттинг.

Николл вспыхнул. Грейс спрятал усмешку.

– Ну? – обратился он к Белле. – Что-нибудь узнали?

Поглядывая за подтверждением на Ника Николла, та ответила:

– Ничего, кроме Космеску. Никто из девушек не жаловался.

– Приятно слышать, что в наших борделях все счастливы, – саркастически прокомментировал Грейс.

– Сегодня продолжим, – добавила Белла.

– Что слышно от твоего человека в Румынии? – обратился Грейс к Поттингу.

– Час назад получил от него сообщение. Сегодня потянет за ниточку, завтра к утру наверняка будут новости.

Грейс сделал пометку.

– Хорошо. Спасибо. Как насчет больных, вычеркнутых из списков на трансплантацию?

– Я целый день возился, – сказал Поттинг. – Подозреваю, мы тут ничего не найдем. Во-первых, против нас клятва Гиппократа – добрая старая конфиденциальность сведений о пациентах. Во-вторых, система. Списки на трансплантацию заранее не готовятся и не представляются в окончательном виде. Я говорил с услужливым консультантом из Королевской больницы Южного Лондона – одного из главных центров пересадки печени. Он рассказал, что каждую неделю по средам в середине дня проводится совещание, на котором список пересматривается. Из-за острой нехватки доноров очередность меняется от недели к неделе, в зависимости от срочности. Нам надо проверить больницы во всем королевстве. За разрешением на получение информации о каждом пациенте придется обращаться в суд. В наших рядах нужен практикующий медик.

– Какой? – растерялся Грейс.

– Сговорчивый хирург, специалист по трансплантации, которому доверяют врачи, – пояснил Поттинг. – Который мог бы составить общую картину.

– Возможно, у меня есть кое-что интересное, – объявила Эмма Джейн. – Я искала в Сети недовольных: консультантов по трансплантации или хирургов, явно критикующих систему и публично высказывающих свои взгляды.

– В каком смысле «явно критикующих»? – уточнила инспектор Мантл.

– Например, тех, кто не считает неэтичным приобретение органов, – пояснила Эмма Джейн. – И нашла сэра Роджера Сириуса, за которым тянется много разных ниточек. – Она взглянула на поощрительно кивнувшего Грейса. – Сэр Роджер представляет большой

интерес. Учился у одного из пионеров пересадки печени в Соединенном Королевстве. Несколько лет был старшим консультантом в Королевской больнице Южного Лондона. Активно участвовал в кампании за поправки в закон о донорстве органов – выступал за отмену права на отказ, то есть за автоматическое изъятие органов после смерти. Кстати, такая система принята в Испании. Еще интересней, что он раньше срока ушел из больницы после скандала по этому поводу. Уехал за границу. – Эмма Джейн помолчала, сверилась с записями. – Он появлялся на некоторых сайтах, в том числе в Колумбии, которая активно занимается контрабандой человеческих органов. Видно, какое-то время работал в стране. Потом выскочил в Румынии.

– В Румынии? – переспросил Грейс.

Эмма Джейн кивнула и продолжила:

– Живет на широкую ногу. Летает в собственном вертолете, ездит в гоночных машинах, имеет огромный дом в Суссексе под Петуортом.

– В Суссексе? Интересно… – заметила инспектор Мантл.

– Четыре года назад прошел через скандальный и весьма дорогостоящий развод, теперь женат на бывшей «мисс Румыния». Пока все.

После долгого всеобщего молчания Грейс сказал:

– Хорошо поработала, Эмма Джейн. Думаю, надо к нему наведаться, поговорить.

Он на минуту задумался. Судя по собственному скудному опыту общения с именитыми врачами, он считал, что они склонны преувеличивать свое значение и отличаются снобизмом. Скорее всего, сэр Роджер Сириус почувствует себя комфортно с Гаем Батчелором, выпускником привилегированной частной школы.

– Это твоя сфера, Гай, – обратился он к сержанту, – отправляйся вместе с Эммой Джейн.

– Есть, шеф.

– Скажи, что мы расследуем дело о найденных в море телах и подозреваем связь с сетью нелегальных поставщиков органов, спроси, не поможет ли мудрым советом, где их искать. Польсти, сыграй на самолюбии и следи за ним, как ястреб. Посмотри на реакцию.

Он снова погрузился в заметки.

– Кто занимается телефонным номером, который я получил из Германии?

Аналитик Джеки Филлипс вскинула руку:

– Я. Нашла адрес в Патчеме и фамилию абонента. Выяснилась одна деталь, о которой я сообщила инспектору Мантл.

Лиззи Мантл перехватила инициативу:

– Владелица дома – миссис Линн Беккет. Джеки тонко подметила, что такую фамилию носит один из членов команды драги «Арко Ди», которая обнаружила первое тело. Мы с Ником тогда их опрашивали, поэтому сегодня отправились в гавань, где они разгружались. Получили подтверждение, что Линн Беккет – бывшая жена главного инженера Малькольма Беккета. Один из членов команды сообщил, что инженер Беккет сейчас в тяжелом состоянии из-за болезни дочери. В чем проблема, он точно не знает, но, кажется, заболевание печени.

– Печени? – повторил Грейс.

Лиззи кивнула.

– Еще что-нибудь выяснили?

Инспектор покачала головой:

– Нет. Малькольм Беккет был очень осторожен. На мой взгляд, даже слишком.

– Почему?

– Потому что, по-моему, что-то скрывает.

– Например?

– Постоянно твердил: дочь живет с бывшей женой, он ее редко видит, поэтому фактически не в курсе происходящего. Я не поверила – он же отец. Да и «глазной тест» суперинтендента Грейса он не прошел.

Грейс улыбнулся.

– Может, возьмем телефон на прослушивание? – предложил Дэвид Браун.

– Пока оснований для этого недостаточно, но достаточно для получения ордера на отслеживание звонков на тот номер.

– У Линн Беккет наверняка есть мобильник, – вставил Гай Батчелор.

– Да. Пусть кто-нибудь свяжется с телефонными компаниями и посмотрит, что у них зарегистрировано на эту фамилию и адрес. Завтра утром я лечу в Мюнхен, вечером вернусь, поэтому руководство пока принимает инспектор Мантл. Есть вопросы?

Вопросов не было. Когда все разошлись, Гленн Брэнсон спросил:

– Путешествие в Мюнхен связано с Сэнди, да?

– Нет, господи помилуй, – ответил Грейс. – У меня назначена встреча с брокершей органов. Я выступаю в роли клиента. Заодно приятель из управления криминальной полиции Баварии передаст мне несколько файлов – для сведения, а не для использования.

Гленн твердо посмотрел на него:

– Это точно единственная причина визита? Просто, знаешь… мы с тобой говорили немножко про Сэнди, а теперь ты летишь в город, где ее видели…

– Мои друзья обознались. Знаешь, что я действительно думаю?

– Нет. Ты мне никогда не рассказываешь, что действительно думаешь. Есть время выпить?

Грейс взглянул на часы:

– По правде сказать, надо успеть домой за вещами. Куда пойдем?

– Как обычно?

Он пожал плечами. «Черный лев» не относится к его любимым пабам в городе, где полным-полно потрясающих питейных заведений, но находится рядом, и там есть стоянка. Он снова посмотрел на часы:

– Встретимся там без четверти восемь. Только по одной.

Когда Грейс явился с десятиминутным опозданием против обещанного, его друг уже сидел за столиком в тихом уголке с пинтой пива и стаканом виски со льдом. В сторонке стоял кувшин с водой.

– «Гленфиддиш», – сказал он, указывая на виски.

– Молодец.

– Не пойму, за что ты эту дрянь любишь.

– А я не пойму, за что ты любишь «Гиннесс».

– Нет, я имею в виду, «Гленфиддиш» ведь не из самого чистого солода, правда?

– Угу, но я люблю его больше любой другой выпивки. Чего тут непонятного?

– Видел фильм «Море виски»?

– Про корабль с грузом виски, потерпевший крушение на шотландском побережье?

– Я потрясен. Ты меня действительно иногда изумляешь. Все-таки не полный невежда. Несмотря на дерьмовые вкусы в одежде и музыке.

– Ну и ладно. Не хочу быть слишком идеальным, – усмехнулся Грейс. – Ну как ты? Что там с миссис Брэнсон?

Гленн покачал головой:

– Давай лучше не будем об этом. Железнодорожная катастрофа, и все, будь я проклят. – Он хлебнул из кружки, вытер с губ пену. – Хочу послушать про тебя, про Мюнхен… про Сэнди.

Грейс взял стакан, повертел, звеня кубиками льда под лившуюся из динамиков песню Джонни Кэша «Огненное кольцо».

– Вот это настоящая музыка.

Гленн закатил глаза.

– Я думаю, Сэнди мертва… и давно. С моей стороны глупо было хранить надежду. Только потерял девять лет жизни. – Грейс передернул плечами. – Сколько медиумов повидал… Знаешь, многие говорили одно и то же: с ней невозможно связаться, значит, ее как бы нет в мире духов.

– Что это значит?

– По их представлениям, если ее нет в мире духов, то есть среди мертвых, значит, она жива. – Он еще выпил. Стакан на удивление быстро опустел. Он взмахнул им перед глазами друга. – Это что, двойная доза?

Гленн кивнул.

– Еще выпью – одинарную, не нарушив закона. Тебе полбутылки?

– Пинту. Я большой мальчик, могу принять больше, чем ты.

Грейс вернулся с новой выпивкой, сел, заметив, что в его отсутствие сержант докончил первую пинту.

– Значит, медиумам не веришь? – спросил Гленн. – Хоть всегда верил в парапсихологию.

– Не знаю, чему верить. В будущем году минет десять лет с ее исчезновения. Долгий срок. Либо она физически умерла, либо умерла для меня. Если десять лет живет, не пытаясь связаться, то и не объявится. – Он помолчал. – Не хочу потерять Клио, Гленн.

– Она тебе отлично подходит. Потрясающая женщина. Тут я с тобой согласен.

– Если не покончу с Сэнди, потеряю Клио. А я этого не допущу.

Гленн ласково ткнул кулаком друга в щеку:

– Впервые слышу от тебя такие слова.

Грейс кивнул:

– А я впервые испытываю такое чувство. Дал своей поверенной указание начать процесс официального признания смерти.

Гленн пристально посмотрел на него:

– Знаешь, приятель, важен не только судебный процесс, но и психологический, правда?

– Что ты имеешь в виду?

Гленн постучал себя по виску:

– Веру. Вот тут.

– Справлюсь, – заверил Грейс и криво усмехнулся. – Поверь мне. Я коп.

81

Доктор Росс Хантер сидел на краешке кровати Кейтлин, пока Линн внизу готовила ему чай. В комнате царил хаос, было душно, стоял густой запах пота. Доктор чувствовал исходивший от Кейтлин влажный жар, глядя сквозь очки в черепаховой оправе со стеклами-полумесяцами на ее желтое лицо и темные круги под глазами. Волосы всклокочены. Девочка полулежит на подушках, под покрывалом, в розовом халатике поверх ночной рубашки, с

болтающимися на шее наушниками. На столике рядом маленький белый плеер и книжка в бумажной обложке о жизни Майкла Джордана, рядом пушистые игрушечные медвежата.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Мне блеск прислали, – еле слышно пробормотала она.

Доктор нахмурился:

– Что?

– На Фейсбук[28] блеск прислали, – объяснила Кейтлин неразборчиво.

– Что это такое?

– Одна вещь из Фейсбука. Моя подруга Джемма прислала. А Митци выхода не дает.

– М-м-м… – Доктор был полностью сбит с толку.

– А Митч Саймонс – знаете? – прислал колеса, чтоб легче было передвигаться.

Доктор огляделся в поисках колес, осмотрел мишень для игры в дартс на стене, с которой свешивался фиолетовый удав, футляр для саксофона у стены, крошечную игрушечную лошадку на колесиках, бесприютно стоявшую среди разбросанной по ковру обуви.

– Вот эти? – уточнил он.

Кейтлин качнула головой:

– Нет, – и замахала рукой, как бы стараясь выманить из головы мысль. – Из Фейсбука. Для передвижения. Как бы виртуальные.

Глаза ее закрылись, словно она обессилела от разговора.

Доктор наклонился, открыл медицинский саквояж. Вернулась Линн с чаем и диетическим печеньем на тарелочке.

Доктор поблагодарил и снова обратился к Кейтлин:

– Я только измерю давление и температуру, хорошо?

Она кивнула, не открывая глаз, и прошептала:

– Как скажете.

Через десять минут доктор спустился вниз вместе с Линн. Они зашли на кухню, сели за стол. Доктор еще не успел открыть рот, а Линн уже знала, что он скажет, потому что его лицо было очень встревоженным.

– Положение тяжелое…

Чувствуя подступившие слезы, она испытывала отчаянное искушение открыться ему, рассказать обо всем. Но реакцию предсказать невозможно. Росс Хантер честен и не одобрит ее, даже если верит в правильность принятого решения. Поэтому она только угрюмо кивнула и выдохнула с тяжелым сердцем:

– Да. Знаю.

– Надо вернуть ее в больницу. Позвонить в скорую?

– Росс… – запнулась Линн, – послушайте… я… – Затрясла головой, закрыла лицо руками, изо всех сил стараясь разумно мыслить. – Боже мой, я теряю рассудок.

– Линн, – мягко сказал он, – понимаю, вы думаете, будто можете за ней дома ухаживать, но данная ситуация не только опасна для жизни, бедная девочка сильно страдает. У нее все тело сплошная рана. Температура высокая. Ухудшение состояния после нашей последней встречи катастрофическое. Если хотите услышать правду – она здесь не выживет. Я говорил о ней с доктором Грэнджером. Единственный вариант – трансплантация, причем срочная, пока она не слишком ослабла.

– Хотите вернуть ее в Королевскую больницу?

– Немедленно. Нынче же вечером.

– Вы там когда-нибудь были, Росс?

– Несколько лет уже не был.

– Это не больница, а полный кошмар. Персонал не виноват. Там есть очень хорошие люди. Дело в системе. В системе национального здравоохранения. В государстве, в правительстве. Вам легко говорить о госпитализации, но на самом деле это значит сунуть ее в общую палату со слабоумными стариками, с боем добывать каталку… Вечером в половине девятого меня от нее выгоняют…

– Линн, детей не кладут в одну палату с взрослыми!

– Кладут, когда все кругом переполнено.

– Мы обязательно постараемся, чтобы такого больше не случилось.

– Росс, я адски боюсь за нее.

– Теперь она быстро получит трансплантат.

– Вы уверены? Действительно уверены? Знаете, как система работает?

– Доктор Грэнджер позаботится.

Линн тряхнула головой:

– Знаю, у доктора Грэнджера благие намерения, но он не лучше вас знает, как обойти проклятую систему. Раз в неделю по средам они встречаются и решают, кому на этой неделе будет сделана пересадка – при условии, что найдется подходящая печень. Сегодня четверг, значит, нам дадут зеленый свет не раньше будущей среды. Почти целая неделя. Проживет она еще неделю?

– Дома не проживет, – упрямо ответил доктор.

Линн стиснула его руку и выкрикнула:

– Росс, поверьте, здесь у нее больше шансов. Она выживет. Только ни о чем не спрашивайте. Пожалуйста, не спрашивайте, черт побери! – Из ее глаз градом лились слезы.

– Что вы имеете в виду?

Она помолчала, а потом сказала:

– Я привезу ее в больницу в тот самый момент, когда для нее будет печень. До тех пор она останется дома. Вот что я имею в виду. Ясно?

– Сделаю все возможное, – заверил Росс Хантер. – Обещаю.

– Знаю, сделаете. Просто поймите, что я мать и *сама* делаю все возможное.

82

Шел крупный снег. Йен Тиллинг поставил свой помятый «опель-кадетт» на пустом месте на улице в паре сотен ярдов от центрального входа в Северный вокзал. Когда выключил зажигание, мотор, как всегда, закашлял и лишь через несколько секунд смолк.

Он, Андреа и Илеана вылезли из машины. Ему нравится Илеана, преданная своему делу, полностью посвятившая себя помощи бухарестским бездомным. Личико хорошенькое, несмотря на хищный орлиный нос, но как бы специально для острастки поклонников волосы беспощадно закручены в старушечий пучок, глаза спрятаны за некрасивыми очками, одежда не столько женская, сколько функциональная.

Йен не раз воображал, как потрясающе она выглядела бы с макияжем. Забавно, с какой настойчивостью сластолюбивый комиссар Раду Константинеску пытается пригласить ее выпить и с какой прямотой она его всякий раз отшивает.

По этой улице порой шляются проститутки, а нынче ни одной. Здесь они надеялись найти девушку по имени Ралука. Поднявшись по лестнице, они вошли в сумрачное, похожее на пещеру здание главного бухарестского вокзала. Йен заметил слева кучку уличных

ребятишек. В сотнях ярдов дальше в слабом натриевом свете верхних ламп стоят полицейские, курят, шутят.

– Вон приятели Ралуки, – тихо сказала Илеана.

– Хорошо. Давайте им что-нибудь купим.

Йен вместе с девушками двинулся через пустой вестибюль мимо закрытого кафе «Метрополь», мимо бородатого старика в вязаной шапке, в лохмотьях, в резиновых сапогах, допивавшего бутылку спиртного. Этот старик, сколько помнится Йену, сидит на полу, прислонившись к стене, на одном и том же месте, в одной и той же одежде. Он шагнул к нему, бросил бумажку в пять леев на рассыпанную кучку мелочи и был вознагражден радостной улыбкой на морщинистом лице.

В гулкой тишине прогрохотали вагонные колеса, постепенно набирающие скорость. Взгляд автоматически метнулся к табло. Кондитерский киоск закрывается на ночь. Йен с трудом уговорил кислого владельца продать им шоколадных батончиков, печенья, чипсов и безалкогольных напитков.

Некоторые бродяжки ему знакомы. Высокий тощий парень лет девятнадцати по имени Тавиан, в голубой вязаной шапке с ушами, военной камуфляжной куртке поверх серой нейлоновой ветровки и прочих одежек, держит на руках спящего младенца, завернутого в вельветовую спортивную куртку и одеяло. Тавиан всегда улыбается, то ли по доброте душевной, то ли под действием «Ауролака». Тиллинг все-таки подозревает последнее.

– А у меня для вас подарки! – сказал он по-румынски, протягивая пластиковые пакеты.

Уличная компания дружно в них вцепилась, заглядывая внутрь, расхватывая содержимое. Спасибо никто не сказал. Илеана обратилась к девушке неопределенного возраста в яркой розовой куртке, блестящих зеленых штанах, с шарфом на шее:

– Стефания, как поживаешь?

– Не очень-то хорошо, – ответила та, разрывая пакетик с чипсами. – Погода поганая, правда? Время плохое. Ни у кого нет денег для нищих. Где туристы? Скоро ведь Рождество! Ни у кого нет денег.

Высокий угрюмый юнец с усиками, в вязаной шапке с вышивкой, черной овчинной куртке и грязных джинсах начал жаловаться на зверства индюков – полицейских:

– Никак в покое нас не оставят!

– Я Ралуку ищу, – сказала Илеана. – Никто ее сегодня не видел?

Компания переглянулась. Хотя было ясно, что все знают Ралуку, каждый покачал головой.

– Нет, – ответила Стефания. – У нас такой нет.

– Да брось, она была с вами на прошлой неделе. И я с ней при вас разговаривала, – напомнила Илеана.

– Что она такого сделала? – спросила другая девушка.

– Ничего, – заверила Илеана. – Нам нужна ее помощь. Многим из вас грозит серьезная опасность. Хотим кое о чем предупредить.

– О чем же это? Мы всегда в опасности. До нас никому дела нет, – сказал угрюмый парень с усиками.

– Кому-нибудь из вас предлагали работу за границей? – спросил Йен Тиллинг.

Парень расплылся в ухмылке.

– Да ведь мы еще тут, правда? – Он отломил кусок шоколадки, запихнул в рот. – Думаете, остались бы, если б могли уехать?

– Кто это? – Одна из бродяжек подозрительно указала на Йена.

– Наш добрый друг, – ответила Илеана.

Андреа вытащила из кармана фотографии мертвых подростков из Брайтона.

– Посмотрите, пожалуйста, не знаете ли кого из них, – попросила она. – Это очень важно.

Компания пустила снимки по Кругу. Взгляд одних был внимательным, других безразличным. Стефания указала на мертвую девочку:

– Может, это Богдана?

Другая девушка взяла снимок, пристально изучила:

– Нет. Богдану я знаю. Мы год вместе в лачуге прожили. Это не она.

Фотографии вернулись к Илеане.

– Кто-нибудь знает парня по имени Рарес? – спросил Йен Тиллинг, предъявив ребятам снимок татуировки.

Все снова затрясли головой.

Стефания посмотрела через его плечо. Тиллинг оглянулся и увидел девушку лет пятнадцати с заколотыми на макушке длинными темными волосами, в кожаной куртке, кожаной мини-юбке, начищенных черных сапогах до колена. Вид у нее был разъяренный. Йен заметил подбитый глаз и царапину на щеке.

– Ралука! – окликнула ее Илеана.

– Хрен моржовый! – сердито бросила девушка, обращаясь ко всем вместе и ни к кому в отдельности. – Знаете, чего он от меня хотел в грузовике? Не скажу. Послала его к черту, а он меня ударил и вышвырнул на дорогу!

Илеана шагнула к ней, обняла, отвела в сторону, чтобы никто их не слышал. Осмотрела глаз и царапину, спросила, не хочет ли она поехать в больницу. Ралука поспешно отказалась.

– Мне нужна помощь, – сказала Илеана.

Ралука пожала плечами.

– Помощь? А мне кто помог?! – гневно выкрикнула она.

– Пожалуйста, послушай минутку, – уговаривала ее Илеана. – Ты мне пару недель назад рассказывала, что слышала про какую-то женщину, которая предлагает ребятам работу и жилье за рубежом. Так?

Ралука вновь пожала плечами, потом подтвердила.

Илеана показала фотографии.

– Кого-нибудь узнаешь?

Ралука ткнула пальцем:

– Вот этого… видела, а как зовут, не знаю.

– Это очень важно, уверяю тебя. На прошлой неделе этих ребят нашли убитыми в Англии. У них изъяты органы. Ты должна рассказать мне все, что тебе известно о женщине, которая предлагает работу.

Ралука побелела.

– Я ее не знаю… но… – Она вдруг страшно испугалась. – Знаете Симону и ее дружка Ромео?

– Нет.

– Я ее видела пару дней назад. Она была такая счастливая. Рассказывала о женщине, которая предлагает ей работу в Англии. Собиралась ехать, прошла медицинский осмотр… – Ралука умолкла. – Ох, черт… Есть сигарета?

Илеана дала ей сигарету, вытащила зажигалку, сама закурила.

Ралука затянулась, резко выдохнула дым.

– Зачем ей медицинский осмотр?

– Та женщина сказала, что надо проверить здоровье. Для оформления проездных документов…

– Где найти Симону?

– Она живет с Ромео и дружками под дорогой у трубы отопления.

– Где именно?

– Я точно не знаю. Только район.

– Ее необходимо найти, – твердо заявила Илеана. – Пойдешь с нами?

– Некогда. Деньги нужны на лекарство.

– Мы дадим тебе денег. Столько, сколько ты сегодня могла бы заработать. Идет?

Через минуту они торопливо шагали к машине Йена Тиллинга.

83

Аэробус шел на посадку. Зажглось табло «Пристегнуть ремни». Грейс убедился, что спинка кресла поднята, хотя не прикоснулся к ней за все время полета, сосредоточившись на подготовленных для него аналитиками материалах о печеночной недостаточности и планируя разговор с поставляющей органы немкой. Встреча назначена на утро.

Рейс задержался на двадцать пять минут из-за диспетчерских неувязок на взлете, что сократило драгоценное время визита в Германию. Сидя у окна, Грейс вглядывался вниз. Заснеженный пейзаж выглядит совсем иначе, чем в прошлый раз, летом. Тогда он видел разноцветные пятна фермерских полей, а сегодня лишь бесконечную белую ширь. Наверное, недавно был сильный снегопад – все деревья засыпаны. Земля приближалась, постройки вырастали с каждой секундой. Уже явственно различимы дома с заснеженными крышами, жидкие рощицы, маленький город в ослепительно-ярком солнечном свете. Грейс на миг пожалел, что не захватил темные очки.

Поразительно, как быстро все изменилось. Несколько месяцев назад он летел в Мюнхен с надеждой найти, наконец, Сэнди, которую близкие друзья якобы видели в парке. Они были абсолютно уверены, что это она. Теперь эти переживания испарились, исчезли. Можно честно признаться себе – больше он к ней никаких чувств не питает. Впервые за последние недели понял, что делает последние шаги, избавляясь от навязчивых воспоминаний о ней. Словно выходит из тьмы на свет.

Его вдруг кольнуло мрачное предчувствие. Впервые за долгое-долгое время он действительно знает, зачем жить. Для возлюбленной Клио. Невозможно сильнее любить человеческое существо. Она с ним каждую секунду – в сердце, в душе, в коже, в костях, в крови. Мысль о том, что с ней может что-то случиться, невыносима. Вдобавок он впервые беспокоится о собственной безопасности. Боится, как бы что-нибудь не помешало им быть вместе, когда они так неожиданно нашли друг друга.

Скажем, крушение самолета, которое отправит его в небытие.

Никогда прежде не боялся летать, а сегодня смотрит на близящуюся землю и вспоминает возможные беды. Сломается шасси. Самолет не попадет на полосу. Съедет с полосы. Столкнется с другим самолетом. В двигатель попадет птица. Откажет мотор… Грейс почти не почувствовал касания. Безупречно совершив посадку, самолет без заминки превратился в такси. Взревел двигатель, его бросило вперед, ремни врезались в тело. Мягкий, дружелюбный гортанный голос стюардессы по интеркому приветствовал пассажиров в международном аэропорту имени Франца Иозефа Штрауса.

Из такси вышла женщина в дорогих модных темных очках, защищавших глаза от ослепительной зимней белизны. Расплатилась с водителем, оставила скромные чаевые и потащила за собой саквояж на колесиках к залу вылета в купольном терминале.

Привлекательная женщина лет тридцати пяти, в роскошном теплом длинном пальто из верблюжьей шерсти, в кашемировой шали, кожаных перчатках и замшевых сапогах. Долго красила волосы в темный цвет, коротко стригла, а в последнее время перестала краситься, и они вернулись к естественному светло-русому оттенку. В одном журнале утверждалось, что женщины в поисках нового мужчины часто перекрашивают волосы. Так и есть в ее случае.

Она пересекла секцию «Люфтганзы», встала в очередь пассажиров экономкласса до Парижа, где в последний раз была пятнадцать лет назад, в прошлой жизни. Служащая за стойкой задала обычные вопросы: сама ли пассажирка упаковывала багаж, не оставляла ли без присмотра? Потом вернула паспорт, билет и дисконтную карточку постоянной клиентки.

– Ich wünsche Ihren ein guten Flug, Frau Lohmann.[29]

– Danke.[30]

Теперь она идеально говорит по-немецки. На это ушло время. Ее справедливо предупреждали, что язык трудный для изучения. Следуя указателям, повезла багаж к выходу на посадку, зная по многократному опыту, что в этом аэровокзале путь к нему долгий.

На эскалаторе у нее зазвонил телефон, она вытащила его из сумочки.

– Ja, hallo?[31]

Голос не разобрать сквозь треск. Это ее коллега Ганс-Юрген Вальдингер звонит из своего «мини-купера». Едва слышно. Сойдя с эскалатора, подтащив саквояж, она повысила голос:

– Hallo?

В трубке молчание. Она прошла немного вперед, глядя на указатель к выходу в зоне G, и ступила на движущуюся дорожку. Телефон опять зазвонил.

Ганс-Юрген сквозь треск еле слышно кричал:

– Сэнди? Сэнди!..

– Ja, Hans![32] – ответила она и сошла с дорожки.

В восьми сотнях ярдов правее, в секторе для прибывающих в зоне G Рой Грейс, крепко держа пухлый портфель и шагая в противоположном направлении, зашел на параллельную дорожку.

84

К облегчению Гленна, море было спокойное, по крайней мере, насколько возможно для Ла-Манша, хотя катер все равно сильно прыгал на невысокой ряби. Ну, пока ничего. Съеденные по рекомендации Беллы на завтрак два вареных яйца с сухим тостом спокойно удерживались в пищеварительной системе, не добавляя судну лишних красок; приступов головокружения пока не наблюдалось, в отличие от предыдущего плавания.

День холодный, но великолепный: стальное голубоватое небо, бутылочно-зеленое море. Чайка низко кружит над головой, надеясь что-нибудь украсть. Гленн вдыхал густой запах соли, смолы, к которому время от времени примешивались выхлопные газы; увидел проплывшую мимо медузу размером с тракторное колесо и сильно обрадовался, что, в отличие от членов команды, не обязан нырять в воду. Он никогда не испытывал желания прыгнуть с аэроплана или исследовать дно океана. Давно и решительно признал себя земным человеком.

Катер, уходивший в море точно по курсу, рассчитанному Гленном вместе с Реем Паккардом, приближался к крошечному красному пятнышку вдалеке. Когда оно сфокусировалось, обрело резкость, то оказалось треугольником из пляшущих на волнах

розовых сигнальных буйков, поставленных накануне вечером членами специальной поисковой бригады.

Стоявший за штурвалом констебль Стив Харгрейв – Гонзо – сбавил обороты, скорость упала с восемнадцати узлов до пяти. Гленн успел ухватиться за поручни – при торможении его резко швырнуло вперед. Тридцатипятифутовый катер «Сансикер» гораздо современнее и больше «Скуби». Его спешно арендовали у хозяина местного ночного клуба, поэтому тут был соответствующий салон для выпивки с плотной мягкой обивкой на стенах, кожаными креслами и стойкой, закрытый мостик и роскошный бар, которым никто из присутствующих на борту не воспользовался, разве что сложили там кое-какое оборудование.

Арф в бригадной униформе – черной бейсболке с надписью «Полиция», красной ветровке, черных штанах и черных резиновых сапогах – заговорил в микрофон береговой связи:

– Суспол с борта в море вызывает береговую охрану.

Послышался трескучий ответ:

– Береговая охрана слушает. Канал шестьдесят семь. Прием.

– Говорит Суспол, – повторил Арф. – На борту десять душ. Находимся в тринадцати морских милях юго-восточнее Шорэмской гавани. – Он продиктовал координаты. – Подошли к участку, готовы начать.

Голос протрещал:

– Суспол, сколько у вас ныряльщиков и сколько в воде?

– Семь на борту, идут двое.

Гленн взглянул на экран, где слева значилось: 98 футов, 09:52, 3,2 м/ч.

– Смотри, Гленн, мы как раз над тем местом. – Таня указала на нечто вроде черной прямой асфальтовой дорожки, разделенной белой полосой, которая тянулась по центру экрана. С обеих сторон от нее расстилался голубоватый лунный ландшафт. – Вот! – взволнованно воскликнула она.

Слева от черной полосы возникла четкая тень в форме лодки примерно в полдюйма длиной.

– Думаешь, это она? «Скуби»? – спросил Гленн.

– Есть только один способ выяснить, – сказал Арф. – С нами пойдешь?

Мимо проплыло что-то аморфное, плотное. Гленн не сразу понял, очередная медуза или пластиковый мешок.

– Нет, лучше на борту останусь, присмотрю за пиратами. Но все равно спасибо.

Арф махнул рукой на море:

– Если вдруг передумаешь, места много.

85

– Мне кто-то рассказывал, что твой отец играл в теннис за Суссекс. Правда, Эмма Джейн? – спросил Гай Батчелор. – Я сам немножко играю… играл… да только не на том уровне. Как его зовут?

– Найджел. Играл за юниоров – младше шестнадцати, – но серьезно давно уже не занимается. Наверно, пьет нынче за Суссекс. Или, скорее, болтает. – Эмма Джейн усмехнулась.

– Талант языком трепать?

– И так можно сказать.

Они направлялись к западу от деревушки Сторрингтон. Слева тянулись пологие холмы Южного Даунса. Эмма Джейн заглянула в расстеленную на коленях карту:

– Кажется, следующий поворот направо.

Свернули на узкую проселочную дорогу чуть шире машины, заросшую по сторонам высоким кустарником. Через четверть мили Эмма Джейн велела повернуть налево в колею, которая была еще уже. Пожалуй, полицейские машины последние на планете не имеют спутникового навигатора, больше всех в нем нуждаясь, размышлял Батчелор. Он уж было собрался поделиться наблюдением с Эммой Джейн, как вдруг с треском ожило радио. Это была просьба о помощи из другой части графства, далеко от них расположенной.

– Дом слева должен стоять, – сказала Эмма Джейн.

Батчелор притормозил голубой «мондео» без опознавательных знаков, и через пару минут они увидели впечатляющие кованые двустворчатые ворота с пилонами, увенчанными каменными шарами. На черной табличке золотыми буквами написано: «Тейкем-Парк». Остановились под циклопическим глазом высоко вмонтированной камеры наблюдения, надпись под которой предлагала: «Улыбнитесь, вы в кадре». Эмма Джейн вышла, нажала кнопку домофона, услышала трескучий женский голос с сильным акцентом:

– Слушаю?

– Детективы, сержант Батчелор и констебль Бутвуд, – представилась она. – У нас назначена встреча с сэром Роджером Сириусом.

В домофоне раздался громкий щелчок, ворота начали открываться. Эмма Джейн снова села в машину, которая двинулась по обсаженной с обеих сторон большими деревьями асфальтированной дорожке, тянувшейся почти полмили. В конце ее взгляду открывался гигантский особняк в якобитском стиле, перед которым был газон и пруд с лилиями.

У дома стояли машины, среди которых Гай заметил черный «астон-мартин». Справа на большой бетонной площадке среди подстриженного газона находился синий вертолет.

– Кажется, в медицине есть деньги, – прокомментировал Батчелор.

– Если выбрал правильную область, – добавила Эмма Джейн.

– Или *неправильную,* – подытожил Гай.

Эмма Джейн даже не трудилась пересчитывать окна. Спален двадцать-тридцать, если не больше. Грандиозный масштаб.

– По-моему, это мы выбрали неправильную область, – заключила она.

Батчелор медленно объехал вокруг пруда и остановился напротив впечатляющего парадного.

– Смотря чего хочешь от жизни. И в зависимости от твоего морального кодекса.

– Пожалуй.

– Встречала когда-нибудь Джека Скеррита?

– Видела мельком несколько раз.

Главный суперинтендент Джек Скеррит – шеф уголовной полиции, самый старший детектив в Суссексе. И самый уважаемый.

– Я с ним пару лет назад выпивал в одном брайтонском баре, – сказал Гай Батчелор, – когда он начальствовал в Брайтоне и Хоуве. Обсуждали заработки копов. Джек сообщил, что получает в год семьдесят три тысячи фунтов плюс еще пару кусков на содержание. Говорит, вроде, кажется, много, но меньше директора школы, хотя несешь ответственность за весь город. Потом добавил то, чего я никогда не забуду.

Эмма Джейн вопросительно посмотрела на Батчелора.

– «На этой работе богатство идет изнутри».

– Красиво.

– И верно. Я, делая свое дело, каждый день чувствую себя миллионером. Никогда не хотел быть кем-нибудь другим, кроме копа.

Они вышли из машины, позвонили у входа.

Через секунду гигантская дверь открылась. На пороге стоял неприметный хлипкий человечек лет семидесяти. Аккуратная фигурка, приветливое птичье личико с маленьким крючковатым носом и внимательными широкими голубыми глазами, полными любопытства. Седые редеющие волосы аккуратно причесаны, одет в бежевый пиджак поверх полосатой хлопчатобумажной рубашки с галстуком, вельветовые брюки цвета ржавчины, как бы предназначенные для работы в саду, на ногах черные кожаные шлепанцы. Единственный внешний намек на богатство – легкий, но заметный загар.

– Здравствуйте! – весело сказал человечек звонким стеклянным голосом из фильмов 1950-х годов.

– Сэр Роджер Сириус? – уточнил Батчелор.

– Он самый. – Старичок протянул тонкую волосатую руку с длинными ухоженными ногтями.

Детективы обменялись с ним рукопожатиями, Батчелор предъявил удостоверение. Сириус едва взглянул на корочку и отступил в сторону, театрально взмахнув рукой:

– Проходите, пожалуйста. Жажду узнать, чем могу быть полезен. Вы, ребята, меня восхищаете. Читаю детективы. Обожаю сериал «Чисто английское убийство». Видели?

Детективы покачали головой.

– Всегда любил Морса. Джон Ханна в «Ребусе» не особенно нравится, а Стотт гораздо лучше. Видели?

– У нас не так много свободного времени, сэр, – объяснил Батчелор.

Они проследовали за именитым хирургом через огромный холл с дубовыми стенными панелями, заставленный великолепной антикварной мебелью и сверкающими доспехами. На стенах старые мечи, огнестрельное оружие, картины маслом – портреты и пейзажи.

Вошли в роскошный кабинет, тоже обшитый дубом, увешанный дипломами, свидетельствующими о квалификации хозяина. Кругом фотографии в рамках, на которых Сириус снят с известными личностями. На одной – рядом с королевой. На другой – на торжественном приеме с принцессой Дианой. На прочих – с сэром Ричардом Брэнсоном, Биллом Клинтоном, Франсуа Миттераном, футболистом Джорджем Бестом. Батчелор рассматривал ее с особым интересом – известно, что Бесту была частным образом пересажена печень.

Детективы уселись на мягкий красный кожаный диван, и красотка с угольно-черными волосами, которую Сириус представил как свою жену, принесла кофе. Хозяин ненадолго отвлекся на запищавший «блэкберри», и Батчелор с Эммой Джейн переглянулись, воспользовавшись моментом. Хирург явно непростая личность. При скромной внешности и манерах колоссальное самолюбие и большой вкус во всем, в том числе в выборе женщин.

– Итак, чем могу помочь? – спросил Сириус, когда жена вышла из комнаты, и уселся в кресло напротив визитеров.

Батчелору вдруг страшно захотелось курить, но, судя по свежему воздуху в комнате и полному отсутствию пепельниц, никаких шансов выкурить сигарету не было. Потом можно будет украдкой курнуть, к чему он уже привык в последнее время. Внимательно глядя в глаза врача, он сказал:

– У вас очень красивый дом, сэр Роджер. Давно здесь живете?

Хирург на секунду задумался.

– Двадцать семь лет. Покупал руины. Моей первой жене дом никогда не нравился. А наша дочь его очень любила. – Глаза его затуманились. – Страшно жаль, что она его так и не видела завершенным.

– Сочувствую, – вставила Эмма Джейн.

Сириус пожал плечами:

– С тех пор минуло много времени.

– Пресса часто цитирует ваши высказывания относительно системы донорства органов в Соединенном Королевстве, – продолжал Батчелор, по-прежнему пристально глядя на хирурга.

– Да, – подтвердил тот с энергичным кивком, вдохновленный излюбленной темой. – Конечно!

– Мы подумали, что вы можете нам помочь.

– Сделаю все, что в моих силах. – Он с улыбкой наклонился к гостям и стал еще больше похож на птицу.

– Правда ли, – спросила Эмма Джейн, – что около тридцати процентов пациентов, ожидающих в Соединенном Королевстве пересадки печени, умирают, так и не дождавшись?

– Где вы взяли эту цифру? – нахмурился Сириус.

– У вас, сэр Роджер. Так вы писали в статье в «Ланцете» в девяносто восьмом году.

Сириус снова нахмурился и воинственно заявил:

– Я много чего писал. Всего не упомнишь. Тем более в моем возрасте! Последняя официальная оценка, которую я слышал, – девятнадцать процентов. – Он потянулся за серебряным молочником. – Кто-нибудь еще пьет с молоком?

«Всего не упомнишь… Тем более в моем возрасте… Однако у тебя до сих пор есть лицензия на частный вертолет, значит, память не совсем дерьмовая», – подумал Гай Батчелор.

Когда сэр Роджер поставил перед ними чашки с кофе, Эмма Джейн снова спросила:

– Помните статью, которую вы написали для «Нейчер», критикуя систему донорства органов в Соединенном Королевстве?

Сириус поморщился:

– Я уже сказал, что писал очень много.

– И работали во многих местах, сэр Роджер? – поднажала Эмма Джейн. – Включая Колумбию и Румынию?

– Господи боже мой! – воскликнул хирург, кажется, с неподдельным волнением. – Вы, ребята, действительно меня по косточкам разобрали!

Батчелор пододвинул к нему через стол фотографии мертвых подростков:

– Скажите, пожалуйста, сэр, не видели вы кого-то из них?

Сириус долго разглядывал каждый снимок. Батчелор не спускал с него глаз.

– Никогда.

– Вы по чистой случайности решили поработать в тех странах? Дело в том, что они стоят на первых местах в списке стран, вовлеченных в контрабандную перевозку людей для трансплантации органов.

Сириус как следует подумал, прежде чем ответить.

– Понятно, вы оба хорошо подготовились к разговору со мной, но скажите мне вот что. Известно ли вам, что моя любимая дочь Кэти умерла чуть больше десяти лет назад в двадцать три года от печеночной недостаточности?

Батчелор с удивлением оглянулся на Эмму Джейн, которая явно также впервые об этом слышала. Она тоже была поражена.

– Нет, – пробормотал Гай. – Простите, мы этого не знали.

Сириус угрюмо кивнул:

– Откуда вам знать. К несчастью, она попала в те самые тридцать процентов. Понимаете, даже я не смог обойти донорскую систему, принятую в стране. Наши законы чрезвычайно жесткие.

– Сэр Роджер, – сказала Эмма Джейн, – мы приехали к вам потому, что есть основания подозревать некоторых представителей медицинской профессии в нарушении этих законов ради обеспечения пациентов необходимыми органами.

– Думаете, я помогу вам их выявить?

– Надеемся, – подтвердила она.

Хирург горько усмехнулся:

– Чего только не прочитаешь в Интернете насчет этой проблемы. Но я не верю досужим вымыслам. За каждый донорский орган, предназначенный для трансплантации, отвечает компетентная национальная организация. Ни одна больница в королевстве не получит и не пересадит орган, минуя систему. Это абсолютно невозможно.

– Но не в Колумбии и не в Румынии? – продолжал Гай Батчелор.

– Правда. Еще в Китае, на Тайване, в Индии… Если у вас есть наличные и вы готовы рискнуть, можно поехать в любую из этих стран и получить трансплантат.

– Значит, – не отступал Батчелор, – вы не верите, что кто-то здесь, в Англии, нелегально занимается такими делами?

Сэр Роджер взорвался:

– Послушайте, дело не только в том, чтобы изъять орган у донора и вшить реципиенту. Для этого требуется большая команда: как минимум три хирурга, два анестезиолога, три операционных медсестры, врачи интенсивной терапии, многочисленный специализированный вспомогательный персонал… Все должны иметь медицинское образование, опыт, знать условия и этические законы страны. Пятнадцать-двадцать человек. Разве можно рассчитывать, что никто из них не проболтается? Нонсенс!

– По нашему мнению, в Англии имеется клиника, где проводятся нелегальные операции, – настаивал Батчелор.

Сириус возмутился:

– Знаете, мне даже хотелось бы этого. Возможно, кто-то не против подорвать существующую систему. Но ваши предположения попросту невероятны. Кроме того, зачем рисковать, делая здесь нелегальные операции, когда за границей это можно делать законно?

– Если позволите задать щекотливый вопрос, – продолжал Батчелор, – почему вы с вашим опытом не увезли дочь за границу для трансплантации?

– Увез, – сказал хирург, помедлив, и закончил с неожиданной яростью: – Увез в больницу в Боготе, в грязную поганую дыру. Бедная девочка умерла от инфекции, которую там подхватила. – Он пронзил детективов взглядом. – Ясно?!

Через полчаса, уже в машине на обратном пути к Брайтону, Эмма Джейн прервала молчание, длившееся с момента прощания с сэром Роджером Сириусом.

– Он мне понравился, – сказала она. – Жалко его.

– Правда?

– Правда. Бедняга. Какая ирония судьбы – у лучшего в стране специалиста по пересадке печени умирает дочь от печеночной недостаточности!

– Страшное дело, – согласился Батчелор.

– Ужас.

– Но это и дает мотив.

– Изменить систему?

– Или обойти.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что следил за глазами, – объяснил Батчелор. – Рассмотрев фотографии, он сказал, что никого не видел. Так?

– Так.

– И соврал.

86

Случайный, а порой и не совсем случайный наблюдатель способен мгновенно распознать некоторых людей. По брутальной стрижке, накачанной мускулатуре, плохо сидящей одежде, рубленой походке безошибочно узнают копов или военных в штатском. Но, несмотря на короткую стрижку и перебитый нос, Рой Грейс отличался обходительностью, которая едва ли вяжется с его профессией. Одетый в приличное пальто, синий костюм с белой рубашкой и скромным галстуком, с пухлым портфелем в руках, он сошел бы за служащего или программиста в деловой поездке, за чиновника Евросоюза, врача, инженера, приехавшего на конференцию.

Шагая по движущейся дорожке, Грейс глубоко погрузился в раздумья. Он почему-то нервничал, хотя, казалось бы, для этого не было причин. Старый друг, комиссар уголовной полиции Марсель Куллен встретит его в аэропорту и подвезет прямо к офису поставщицы органов, куда он пойдет уже один. Если быть внимательным, не проколоться, все будет хорошо. Быстрая искусная беседа, и назад в Англию.

Но в животе порхают бесчисленные бабочки. Подобное нервное возбуждение Грейс всегда чувствовал, собираясь на свидание, а почему оно возникло теперь – непонятно. Может быть, подсознание напоминает о надеждах, возлагавшихся на прошлую поездку в Мюнхен. Или это просто усталость? Плохо спал несколько ночей подряд. Во время расследования убийства никогда не удается как следует выспаться. Вдобавок страшно хочется произвести впечатление на нового главного констебля.

Взглянув на часы, он ускорил шаг по движущейся ленте, обогнал нескольких человек, потом путь преградила усталая раздраженная мать с коляской и четверыми маленькими детьми. Дорожка заканчивалась, поэтому он пару минут обождал и обошел семейство. Миновал стоявшую справа на подиуме темно-красную «ауди-ТТ», окруженную табличками на немецком языке. Прочесть их он не мог, но предположил, что автомобиль выставлен в качестве приза. Хорошо бы выиграть машину вместо разбитой «альфы». Сукины дети из страховой компании наверняка выплатят смехотворную сумму, которой хватит только на подержанный мопед.

Следующий отрезок дорожки проходил мимо бара, газетного киоска, книжной лавки. Навстречу по параллельной полосе проплывали лица всех возрастов, половина пассажиров разговаривали по мобильникам. Грейс взглянул на юную рыжеволосую красавицу в кожаном пальто с меховой опушкой, выглядевшую на миллион долларов, которая приближалась к нему с большой классной сумкой и чемоданом на колесиках. Интересно, кто это – модель или супермодель, или как их там теперь называют. Его всегда привлекали рыжие волосы, но, к сожалению, рыжих подружек у него никогда не было.

Странно – до связи с Клио он смотрел бы на девушку с вожделением, а теперь ни одной больше не хочет. Эта самая рыжая – едва ли не единственная, на кого он вообще за последние месяцы дважды посмотрел. Да, что говорить, ему невероятно посчастливилось влюбиться в такую женщину, как Клио.

Навстречу проехали, увлеченно беседуя, четыре японских бизнесмена. Нервы еще сильней натянулись, только что не заскрежетали. В чем дело? Неужели полет так

подействовал? Приближались два туриста в одинаковых кожаных куртках, державшиеся за руки. У одного голова выбрита, у другого стоят торчком светлые пряди. Дальше ватага тинейджеров с рюкзаками.

И вдруг на параллельной полосе, движущейся навстречу, чуть впереди взметнулись пшеничные волосы, точно такие же, как у Сэнди. Лицо загорожено пожилыми супругами, похожими на каменные изваяния.

Удар в солнечное сплетение.

Грейс замер, не в силах шевельнуться.

Запищал телефон, пришло сообщение. Он на долю секунды взглянул на дисплей.

Связь с Гансом-Юргеном вновь прервалась, будто он нырнул в туннель. Почему дурак вечно звонит оттуда, откуда хуже всего проходит сигнал? Порой он сводит ее с ума. Разумеется, она умеет сдерживать гнев.

Управление злобой – один из главных пунктов процесса духовного возрождения в Международной ассоциации Свободного Духа. Сайентологи ведут к Чистоте под универсальным лозунгом «Мост к полной свободе», но она ушла от них в организацию, которая предлагает то же самое менее агрессивным и дорогостоящим способом.

Сэнди пока еще новичок, хотя очень довольна, что вспышка раздражения при звонке Ганса-Юргена моментально погасла, как спичка на сквозняке.

Новые наставники среди прочего учат: обрести свободу духа – значит стать огоньком на ветру, не привязанным к свечному фитилю или к спичечной головке. Если нуждаешься в опоре, чтобы жить, значит, обязательно исчезнешь, когда исчезнет опора. Иссякнешь. Надо научиться гореть свободно. Тогда никогда не погаснешь. Каждый свободный духом стремится когда-нибудь стать свободно кочующим на ветру пламенем.

Она разглядывала человечество, проплывавшее по встречной дорожке. Люди прикованы к компьютерам, к мобильникам, к расписанию отправления, финансовым заботам, собственным проступкам. Не знают, что все это не имеет значения. Не знают, что она одна из немногих на планете может их научить стать свободными.

Ее взгляд остановился на одном лице. Поистине скорбный мужчина, высокий, сутулый, непричесанный, в темных очках и кожаной куртке со стоячим воротничком, как у китайского мандарина, увешанный значками автогонщика, чтобы произвести впечатление видной персоны в мире автоспорта.

Я могу тебя освободить.

Дальше группа шумных подростков с рюкзаками. У нее опять зазвонил телефон. Схватив трубку рукой в перчатке, она обронила ее на пол и поспешно нагнулась за ней.

Когда Грейс поднял глаза от дисплея, женщина исчезла.

Показалось? Мгновение назад он был точно уверен, что за угрюмыми стариками, которые быстро приближались к нему, он видел волосы знакомого приметного цвета, волосы Сэнди.

Опять посмотрев в дисплей, он открыл текст.

Эй, старик! Как дела? Я в море. Пока не блевал.

Набрал ответ, отправил:

Я тоже.

Потом оглянулся из любопытства. Женщина с волосами Сэнди, стоя за стариками, удалялась.

Снова удар в живот. Он повернулся, протиснулся мимо высокого раздраженного мужчины в плаще спортивного покроя, побежал против хода.

И остановился.

Глупо.

Брось, старик! Возьми себя в руки.

Несколько месяцев назад догнал бы, просто на случай…

А сейчас повернулся и начал проталкиваться через толпу, повторяя немногочисленные известные ему немецкие слова:

– Entschuldigung, t'schuldigung, danke…[33]

87

Все четверо целую ночь провели на ногах, замерзли, промокли насквозь, истратили последние силы. Ралука все сильней заводилась, требовала у Йена Тиллинга денег сейчас же, потому что дилер не будет ждать. Никто из румынок не понял отчаянного восклицания, когда Тиллинг, не обращая внимания на Ралуку, грохнул кулаками по столу в прокуренном кафе и крикнул по-английски:

– Все равно что иголку в стоге сена искать!

Кафе из гофрированного железа находилось рядом с Мясницкой лавкой и мини-маркетом на обочине грязной дороги – одной из главных пригородных артерий Бухареста, пересекающей Четвертый сектор. Снег хорошо поработал, наводя порядок на улице, засыпав мусор.

Проголодавшийся Тиллинг жадно жевал сухой батон с чем-то вроде мяса внутри. Начинка безвкусная, клеенчатая, но все-таки белок. Он был на взводе. Еле живые Илеана, Андреа, Ралука курили. Задача перед ними почти невозможная. В городе с двумя миллионами жителей десять тысяч выброшены из общества. Десять тысяч человек, в основном молодых, чей главный козырь – молчание и подозрительность.

Уже четырнадцать часов они обшаривают лачуги вдоль труб отопления, заползают в бесчисленные подземные дыры. Симону никто не знает. Если знает, то молчит. Тиллинг зевнул, усталость пробудила воспоминания. Он успел забыть то полное изнеможение, до которого доходит порой полицейский, проводя в погоне дни и ночи на одном адреналине, подхлестываемый предвкушением удачи.

– Господин Йен, пожалуйста, мне идти надо, – заныла Ралука.

– Сколько тебе? – спросил Тиллинг, вытаскивая потертый бумажник.

Она схватила сигарету из пепельницы, глубоко затянулась, нервно сцепила пальцы, раскачиваясь взад-вперед на стуле, не сводя глаз с бумажника, как бы из опасения, что он вдруг исчезнет, если его упустить из виду.

– Сто сорок леев.

Тиллинга неизменно ошеломляют суммы, которые тратятся на героин. Больше недельного заработка на низкооплачиваемой работе. Неудивительно, что девчонка пошла в проститутки.

Почти потеряв надежду, но доводя дело до конца, он отсчитал бумажки и кликнул хозяина кафе, пожилого бородатого мужчину в грязном фартуке поверх коричневой спецовки, который был современником Чаушеску и пережил его, видимо научившись довольствоваться судьбой, несмотря на унылый покорный вид. Бывший британский полицейский спросил, не знает ли он кого-нибудь из бездомных подростков, живущих поблизости. Очень многих, кивнул хозяин кафе, а кто их не знает? Некоторые забегают по

вечерам перед самым закрытием, выпрашивают обрезки, остатки, черствый хлеб, приготовленный на выброс.

– Видели когда-нибудь девочку с пареньком? – продолжал Тиллинг. – Ему лет шестнадцать, ей тринадцать, хотя они могут выглядеть старше.

В глазах мужчины появился легкий блеск.

– Девочку зовут Симона, – подсказала Ралука, – а парня Ромео.

– Ромео? – Хозяин нахмурился.

Ралука, оживившись при виде денег, добавила:

– Вы его наверняка должны помнить. У него сухая левая рука, короткие черные волосы и большие глаза.

Мужчина, кажется, начал припоминать.

– А у его девчонки длинные волосы? Темные? Ходит в разноцветном спортивном костюме?

Ралука кивнула.

– У них есть собака? Они иногда пса приводят. Я кости для него припасаю.

– Собака! – заволновалась Ралука. – Собака! Точно, у них есть собака!

– Иногда заходят.

– Всегда перед закрытием? – уточнил Тиллинг.

Хозяин кафе пожал плечами:

– По-разному. В иные дни в другое время. Порой я их не замечаю. Предпочитаю покупателей. – Он посмеялся собственной шутке и вдруг спохватился: – Стойте-ка, совсем забыл. Девчонка утром забегала. Попросила косточку, особую косточку. Говорит, уезжаю, хочу псу сделать прощальный подарок.

– Не сказала, куда уезжает? – спросил Тиллинг, охваченный паникой.

– Должно быть, в круиз на Карибы, – опять усмехнулся мужчина. – Я спрашивал, она не ответила. Говорит, далеко.

– Случайно не знаете, где они живут?

Мужчина развел руками:

– Думаю, где-то рядом. На улице, под улицей… Точно не знаю.

Тиллинг посмотрел на часы. Только что минул полдень. Без дозы Ралука очень скоро выйдет из строя, а ему необходимо опознать Симону и, главное, поговорить с ней. Симона с Ромео скорее поверят подруге, чем ему. Но если дать деньги Ралуке, она сбежит, чтобы принять дневную порцию, и где-нибудь отключится.

– Давай я отвезу тебя к дилеру, ладно? А потом вернемся и будем искать.

Ралука заколебалась, бросила взгляд в окно на грязнеющую снежную пелену, кивнула. Тиллинг расплатился, и они ушли. За проведенное в кафе время температура еще понизилась. На улице в такую погоду не выживешь. Если Симона с Ромео поблизости, как предполагает хозяин кафе, то почти наверняка под землей у трубы отопления. Но на улицах сотни дыр, ведущих в подземные жилища бездомных. К тому же остается лишь несколько часов дневного света.

88

В центре каждого крупного города, где бывал Рой Грейс, есть улица, которая отличается от остальных. На ней он, даже не глядя на ценники в витринах, не может себе позволить делать покупки. И сейчас они к такой подъезжают.

– Максимилианштрассе, – проинформировал Марсель Куллен, переехав трамвайную линию и сворачивая на широкий величественный проспект, застроенный с обеих сторон

красивыми официальными неоготическими зданиями. Фасады с колоннадой, с мраморными пилястрами, почти везде на нижних этажах сверкающие витрины магазинов под изящными маркизами. Грейс читал названия: «Прада», «Тодд», «Гуччи»…

Даже безупречный, хоть и старый серый БМВ немецкого детектива кажется слегка неуместным среди выстроившихся вдоль бровки тротуаров лимузинов с шоферами: «порше», «феррари», «бентли», новомодных маленьких «мини», «фиатов-чинквеченто» и «смарт». Все сверкают, несмотря на грязную серую снежную жижу по щиколотку.

Сидя на переднем пассажирском сиденье, суперинтендент держал в руках кипу телефонных распечаток, которые, сдержав обещание, предоставил ему комиссар немецкой уголовной полиции. Не терпелось взглянуть, но он вежливо поддерживал беседу с Кулленом на получасовом пути из аэропорта.

Высокий симпатичный Куллен подробно доложил, как поживают его жена и дети, и, несмотря на протесты Грейса, которого больше не интересовали поиски Сэнди, рассказал о последних шагах, предпринятых сотрудниками его отдела, отыскивающими ее следы, но, увы, не давших никаких результатов.

Проехали мимо импозантного отеля «Четыре времени года», и Куллен остановился у роскошного кафе с соблазнительно выставленными в витрине пирожными, клиентуру которого составляли исключительно женщины в длинных меховых манто.

– Здесь находится фирма, – указал комиссар на медную панель звонка на мраморном пилоне и на дверь рядом с ним. – Желаю удачи. Я вас подожду.

– Не стоит. Вернусь в аэропорт на такси.

– Вы были очень любезны со мной в Англии четыре года назад. Теперь я… как это говорится… к вашим прислугам.

Грейс усмехнулся, похлопал его по плечу:

– Спасибо, ценю.

– Успеем перекусить, возможно, возникнут вопросы для обсуждения…

– Надеюсь.

Грейс вылез из машины в жгучий холод, в щеку ударил дождь со снегом. Взял портфель с заднего сиденья, пошел к двери, прочел надписи на панели: «Дидерихс, книги», «Ларс Шафт, детектив» и третья сверху «Трансплантацион-Централе».

Нервы вроде бы успокоились после отъезда из аэропорта, и он вполне спокойно, хоть и немного устало после столь раннего начала дня нажал кнопку звонка. В лицо ударил яркий свет маленьких линз над панелью. Женский голос спросил по-немецки имя, фамилию и велел подниматься на третий этаж.

Через секунду щелкнул замок. Грейс толкнул створку, шагнул в узкий холл с плюшевым красным ковровым покрытием, где могучий охранник за конторским столом попросил расписаться в регистрационной книге. Он написал: «Роджер Тейлор», изобразил внизу подпись. Охранник указал на старомодный лифт с решеткой, Грейс поднялся на третий этаж, вышел в большую, пышно обставленную приемную с белым ковром. Кругом горели многочисленные ароматические свечи, наполняя воздух приятным ванильным ароматом. За резным антикварным столом сидела шикарно одетая молодая женщина с короткими черными волосами.

– Guten Morgen, Herr Taylor,[34] – сказала она. – Фрау Хартман вас сейчас примет. Садитесь, пожалуйста. Можно вам предложить чего-нибудь выпить?

– Кофе с удовольствием выпил бы.

Грейс сел на жесткий белый диван. На стеклянном столике кипа брошюр, изданных фирмой. На фотографиях в рамках на стенах счастливые лица самого разного возраста, от

детишек на качелях до пожилого мужчины, улыбающегося с больничной кровати. Подписей не требуется. Все это – явно довольные клиенты «Трансплантацион-Централе».

Он взял брошюру, приготовился читать, но дверь за спиной секретарши открылась и вышла на удивление привлекательная, уверенная в себе женщина. Лет сорок – сорок пять, оценил Грейс, великолепно ухоженная, со светлыми волосами до плеч, в облегающем черном костюме, сверкающих черных сапогах, с многочисленными кольцами с камнями на пальцах, в том числе с обручальным.

– Мистер Тейлор? – приветливо спросила она, направляясь к нему в облаке парфюма и протягивая руку. – Я Марлен Хартман.

Он ответил рукопожатием, чувствуя, как камни впиваются в пальцы.

Марлен Хартман секунду постояла, глядя на него пронзительными синими глазами, как бы оценивая. Потом улыбнулась – кажется, одобрительно:

– Очень рада, что вы пришли повидаться со мной. Проходите в кабинет, пожалуйста.

Сочетание ощутимой физической красоты и сексуальности с профессиональной холодностью напомнило Элисон Воспер. Эта женщина решительно предупреждает: не ссорьтесь со мной.

Она привела его в кабинет, где он впервые осознал сходство вкусов Клио и Сэнди в оформлении интерьеров. Обе могли бы похоже обставить это помещение. Белый ковер, чисто-белые стены, оживленные только белыми абстрактными картинами в черных рамах. Овальный черный лакированный письменный стол с компьютером и личными безделушками, несколько красивых растений, на полу стратегически расставлены абстрактные скульптуры. Кое-где горят свечи, но их ванильный запах почти затмевают духи. Аромат приятный, хотя скорее мужской.

У стола два стула с высокой прямой спинкой, словно позаимствованные из музея современного искусства. Когда Грейс сел, стул оказался удобнее, чем ожидалось. Марлен Хартман уселась напротив, открыла блокнот в кожаной обложке, взяла черную авторучку.

– Сначала, мистер Тейлор, объясните, пожалуйста, чем вам может помочь «Трансплантацион-Централе». Но первым делом – как вы о нас узнали?

Стараясь не попасть в слоновью ловушку, он ответил:

– Нашел в Интернете.

Судя по одобрительному кивку, ответ ее устроил.

– Gut.[35]

– Причина, по которой я к вам обращаюсь, – болезнь племянника, сына моей сестры. Восемнадцатилетний юноша страдает от печеночной недостаточности. Мать опасается, что не удастся вовремя получить трансплантат, чтобы спасти ему жизнь.

Вошла секретарша с чашкой кофе и кувшинчиком, в котором оказалось не молоко, а сливки.

– Где вы живете, мистер Тейлор?

– В Брайтоне, в Суссексе.

– По-моему, у вас в Англии действует довольно… деспотическая система.

– И так можно сказать, – энергично кивнул он, изо всех сил стараясь наладить связь с этой женщиной, разделив ее взгляды.

Она наклонилась к нему через стол, поставив на него локти, сцепив пальцы с идеальным маникюром и уткнувшись в них подбородком, почти соблазнительно глядя ему в глаза.

– Скажите, у вашего племянника хроническая или острая недостаточность?

К своему ужасу, Грейс растерялся. Проклятые аналитики ничего об этом не сказали. Кажется, очевидный ответ – острая. Острая – значит срочное дело. С хроническим заболеванием, насколько ему известно, можно жить годами.

– Острая, – ответил он.

Марлен Хартман записала, вновь взглянула на него:

– Сколько ему остается, по вашей оценке?

– Возможно, месяц. Потом, может быть, сил не хватит перенести операцию.

– В какой он больнице?

– Лежал в Королевской больнице Южного Лондона, в данный момент дома.

– Каков диагноз?

– Аутоиммунный гепатит. В результате развился тяжелый цирроз.

Она отметила, поморщившись, дав понять, что понимает серьезность ситуации.

– Какие услуги оказывает ваша фирма? – приступил он к делу.

– Перед рождественскими каникулами придется спешить, – сказала она. – Обычно трансплантация и послеоперационное лечение проводятся в клинике неподалеку от места жительства реципиента, куда удобно доехать. Если есть финансовые проблемы, предлагаются более дешевые варианты, например Китай, Индия, некоторые другие страны.

– Сколько стоит пересадка печени в Соединенном Королевстве?

– Знаете группу крови вашего племянника?

– АВ отрицательная, – сообщил Грейс.

Глаза Марлен Хартман сверкнули, по лицу проскользнула едва заметная тень.

– Довольно редкая.

– Знаю, – кивнул он.

– Наша цена триста тысяч евро. Пятьдесят процентов авансом, прежде чем мы начнем поиски трансплантата; пятьдесят перед началом операции. Гарантируем найти подходящую печень в течение недели после перевода аванса.

– Даже при редкой группе крови?

– Конечно, – уверенно заявила Марлен Хартман.

– Учитывая, что мой племянник живет в Брайтоне в графстве Суссекс, где пройдет операция?

– Брайтон прекрасный город, – заметила она.

– Вы там бывали?

– В Брайтоне? Ja, конечно. Мы с мужем ездили в тур по Англии.

– Значит, у вас есть клиника неподалеку от Брайтона?

– У нас много клиник по всему миру, мистер Тейлор. Можете мне поверить. В некоторых странах есть клиники по пересадке почек и печени, в некоторых по трансплантации сердца и легких, в некоторых проводятся операции всех четырех типов. Без нашей помощи многих не было бы сегодня в живых. Но умирать вовсе не обязательно. В вашей стране ежегодно умирает тысяча человек, не получивших спасительный орган. А в мире каждый год гибнет на дорогах миллион двести пятьдесят тысяч. «Трансплантацион-Централе» просто облегчает дело. Мы несем утешение родным внезапно и трагически погибших, используя их органы для спасения других жизней. Они понимают, что близкие погибли не напрасно.

– Да. Какие операции проводятся в Суссексе?

– Пересадка печени и почек. – Марлен Хартман вопросительно взглянула на него. – У вас лично есть карточка донора органов?

Грейс вспыхнул:

– Нет.

– Как и у большинства людей в нашем мире. Но если вы завтра проснетесь с почечной или печеночной недостаточностью, мистер Тейлор, то будете благодарны за то, что она есть у кого-то другого.

– Справедливое замечание. Скажите, пожалуйста, нет ли в районе Брайтона ваших клиентов, которые уже пользовались услугами фирмы, с кем можно было бы поговорить?

– Вы должны понимать, что сведения о клиентах конфиденциальны.

– Естественно.

– Я загляну в архивы и выясню. Если кто-то найдется, свяжусь и спрошу, согласны ли они побеседовать с вами.

– Спасибо. А клинику не назовете?

– Прошу прощения, это зависит от наличия свободной операционной, – уклонилась Марлен Хартман от ответа. – Решение принимается перед операцией.

– Клиника частная или государственная?

– Вряд ли ваша система национального здравоохранения готова сотрудничать с нами, мистер Тейлор.

– Потому что это незаконно?

– Если хотите назвать *незаконным* спасение жизни своего племянника, то да. Правильно. – Она взглянула на часы. – Мне надо успеть на самолет, поэтому, простите, из-за вашего опоздания наша встреча будет короче. Возможно, вам надо подумать? Возьмите с собой наши издания. Мы их широко не распространяем. Почему? Очень просто. Всегда найдутся отчаявшиеся люди, и всегда есть органы. Приятно было познакомиться, мистер Тейлор. У вас есть мой электронный адрес и номер телефона. Можно звонить двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Лимузин ждал спешившую в аэропорт Марлен Хартман у подъезда – время поджимает. Но она не двинулась с места, пока не увидела на мониторе камеры наблюдения, как посетитель вышел из здания, после чего загрузила в мобильник два снимка с камеры и переслала в Брайтон Владу Космеску с просьбой срочно установить его личность.

Вы лжец, мистер Тейлор.

Прослужив десять лет международным брокером органов, она отлично знает свой рынок. Знает, как работает система в Соединенном Королевстве. Знает, что пациента с *острой* недостаточностью немедленно ставят в очередь на трансплантацию и держат в больнице. Ему слишком плохо, чтобы лежать дома.

Роджер Тейлор, если таково его настоящее имя, в чем она сомневается, споткнулся на самом первом барьере. Кто он такой? И зачем к ней пришел? Судя по поведению и заданным вопросам, похоже, она уже знает ответ.

Марлен Хартман собралась уходить, и тут у нее зазвонил телефон. День сразу же стал еще хуже.

89

При тихой погоде условия для погружения были почти оптимальными, несмотря на температуру воды, близкую к точке замерзания. По сравнению с заросшим водорослями озером или мутным каналом с ловушками вроде выброшенных магазинных тележек, колючей проволоки и кусков искореженного металла сегодня «день Гуччи» на жаргоне специальной поисковой бригады.

Джон Леллиот, больше известный под прозвищем Див, с помощью Криса Дикса – Клайда – положительно опознал «Скуби» в затонувшем судне. И обнаружил тело в носовой каюте, которое поднимает теперь на поверхность. Остальные члены бригады вместе с Гленном Брэнсоном, которого слегка мутило, хотя и гораздо меньше, чем во время предыдущего выхода в море, наблюдали, склонившись над поручнями, за нараставшей массой пузырьков, поднимавшихся из глубины среди желтых, синих и красных шлангов. Через несколько секунд вынырнула голова Дива в маске, а за ней тело в пузырьковом водовороте.

– Ох, черт! – воскликнул Гонзо.

Бросив быстрый взгляд, Брэнсон отвернулся, теперь уже изо всех сил стараясь удержать в желудке завтрак. Див подтолкнул тело, которое высоко всплыло на надувных подушках и двинулось к борту катера. Члены команды с неумелой помощью сержанта Брэнсона взялись за канаты и втащили его через поручни на палубу «Сансикера», тяжелое, перегруженное водой.

Кораблестроитель, проектируя этот катер, скорее всего, мысленно представлял себе на задней палубе богатых плейбоев и цветущих красавиц без лифчиков. Наверняка ему в страшном сне не являлась картина, которая теперь предстала перед членами специальной бригады и несчастным детективом.

– Бедняга… – пробормотал Арф.

– Точно Джим Тауэрс? – спросила Таня Уайтлок.

Брэнсон мрачно кивнул.

– Точно, – подтвердил Гонзо. – Я лет пять с ним общался. Это Джим.

Тело от шеи до ступней обмотано липкой серой лентой. Торчит лишь голова с заклеенным ртом. По ленте ковыляет маленький краб. Арф нагнулся, схватил его, выбросил в море.

– Трупоеды, – буркнул он. – Терпеть их не могу.

Гленн понял почему.

Заросшая густой бородой нижняя часть лица осталась нетронутой. Но щеки и лоб обгрызены так, что местами открывается голый череп. Одна глазница съедена начисто, в другой остался белок размером с изюмину.

– Пожалуй, пока не буду заказывать авокадо с крабами, – дрожащим голосом заявил Гленн, стараясь сохранять бодрый вид.

– Кто-нибудь хочет быть похороненным в море? – поинтересовался Джус.

Желающих не нашлось.

90

Влад Космеску был озабочен. Сидя перед компьютером и больше не любуясь видом брайтонского побережья, он приблизительно каждые полчаса судорожно просматривал текущую сводку новостей в местной газете «Аргус».

С той минуты на прошлой неделе, когда прозвучал телефонный звонок, он усиленно размышлял.

Ты напортачил.

Много лет этот город был для него золотым прииском, полным денег и девушек. Снабжал его наличными для содержания больной сестры в хорошем доме. Обеспечивал доход, позволяющий вести образ жизни, о каком некогда можно было только мечтать.

Неприятно слышать, что он *напортачил.*

Всегда был предельно осторожным. Завоевывал доверие сотрудников, постепенно строил свою деловую империю. Массажные салоны. Охранные агентства. Прибыльная торговля наркотиками. А в последнее время немецкие связи. Продажа органов – самый

успешный бизнес. Каждая удачная трансплантация кладет ему в карман десятки тысяч фунтов, которые перекочевывают оттуда прямо на счет в Швейцарском банке.

В приютившей его стране он усвоил одно: британская полиция сосредоточена на контрабанде наркотиков. Все прочее лежит в дальнем ящике. Что его вполне устраивает.

Дела шли отлично, пока не возник Джим Тауэрс. Может, шкипер в самом деле ошибся, сбросив тела в районе драгирования. Вряд ли. Тауэрс хотел его подставить, какими бы мотивами ни руководствовался. Моральные принципы? Шантаж?

Телефон неожиданно просигналил о поступившем сообщении.

От Марлен Хартман из Мюнхена – самого обильного источника денег.

Чтобы предотвратить полицейскую слежку, она – и Влад тоже – вынуждены каждую неделю менять номер мобильного телефона.

В тексте один вопрос: «Знаешь этого человека?» Прилагаются две фотографии. Открыв их, Влад потянулся за сигаретой.

Впервые начав здесь работу, он взял за правило запоминать в лицо каждого полицейского, который может проявить к нему интерес. С помощью «Аргуса» несколько лет следил за каждым шагом этого конкретного офицера, за его служебным ростом, повышением в должностях и чинах.

Набрав номер Марлен, сообщил:

– Суперинтендент Рой Грейс из суссекской уголовной полиции.

– Он только что был у меня в кабинете.

– Может, ему орган нужен?

– Не думаю, – без тени юмора ответила она. – Думаю, ты должен знать, что мне сейчас звонил сэр Роджер Сириус. Нынче утром к нему приезжала полиция и расспрашивала.

– О чем?

– По-моему, закидывают удочку наудачу, ездят на рыбалку. Но мы должны немедленно перейти к «альтернативе номер один». Нет?

– Пожалуй.

Ездят на рыбалку. От этих слов мороз пробирает по коже.

– Я все ускорю. Будь наготове, – приказала она.

– Всегда готов.

Космеску закурил, нервно затягиваясь, усиленно соображая, прокручивая в памяти «альтернативу номер один». Нехорошо, что полиция в один и тот же день приходила к хирургу и к брокерше органов. Очень нехорошо.

Его отвлекло только что появившееся новое сообщение в сводке на экране компьютера.

«Поиски в канале принесли четвертое тело», – гласил заголовок.

Космеску прочел первые строчки. Бригада полицейских ныряльщиков, разыскивая пропавшую рыболовецкую шхуну «Скуби», обнаружила труп на затонувшем судне.

Ух ты! Проклятье, проклятье, проклятье…

91

Линн сидела на рабочем месте. От волнения трудно глотать. Перед ней рядом с нетронутым яблоком лежит сандвич с тунцом, принесенный из дома, от которого откушен крошечный кусочек. Аппетита нет. В желудке мельтешат стаи бабочек, а сама она превратилась в клубок нервов. Сегодня после работы назначена встреча. Но бабочки не те, которые в юности возвещали о любовном свидании, а скорее черные умирающие мотыльки, попавшие в ловушку. Ее ждет свидание с омерзительным Реджем Окумой.

Точнее, с обещанными пятнадцатью тысячами наличными. Хотя он, судя по намекам во время утреннего разговора по телефону, явно ждет большего, чем короткие полчаса в коктейль-баре.

Она на секунду закрыла глаза. Кейтлин хуже с каждым днем, иногда кажется – с каждым часом. Сегодня с ней сидит бабушка. Скоро Рождество. Марлен Хартман гарантирует печень в течение недели после получения перевода, который теперь уже получила. Но, независимо от ее обещаний и убедительных отзывов свидетелей, любая деятельность на Рождество замирает, колесики крутятся медленней.

Сегодня звонил Росс Хантер, снова уговаривал привезти Кейтлин в больницу.

Умирать?

Рядом остановилась коллега, дружелюбная молодая женщина по имени Ники Митчелл, положила на стол запечатанный конверт.

– Твой тайный Санта! – объявила она.

– Ох, спасибо.

Линн уставилась на конверт, гадая, кто тот аноним, которому придется покупать ответный подарок. Обычно это ее забавляло и радовало, теперь только очередная забота.

На большом настенном экране перед глазами мерцают слова «рождественский бонус» в окружении крошечных елок и вертящихся золотых монет. Премиальные уже превысили три тысячи фунтов. В офисе так и пахнет деньгами. Если разрезать половину коллег, из вен наверняка хлынет не кровь, а наличные.

Сколько проклятых денег! Миллионы. Десятки миллионов. Почему же так дьявольски трудно раздобыть последние пятнадцать тысяч для немки? Мэл, мать, Сью Шеклтон, Люк поистине блеснули.

Банк проявил неожиданное сочувствие, но поскольку кредит уже превышен, менеджер предупредила, что потребуется согласие директора, и усомнилась, что тот его даст. Единственный реальный вариант – повысить закладную, но на это уйдет не одна неделя, а времени нет.

Зазвонил мобильник. Номер не высветился. Она тихонько ответила, не желая получить выговор за личный звонок.

Марлен Хартман торопливо и напряженно заговорила:

– Миссис Беккет, мы нашли подходящую печень. Завтра днем сделаем пересадку. Завтра к полудню приготовьте, пожалуйста, Кейтлин, соберите вещи. Получили от меня список необходимого?

– Да… – пробормотала Линн. В горле так пересохло, что невозможно выдавить ни звука. – Можете… можете что-нибудь сказать… о доноре?

– Молодая женщина, попавшая в автокатастрофу. Мозг уже мертв, подключены аппараты жизнеобеспечения. Больше сказать ничего не могу.

– Спасибо. Спасибо.

На Линн нахлынуло головокружение и тошнота от переживаний – и страха.

92

Из-за темных снежных туч свет в половине пятого быстро тускнел. Они уже обследовали множество дыр, но все впустую. На обратном пути еще раз проехали мимо мини-маркета, мясной лавки, кафе, православного храма в строительных лесах. Две крупные собаки, серая и черная, деловито рылись в отбросах. Ралука на заднем сиденье, успокоившись после дозы, вдруг рванулась вперед и взволнованно крикнула:

– Господин Йен! Вон там, видите? Остановитесь!

Сначала Тиллинг увидел лишь широкий пустырь с допотопными машинами, обшарпанными многоэтажными жилыми домами. Он резко тормознул, машина ухнула в выбоину, остановилась. Сзади бешено загудел старый грузовик. Промчался мимо, на волосок не задев крыло «опеля».

Ралука ткнула пальцем в сторону трех фигур, вылезших из рваной дыры в бетоне. Приблизившись к дыре, Тиллинг увидел импровизированную конуру под рухнувшим забором. Внутри лежал пес, что-то грыз, не обращая внимания на погоду. Неподалеку с включенным мотором, пуская дым из выхлопной трубы, стоял большой черный «мерседес».

Высокая элегантная женщина в меховой шапке, длинном темном пальто тащила за руку растерявшуюся девочку с темными волосами, в вязаной шапке, голубой дутой безрукавке поверх рваного разноцветного спортивного костюма. Ее одежда, как и кроссовки, безнадежно не подходила к погоде. Парень в куртке с капюшоном, джинсах и тоже в кроссовках стоял у провала, с тоской наблюдая за ними.

Женщина вела девочку к машине. Девочка оглянулась и помахала парню. Тот помахал в ответ, что-то крикнул. Потом она махнула псу, но тот даже не посмотрел в ее сторону.

Ветер гнал снег стеной.

– Это она! – завопила Ралука. – Симона!

Йен Тиллинг выскочил из машины, снег кнутом хлестнул в лицо. Андреа рванула свою дверцу, выбралась наружу, за ней последовали остальные. Прогрохотал другой грузовик, им пришлось обождать. Тиллинг крикнул во весь голос:

– Стой! Стойте!..

Женщина с девочкой были уже у самого автомобиля.

– Стой! – опять рявкнул он, крикнул парню: – Останови их!

Услышав крик, женщина оглянулась, поспешно открыла заднюю дверцу, втолкнула девочку, влезла сама, «мерседес» рванул с места. Тиллинг пробежал за ним сотню ярдов, пока не упал лицом вниз. Поднялся, пыхтя, приказывая Ралуке, Андреа и Илеане садиться в «опель». Остановился рядом с парнем, разглядел высохшую руку.

– Это была Симона?

Парень не ответил.

– Симона?

Парень промолчал.

– Ты Ромео?

– Может быть.

– Слушай, Симона в опасности. Куда она поехала?

– Госпожа везет ее в Англию.

Тиллинг выругался, подскочил к своей машине, сел, нажал на акселератор, помчался за «мерседесом». Через пару минут понял, что потерял его.

93

Она уже скучает по Ромео и Артуру. Когда протянула псу косточку, тот тоскливо взглянул на нее. Как будто чувствовал, что они расстаются навсегда. Пообещав Артуру когда-нибудь вернуться, она обняла лохматую шею, поцеловала в нос. Он смотрел недоверчиво, будто знал, что бывают разные прощания – на время и навеки. Понес косточку к себе в укрытие, даже не оглянулся.

Конечно, без пса можно прожить. Он стойкий боец, с ним все будет в порядке. А как жить без Ромео? Сердце криком кричит, разрывается. Слезы градом потекли из глаз, когда она прижалась щекой к Гогу – маленькому лохматому кусочку искусственного меха, единственному своему достоянию, которое удалось взять с собой.

Никогда в жизни Симона не чувствовала себя такой одинокой, как на заднем сиденье черного лимузина с затемненными стеклами, среди роскошных ароматов кожи и женских духов. Немка без конца разговаривает по мобильнику, время от времени тревожно посматривает в заднее стекло в темноту. Машина едет медленно по скользкой, посыпанной солью дороге, в плотной пробке. А Симона то и дело смотрит на затылок водителя.

Волосы выстрижены до легкого пушка. Справа из-под ворота белой рубашки выползает вытатуированная змея с раздвоенным языком, готовая к броску, которую она как следует рассмотрела, когда женщина включала свет в салоне, делая заметки в блокноте.

Симона испугалась, несмотря на присутствие рядом женщины, которая о ней заботится. Это шофер того самого типа, что спас ее на Северном вокзале, а потом изнасиловал. Шофер, который пытался заставить ее заняться с ним сексом, подвозя домой, а она его искусала. Она поймала в зеркале его взгляд, давший ясно понять, что он с ней еще не покончил. Ничего не забыл.

Надо было искалечить его.

Наконец женщина завершила разговоры.

– Когда Ромео приедет? – жалобно спросила Симона.

– Скоро, meine Liebe.[36] – Женщина потрепала ее по щеке рукой в кожаной перчатке. – Очень скоро вы будете вместе. Тебе понравится Англия. Будешь там очень счастлива. Волнуешься?

– Нет.

– Должна волноваться. Новая жизнь!

«Фактически три новые жизни», – подумала про себя Марлен Хартман.

Позорно терять сердце и легкие, но никого подходящего в английских списках нет, а рисковать не хочется, медлить в ожидании реципиента, когда вокруг рыщет полиция. Извлеченные из тела, эти органы не перенесут доставку за границу. При трансплантации печени предпочтительно, чтобы донор находился рядом с реципиентом для максимального сокращения времени от смерти до пересадки. Девочка слишком маленькая, печень не поделишь, но и целая принесет существенный доход.

Почки живут дольше – до двадцати четырех часов при надлежащем хранении. Покупатели почек Симоны стоят в очереди, ждут. Один в Германии, другой в Испании. В другие страны можно было бы продать кожу, глаза, кости, но цены на них невысокие, не стоит трудиться везти их из Англии. Две почки дадут чистую прибыль в сто тысяч евро, а от печени после покрытия расходов останется еще сто тридцать тысяч.

Марлен Хартман была очень довольна.

94

Рой Грейс прилетел из Мюнхена как раз к вечернему инструктажу в половине седьмого. Поспешно вошел в зал, читая на ходу повестку, стараясь не расплескать кофе из кружки.

– Удачно съездил, Рой? – спросил Норман Поттинг. – Разобрался с фрицами? Растолковал, кто войну выиграл?

– Спасибо, Норман, – сказал Грейс, усаживаясь. – По-моему, они уже знают.

Поттинг поднял палец:

– Коварные гады. Как и япошки. Посмотри на нашу автомобильную индустрию! Каждая вторая машина немецкая.

– Спасибо, Норман! – повысил голос суперинтендент. Усталый и раздражительный после долгого дня, который еще далеко не закончился, он старался дочитать повестку, пока люди усаживались.

– Итак, начинаем шестнадцатый инструктаж по операции «Нептун», – сказал Грейс. – У нас еще одно тело, которое может быть связано с нашим делом. – Он посмотрел на Гленна. – Что желает сказать наш рыбак поневоле?

Брэнсон мрачно усмехнулся:

– Похоже, мы обнаружили беднягу Джима Тауэрса. Поскольку он с головы до ног замотан, невозможно сказать, подвергся он операции или нет, надо ждать вскрытия, которое будет произведено утром.

– Он официально опознан? – спросила Лиззи Мантл.

– По наручным часам и золотому браслету, – ответил Брэнсон. – Мы решили не показывать его жене. Вид у него не очень хороший. Помните лицо под водой в «Челюстях»? То самое, с вытекшими глазами, которое выскочило из пробоины в корпусе и до смерти перепугало Ричарда Дрейфусса? И у него такое же.

– Слишком много подробностей, Гленн, – с отвращением заметила Белла Мой, передумав совать в рот конфетку.

– Что известно на данный момент? – уточнил Грейс.

– Шхуна затоплена, столкновения не было.

– Самоубийство возможно?

– Трудно затопить собственную лодку, когда забинтован липкой лентой, как мумия, шеф. Если только шкипер не вел тайную жизнь эскаписта.[37]

Послышались смешки.

Грейс тоже улыбнулся.

– Следствие по этому делу будет вести наша команда, – объявил он. – Инспектор Мантл возглавит специальную группу и решит, надо ли выделять его в отдельное производство, что в определенной степени зависит от результатов вскрытия.

Лиззи Мантл кивнула и сказала:

– Хочу включить в группу Гленна, поскольку он уже беседовал с женой… вдовой Тауэрса.

– Конечно. Надо только осторожно сориентировать прессу, – предупредил Грейс, – исходя из того, что покажет вскрытие.

– Согласна, – снова кивнула инспектор Мантл.

– Мне все больше не нравится Влад Космеску, – сказал Брэнсон. – Анализ ДНК с окурков подтверждает, что он был в гавани. И подвесной мотор…

– Это всего лишь *свидетельство*, что он там был, а не *исчерпывающее доказательство,* – поправил друга Грейс. – Кто угодно мог бросить окурки. Все мы должны усвоить, что говорить о *подтверждении* или о *доказательстве* очень опасно. В суде хитроумный сутяга растопчет нас в пыль, заявив, что мы вводим присяжных в заблуждение. Пока речь идет о *свидетельствах,* ясно? Никогда не говорите о *доказательствах.* Это самый быстрый способ проиграть дело. Что еще о Космеску, Гленн?

– Известно, что им интересуются Европол и Интерпол в связи с несколькими делами по нелегальной переправке людей и отмыванию денег.

– Но ему не предъявлено никаких обвинений?

– Нет, Рой.

– Оказывается, канал не самое надежное место захоронения, правда? – заметила Белла Мой. – Если хочешь спрятать мотор или труп, лучше бросить посреди Черчилль-сквер. Вдруг кто-нибудь на них позарится!

– Мне хотелось бы вызвать его на допрос, а еще получить детальную распечатку звонков, ордер на обыск и отправиться к нему домой, – продолжал Гленн.

– И все это только потому, что он выбросил пару окурков в Шорэмской гавани и утопил мотор? – уточнил Грейс.

– Потому что он *следил* за «Скуби» в бинокль. Зачем? Что такого особенного было в старой рыбацкой шхуне? Я нюхом чую, что с этим типом дело неладное.

– Шхуну можно поднять? – спросил Грейс.

– Можно, только операция будет очень дорогостоящей. Мы обсуждали ее с Таней Уайтлок. Тебе туго придется, когда Элисон Воспер получит смету.

– Если нюх тебя не обманывает, необходимы свидетельства, что Космеску был на шхуне, – показания очевидцев, результаты криминалистического анализа, личные вещи…

Брэнсон задумался.

– Может, ребята еще раз нырнут и поищут?

Грейс тоже поразмыслил:

– Как ты представляешь себе его связь с этим делом?

– Никак, но уверен – связь есть. По-моему, им надо поскорее заняться.

– Хорошо, – согласился Грейс. – Получи ордер на обыск, только придется отшлифовать аргументацию. Кто знает, может, он добровольно разговорится до того, как адвокат прикажет ему молчать. Возьми с собой опытного напарника, Беллу. – Он взглянул на инспектора Мантл. – Не возражаешь, Лиззи?

Та покачала головой.

Грейс посмотрел на часы и быстро подсчитал. Пока Брэнсон оформит бумаги с запросом на ордер, будет как минимум десять. Вспомнив увиденный на дороге спортивный «мерседес» Космеску, предупредил:

– Этот субъект – ночная сова, может быть, долго поджидать придется.

– Тогда просто уютно устроимся в его берлоге! – заявил Брэнсон.

– Помоги бог его собранию лазерных дисков, – подколол друга Грейс и заключил: – Думаю, вы столкнетесь с крепким орешком. Он уже лет десять крутится в подпольном мире нашего города и ни разу не прокололся. Для этого надо уметь играть в игры. – Он заглянул в повестку. – Вчера установлено, что дочь миссис Линн Беккет, телефон которой я получил от наших немецких друзей, страдает печеночной недостаточностью. – Грейс предъявил фотокопию длинного списка. – Это распечатка телефонных звонков из германской компании «Трансплантацион-Централе», где я сегодня побывал. С информацией меня ознакомили неофициально, поэтому ее надо использовать деликатно. За последние три дня я насчитал девять входящих звонков на номер стационарного домашнего телефона Линн Беккет и четыре исходящих с него на номер этой компании. Плюс два входящих на мобильный.

– Записей нет? – спросил Гай Батчелор.

– К сожалению, нет. В Германии такие же законы о неприкосновенности частной жизни, как и у нас. Однако они затребовали разрешение, которое могут получить с минуты на минуту.

– Наверняка при Адольфе было по-другому, – проворчал сержант Поттинг.

Грейс пронзил его кинжальным взглядом:

– Нынче утром в Мюнхене я встретился с женщиной по имени Марлен Хартман, возглавляющей «Трансплантацион-Централе», которая поставляет органы. Они делают бизнес в Англии прямо у нас под носом! Надо очень быстро установить, где все это происходит. Активная возня вокруг миссис Беккет указывает, что тут что-то готовится…

Мобильный телефон Поттинга исполнил тему из «Индианы Джонса». Поттинг, вспыхнув, взглянул на дисплей, пробормотал:

– Из Румынии… может, как раз по делу… – и выскочил в коридор.

– Возможно, у нас совсем мало времени на выяснение, – договорил Грейс. – Я обзвонил медиков, стараясь составить точное представление о том, что требуется для пересадки органов, где можно временно или постоянно проводить трансплантацию…

– Требуется большой коллектив, Рой, – подсказал Гай Батчелор. – В разговоре с нами сэр Роджер Сириус насчитал… – он перелистал блокнот, – как минимум трех хирургов, двух анестезиологов, трех операционных медсестер, круглосуточную бригаду интенсивной терапии, члены которой имеют опыт послеоперационного ухода.

– В целом пятнадцать-двадцать человек, – кивнул Грейс. – Еще нужна хотя бы одна полностью оборудованная операционная и палата для полного курса интенсивной терапии.

– Значит, ищем больницу, – сказал Ник Николл. – Государственную или частную.

– Можно исключить государственную. Нелегально провести через систему такой орган, как печень, практически невозможно, – заявила инспектор Мантл.

– Ты уверена? – спросил Брэнсон.

– Абсолютно. Система непроницаема. О любом предназначенном для трансплантации органе обязательно знает масса людей. Если же знает один человек – дело другое.

– Значит, ищем частную клинику, – заключил Грейс. – При трансплантации должны использоваться специальные медикаменты. Надо узнать, какие именно, кто их выпускает и поставляет, а также проверить частные клиники, которые их закупают.

– На это нужно время, – напомнила Лиззи Мантл.

– Вряд ли таких препаратов много, равно как поставщиков и потребителей, – возразил Грейс и обратился к аналитику Джеки Филлипс: – Можно прямо сейчас приступить? Если нужно, дам еще помощников.

Вернулся Норман Поттинг.

– Извините, – пропыхтел он. – Звонил мой коллега из Бухареста, Йен Тиллинг.

Грейс жестом велел ему продолжать.

– Он пытается отыскать молодую румынку, подростка по имени Симона Иримия, которую, по его мнению, готовят к срочной нелегальной переправке в Соединенное Королевство, может, сегодня вечером или завтра. Его сотрудница прислала мне по электронной почте фотографии, сделанные полицией при ее аресте за кражу в магазине два года назад. Тогда девочке было двенадцать лет. Я сейчас распечатаю. Пару минут дадите?

– Конечно.

Поттинг снова вылетел из зала.

– Если сержант Батчелор и констебль Бутвуд не ошибаются в подозрениях насчет сэра Роджера Сириуса, обсудим вопрос об установлении за ним наблюдения. Хирург может привести нас к клинике, – сказала инспектор Мантл.

– Отличное предложение, – кивнул Грейс и подумал, что самое время подключить службу прослушивания и наблюдения. Ее деятельность сосредоточена главным образом на наркотиках, но в последнее время все чаще на нелегальной переправке людей.

Вернулся Поттинг, раздал членам команды снимки, сделанные румынской полицией, на которых была запечатлена Симона в фас и в профиль.

– По словам Тиллинга, девочку сегодня увезла какая-то немка, пообещала новую жизнь в Англии. Судя по всему, новая жизнь светит кому-то другому.

– Хорошенькая девочка, – заметила Лиззи Мантл.

– Будет хуже, когда превратится в каноэ, – добавил Поттинг.

На полицейском жаргоне «каноэ» означает тело без изъятых во время посмертного вскрытия внутренних органов.

Грейс вытащил из конверта фотографии Марлен Хартман и пустил по кругу.

– Тоже от моих друзей из управления уголовной полиции в Мюнхене. Думаешь, это та самая женщина, Норман?

Поттинг внимательно присмотрелся:

– Да она красотка, Рой! Ясно, зачем ты летал в Мюнхен!

Пропустив реплику мимо ушей, суперинтендент сухо продолжил:

– Скоро рождественские каникулы. Так что если девочку привезут нынче вечером или завтра, чтобы взять органы, то медлить не будут. Надо собрать как можно больше сведений о Линн Беккет. На мой взгляд, информации Нормана вполне достаточно для получения санкции на прослушивание ее телефонов.

Основанием для получения ордера на прослушивание служит возможная угроза человеческой жизни. Грейс был уверен, что сможет это доказать.

– Понадобится подпись дежурного старшего офицера, а также министра внутренних дел или других министров, – напомнила инспектор Мантл.

Обязанности дежурного старшего офицера полиции поочередно исполняют главный констебль, заместитель главного констебля и два помощника главного констебля.

– На этой неделе в этой роли Элисон Воспер, – сообразил Грейс. – Проблем не возникнет. Она страшно торопится поскорей получить результаты.

– А министров как скоро удастся расшевелить? – спросила Белла Мой.

– Система в последнее время гораздо быстрее работает. Лондон теперь дает указания по телефону. – Грейс взглянул на часы. – Надо получить согласие и начать прослушивание до полуночи.

– Женщина с девочкой уже могут быть здесь, сэр, – сказал Гай Батчелор.

– Возможно. Тем не менее, думаю, надо держать под наблюдением порты. Наиболее вероятный вариант – аэропорт Гатуик, но и Хитроу тоже необходимо накрыть, равно как туннель под каналом и паромные причалы. Я позвоню Биллу Уорнеру в Гатуик, попрошу проследить за рейсами из Бухареста и других городов, откуда они могут отправиться. – Грейс помолчал. – Боюсь, впереди у нас бессонная ночь. Не хочу, чтобы завтра еще кто-то умер.

95

Давай, давай, давай! Хреновы пробки! Чтоб вам провалиться!

Йен Тиллинг непрерывно сигналил, только никакого толку от этого не было. Вечером в час пик центр и окраины Бухареста превращаются в одну глухую пробку. После сегодняшнего снегопада стало еще хуже, час пик затянулся надолго. Единственным утешением служит то, что машина с Симоной тоже застряла.

Будь проклят ленивый сукин сын комиссар Раду Константинеску.

Он снова протер лобовое стекло, глядя на расплывающиеся красные хвостовые огни ползущего впереди длинного лимузина. Сорок минут упорно старается дозвониться до знакомого офицера бухарестской полиции. Куда подевался комиссар? Уже ушел из участка? На совещании? В сортире?

Тиллинг решил, что немка повезет Симону в один из двух бухарестских международных аэропортов. Скорее всего, в самый крупный – Опени, куда он первым делом и направился. Однако их там не было. Пришлось пробиваться к другому. Жизненно важно связаться с комиссаром, чтобы задержать женщину с девочкой или хотя бы не выпускать их из страны.

Машины на дюйм сдвинулись, снова остановились. Тиллинг резко тормознул, чуть не врезавшись в хвост лимузина. Снова набрал номер Константинеску. На сей раз тот ответил:

– Да?

– Это Йен Тиллинг. Как дела?

– Мистер Йен Тиллинг, мой друг! Кавалер медали Британской империи за заслуги перед румынскими бездомными! Чем могу помочь?

– Прошу об одолжении, срочно.

Послышался глубокий вдох. Тиллинг предположил, что собеседник закуривает сигарету, и максимально быстро и доходчиво описал ситуацию.

– Знаете, как зовут эту немку?

– По сведениям английской полиции, Марлен Хартман.

– Не знаю такую. – Константинеску хрипло закашлялся. – А девчонку?

– Симона Иримия. Вы мне обещали ее отыскать, помните? Я надеялся.

– А…

Тиллинг услышал, как открывается ящик стола, в который комиссар сунул фотографии и набор отпечатков.

– Как пишется?

Тиллинг терпеливо продиктовал по буквам имя и фамилию Марлен Хартман и дал подробное описание Симоны.

– Сейчас же в аэропорт позвоню, – заверил Константинеску. – Найдут либо у билетной кассы, либо на паспортном контроле. Значит, немку подозревают в незаконном вывозе людей, так? Вы туда направляетесь?

– Да.

– Перезвоню, сообщу фамилию офицера, к которому надо будет там обратиться. Идет?

– Спасибо, Раду. Высоко ценю вашу помощь.

– Скоро встретимся, выпьем, обмоем вашу побрякушку, ладно?

– И не по одной! – ответил Тиллинг.

Чем дальше «мерседес» продвигался к городской окраине, тем свободнее становилась дорога. Марлен Хартман снова взглянула в заднее стекло. К ее облегчению, фары машины, шедшей за ними последние сорок минут, угасли в снежной пелене.

Симона уткнулась лбом в холодное стекло, прижав к щеке Гогу, глядя сквозь снег, как городской пейзаж постепенно уступает место обширному пустому темному ландшафту лунного цвета.

Марлен удобней устроилась на сиденье, открыла ноутбук, принялась просматривать электронную почту. Их ждет долгая дорога, на всю ночь.

96

Линн не любит зимние месяцы, потому что приходится уходить из офиса в темноте. Но сегодня перед стоящим на улице автомобилем Реджа Окумы она радуется, что уже темно, хотя машину ярко освещают уличные фонари. Даже в пятидесяти ярдах слышна музыка из динамиков вместе с выхлопами из трубы.

Старый темно-коричневый БМВ оттенка коровьей лепешки не впечатляет, хотя и с тонированными стеклами. Дверца перед ней распахнулась, она чуть помедлила в нерешительности, гадая, не совершает ли чудовищную ошибку. Отчаянно нужны деньги, которые он обещал принести. Оглянувшись вокруг, не видит ли кто-нибудь из коллег, Линн скользнула на переднее сиденье и поспешно захлопнула дверцу.

Внутри хуже, чем снаружи. Грохот динамиков физически сотрясает мозги. Болтающиеся на зеркале игральные кости из искусственного меха тоже трясутся. Вдоль приборной доски тянется полоса голубых светящихся лампочек, которые она сначала приняла за рождественское украшение, потом сообразила, что Окума просто видит в них шик.

Густой аромат мужского одеколона еще надоедливей музыки.

Однако сидевший в машине мужчина оказался приятным сюрпризом. Созданный ею мысленный образ, сложившийся из Роберта Мугабе и Ганнибала Лектора, оказался совсем далеким от действительности. По-настоящему симпатичный мужчина, приближающийся к сорока, источает силу и уверенность. Стройный, гибкий, коротко стриженный, модно одетый в черную куртку поверх черной футболки. На пальцах, правда, слишком много колец, на одном запястье свободный массивный золотой плетеный браслет, на другом часы размером с солнечные.

– Линн! – воскликнул он с широкой улыбкой и неуклюже попытался чмокнуть ее.

Она столь же неловко уклонилась.

– Целый день только о тебе и думал. А ты, моя радость?

– Деньги принесли? – перебила она Окуму, поглядывая в окно, опасаясь, что кто-нибудь из коллег пройдет мимо, увидит.

– Как вульгарно говорить о деньгах во время романтического свидания!

– Поехали, – приказала она.

– Нравится машина? Развивает высокую скорость. Не «феррари», да? Пока нет. Но будет.

– Очень рада за вас, – бросила она. – Поедем?

– Дай сначала на тебя посмотреть. – Он повернулся, уставился на нее. – Ох, во плоти еще прекраснее, чем в мечтах!

Наконец, сжалившись, нажал на газ, и машина рванулась вперед. Линн оглянулась на заднее сиденье, увидела холщовый банковский мешок, схватила, положила себе на колени. Через секунду почувствовала на бедре хваткую сильную руку.

– Сегодня у нас будет чудный секс, моя сладость!

Остановились в длинной шеренге машин у светофора, и Линн заглянула в мешок, набитый пятидесятифунтовыми бумажками в перехваченных резинками пачках. Много.

– Все там, – заверил он. – Редж Окума человек слова.

– Не сказала бы по своему прежнему опыту, – отрезала она, осмелев в окружении многочисленных автомобилей. Вытащила одну пачку, быстро пересчитала: тысяча.

Рука продвинулась выше. Не обращая внимания, Линн пересчитала пачки: пятнадцать. Пальцы внезапно с силой протиснулись между ног. Она сжала колени, твердо оттолкнула руку. Она вовсе не собирается лечь с ним в постель. Только не за пятнадцать тысяч. Вообще ни за что. Надо как-то взять деньги и убраться отсюда. Ясно только, что это непросто.

– Едем в бар, моя сладость, – сказал Окума. – Потом будет романтический столик. Поужинаем при свечах и займемся прекрасной любовью.

Пальцы вновь поднажали.

Загорелся зеленый, проехали перекресток, свернули налево, поднялись на холм. Она крепко схватила его за руку, отбросила.

– С тобой я себя чувствую жутко сексуальным.

Через двадцать минут они сидели на террасе бара «Карма» на променаде брайтонского яхт-клуба. Несмотря на газовый обогреватель, Линн замерзала. Редж Окума пыхтел огромной сигарой, а она сидела, плотно запахнувшись в пальто, потягивая крепкое виски, которое, по его утверждению, должно ей понравиться – и действительно. С удовольствием выпила бы еще, но только в помещении.

За парой других столиков тоже сидели курильщики, в остальном открытая терраса, огражденная канатами, пустовала. Внизу на черной воде потрескивала на резком ветру оснастка яхт.

– Ну, моя красавица, – сказал Окума, поднося стакан к губам, – расскажи побольше о себе.

– Во-первых, скажите, откуда вам известно о болезни моей дочери? – холодно проговорила она, стараясь держаться отстранение.

Он затянулся сигарой, Линн почуяла вкусный крепкий аромат дыма. Навевает приятные воспоминания об отце на Рождество, когда она была маленькой.

– Красавица Линн, – с упреком сказал Окума звучным голосом, – это только кажется, что Брайтон и Хоув крупный город. Фактически он деревня. У меня был романчик с учительницей из школы, где учится твоя дочь. Вечером как-то заехал за ней и увидел тебя. Признал самой прекрасной женщиной, какую в своей жизни видел. Спросил, кто ты такая. Она рассказала. Я возжелал тебя еще сильнее. Ты такая заботливая. На свете мало заботливых людей.

97

На Кипре движение левостороннее. Поэтому страна стала прекрасным рынком для угнанных британских автомобилей. Есть, конечно, и другие страны, но на Кипре контроль самый слабый. Если ты хорошо поработал, спилив номера с мотора и рамы, искусно заменив их фальшивыми, сварганив документы, никаких проблем не возникнет. Влад Космеску давно усвоил, прислушиваясь к знакомым, что, если машина должна бесследно исчезнуть, ее надо отправить на Кипр.

Он не сентиментален, но, глядя, как любимый черный «мерседес» загружают в контейнер в ярком свете прожекторов на оживленном причале ньюхейвенского порта, почувствовал тоску и жалость. Затянулся в последний раз сигаретой, растоптал на земле окурок. В нескольких ярдах от него портовый кран поднял в воздух другой контейнер, понес к палубе судна. Раздался гудок – водитель подъемника вилял между ящиками, контейнерами, людьми и машинами.

Англия отлично ему послужила, в Брайтоне дела шли хорошо. Но для выживания, точно так же, как в азартной игре, необходима самодисциплина, умение уходить, пока ты впереди. После обнаружения затонувшей «Скуби» и тела Джима Тауэрса он в данный момент впереди всего-навсего на волосок. Еще день, и его здесь не будет. Остается сделать последнее дело. Завтра вечером он будет уже сидеть в самолете на Бухарест. Накоплен симпатичный объем наличных. Открывается масса возможностей. Можно остаться в Европе, хоть его манят другие места. Например, Бразилия, где, по общему утверждению, девушки сплошь красавицы, мечтающие потрудиться за рубежом на ниве секса. В Бразилии тепло. Тепло, красивые девушки и роскошные казино.

Как там говорят англичане? Вроде *чувствуй себя в мире, как рыба в воде.* Впрочем, ассоциации с водой и рыбой не совсем уместны.

98

Они возвращались к многоэтажной стоянке по продуваемому ветром почти пустому променаду. Подогретая тремя порциями виски и полбутылкой вина Линн смягчилась, расслабилась. Пожалела Окуму. Отца своего он не знал, мать умерла от передозировки, когда ему было семь лет; он попал к приемным родителям, которые подвергали его сексуальному насилию. Кочевал из одного приюта в другой, в четырнадцать связался с брайтонской уличной шайкой, члены которой, по его словам, впервые вложили в него чувство собственного достоинства.

Одно время зарабатывал мальчиком на побегушках у местного торговца наркотиками; выйдя из исправительной школы, поступил на бизнес-факультет Брайтонского университета. Женился, стал отцом троих детей, но через несколько месяцев после получения диплома жена ушла от него к богатому торговцу недвижимостью. Тогда он решил, что единственный способ завоевать хоть какое-то положение в обществе – делать большие деньги. Теперь этим и занимается. Хотя пока жизнь – сплошная череда фальстартов. Несколько лет назад понял,

что законное предпринимательство не позволит быстро сколотить капитал, поэтому начал обходить систему.

– Любой бизнес – игра, Линн, – сказал он. – Правда?

– Ну… я бы не сказала.

– Нет? Я знаю, как работают агентства по взысканию долгов. Вы делаете деньги на том, что можно выколотить из уже списанных долгов. Разве это не игра?

– Невыплаченные долги губят компании, Редж. Люди теряют работу.

– Для начала, без предпринимателей вроде меня, долговых компаний вообще бы не было.

Она улыбнулась его логике:

– Эй, слушай, не будем говорить о делах на романтическом свидании!

Несмотря на алкогольный туман, Линн была по-прежнему полностью сосредоточена на своей цели. Завтра утром надо перечислить остаток на счет «Трансплантацион-Централе». Чего бы это ни стоило.

Окума обнял ее за плечи и попытался поцеловать.

– Не здесь, – прошептала она.

– К тебе пойдем?

– У меня есть идея получше.

Она опустила руку, нащупала «молнию», провокационно стиснула возбужденный член.

В машине на полупустой темной стоянке расстегнула ему брюки, запустила внутрь руку. За пару минут все было кончено. Она промокнула платочком брызги спермы, попавшие на голубое пальто. Он повез ее домой, как покорный ягненок. Доехав, обнял за плечи.

– Скоро снова увидимся, моя красавица!

Линн дернула ручку дверцы, крепко стиснув холщовый мешок.

– Приятный был вечер. Спасибо за ужин.

– Кажется, я люблю тебя, – сказал он.

Выйдя на безопасный тротуар, она послала ему воздушный поцелуй. Чувствуя тошноту, опьянение, вбежала в дом. Мысли кружились водоворотом. Зашла в туалет внизу, захлопнула дверь, думала, что стошнит. Через пару минут успокоилась, побежала наверх к Кейтлин.

В комнате удушливо жарко, пахнет по́том. Дочь спит в наушниках, телевизор выключен. Показалось или дело в освещении? С утра цвет кожи приобрел еще более темный желтый оттенок.

Оставив дверь спальни открытой, Линн спустилась к себе в комнату, сорвала пальто, сунула в пластиковый мешок, приготовленный для сдачи в чистку. В гостиной крепко спал Люк. Телевизор работал. Она взяла пульт, выключила звук, пошла на кухню, налила в высокий стакан шардоне, выпила одним глотком и вернулась в гостиную.

Люк разом проснулся.

– Привет, – сказал он. – Как провели вечер?

Вино ударило в голову, Линн покраснела. Хороший вопрос. *Как она провела вечер?* Чувствует себя грязной. Обесчещенной. Только в данный момент наплевать. Опустив взгляд на холщовый мешок, полный денег, спокойно сказала:

– Отлично. Миссия окончена. Как Кейтлин?

– Ослабла, – сказал Люк. – Плохо. Думаете?..

Линн кивнула:

– Завтра.

– Ох, боже, надеюсь.

Она впервые за все время обняла его, крепко стиснула, вцепилась, как в ниточку, связывающую с жизнью, в которую теперь действительно превратился Люк. Почувствовала на щеке его слезы.

И тут оба услышали сверху чудовищный вопль.

99

Вскоре после полуночи в дверь позвонили. Линн скатилась по лестнице, открыла. На пороге стоял доктор Хантер в пальто поверх костюма с рубашкой, с черным саквояжем. Вид у него был усталый. На секунду она неуместно задумалась о костюме: надел специально для визита к ним или всю ночь был на вызовах?

– Росс, вы здесь, слава богу. Спасибо. Спасибо, что пришли.

С трудом удержалась, чтобы из благодарности не стиснуть его в объятиях.

– Простите за задержку. Когда вы позвонили, у меня был срочный вызов.

– Нет-нет, – возразила она, – что вы, спасибо. Я очень признательна.

– Как Кейтлин?

– Ужасно. Кричит от болей в животе, плачет.

Линн провела его в спальню. Там стоял растерянный Люк, держа Кейтлин за руку. В слабом свете ночника по лицу девочки текли капли пота. Шея и руки расцарапаны.

– Привет, – поздоровался доктор. – Как себя чувствуешь?

– Знаете, – хрипло выдохнула она, – на самом деле не очень-то хорошо.

– Боли острые?

– Все болит. Пожалуйста… сделайте, чтоб не чесалось.

– Где именно болит, Кейтлин? – уточнил доктор.

– Домой хочу, – прошептала она.

Росс Хантер нахмурился.

– Домой? – переспросил он и мягко добавил: – Ты дома.

Она качнула головой:

– Вы не понимаете.

– Все нормально, – вмешалась Линн. – Она говорит о доме, где мы раньше жили. Зимний коттедж… в деревне под Хенфилдом.

– Почему ты туда хочешь, Кейтлин? – спросил доктор.

Кейтлин взглянула на него, открыла рот для ответа, задохнулась, с трудом отдышалась, еле слышно сказала:

– По-моему, я умираю, – закрыла глаза, испустив долгий страдальческий стон.

Росс Хантер взял девочку за руку, сосчитал пульс, пристально посмотрел на нее:

– Можешь описать боль в животе?

– Ужас, – пробормотала она с закрытыми глазами. – Огнем горит. Я сгораю. – Неожиданно дернулась, завертелась из стороны в сторону, как обезумевшее животное.

Линн включила верхний свет.

– Ничего, дорогая, ангел мой, ничего. Все будет хорошо…

– Можешь точно показать, где болит?

Кейтлин распахнула халат, показала. Росс Хантер положил туда руку, подержал, посмотрел ей в глаза. Пообещал вернуться через пару минут, взял Линн за руку, вывел из комнаты, закрыл за собой дверь.

Пепельно-серый Люк стоял на лестничной площадке.

– Все будет хорошо? – спросил он.

Линн кивнула. Она хотела остаться наедине с врачом, поэтому сказала:

– Не принесешь мне воды?

– Нет… э-э-э… конечно. – Люк направился вниз.

– Линн, – начал доктор Хантер, – ее надо немедленно везти в больницу. Я крайне озабочен ее состоянием.

– Росс, пожалуйста, обождем до завтра, до полудня. Бывают моменты, когда она кажется по-настоящему сильной, потом становится хуже. Она еще продержится.

Он положил руки ей на плечи, твердо взглянул в глаза:

– Возможно, набравшись сил, она временами ненадолго приходит в себя, но не обманывайте себя. Вы должны понять, что без срочной медицинской помощи девочка может не дожить до завтрашнего дня. Организм отравлен токсинами.

Линн пошатнулась, по ее щекам полились слезы, голова закружилась. Сильные руки доктора удержали ее. *Надо быть сильной. Пройти путь до конца. Сейчас надо быть по-настоящему сильной.* В полдень немка за ними приедет. Всего несколько часов. *Надо продержаться.*

Она решительно взглянула на Росса Хантера:

– Не могу. Только не сейчас.

– Да почему же, ради всего святого? Вы с ума сошли?

– Я ей не позволю умирать в больнице. Вот что будет: она поедет туда умирать.

– Нет, если срочно получит медицинскую помощь.

– Без новой печени умрет, Росс, а я не верю, что ее там найдут.

– Это единственный шанс, поверьте!

– Сегодня не могу. Может быть, завтра днем?

– Не понимаю вашего упорства.

Появился Люк со стаканом воды. Линн взяла, поблагодарила.

– Я хочу, чтобы вы сами ей что-нибудь дали, Росс.

– Я не специалист по заболеваниям печени.

– Господи помилуй, вы же врач, черт возьми! – рявкнула Линн и тут же устыдилась. – Простите, виновата… Но ведь можно ей что-нибудь дать! Я не знаю, какой-нибудь стимулятор для печени, чтобы как-нибудь снять эту адскую боль, подкрепить, ввести витамины…

Росс Хантер вытащил из кармана мобильник:

– Вызываю скорую.

– Нет!..

Неожиданная вспышка ярости ошеломила его. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, как в мексиканском сериале. Потом в глазах доктора промелькнуло странное выражение.

– Что-то происходит, Линн? Что-то, о чем я не знаю? Хотите везти ее за границу? Получить трансплантат в Китае?

Она не отводила взгляда, не отвечала, гадая, стоит ли ему довериться, покосилась на Люка, надеясь, что тот промолчит.

– Нет.

– Кейтлин не перенесет переезда.

– Я… не повезу ее за границу.

– Тогда зачем медлить с отправкой в больницу?

– Не спрашивайте, Росс, ладно?

Он нахмурился:

– Лучше объясните, что происходит. Ищете какого-нибудь приверженца альтернативной медицины? Целителя?

– Да, – кивнула она, задохнувшись от нервного напряжения. – Да… Есть кое-кто…

– Он ведь может прийти к ней в больницу, не так ли?

Линн лихорадочно затрясла головой.

– Вы понимаете, какой опасности подвергаете жизнь своей дочери?

– А что, черт возьми, сделала для нее до сих пор ваша хренова система? – неожиданно выкрикнул Люк, кипя злостью. – Что сделало ваше долбаное национальное здравоохранение? Годами таскали в больницу, внесли в список на трансплантацию, внушили надежду, подыскали печень, потом отдали доходяге-алкоголику, чтоб он пил еще пару лет! Чего вы хотите – отправить ее обратно в адскую дыру, где ей опять посулят печень, которой она никогда не получит? – Он отвернулся, зажав глаза кулаками.

В наступившем молчании Линн и доктор мрачно взглянули друг на друга.

Она всхлипнула:

– Люк прав.

– Линн, – серьезно сказал Росс Хантер, – я введу сильные антибиотики и оставлю таблетки, которые надо давать каждые четыре часа. Это поможет против инфекции, от которой возникают боли. Клизма тоже подействует, снизив уровень белка в кишечнике. Фактически надо бы капельницу поставить – она должна получать много жидкости.

– Какой?

– Глюкозы. Это необходимо. Заставьте ее поесть, побольше, сколько сможет.

– Это поможет, Росс, правда?

– Если все это сделать, то, будем надеяться, она какое-то время протянет. Но вы сильно рискуете, выгадывая небольшую отсрочку. Понятно?

Линн кивнула.

– Я приду завтра днем. Если не произойдет кардинального улучшения, в чем я сильно сомневаюсь, отправлю Кейтлин прямо в больницу. Договорились?

Она обняла его, стиснула, прошептала сквозь слезы:

– Спасибо. Спасибо…

100

Гленн Брэнсон, натянув пальто, оставил Беллу Мой в теплой полицейской машине без опознавательных знаков, пересек узкую улочку за отелем «Метрополь» и снова позвонил в звонок у таблички «Дж. Бейкер, 1202».

Только что минуло четыре утра. В кармане сержанта лежал ордер на обыск, который прошлым вечером в одиннадцать подписала старший мировой судья Джулиет Смит, которая всегда идет навстречу. С тех пор детективы всю ночь стоят в дозоре, ненадолго отъехав лишь дважды. Сначала в одно из излюбленных заведений Влада Космеску – в казино «Рандеву» у яхт-клуба, но менеджер с некоторым сожалением в голосе сообщил, что мистер Бейкер, вопреки обычаю, уже несколько дней у них не был. В другой раз купили сандвичи с беконом и кофе в «Маркет-динер» – одном из немногих в городе круглосуточных кафе.

Замерзший до дрожи сержант вернулся в машину. В салоне еще стоял запах жирного бекона. Белла устало взглянула на него.

– По-моему, пора будить консьержа, – сказала она.

– Угу, слишком эгоистично одним наслаждаться прекрасной ночью, – согласился Гленн.

Они направились к парадному. Гленн нажал кнопку звонка с надписью: «Консьерж». Нет ответа. Позвонил еще раз. Секунд через тридцать раздался голос с сильным ирландским акцентом:

– Кто там?

– Полиция, – объявил сержант Брэнсон. – У нас ордер на обыск квартиры, вы должны нас впустить.

– Полиция, говорите? – подозрительно переспросил мужчина.

– Да.

– Черт! Обождите минуточку, дайте одеться.

Вскоре дверь открылась. На пороге стоял с виду крепкий бритоголовый консьерж лет шестидесяти с перебитым боксерским носом, в тельняшке, широких спортивных штанах и шлепанцах.

– Детективы сержант Брэнсон и сержант Мой. – Гленн предъявил удостоверение. Белла тоже показала документы.

Ирландец по очереди с сомнением на них прищурился.

– А вы кто? – спросила Белла.

Воинственно скрестив руки, консьерж представился:

– Доулер. Оливер Доулер.

– У нас ордер на обыск квартиры двенадцать-ноль-два, мы с одиннадцати вечера звоним жильцу и не получаем ответа.

– Э-э-э… так… двенадцать-ноль-два? – нахмурился Оливер Доулер. Поднял палец и весело ухмыльнулся. – Неудивительно, что не получили ответа. Жилец вчера очистил квартиру. Чуть-чуть разминулись.

Брэнсон выругался.

– Как «очистил»? – переспросила Белла.

– Уехал.

– Куда, не знаете? – спросил Гленн.

– За границу, – сообщил консьерж. – Сыт по горло английской погодой. – Он ткнул себя в грудь. – Я тоже. Оттрублю еще два года – и на Филиппины.

– Оставил адрес, номер телефона?

– Ничего. Сказал, сам объявится.

Сержант указал наверх:

– Пройдемте в квартиру.

Все трое поднялись на лифте в пентхаус.

Оливер Доулер выразился точно: Космеску в самом деле очистил квартиру. Ничего не осталось – ни мебели, ни ковров, даже мусора. На проводах висели голые лампочки. Сильно пахло свежей краской.

Детективы обошли все комнаты, слыша эхо собственных шагов. На кухне Гленн открыл дверцу холодильника и морозильной камеры – пусто. Посудомоечная машина пуста. Заглянул в стиральную машину и в сушилку в подсобке – тоже пусто. При беглом осмотре не обнаружилось ничего, что хоть что-то сказало бы о жильце. На стенах ни одного пятна от снятых картин и зеркал. Брэнсон провел пальцем по светло-серой стене, но недавняя краска уже высохла.

– Он снимал квартиру или в собственность приобрел? – поинтересовалась Белла.

– Снимал, – ответил консьерж. – Без обстановки.

– Долго жил?

– Почти столько же, сколько и я. В будущем месяце десять лет стукнет.

– Значит, истек срок аренды? – уточнил Гленн.

Консьерж покачал головой:

– Вовсе нет. Заплачено еще за три месяца.

Детективы хмуро переглянулись. Брэнсон вручил консьержу визитку:

– Если он с вами свяжется, сообщите, пожалуйста. Нам срочно надо с ним побеседовать.

– Обещал черкнуть или сообщить по электронной почте новый адрес на случай счетов и всякого такого.

– Что о нем можете рассказать, мистер Доулер? – спросила Белла.

Консьерж покачал головой:

– За десять лет ни разу с ним не разговаривал. Ни слова. Весь сам по себе. – Тут он усмехнулся. – Только я частенько его видел с очень даже приятными дамами. Глаз у него хороший на женщин, ничего не скажешь.

– А где его машина?

– Тоже уехала. – Консьерж зевнул. – Я вам еще нужен?

– Можете идти, – разрешил Гленн. – Мы долго не задержимся.

– Конечно, – ухмыльнулся консьерж. – Я тоже так думаю.

После его ухода Гленн улыбнулся:

– Есть! Вспомнил.

– Что? – поинтересовалась Белла.

– Вспомнил, кого он мне напоминает. Актера Юла Бриннера.

– Кого?

– Из «Великолепной семерки». Один из самых потрясающих фильмов!

– Никогда не видела.

– Боже мой, что за серая у тебя жизнь!

По выражению лица Беллы Гленн понял, что задел обнаженный нерв.

101

Утром в 7:45 Таня Уайтлок информировала свою команду о плане предстоящей операции.

Посмертное вскрытие брайтонского торговца наркотиками Джеффри Дивера, выпавшего из окна своей квартиры на седьмом этаже и разбившегося насмерть, показало, что ему в висок был нанесен удар тяжелым тупым предметом и он умер еще до падения именно от этого, а не от удара головой о металлическую ограду, как считалось вначале. По контурам раны на черепе и анализу застрявших в волосах фрагментов патологоанатом заключил, что орудием убийства вполне могла быть старинная медная настольная лампа, пропавшая из квартиры по заявлению обезумевшей от горя подружки Дивера.

Перед Таней была расстелена карта обширного открытого пространства до Старой Шорэмской дороги, примыкающей к кладбищу Хоува. На этом месте располагается городская свалка и предприятие по переработке мусора. Вчера в поисках той самой лампы бригада в полном составе целый день рылась в тоннах отбросов, загаженных крысиными экскрементами. Сегодня многие мучаются головной болью от паров метана, выделяемых гниющим мусором.

В светлеющем рассветном небе пилот четырехместной «сессны» радировал шорэмским диспетчерам:

– Джи-би-и прибывает из Дувра.

Маленький аэродром не освещается, поэтому функционирует с рассвета до заката. Самолетик прибыл одним из первых.

– Полоса ноль-три. Сколько пассажиров?

– Я один, – ответил пилот.

Сержант Уайтлок показала коллегам предстоящий квадрат работ, и все полностью сосредоточились. Никто не слышал рокот легкого самолета, пролетевшего низко над головой, закладывая круг на посадку в Шорэмском аэропорту.

Поскольку аэропорт не принимает международных рейсов, здесь нет ни пограничного, ни таможенного контроля. Прибывающие из-за границы пилоты должны сами вызвать таможенников и пограничников и до осмотра оставаться в кабине. Но это, как правило, означает долгую задержку, офицеры часто вообще не являются, поэтому летчики порой рискуют и не трудятся докладывать.

Пилот двухмоторной «сессны» определенно не собирался никому докладываться. В полетном листе, заполненном им прошлым вечером, указан маршрут из Шорэма до частной взлетно-посадочной полосы в Дувре и обратно. Он опустил незначительный крюк за каналом с посадкой в Ле-Туке во Франции, который проделал с выключенным передатчиком. За такие деньги он с большим удовольствием забудет внести в полетный лист что угодно.

Пилот провел самолетик к месту стоянки, с радостью слыша, что прибывают и другие машины, значит, диспетчеры заняты. Развернулся, поставил «сессну» под нужным углом. Внимательно огляделся, не заинтересовался ли им кто-нибудь, и выключил двигатель. Пропеллеры замедлили вращение, корпус перестал вибрировать, гул стих. Он снял шлем, оглянулся на красивую белокурую немку, сидевшую у него за спиной, и спросил:

– Все в порядке?

– Sehr gut,[38] – кивнула она, отстегивая ремни безопасности.

Пилот предупредительно поднял руку:

– Немного надо обождать.

Вновь выглянул в окно, потом обратился к усталой девочке-подростку в модном белом пальто, сидевшей в кресле за женщиной:

– Понравился полет?

Девочка по-английски не понимала, но поняла интонацию и нервно улыбнулась. Он расстегнул ее ремень, жестом велел оставаться на месте, вылез из кабины, спрыгнул на землю, оставив дверцу слегка приоткрытой.

Марлен Хартман с радостью вдохнула холодный свежий воздух, хоть и с запахом керосина. Улыбнулась Симоне. Та ответила улыбкой. Хорошенькая малышка, подумала Марлен. В другой стране, при других обстоятельствах жизнь к ней была бы добра. Она снова глубоко вдохнула, мечтая о чашке кофе. Позади долгая-долгая ночь. Сначала дорога до Белграда, затем поздний перелет до Парижа, в четыре утра поездка в такси в Ле-Туке. И вот они здесь. Отличный план.

Конечно, после вчерашнего визита офицера полиции благоразумнее было бы свернуть деятельность. Но тогда она потеряла бы выгодного клиента. Вряд ли суперинтендент так быстро развернется. Все будет сделано, прежде чем он узнает. Вечером она вернется в Германию.

На посадку заходил очередной самолет. Пилот «сессны», стоя рядом с машиной, слышал рев разных авиационных двигателей, в том числе треск вертолета. Диспетчерам есть чем заняться. Хорошее время – еще темновато, масса отвлекающих моментов.

В нескольких ярдах дальше за оградой стоял белый фургон. Пилот внимательно его рассмотрел, вытащил платок, высморкался. Влад Космеску за рулем фургона наблюдал за ним. Это был сигнал. Он включил мотор и стронул фургон с места.

102

Линн Беккет с воспаленными после бессонной ночи глазами, с тяжело колотившимся сердцем, сидела, сгорбившись, за кухонным столом, потягивая чай. Она всю ночь проворочалась в постели с боку на бок, то и дело взбивая подушку, стараясь устроиться поудобнее. Каждые двадцать минут вскакивала, бегала к Кейтлин, водила ее в туалет, проверяла, выпила ли та воду с глюкозой и приняла ли антибиотики. Похоже, лекарства, прописанные Россом Хантером, и сделанный им укол подействовали. Боль и зуд слегка утихли.

После ухода доктора Линн еще долго сидела внизу вместе с Люком. Они распили бутылку белого совиньона, выкурили целую пачку «Силк кэт», разделив пополам последнюю сигарету. И теперь голова как котел, в ней стучит молоток, легкие жжет, самочувствие ужасное. Люк в конце концов заснул в кресле у постели Кейтлин.

Телевизор включен. Линн без всякого интереса смотрела девятичасовые новости, потом программу о вертолетах спасательной службы. В данный момент ее ничто не интересует, кроме звонка Марлен Хартман.

Позвони, пожалуйста. Господи боже, пожалуйста, позвони!

Неизвестно, что делать, если немка не объявится. Если просто выманила деньги. «Плана Б» не существует.

Зазвонил телефон. Она схватила трубку на первом звонке.

– Слушаю!

Марлен Хартман – какое облегчение!

– Как дела, Линн?

– Отлично, – выдохнула она.

– Все в порядке. Мы здесь. Готовы отправиться?

– Готовы.

– Платеж сделан? Вторая половина у вас?

– Да. – Линн тяжело сглотнула.

Банковский менеджер уже интересовался первым переводом. Она неубедительно объяснила, что вкладывает в недвижимость в Германии последние деньги, полученные после развода с бывшим мужем, получившим наследство.

– До встречи. Машина придет в условленное время.

От напряжения и страха Линн практически ничего не соображала.

103

Утром в 8:30 Рой Грейс сидел в первом помещении отдела тяжких преступлений, разговаривая по телефону с одним из двух детективов, которые вели наблюдение за домом сэра Роджера Сириуса.

Они прибыли на место сразу после полуночи и теперь докладывали, что из дома никто не выходил, а вертолет стоит на площадке. Грейс и так пребывал в раздражении, а во время разговора другой телефон трещал без остановки. Он прикрыл рукой микрофон и крикнул, чтобы взяли трубку. Кто-то из сотрудников торопливо выполнил приказание.

Вчера вечером все ответственные лица были либо за границей, либо где-то обедали. Только после полуночи один из них – министр внутренних дел – подписал разрешение на прослушивание телефонов. Домашний телефон и мобильник Линн Беккет были взяты под контроль после двух часов ночи.

Грейс, выкроив три часа, поспал в доме Клио и вернулся на службу к шести. Держался на «Ред булл», горсти выданных Клио таблеток гуараны и кофе. Страшно досадовал, что единственной реальной ниточкой в руках остается хирург, специалист по трансплантации сэр Роджер Сириус, причем нет никакой уверенности в его причастности к делу, равно как и в том, что он что-нибудь скажет.

Досадна и полученная от Гленна Брэнсона весть об исчезновении Влада Космеску. Связано ли это с вчерашним визитом к немке? Марлен Хартман его раскусила? Ее команда переполошилась, отказалась от своих планов и спешно ретировалась? Все порты предупреждены не только насчет немки с девочкой, но и насчет мужчины, отвечающего описанию Влада Космеску. До сих пор ничего.

Пункты въезда и выезда всегда серьезная проблема для полиции Великобритании, имеющей многие мили открытого побережья, многочисленные частные аэродромы и взлетно-посадочные полосы. Ни один полицейский бюджет не выдержит наблюдения за каждым приезжающим и отъезжающим. Ничего хорошего не принесло и решение министерства внутренних дел, с энтузиазмом стремящегося залатать дыры в государственном бюджете, об отмене паспортного контроля для выезжающих из Соединенного Королевства. Короче говоря, надежда только на уверенное опознание.

Сейчас уже должно было проводиться вскрытие тела Джима Тауэрса, и Грейсу не терпелось отправиться в морг и удостовериться, не обнаружилась ли по первым результатам какая-то связь этой смерти с операцией «Нептун». Ну и конечно, он хотел увидеть Клио, которая спала, когда он пришел, и еще не проснулась, когда он ушел.

Он встал, натянул пиджак, сообщил членам команды, куда направляется, и снова услышал безответный звонок телефона. Что, все нынче оглохли? Или просто вымотались после долгой ночи, не в силах снять трубку? Уже когда он был у двери, телефон наконец замолчал.

– Рой! Это тебя, – окликнула его Лиззи Мантл.

Грейс вернулся к столу. Звонил Дэвид Хикс, один из оперативников на прослушивании.

– Сэр, – сказал он, – мы только что записали разговор по домашнему телефону миссис Беккет.

104

– Я как бы в десять должен быть в мастерской, – пробормотал Люк, вваливаясь на кухню, словно спал на ходу. – Как считаете, ничего, если уйду?

– Конечно, – сказала Линн, глядя в его левый глаз, остающийся на виду. – Иди. Я тебе позвоню, если будет что-нибудь новое.

– Лады.

Он ушел, а Линн побежала наверх, сумбурно припоминая миллион дел, которые надо сделать до полудня. В отсутствие Люка – благослови его Бог – в голове чуть-чуть прояснилось. Надо перечитать список вещей, составленный Марлен Хартман из «Трансплантацион-Централе».

Разбудить Кейтлин, поставить под душ, собрать вещи. Самой собраться.

Пришлось потрудиться, чтобы поднять дочку, которая крепко спала после лекарств, прописанных доктором Хантером. Линн налила ей ванну, принялась укладывать сумки. Неожиданно в дверь позвонили.

Она в панике взглянула на часы. Неужели сейчас? Немка точно сказала: в полдень. А теперь только десять. Почтальон?

Она бросилась вниз, распахнула дверь. На пороге стояли мужчина и женщина.

Мужчине под сорок, светлые волосы коротко стрижены, нос чуть приплюснут, проницательные голубые глаза. Одет в пальто, синий костюм с белой рубашкой и простым синим галстуком, в руке держит небольшую кожаную корочку, внутри которой что-то напечатано и наклеена его фотография. Женщина на добрый десяток лет младше, светлые волосы забраны в пучок. Черный брючный костюм с блузкой сливочного цвета. В руках точно такая же корочка.

– Миссис Линн Беккет? – спросил мужчина.

Она кивнула.

– Детективы, суперинтендент Грейс и констебль Бутвуд, уголовная полиция Суссекса. Можно с вами поговорить?

Линн охватил жар. Как будто ее вдруг втолкнули в сауну. Пол закачался под ногами. Она отступила на шаг в багровом тумане панического страха и вымолвила, задыхаясь:

– Э-э-э… гм… момент… не совсем подходящий…

Слова шли откуда-то со стороны, словно их произносил кто-то другой.

– Прошу прощения, но нам надо поговорить прямо сейчас, – объявил суперинтендент и шагнул вперед, грозно приблизившись.

Линн переводила безумный взгляд с одного полицейского на другого. Что за чертовщина? И вдруг подумала: неужели Редж Окума сообщил о деньгах?

Услышала собственный голос, автоматически говоривший:

– Хорошо, проходите, пожалуйста. Холодно, правда? Холодно, но сухо. Хорошо, да? Дождя нет. Декабрь часто бывает сухим.

Молодая женщина-констебль сочувственно на нее посмотрела и улыбнулась. Линн посторонилась, пропустила полицейских, закрыла за ними дверь. В их окружении прихожая показалась меньше обычного.

– Миссис Беккет, – начал суперинтендент, – у вас есть дочь Кейтлин, не так ли?

Линн бросила взгляд наверх.

– Д-да, – с трудом выдавила она сквозь ком в горле. – Есть.

– Простите, если я чуть забегаю вперед, но, насколько мне известно, ваша дочь страдает печеночной недостаточностью и нуждается в пересадке. Верно?

Линн помолчала, отчаянно стараясь четко мыслить. Зачем они здесь? Для чего?

– Если не возражаете, объясните мне, что вам нужно? В чем дело? Чего вы хотите? – Ее охватила дрожь.

– У нас есть основания думать, что вы пытаетесь купить для дочери новую печень, – объяснил Рой Грейс. – Вам известно, миссис Беккет, что в нашей стране это уголовное правонарушение?

Линн вновь взглянула наверх, боясь, как бы не услышала Кейтлин, поспешно завела офицеров на кухню, плотно закрыла дверь.

– Прошу прощения. Совершенно не понимаю, о чем вы говорите.

– Может, сядем? – предложил Грейс.

Линн выдвинула стул, села за стол лицом к детективам. Подумала, не предложить ли чаю, и решила не предлагать, чтобы как можно скорее от них отделаться. Рой Грейс, не снимая пальто, сел напротив нее, скрестив руки.

– Миссис Беккет, на прошлой неделе было очень много телефонных звонков с вашего домашнего и мобильного телефонов и с телефона мюнхенской компании под названием «Трансплантацион-Централе». Скажите, зачем вы туда звонили?

– «Трансплантацион-Централе»? – повторила она.

– Это фирма международных поставщиков органов. Они снабжают органами нуждающихся в пересадке, вроде вашей дочери, – пояснил Грейс.

Линн воинственно пожала плечами:

– Простите, никогда не слышала. Знаю, что друг моей дочери очень недоволен обращением с ней в лондонской больнице.

– Чем именно? – уточнил Грейс.

– Тем, как там составляются чертовы списки очередников на трансплантацию.

– Похоже, и вы недовольны, – заметил он.

– По-моему, вы тоже были бы недовольны, если бы это была ваша дочь, суперинтендент Грейс.

– И вам не приходило в голову поискать печень за пределами Соединенного Королевства?

– Нет, конечно!

Грейс немного помолчал. Потом как можно мягче спросил:

– Будете отрицать, что нынче утром в пять минут десятого говорили по телефону с фрау Марлен Хартман, возглавляющей «Трансплантацион-Централе»?

Несмотря на все свои усилия, Линн растерялась. *Ох, черт, черт, черт…*

– Проклятье, вы телефон прослушиваете?

Над головой послышался шум спускаемой из ванны воды.

Суперинтендент сунул руку в карман, вытащил коричневый конверт. Осторожно достал из него фотографию, положил перед Линн. Девочка лет тринадцати-пятнадцати. Хотя вид грязный, неряшливый, личико хорошенькое, похожа на цыганку, прямые темные волосы, голубая дутая безрукавка поверх обтрепанного разноцветного спортивного костюма.

– Миссис Беккет, – продолжал суперинтендент. – Наверняка вам сказали, что печень для вашей дочери получена от жертвы автомобильной катастрофы.

Он помолчал, вглядываясь в глаза Линн. Она не ответила.

– На самом деле это не так, – сказал он. – Печень возьмут у этой румынской девочки. Ее зовут Симона Иримия. Насколько нам известно, пока она еще жива-здорова. Ее нелегально привезли в Англию, чтобы убить и отдать вашей дочери печень.

На мгновение Линн показалось, что мир вокруг рухнул.

105

Симона с Гогу на коленях сидела на комковатом матрасе в кузове болтавшегося из стороны в сторону фургона. Машина то ускоряла ход, то резко тормозила на извилистой дороге. Она упиралась руками в гофрированный металлический пол, стараясь не упасть.

Рядом с ней лежит голубой железный ящик для инструментов, моток синей веревки, широкие рулоны липкой ленты. Прошло много времени с тех пор, как она в последний раз ела и пила – это было давно, еще до посадки на борт самолетика. Отчаянно хочется пить и подташнивает от выхлопных газов.

Хорошо бы Ромео был рядом, с ним всегда безопасно, и было бы с кем поговорить. Немка всю долгую дорогу на нее не обращала внимания, уставившись в ноутбук или разговаривая по телефону. Вот и теперь сидит спереди, ведет серьезную беседу с водителем фургона – высоким бесстрастным румыном с морщинистым лицом, зализанными назад

угольно-черными волосами, в свободной блузе и джинсах, с массивным золотым браслетом на запястье.

Женщина то и дело повышает тон, водитель либо молчит, либо возражает.

Окон в кузове нет. Для того чтобы что-то увидеть, надо вытянуть шею и глядеть между креслами в лобовое стекло. Фургон идет по ухоженной сельской местности. В поле зрения в основном попадают деревья, живые изгороди, иногда дом или ферма.

Машина вдруг резко затормозила, свернула, проехала в ворота. Под колесами задребезжала решетка, затем пошла длинная извилистая подъездная дорожка. Кругом указатели на столбиках, только прочесть написанное невозможно.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА
ПИКНИКИ ЗАПРЕЩЕНЫ
СТАВИТЬ ПАЛАТКИ СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ

Вдали под серым небом холмы, заросшие пышной зеленью. Проехали мимо большого озера, широкой лужайки слева с красиво подстриженной травой. Одни участки выстрижены короче других, среди них углубления, засыпанные песком. Интересно, куда это они приехали? Спрашивать боязно.

Показался огромный серый дом, перед которым стоят сверкающие машины. Симона пришла в восхищение. Какая красота! Неужели она будет здесь работать? Хотелось спросить немку, но та снова болтала по телефону и на что-то сильно сердилась.

Фургон подкатил к дому сзади и остановился. Водитель заглушил мотор, вылез, в то время как женщина продолжала скандалить по телефону. Румын открыл заднюю дверцу фургона, схватил Симону за руку, помог выйти и, к ее удивлению, не отпустил, крепко сжал руку, словно боялся, что она убежит.

Она дернулась, на миг на него разозлившись, но хватка у него оказалась железной. Вышла немка. Симона перехватила ее взгляд. Обычно она ей улыбалась, а теперь ни улыбки, ни даже намека на знакомство. Только холодно на нее посмотрела, как на пустое место. Видно, сильно сердится из-за телефонного звонка, подумала Симона.

Из двери дома вышла медсестра, крупная мускулистая женщина с мощной шеей, руками похожими на окорока. Седеющие волосы острижены по-мужски коротко, торчащие пряди смазаны гелем. Она долго разглядывала девочку, как товар в магазинной витрине. Потом губки бантиком, слишком маленькие для мясистой физиономии, сложились в скупую улыбку.

– Симона, – с усилием проговорила она по-румынски, – пойдем со мной.

Дотянулась, схватила за руку, дернула с такой силой, что Симона споткнулась, и утешительная пустышка, стиснутая в другой руке, упала на землю, там и осталась, когда ее втащили в дом.

– Гогу! – закричала Симона, отчаянно оглядываясь, вырываясь. – Гогу!..

Марлен Хартман тоже вошла в дом и захлопнула дверь. Оставшийся снаружи Влад Космеску увидел кусочек лохматого грязного меха, наклонился, схватил с отвращением двумя пальцами, бросил в ближайший мусорный бак. Потом завел фургон в один из стоявших в ряд гаражей, опустил дверцу, скрыв его из вида. Просто ради предосторожности.

106

Линн смотрела на лежавшую перед ней фотографию хорошенькой неряшливой девочки.

«Запугивают», – решила она. *Боже, пусть это будет всего лишь тактика запугивания!*

Марлен Хартман порядочная женщина. Ни на миг невозможно поверить, что суперинтендент сказал правду. Невозможно, невозможно, невозможно. Руки так тряслись, что она спрятала их под стол, крепко сцепив на коленях. *Невозможно!*

Надо пройти через это. Выставить полицейских из дома и позвонить немке. Комок в горле душит голос. Линн глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, как учат на работе при общении с трудным или агрессивным клиентом.

– Извините, – вымолвила она, – не пойму, зачем вы пришли и чего хотите. Моя дочь – одна из первых в очереди на трансплантацию в Королевской больнице Южного Лондона. Мы очень довольны всем, что там делают, и уверены, что она скоро получит печень. У меня нет никаких причин обращаться в другие места. – Она сглотнула ком в горле. – Вдобавок я… даже не знала… не знала… где надо искать…

– Миссис Беккет, – сказал Грейс ровным тоном, пристально на нее глядя. – Нелегальная транспортировка людей – одно из самых скверных преступлений в нашей стране. Предупреждаю вас, что полиция и судебные органы весьма серьезно относятся к подобной деятельности. Один джентльмен в Лондоне недавно получил срок за контрабанду людей, который апелляционный суд повысил до двадцати трех лет. – Он помолчал, дав Линн время усвоить сказанное. – Нелегальная переправка людей, – продолжал он, – влечет за собой множество уголовных правонарушений. Могу перечислить: незаконная иммиграция, похищение и удержание. Понятно? В нашей стране любой человек, намерившийся купить орган здесь или за рубежом, обвиняется в укрывательстве контрабандистов и считается соучастником. За это полагается такое же тюремное заключение, как и за саму контрабанду. Я излагаю ясно?

Линн обливалась потом.

– Вполне.

– У меня достаточно информации, чтобы арестовать вас немедленно, миссис Беккет, по подозрению в укрывательстве поставщиков человеческих органов.

Линн никак не могла сосредоточиться, а от этого зависела жизнь Кейтлин. Она снова взглянула на фотографию, стараясь протянуть время, прояснить мысли.

– Что будет, если я вас арестую? – спросил офицер. – Что будет с вашей дочерью?

– Пожалуйста, поверьте, – безнадежно взмолилась она.

– Может быть, мы побеседуем с девочкой?

– Нет! – крикнула Линн. – Нет! Она слишком… слишком больна… никого видеть не может!

Затрещала рация Грейса. Он отошел от стола, поднес ее к уху:

– Рой Грейс.

Мужской голос на другом конце доложил:

– Объект-один двинулся.

– Дайте мне тридцать секунд. – Он поднял палец, указал констеблю Бутвуд на дверь, снова повернулся к Линн: – Хорошенько подумайте над моими словами.

Через пару секунд детективы исчезли, словно нарочно оставив на столе фотографию. Линн обмякла на стуле, закрыв лицо ладонями.

Ей на плечи легли руки.

– Я слышала, – сказала Кейтлин. – Все слышала. Ни за что не возьму эту печень.

107

Чугунные ворота распахнулись, между каменными пилонами осторожно просунулся нос черного «астон-мартина». Автомобиль взял вправо и резко прибавил ход. Створки ворот сразу начали закрываться.

Этим утром водитель не заметил в лесистой местности ничего необычного. Наблюдатели хорошо спрятались – один в живой изгороди, другой в камуфляже среди хвойных деревьев, машины остались в лесничестве за четверть мили.

Сержант Пол Таннер, сидевший в кустах в секторе прямого обзора, разглядел седые волосы водителя, несмотря на тонированные стекла машины и неосвещенный салон.

Рой Грейс, стоя на тротуаре у дома Линн Беккет, связался с ним по рации.

– Что скажете?

– Номер ромео-сьерра ноль восемь альфа-майк-лима, сэр. Направляется к востоку.

Из доклада Гая Батчелора и Эммы Джейн Бутвуд о встрече с хирургом он знал, что это машина сэра Роджера Сириуса. Знал и о том, что сидящие в засаде оперативники должны участвовать в крупной операции по наркотикам, которая проводится нынче в Брайтоне. Дефицит кадров – постоянная проблема в городе.

– Хорошо поработали. Оставайтесь на месте еще тридцать минут на случай, если он вернется. Если нет, свободны.

– Понял, сэр, свободны через тридцать минут.

Грейс разъединился, позвонил в центральную диспетчерскую, приказав взять машину с указанным номером под наблюдение и держать наготове полицейский вертолет. Камеры автоматической регистрации номеров работают на многих крупных транспортных артериях Соединенного Королевства, что позволяет определять местонахождение интересующей машины через каждые несколько миль. При необходимости в район направляется вертолет, который следит за объектом сверху.

– Что скажешь? – спросил Грейс у Эммы Джейн.

– Вы правы, сэр, она что-то затеяла. Собираетесь ее арестовать?

Грейс тряхнул головой:

– Мне нужна не она. Она пешка. Посмотрим, что сейчас будет делать, куда нас приведет.

– Не думаете, что откажется от своих планов?

– Думаю, начнет звонить по телефону. – Он отпер дверцы «хёндэ» и, прежде чем сесть, указал пальцем на водителя и пассажира зеленого «фольксваген-пассата», остановившегося чуть ниже на дороге.

108

– Эй, черт возьми, ты газет не читала? Под камнем жила последние две недели, мама?

Мама…

Когда дочь в последний раз называла ее мамой?

– Мы как бы оказались в центре скандала века из-за контрабанды человеческих органов, а ты типа не знаешь?

Линн встала, оттолкнув кухонный стул, и взглянула в лицо дочери, изумляясь и радуясь, насколько крепче она выглядит нынче утром. Только бы не перевозбудилась!

– Действительно, типа как бы не знаю. Понятно?

Кейтлин качнула головой:

– Абсолютно ничего не понятно. Понятно? – и лихорадочно стала расчесывать руки.

– Полиция лжет, ангел мой, – заявила Линн. – Нет никакого скандала из-за контрабанды. Просто дикие домыслы.

– Ну да. В канале нашли три тела без органов, а газеты, радио и телевидение врут.

– Это не имеет ни малейшего отношения к твоему трансплантату.

– Конечно, – кивнула Кейтлин. – А копы чего вокруг рыщут?

Линн понимала, что идет ко дну. Слышала безнадежность в собственном голосе. Она против воли оглянулась на лежавшую на столе фотографию.

Вдруг суперинтендент Рой Грейс сказал правду?

Лицо девочки с фотографии горит перед глазами. Это невозможно. На такое никто не способен. Никто не убьет ребенка ради денег… ради другого ребенка… ради…

Ради Кейтлин?

Убьет?..

Страшно хочется, чтобы сейчас здесь был Малькольм. Надо с кем-то поделиться, поговорить, обсудить. Ужас надвигается со всех сторон.

Двадцать три года в тюрьме.

Предупреждаю вас, что полиция и судебные органы весьма серьезно относятся к подобной деятельности.

Она об этом не думала. Обойти систему, воспользовавшись органом жертвы несчастного случая, – да. Ведь Бог не увидит тут ничего плохого?

Но убить ребенка…

Убить эту девочку…

Деньги ушли. Половина. Удастся ли получить их обратно? Черт, нужны вовсе не деньги. Нужна распроклятая печень. Коп наверняка соврал. Есть единственный способ выяснить. Линн схватила мобильник, открыла телефонную книжку, отыскала имя Марлен Хартман. Уже чуть не нажала на кнопку и внезапно одумалась.

Поняла, как это было бы глупо. Если немка узнает, что ее выслеживает полиция, наверняка отменит операцию и смоется. Нельзя так рисковать. Кейтлин оживилась после принятых доктором Хантером мер, но это ненадолго. Линн купила у него время, пообещав нынче днем привезти дочь в больницу. Одно можно сказать точно: если не произойдет чудо, то дочь, вернувшись в больницу, оттуда не выйдет. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы все сейчас рухнуло.

– Эй! Эй! Мам, ты дома?

Линн испуганно взглянула на Кейтлин:

– Что?

– Я спрашиваю: зачем копы рыщут вокруг?

И тут на глазах у Линн Кейтлин обмякла, покачнулась. Линн успела подхватить ее вовремя, удержав от падения.

– Милая! Ангел! Как ты?

Взгляд расплывчатый, несфокусированный. Словно удивленная произошедшим, Кейтлин шепнула:

– В порядке. Зачем приходили копы?

– Не знаю.

– Собираются нас посадить за решетку?

Линн покачала головой:

– Нет.

– Знаешь, видно, они на все готовы. Сильно рискнули – фотку выложили… Конечно, если это не враки.

Голос Кейтлин немного окреп. Она вновь твердо и сосредоточенно посмотрела на мать.

– Может быть, им не терпится раскрыть дело с выловленными телами, – предположила Линн. – Рискуют ради результата. Пробуют все, что придет в голову.

– Ну, у нас дело тоже типа срочное.

Несмотря на все переживания, Линн улыбнулась, обняла дочку, стиснула крепко-накрепко.

– Боже, как я люблю тебя, милая! Очень. Очень… Ты для меня все. Ради тебя я встаю по утрам. Ради тебя хожу на работу. В тебе вся моя жизнь. Знаешь?

– На работу надо бы чаще ходить.

Линн усмехнулась, чмокнула ее в щеку.

– Ты просто чудовище.

– Угу, – тоже усмехнулась Кейтлин. – А ты жуткая собственница.

Линн слегка отстранила ее, удерживая руками:

– Знаешь, почему?

– Потому что я красавица, умница, образованная, весь мир лежал бы у моих ног, если бы не одна маленькая проблема, правда? Бог взял для меня печень как бы не из того сундука.

Линн залилась слезами. От радости, от горя, от страха. Вновь, крепко стиснув Кейтлин, шепнула:

– Они солгали. *Он* соврал. Не верь ему. Детектив лгал. *Мне* поверь. Ангел, детка, просто верь мне. *Я твоя мать.* Верь мне.

Кейтлин тоже обняла ее изо всех своих малых силенок.

– Угу, ладно, верю.

Потом вдруг отшатнулась, вырвалась из рук матери, кинулась к раковине. Линн шагнула за ней, подхватила под руку. Кейтлин жестоко вырвало.

Линн с беспредельным ужасом видела, что в раковину и на кафельный пол выплеснулась не рвота, а ярко-красная кровь. В этот момент, обнимая корчившуюся дочь, она поняла, что ей ни до чего больше нет дела. Плевать, если суперинтендент Грейс сказал правду. Плевать, если девочке с фотографии суждено умереть. Плевать, кому вообще суждено умереть. Если понадобится, сама их убьет, собственными голыми руками, чтобы спасти жизнь своего ребенка.

109

Симона сидела на стуле в комнате без окон, держа стакан кока-колы, и плакала. Комната напоминает тюремную камеру, где она пару лет назад провела ночь, когда их с Ромео арестовали за кражу в магазине. Тот же запах дезинфекции. Ничего нет, кроме шкафов с медицинскими инструментами и лекарствами. Есть так хочется, что желудок болит.

– Хочу Гогу! – всхлипнула она.

Здоровенная медсестра-румынка, от хватки которой рука покрылась синяками и ноет, стоит, подбоченившись, у двери, наблюдает.

– Я его на улице обронила!

– Найду, принесу, – пообещала женщина.

Симона немножко успокоилась, благодарно кивнула, посмотрела в стакан, а потом на медсестру.

– Пожалуйста, дайте что-нибудь поесть, – попросила она в третий раз за те четверть часа, которые тут просидела. – Ну, хоть что-нибудь!

– Пей, – приказала женщина.

Симона покорно сделала еще глоток. Может, когда допьет этот второй стакан, ей дадут поесть, принесут Гогу.

– Какая у меня тут будет работа? – спросила она.

Медсестра нахмурилась:

– Работа? Какая работа?

– Хочу в баре работать, – мечтательно улыбнулась Симона. – Научиться готовить напитки. Знаете, вкусные, разноцветные. Как их… коктейли! По-моему, хорошая работа готовить напитки, с людьми разговаривать. В этом отеле, наверно, шикарный бар, правда? – Видя, что женщина все сильней хмурится, торопливо добавила: – Я, конечно, согласна и на другую работу. На всякую. Убирать могу. Мне нравится убирать. Просто очень уж тут хорошо. И будет еще лучше, когда Ромео приедет! Как думаете, скоро?

– Пей! – велела в ответ женщина.

Симона допила стакан и умолкла, а медсестра так и осталась стоять, скрестив на груди руки, как сторож. Через несколько минут Симону начало клонить ко сну, голова у нее закружилась, все вокруг поплыло, быстрее, быстрее.

Медсестра бесстрастно смотрела, как глаза девочки закрылись, как она, тяжело дыша, свалилась на пол. Тогда женщина взвалила ее на плечо, принесла по коридору в расположенную рядом предоперационную, положила на стальную каталку, сняла с нее всю одежду, жадно проверяя, нет ли при ней чего ценного. Порой уличные гаденыши, вроде этой девчонки, прячут на теле краденые вещи, рассчитывая продать в Англии за наличные. Поспешно натянув резиновые перчатки, пока никто не вошел, сунула палец в рот, во влагалище, в задний проход. Ничего. Никчемная сучонка.

Потом вызвала анестезиолога по внутренней связи и с нескрываемым отвращением доложила, что все готово.

110

Рой Грейс как раз входил в отдел тяжких преступлений, когда камера автоматической регистрации номеров засекла «астон-мартин». Информацию немедленно передали ему. Автомобиль сэра Роджера Сириуса направляется к северу от круговой развязки на шоссе А24.

Грейс сразу же затребовал полицейский вертолет. Быстро прикинул. Максимальная скорость вертолета около ста тридцати миль в час, в зависимости от попутного или встречного ветра. Обозначенный участок шоссе А24 в основном скоростной, но Сириус вряд ли будет рисковать задержанием за превышение скорости. Если едет на восьмидесяти и не свернет с главной дороги, то будет в поле зрения вертолета минут через пятнадцать.

Если не свернет.

Хотя небо сегодня плотно затянуто, облака стоят высоко и обзор неплохой. Грейс подошел к карте Суссекса и частично соседних графств, на которой красными кружками отмечены дома Линн Беккет и сэра Роджера Сириуса. Фиолетовые кружки указывают расположение частных клиник в районе. Их много, включая лечебницы для травмированных спортсменов, диагностические клиники, кожные диспансеры. Конечно, большинство можно исключить как непригодные для серьезных операций по трансплантации.

Он быстро отыскал шоссе А24 и круговую развязку, провел пальцем вверх по дороге на север. Машина может направиться куда угодно. Вполне вероятны городки Хорем и Гилфорд, но частную клинику, оборудованную для трансплантации и располагающую необходимым персоналом, надежнее спрятать где-нибудь в сельской местности.

Посмотрел на часы, с нетерпением ожидая, когда автомобиль засечет другая камера или что-нибудь сообщит пилот вертолета. Он жалел о своем решении оставить наблюдателей у ворот Сириуса, вместо того чтобы преследовать его машину.

Неизвестно, сколько времени в запасе у полиции. Судя по перехваченному телефонному разговору, Линн Беккет с дочерью должны выехать самое большее через два-три часа.

После их визита звонков больше не было, и Грейс счел это дурным знаком. Значит, Линн Беккет не впала в панику и по-прежнему движется своей дорогой. Разумеется, у нее может быть и другой телефон, звонки с которого не отслеживаются. Но в таком случае она

пользовалась бы им и раньше вместо домашнего, правда? Или телефоном дочери, если таковой имеется.

– Сэр! – окликнула его аналитик Джеки Филлипс.

Грейс направился к ней. Вчера он поручил Джеки составить полный список производителей и оптовых поставщиков хирургических инструментов, материалов и медикаментов в стране. И теперь она предъявила невероятно длинный перечень. Для проверки понадобятся недели.

Затем его отловил Гленн Брэнсон, получивший ответы из всех портов, куда были разосланы фотографии Марлен Хартман и Симоны. Ночью и ранним утром было замечено много похожих, включая мать с дочерью из Румынии, которых полиция аэропорта Гатуик задержала на час для проверки, как и супружескую пару с девочкой из Германии.

– По-моему, они уже здесь, – сказал Грейс.

– Отменить предупреждение?

– Дадим еще час на всякий случай.

Поступило сообщение, что другая камера засекла машину Сириуса, которая по-прежнему двигалась по шоссе А24 на север, приближаясь к Хорему. Грейс посмотрел на часы. Хирург летит, как ветер. С такой прытью скоро будет за пределами графства, в Суррее, что повлечет за собой необходимость предупредить тамошнюю полицию о ведущейся слежке.

Он связался с вертолетом, сообщил информацию, спросил, где они находятся. Наблюдатель ответил, что как раз приближаются к Хорему. Вскоре радио вновь затрещало и прозвучал взволнованный голос:

– Есть контакт, сэр! Объект замедлил движение.

Грейс вернулся к карте, провел широкую дугу на восток, север и запад от местонахождения автомобиля. В нее попали семь фиолетовых кружков, отмечающих действующие клиники. Однако через семь напряженных минут с вертолета сообщили, что «астон-мартин» набрал скорость и продолжает двигаться на север. Если не свернет с дороги, подумал Грейс, скоро доедет до лондонской магистрали М25.

– Куда тебя несет, черт возьми? – вслух спросил он.

Никто из двадцати двух членов следственной бригады, находившихся в данный момент в помещении, не смог ответить на этот вопрос.

111

Линн застегивала «молнию» на багажной сумке, когда в дверь позвонили. Звук ударил по нервам. Она окаменела в слепой панике. Снова полиция?

Шагнула к окну, осторожно глянула вниз. На улице стоит бирюзово-белое муниципальное такси. Мгновенно нахлынуло облегчение. Такси Линн не ожидала, но это хорошо, прекрасно, замечательно. Такси! Великолепно. Значит, Марлен Хартман скрывать нечего. Такси у всех на виду. Если она прислала такси, все будет просто отлично.

Проваливай в задницу, суперинтендент Грейс, со своими хреновыми страшилками!

Она лихорадочно застучала в стекло. Стоявший у парадного водитель лет сорока в коротком, присобранном на талии жакете поднял глаза, и Линн жестом ему сообщила, что они выходят. С внезапно вспыхнувшим в душе оптимизмом потащила вниз сумки с вещами, свою и Кейтлин. Все будет хорошо. Все будет хорошо. Все будет просто блестяще. Дочка получит самый лучший рождественский подарок!

– Все в порядке, милая! – крикнула она. – Приехали!

Кейтлин сидела за кухонным столом с Максом на коленях, разглядывая румынскую девочку на фотографии. Перед ней нетронутый стакан с водой и глюкозой, таблетки антибиотиков, выданные Россом Хантером.

– Оставила Максу корм и воду? – спросила Линн.

Кейтлин тупо на нее посмотрела.

– Детка!..

Оптимизм вдруг иссяк при виде смятения на лице дочери.

– Ничего. Я сама.

Она быстро налила воду в миску, доверху насыпала корм в плошку, осторожно забрала Макса, поцеловала в нос.

– Стереги дом, Макс, ладно? Помни о своем происхождении!

Обычно дочка усмехалась над этим, а сейчас никак не отреагировала. Линн ласково коснулась ее руки:

– Давай, ангел, пей, прими таблетки – и вперед.

– Не хочу.

– Тебе станет лучше. Утром перед операцией есть ничего нельзя, помнишь?

Кейтлин приподнялась со стула со стаканом в руке и опять шлепнулась на сиденье, расплескав воду. Линн пристально на нее посмотрела, вновь охваченная паникой. Подхватила стакан, помогла допить до конца и проглотить таблетки, выбежала в дверь, попросила таксиста взять вещи. Через две минуты сумки стояли в багажнике, а сама она сидела на заднем сиденье, держа дочь за руку. Такси отъехало.

В сотне ярдов позади зеленый «фольксваген-пассат» доложил, что объект-два выехал, и продиктовал номера такси.

Грейс распорядился держать машину в поле зрения.

– Куда едем? – спросила Линн у водителя.

– Сюрприз.

Она увидела в зеркале ухмылку.

– Что это значит?

– Запрещено говорить.

– Что?

– Тут как бы рыцари плаща и кинжала. Штучки в стиле Джеймса Бонда.

– «Умри, но не сейчас»,[39] – пробормотала Кейтлин с полузакрытыми глазами.

Свернули налево на Карден-авеню, еще раз налево на Лондон-роуд, направляясь к центру Брайтона. Линн взглянула на именную карточку на приборной доске, прочла: «Марк Таквелл».

– Хорошо, мистер Бонд, – сказала она. – Долго ехать?

– Даже этого не скажу. Я… – Шофера прервал телефонный звонок, на который он коротко бросил: – Перезвоню.

– Даже не намекнете? – не отступалась Линн.

– Остынь, женщина, – шепнула Кейтлин.

Такси резко вильнуло влево, перевалило вершину холма и начало спускаться к брайтонскому вокзалу. Водитель остановился на перекрестке, круто свернул на Трафальгар-стрит, тормознул перед вокзалом. Подбежал невысокий мужчина лет пятидесяти в дешевом бежевом костюме, с жирными волосами и крючковатым носом, распахнул дверцу.

– За мной идите, – сказал он с сильным иностранным акцентом. – Быстро, быстро. Пожалуйста! Я Григор. – Изобразил услужливую улыбку, обнажая торчавшие зубы.

Линн спросила растерянно:

– Куда… куда мы едем?

Григор торопясь, с виноватой улыбкой почти выдернул ее из машины. Таксист вытащил из багажника сумки.

Никто не обратил внимания на медленно проплывший мимо зеленый «пассат».

Запищало радио.

– Рой Грейс, – ответил суперинтендент.

– Вышли у брайтонского вокзала, – сообщил офицер из группы слежения.

У брайтонского вокзала?

– Что за хреновина?! – воскликнул Грейс в недоумении.

В течение часа в Лондон отправляются четыре поезда. «Астон-мартин» по-прежнему движется к автостраде M25. Все теории насчет клиники в Суссексе разом полетели ко всем чертям. Неужели они едут в лондонскую клинику?

– Следуйте за ними, – приказал Грейс. – Ни в коем случае не потеряйте. Что бы ни случилось, только не упустите, черт меня побери!

Григор и Линн несли по сумке и волокли спотыкавшуюся Кейтлин. Григор, нервно поглядывая через плечо, умолял:

– Скорее! Скорее…

– Не могу! – пропыхтела Линн.

Они пронеслись под часами, свисавшими со стеклянной крыши, мимо газетного киоска, кафе, мимо дальней платформы.

– Куда мы? – спросила она.

– Скорее! – ответил он.

– Мне сесть надо, – простонала Кейтлин.

– Через минуту сядешь. Идет?

Доковыляли до автостоянки, приблизились к пыльному коричневому «мерседесу». Григор открыл багажник, загрузил сумки, открыл заднюю дверцу, втолкнул в салон Кейтлин. Линн с трудом забралась на сиденье, Григор прыгнул за руль, завел мотор, рванул к выезду. Сунул в щелку билет, поднялся шлагбаум, машина стремительно полетела по пандусу.

Констебль Питер Вулф, ведущий наблюдение, бессильно глядел, как надежды на повышение исчезают из вида. Встряхнувшись, он лихорадочно приказал коллеге в «пассате» мчаться к выезду с автостоянки. Но «пассат» застрял в хвосте автомобилей, раздраженные водители которых ждали, когда шофер пятившегося грузовика с прицепом, перегородившего улицу, закончит маневры.

112

Марлен Хартман беспокойно расхаживала по своему кабинету на первом этаже западного крыла Уистон-Грэндж – одной из шести клиник, которыми тайно владеет «Трансплантацион-Централе». Никто из драгоценных клиентов, прибывавших на водолечение, хирургическое и нехирургическое омоложение, абсолютно ничего не знал о том, что происходит за опечатанными дверями в этом самом крыле, на которых висела табличка: «Посторонним вход запрещен».

Из окон кабинета открывается чудный вид на Даунс, но во время визитов сюда Марлен бывает так занята, что ничего не замечает. Как сегодня. Она в который уже раз взглянула на часы. Где Сириус? Почему матери с дочерью так долго нет?

Надо, чтобы Линн Беккет, как только приедет, переслала по факсу в банк распоряжение перечислить вторую половину денег. Обычно Марлен ждет подтверждения о поступлении суммы на ее счет в Швейцарии, прежде чем приступать к делу, но сегодня готова рискнуть, желая убраться отсюда как можно скорее.

Солнце заходит в 15:55. Шорэмский аэропорт скоро закроется. Космеску с останками румынской девочки полетит вместе с ней. С бригадой, которая остается здесь для ухода за малышкой Кейтлин, все будет в порядке. Даже если полицейские найдут это место, операция, пока они явятся, кончится. Едва ли решатся опять резать Кейтлин для проверки, нет ли у нее новых органов.

Марлен вышла из кабинета, прошла в раздевалку, надела хирургический костюм, сапоги, резиновые перчатки. Толкнула дверь в операционную, приветственно кивнула Развану Ионеску, румынскому специалисту по трансплантации, двум румынам-анестезиологам, трем румынкам-медсестрам.

Голая Симона лежала в бессознательном состоянии под ослепительным светом ламп. В горло вставлена трубка, подключенная к дыхательному аппарату и аппарату для наркоза. В запястье внутривенная капельница, куда накачивается из пластикового мешка на стойке пропофол. Еще две капельницы вводят физрастворы, поддерживающие органы в максимально качественном состоянии. На стене на плоском компьютерном мониторе, отвечающем последнему слову техники, непрерывно фиксируется давление, частота пульса, уровень кислорода.

– Alles ist in Ordnung?[40] – спросила Марлен.

Разван с недоумением посмотрел на нее. Она совсем забыла, что он не говорит по-немецки, и переспросила по-румынски:

– Готовы?

– Да.

– Хотите сейчас изъять печень?

Разван заколебался, несмотря на свой опыт:

– Предпочел бы дождаться сэра Роджера.

– Время поджимает, – объявила Марлен. – Можно начать с почек. У меня на них заказы из Германии и Испании.

Пискнул телефон. Она ответила, воскликнула:

– Ясно, отлично!

Миссис Беккет с дочерью прибудут через двадцать минут.

113

Констебль Вулф виновато сообщил по рации, что машина с номером виски-семь-девять-шесть-лима-дельта-янки окончательно потеряна. Коричневый «мерседес» с Линн и Кейтлин Беккет ускользнул.

Замечательно, думал Рой Грейс, сидя на своем рабочем месте. Потрясающе, мать твою! Остается только надеяться, что хренов «мерседес» засечет какая-нибудь камера.

Безответно звонит телефон. После огласки в прессе на полицию обрушилась лавина звонков, они всеми силами стараются с ней справиться, но дел слишком много.

– Возьмет кто-нибудь распроклятую трубку?! – рявкнул Грейс.

Он только что просмотрел отчет о вскрытии тела Джима Тауэрса. Причина смерти – асфиксия в результате попадания воды в легкие. Гипоксия и ацидоз – следствия остановки

сердца. Пропустив страницы с техническими замечаниями Надюшки де Санча, он уже понял, что шкипер «Скуби» утонул. Все внутренние органы целы, на месте. Тем не менее инстинкт подсказывает, что смерти его и подростков связаны.

Полицейский вертолет и машина, преследующие «астон-мартин», уже в нескольких милях южнее шоссе M25. Там, по крайней мере, столько камер, что вести слежку будет легко.

Раздался звонок из центральной диспетчерской. Коричневый «мерседес» с указанными номерами только что замечен на шоссе A238 к западу от Брайтона. Грейс вскочил, бросился к карте, нахмурился. В ближайших фиолетовых кружках больница Саутлендс в Шорэме; государственная больница, помеченная как маловероятная; оздоровительная и косметологическая водолечебница Уистон-Грэндж, тоже признанная сомнительным вариантом. Впрочем, важно то, что эта дорога идет к той же самой развязке у Уошингтона чуть севернее Уортинга, откуда машина Сириуса проследовала по шоссе A24.

Грейс позвонил инспектору Джейсону Тингли узнать, нет ли у него случайно службы наблюдения в районе Уошингтона. Нет, с сожалением сообщил Тингли. Единственная надежда в этой ситуации на дорожный патруль.

Снова безнадежно звонит телефон. «Да ответьте же кто-нибудь», – мысленно взмолился Рой. К счастью, кто-то быстро ответил. Нервы сдают. Элисон Воспер жаждет услышать, как движется дело, Кевин Спинелла из «Аргуса» оставил четыре сообщения, желает узнать, когда будет следующий брифинг для журналистов.

Грейс вытащил на монитор полицейскую карту Суссекса и уставился на нее, отчаянно гадая, что проглядел. Из вертолета пришло новое сообщение: «астон-мартин» въехал на заправку. Через пару-тройку секунд поступил запрос от оперативников из машины.

– Держитесь с ним рядом, – приказал Грейс. – Ничего не предпринимайте. Тоже заправьтесь или изобразите, будто заправляетесь.

– Понял, держаться с ним рядом. – Рация затрещала. – Сэр, объект-один выходит. Только это не «он», а «она».

– Что?!

– Это женщина, сэр. Волосы темные, длинные. Рост пять футов десять дюймов, лет около тридцати.

– Точно?

– М-м-м… точно женщина, сэр.

В животе будто ножом полоснуло.

– Женщина с длинными темными волосами?.. Час назад они были седые!

– Уже нет, сэр.

– Шутите?

– К сожалению, нет, сэр.

– Оставайтесь с ней, – велел Грейс. – Хочу знать, куда она едет.

Приказал вертолету вернуться к развязке и ждать «мерседес». Хлебнул холодного кофе, закрыл на секунду глаза, подперев кулаком подбородок, глубоко задумавшись.

Поехала ли женщина в «астоне» на невинную прогулку или это подсадная утка? Не допустил ли ошибку сержант Таннер, опытный оперативник? Слишком большая разница в цвете волос, чтобы можно было ошибиться.

Пискнула рация, пришел ответ. Оперативник на заправке сказал:

– Сэр, когда она пошла расплачиваться, я заглянул в машину. На переднем сиденье лежит седой короткий парик.

Грейс поблагодарил, велел продолжать наблюдение.

Проклятье! Черт, черт, черт…

Он связался с Полом Таннером. Таннер чувствовал себя виноватым. Сообщил, что, согласно указаниям, оставался с коллегой на месте еще полчаса после отъезда «астон-мартина», а теперь его отозвали в Брайтон для участия в операции по наркотикам. Поблагодарив его, Грейс обратился к Гаю Батчелору, попросил позвонить по домашнему номеру Сириуса и проверить, дома ли тот.

Через две минуты сержант доложил, что Сириус недавно уехал. Грейс совсем упал духом. Позволить так себя одурачить! Ничего подобного он от себя не ожидал.

Сегодня была возможность арестовать Линн Беккет. По крайней мере, они удержали бы в руках ситуацию. Хотя, конечно возникла бы паника, почти наверняка не осталось бы ни единого шанса накрыть шайку с поличным. Боже мой, задним умом все крепки!

«Думай, – приказал он себе. – Думай, думай, думай!»

Вновь безнадежно трещит телефон. Трудно сосредоточиться под нескончаемый осточертевший звон. Перед глазами на панели мигает огонек. Грейс раздраженно нажал кнопку:

– Полиция Суссекса.

На другом конце нервно заговорила женщина. Голос молодой.

– Можно поговорить с кем-нибудь насчет тел… которые нашли в канале? Операция «Нептун»? Так?

Похоже, дамочке нечего делать, хотя никогда точно не угадаешь. Грейс взял за правило со всеми говорить вежливо и слушать внимательно.

– С вами говорит суперинтендент Грейс. Старший следователь операции «Нептун».

– А! – воскликнула женщина. – Хорошо. Отлично. Извините за беспокойство, но я встревожена. Понимаете, не должна была вам звонить, улизнула в перерыв…

– Понимаю. – Грейс взял ручку, открыл блокнот. – Пожалуйста, представьтесь, продиктуйте контактный номер.

– Э-э-э… я читала, что… можно сохранить анонимность.

– Разумеется, если желаете. Чем можете нам помочь?

– Н-ну, – протянула женщина, явно нервничая, – может быть, тут, конечно, и нет ничего. Только, знаете, я читала… и слышала в новостях, что, возможно, этих несчастных подростков использовали для преступного изъятия органов. М-м-м… дело в том, понимаете…

Грейс ждал продолжения.

– Слушаю!

– Понимаете, я работаю в лекарственном отделе одной оптовой фармацевтической фирмы. Мы довольно давно поставляем среди прочего два особых препарата одной косметической клинике в Западном Суссексе. Дело в том, что я не понимаю, зачем этой клинике нужны такие медикаменты…

Грейс насторожился:

– Какие?

– Один называется такролим. – Она продиктовала по буквам. – Другой – циклоспорин. Иммунодепрессанты.

– Для чего же они применяются?

– Иммунодепрессанты препятствуют отторжению пересаженных органов.

– Но разве они не применяются в косметической хирургии?

– Только при пересадке кожи. Однако я сильно сомневаюсь, чтобы там требовалось такое количество, какое мы им поставили за два года, что я тут работаю. Понимаете, я эту область хорошо знаю. Работала в ожоговом центре в Восточном Гринстеде. – В голосе

женщины прозвучали горделивые нотки. – И еще один препарат для той клиники тоже, по-моему, подозрения вызывает.

– Какой?

– Преднизолон. Стероид широкого действия. Особую роль играет для пересаженной печени.

– Печени?

– Именно.

Грейс почувствовал, как в жилах вскипел адреналин.

– Как называется клиника?

Помолчав, женщина понизила голос и почти шепнула:

– Уистон-Грэндж.

114

Шофер располагал ограниченным запасом английских слов, что вполне устраивало Линн. У нее не было настроения болтать. Всякий раз, когда она смотрела в салонное зеркало, то видела адресованную ей ухмылку с торчащими кривыми зубами. По пути шофер дважды коротко говорил по телефону на чужом языке.

Она полностью сосредоточила внимание на Кейтлин, которая, к ее крайнему облегчению, снова приободрилась. Зато сама Линн безнадежно превратилась в комок нервов. Зловеще-серое небо соответствовало мраку, разлившемуся в душе. Шел дождь со снегом. Шофер то и дело включал стеклоочистители.

– Папа придет меня навестить? – неожиданно спросила Кейтлин.

– Конечно. Один из нас все время будет с тобой, пока домой не вернешься.

– *Домой,* – тоскливо повторила Кейтлин. – Вот где мне сейчас хочется быть. *Дома.*

Линн едва не спросила, где именно, хотя ответ ей был известен.

– Ты будешь там во время операции, мам? – испуганно прошептала Кейтлин.

Она стиснула вялую руку дочери, поцеловала в щеку.

– Обещаю. И буду рядом, когда ты проснешься.

Та криво усмехнулась:

– Только не надевай офигенный клифт.

– Большое спасибо!

– Надеюсь, не захватила жуткую оранжевую кофту?

– Жуткую оранжевую кофту не захватила.

Через полчаса с небольшим «мерседес» свернул в красивые ворота с пилонами и табличкой с надписью «Водолечебница Уистон-Грэндж», прогромыхал по металлической решетке, проехал через парк, мимо поля для гольфа и большого озера. Впереди открылся Даунс и купы деревьев на Чанктонбери-Ринг.

Кейтлин молчала. Глаза закрыты. Слушает в наушниках музыку или спит. Линн не хотела будить дочь до последней минуты, надеясь, что сон поможет ей сберечь силы.

«Боже, пожалуйста, сделай так, чтобы мое решение оказалось правильным», – молча молилась она.

Все было хорошо до утреннего прихода полиции. До той минуты она точно знала, что поступает правильно, а теперь уже не знает, что *правильно,* а что *неправильно.*

Кейтлин открыла глаза, стала оглядываться.

– Что ты слушаешь, милая? – спросила Линн.

Дочь не ответила, словно не слышала. У Линн сердце разрывалось от жалости и любви, когда она смотрела на свою до невозможности хрупкую беспомощную девочку.

Будь сильной, дорогая. Потерпи еще чуточку. Еще несколько часов, и все кончится, все будет в полном, порядке.

Она перевела взгляд на маячившее за ветровым стеклом здание – большое, безобразное, величественное. Центральная часть в стиле викторианской готики, но много и современных пристроек, одни в том же стиле, другие безликие, из стандартных готовых панелей. Перед домом подъездная дорожка, по обе стороны автостоянки, но водитель свернул к указателю с надписью «Частное владение», въехал в боковую арку на просторный задний двор, с одной стороны которого располагались, предположительно, бывшие конюшни, с другой – некрасивые запертые гаражи.

Остановились у невзрачного заднего хода. Прежде чем Линн вылезла из «мерседеса», в дверях появилась крупная мясистая женщина в белой робе медсестры и спортивных туфлях. Григор подскочил к дверце Кейтлин, но та потянулась за матерью и вышла без посторонней помощи.

– Миссис Линн Беккет? Мисс Кейтлин Беккет? – Официальный тон и сильный акцент медсестры придали фразе сходство с допросом.

Линн робко кивнула, обхватив дочь за плечи, прочитала на идентификационной карточке имя – Драгута. И с виду на драгуна смахивает, подумала она.

– Идите за мной, пожалуйста.

– Я сумки принесу, – вставил Григор.

Держа Кейтлин за руку, Линн шла за женщиной по широкому коридору с белыми кафельными стенами, где сильно пахло дезинфекцией, мимо многочисленных закрытых дверей. У одной в конце коридора медсестра остановилась, набрала код на замке. Они вошли в застланное ковром помещение со светло-серыми стенами, похожее на приемную в офисе. Медсестра постучала в другую дверь.

Женский голос изнутри крикнул:

– Reinkommen![41]

Драгута ввела Линн и Кейтлин в большой шикарный кабинет и закрыла за ними дверь. Марлен Хартман встала из-за пустого письменного стола, приветствуя их. Из окна у нее за спиной открывался панорамный вид Даунса.

– Gut! Вы здесь! Надеюсь, хорошо доехали? Садитесь, пожалуйста. – Она указала на два кресла перед столом.

– Интересная была поездка, – едва вымолвила Линн. Ноги у нее дрожали.

– Ja. У нас проблемы. – Марлен кивнула. Лицо у нее было серьезным. – Но я никогда не подвожу клиентов. – Она улыбнулась Кейтлин. – Все хорошо, meine Liebe?

– Хорошо бы, чтобы хирург во время операции включил запись Фейст. Можно? – спокойно спросила Кейтлин и села, сгорбившись в кресле, расчесывая лодыжки.

– Фейст? – нахмурилась немка. – Что это такое?

– Классная певица.

Марлен пожала плечами:

– Хорошо, конечно попросим.

– Я как бы хочу знать еще одну вещь, – добавила Кейтлин.

Линн тревожно взглянула на нее. Похоже, дочке трудно дышать.

– Какую?

– Откуда взялась печень, которую мне пересадят?

Не замешкавшись ни на секунду, Марлен ответила:

– Ее возьмут у бедной девочки, почти твоей ровесницы, которая вчера погибла в автомобильной аварии.

Линн не отрываясь смотрела на Кейтлин, приказывая ей взглядом не задавать никаких вопросов.

– А где она погибла? – продолжала Кейтлин, не обращая на мать внимания. Голос ее вдруг окреп.

– В Румынии… под городом Брашов.

– Еще что-нибудь мне о ней расскажите, – попросила она.

Марлен Хартман передернула плечами:

– К сожалению, я не имею права разглашать сведения о доноре. Это конфиденциальная информация. Больше ничего сказать не могу. Потом сможешь через меня написать, поблагодарить родных, если захочешь. Я всегда это поддерживаю.

– Значит, полиция сказала неправду…

– Детка! – поспешно перебила ее Линн, предчувствуя недоброе. – Фрау Хартман права.

Кейтлин помолчала, оглядываясь:

– Если… если я соглашусь взять эту печень, то должна знать правду.

Линн растерянно смотрела на нее.

Дверь открылась, вошла сестра Драгута:

– Мы готовы.

– Иди, пожалуйста, Кейтлин, – сказала немка. – Нам с твоей мамой надо обсудить кое-какие дела. Она к тебе придет через несколько минут.

– Значит, фотография, которая есть у полиции, это неправда? – настаивала Кейтлин.

– Милая! Ангел мой! – взмолилась Линн.

Марлен Хартман холодно взглянула на обеих:

– Какая фотография?

– Это ложь! – выпалила Линн, готовая расплакаться. – Ложь!

– Какая фотография? – допытывалась Марлен.

– Они говорят, она не умерла. Говорят, ее убьют ради меня.

Марлен тряхнула головой. Губы сжались в твердую бесстрастную линию, в глазах мелькнул недобрый огонек. Но она взяла себя в руки и мягко, ласково проговорила:

– Я так дела не делаю. Поверь мне, пожалуйста, – и тепло улыбнулась. – Вряд ли вашей английской полиции нравится, когда кто-нибудь… как это говорится… *обходит* систему. Они скорей позволят людям умереть, чем купить орган за деньги. Можешь мне поверить.

Медсестра у дверей повторила:

– Пойдем.

Линн поцеловала дочку.

– Иди с ней, дорогая. Я приду через пару минут, только внесу последний платеж. Пока ты готовишься, отправлю в банк факс.

Она помогла Кейтлин подняться. Пошатываясь, с рассеянным взглядом, Кейтлин вновь обратилась к Марлен Хартман:

– Попросите хирурга насчет Фейст?

– Обязательно, – широко улыбнулась та.

Кейтлин шагнула к матери:

– Только ты недолго, мам, ладно?

– Потороплюсь изо всех сил, милая.

– Я боюсь, – прошептала Кейтлин.

– Через несколько дней ты себя не узнаешь! – заверила Марлен и, как только дверь за медсестрой и девочкой закрылась, спросила с подозрительным прищуром: – О какой фотографии говорит ваша дочь?

Линн не успела ответить – внимание немки привлек внезапно раздавшийся треск низко летящего вертолета. Она вскочила с кресла, бросилась к окну, выглянула и прошипела сквозь зубы:

– Scheisse![42]

115

Медсестра втащила Кейтлин в маленькую раздевалку с рядами запертых металлических шкафчиков и одиноким больничным халатом, висевшим на вешалке.

– Раздевайся, – приказала она. – Одежду оставь в шкафчике номер четырнадцать. Я подожду. – И закрыла дверь.

Кейтлин смотрела на шкафчики дрожа, судорожно сглатывая. В замке шкафчика номер четырнадцать торчал ключ с резинкой, напомнив ей плавательный бассейн.

Плавать страшно. Не хочется терять почву под ногами. Сейчас она ее потеряла.

Голова закружилась, Кейтлин села, почти упала на жесткую скамейку, расчесывая живот. Навалилась усталость, тошнота, безнадежность. Только бы не тошнило. Только бы не чесалось. Только бы избавиться от страха.

Никогда в жизни так не боялась.

Комната как бы сдвигается, давит, ходит ходуном. Мысли тоже как калейдоскоп. Надо поторопиться, поймать, пока не исчезли. От нее что-то скрывают. Все. Даже мать. Что? Зачем? Почему? Что знают все, кроме нее? Какое они имеют право от нее что-то скрывать?

Кейтлин встала, стянула толстую куртку, снова села, не в силах выдержать кружения вокруг. В тело словно впились тысячи комаров.

– Пошла в задницу! – неожиданно громко выпалила она. – Проваливай, чертова боль!

Борясь с головокружением, она вновь поднялась, открыла шкафчик, собралась уже повесить куртку и замешкалась в нерешительности. Положила куртку на скамью и приоткрыла дверь. В коридоре никого не было.

Она неуверенно вышла, прикрыла за собой дверь, осторожно огляделась, пошла направо. Увидела дверь с табличкой: «Вход без стерильной одежды строго запрещен». Пришлось прищуриться, чтобы прочитать. Открыв дверь, спотыкаясь, направилась через узкую комнату без окон, похожую на хранилище медицинского оборудования. Там стояла стальная каталка на колесиках, на которую она наткнулась и больно ушибла бедро, а еще шкаф до потолка со стеклянными дверцами, забитый хирургическими инструментами, на полу баллоны с кислородом, разнообразная электронная аппаратура. В дальнем конце комнаты находилась дверь с круглым окошечком вроде иллюминатора. Кейтлин направилась к ней. Заглянула в окошечко и застыла.

В оборудованной по последнему слову техники операционной было полно людей в зеленых хирургических робах, эластичных шапочках, белых масках, в перчатках телесного цвета. Почти все стоят вокруг ослепительно освещенного стального стола, на котором лежит обнаженная девочка, которую, видно, готовят к операции. По собственному больничному опыту и любимым медицинским сериалам «Доктор Хаус» и «Анатомия страсти» Кейтлин узнала многие аппараты, подключенные к девочке. Эндотрахеальная дыхательная трубка, назогастральная трубка, центральный катетер в шее, подушечки кардиографа на груди, артериальные и периферийные капельницы, мониторы, измерители пульса и уровня кислорода, катетер в мочевом пузыре. Пожилой мужчина со скальпелем в руке разговаривал

с мужчиной помоложе, чертя на теле линии пальцем в перчатке, явно указывая места и направление разрезов.

Хотя лицо девочки безжизненно, Кейтлин его сразу узнала. Это та самая румынская девочка с фотографии, которую детективы утром принесли к ним в дом. Девочка, которая, по словам немки, вчера погибла в автокатастрофе в Румынии.

Когда кто-то отошел от стола и стало лучше видно, Кейтлин присмотрелась в надежде найти на теле жертвы следы смертельной катастрофы. Как минимум синяки, ушибы, царапины. Но девочка попросту спала.

Кейтлин крепко зажмурилась, снова открыла глаза, стараясь сфокусировать взгляд. На теле никаких отметин не видно. В памяти вновь прокрутились слова суперинтендента.

Ее зовут Симона Иримия. Насколько нам известно, она пока жива-здорова. Ее нелегально привезли в Англию, чтобы убить и отдать вашей дочери печень.

Теперь ясно – он сказал правду. Врет немка. Врет мать. Девочку хотят убить. Может, уже убили.

Неожиданно за спиной прозвучал бешеный вопль:

– Что ты тут делаешь?!

Кейтлин оглянулась на грозно надвигавшуюся Драгуту, поспешно толкнула дверь, но она не открылась. Увидела ручку, дернула и ввалилась в операционную, кипя от гнева и ненависти к лицам в масках.

– Стойте! – прохрипела она, бросилась на ошарашенного хирурга, выхватила у него скальпель, чувствуя, как лезвие впивается в пальцы. – Сейчас же прекратите! Вы дьявол!

Стоя теперь близко к девочке, она за долю секунды окинула взглядом ее тело до последнего дюйма. Никаких признаков травм и ранений.

– Юная леди, прошу вас немедленно удалиться, – сказал пожилой мужчина бархатным голосом, несколько приглушенным маской. – Вы загрязняете операционную. Отдайте инструмент!

– Она еще жива?! – визгливо прокричала Кейтлин, вкладывая в вопль последние оставшиеся силы.

На плоском, вмонтированном в стену экране плыли неслышные волны. На мониторах поменьше, стоящих у головы девочки, мерцали какие-то знаки и цифры.

– Какое вам до этого дело, черт побери? – рявкнул хирург.

Остававшиеся на виду части его лица побагровели.

– Фактически очень большое, – ответила Кейтлин, тяжело дыша. – Я как бы должна получить ее печень.

Воцарилось молчание.

– Жива в данный момент, – с энтузиазмом подтвердил хирург помоложе, словно Кейтлин это и хотела услышать.

Она рванулась вперед, вцепилась в трубки капельниц, введенных в руку Симоны, и выдернула их, одним движением смела с груди подушечки. Хирург схватил ее за плечи:

– Ты с ума сошла, девочка?

В ответ Кейтлин крепко укусила его за руку. Он вскрикнул от боли, она вырвалась, развернулась на месте, заглядывая в округлившиеся глаза над масками. Увидела шагнувшую к ней медсестру, взмахнула скальпелем, как кинжалом, бесстрашно угрожая всем и каждому.

– Снимите ее со стола! – приказала она севшим от волнения голосом. – Сейчас же снимите ее со стола!

Операционная бригада застыла на месте. И только здоровенная медсестра протолкнулась к Кейтлин, схватила за свободную руку, дернула с такой силой, что та едва не

упала, и потащила к двери. Кейтлин сопротивлялась как могла, но кроссовки скользили по кафелю.

– Пусти, гадина, корова драная! – прошипела она.

Медсестра остановилась, толкнула дверь, снова дернула за руку. Кейтлин споткнулась, выбросила вперед руку со скальпелем, чтобы смягчить падение, и лезвие вонзилось в скулу женщины, задев глаз и переносицу. Драгута, дико завопив, закрыла лицо руками. Во все стороны брызнула кровь. Она завертелась, воя, как привидение, и все бросились к ней на помощь.

В суматохе никто не обратил внимания на Кейтлин, которая заковыляла прочь.

116

Марлен Хартман быстро шагала по кафельному коридору. От визга и криков привычное железное самообладание рассыпалось на куски. Заметив, как из операционной кто-то вышел, она побежала. Бурей промчалась через подсобку и увидела свою операционную бригаду, отчаянно старавшуюся удержать могучую медсестру, по лицу которой текла кровь, сплошь заливая белую робу. Драгута боролась яростно, с истерическим визгом, брызгая кровью. С ней сражались сэр Роджер Сириус, два младших хирурга, анестезиолог и операционные сестры. Симона лежала на операционном столе, а вокруг нее валялись провода и трубки.

– Gottverdammt,[43] что происходит?

– Девчонка свихнулась, – пропыхтел Сириус.

Больше он ничего сказать не успел – мясистый кулак Драгуты врезался ему в челюсть. Хирург отлетел назад, рухнул на кафельный пол. Марлен подскочила к нему, помогла подняться.

– Здесь полицейский вертолет! – заорала она. – Немедленно сворачиваемся! Возьмите себя в руки! Понятно?

Драгута упала, увлекая за собой членов бригады.

– Я ослепла! – вопила она по-румынски. – Помоги мне, Боже, я ослепла!

– Дайте ей успокоительное, – приказала Марлен. – Рот заткните. Живее!

Младший анестезиолог схватил шприц, пошарил на столике, нашел ампулу.

– Надо везти ее в глазную больницу, – сказала операционная сестра.

– Где маленькая англичанка? Где Кейтлин? – спросила Марлен и, увидев уставившиеся на нее озадаченные, непонимающие глаза, закричала: – Где она?!

117

До полусмерти замерзшая Кейтлин, чувствуя на лице ледяную морось, натыкалась на стены, едва не падая. Трудно передвигать ноги. Приходится подтаскивать сперва одну, потом другую. Она уже почти добралась до стоянки с выстроившимися в ряд автомобилями, но споткнулась на клумбе. Болтающиеся на проводе наушники бьют по колену. Зуд страшный.

Все на меня рассердятся. Мама. Люк. Папа. Бабушка. Черт, все на меня рассердятся. Черт. Рассердятся.

Над головой жуткий треск. Она подняла глаза. В нескольких футах над ней висит сине-желтый вертолет, как гигантское насекомое-мутант. На боку надпись: «Полиция».

Черт, черт. Прилетели за мной, чтобы арестовать за нападение на медсестру.

Она прижалась к стене, хватая ртом воздух. Стена качается. Кейтлин отлепилась от стены и поплелась к подъездной дорожке. Вертолет ушел в сторону, описав широкую дугу. На дорожке стоит бирюзово-белое такси, точно такое, в каком они сюда приехали. У водительской дверцы женщина в меховом манто и шелковом платочке на голове. Расплатилась с таксистом, пошла к парадному входу, волоча за собой багаж.

Кейтлин, спотыкаясь, замахала руками водителю:

– Эй! Эй!..

Таксист не слышал.

– Эй!..

Он сел в машину.

Кейтлин изо всех сил вцепилась в ручку дверцы, дернула, открыла, спросила, задыхаясь:

– Пожалуйста… вы свободны?

– Извини, милочка, это не мой район. Мне тут не разрешается брать пассажиров.

– Пожалуйста… куда вы едете? Просто как бы подкиньте меня…

– Куда тебе надо? – дружелюбно спросил седовласый шофер. – Я в Брайтон возвращаюсь.

– Да, – кивнула она. – Да, отлично, спасибо. – И почти упала на переднее сиденье.

В салоне крепко пахло женскими духами.

– Что с тобой, милочка? У тебя рука в крови.

Кейтлин кивнула:

– Дверцей прищемила.

– У меня есть аптечка. Пластырь нужен?

Она затрясла головой:

– Нет, спасибо, все в порядке.

– Лечилась тут, да?

Кейтлин снова кивнула, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми.

– Я слыхал, заведение дорогое.

– За меня мать заплатила, – шепнула она.

Шофер дотянулся, накинул на нее ремень безопасности и защелкнул.

Она почти лишилась сознания.

– С тобой точно все в порядке? – спросил шофер.

– Знаете, процедуры очень утомительные, – пробормотала Кейтлин.

– Не знаю и не узнаю. Бюджет не потянет.

– Бюджет… – слабо повторила она. Глаза ее закрылись.

Через пять минут навстречу промчались три полицейских машины с включенными мигалками и воющими сиренами. Вскоре за ними последовала четвертая.

– Видно, что-то стряслось, – заметил водитель.

– Сплошное дерьмо, – пробормотала Кейтлин.

Водитель кивнул:

– Чистая правда.

118

Линн, встревоженная внезапным исчезновением немки, подошла к окну посмотреть, откуда идет нескончаемый треск. Увидела вертолет с надписью «Полиция». Внутри все сжалось. Кружит низко, словно ищет что-то… или кого-то.

Ее?

В желудок будто высыпали ведро льда.

Нет, пожалуйста. Боже, прошу Тебя, нет. Только не сейчас. Пожалуйста, пусть пройдет операция. Потом все что угодно. Пожалуйста, пусть пройдет операция.

Она была в таком смятении, что сначала даже не расслышала звонок своего телефона. Полезла в сумочку, вытащила трубку, прочла на дисплее: «Номер не определяется».

– Миссис Беккет? – спросил смутно знакомый женский голос.

– Да.

– Это Шерли Линсел из Королевской больницы Южного Лондона.

– А… да… здравствуйте, – удивленно пробормотала Линн. Зачем звонит, черт возьми?

– У меня для вас хорошие вести. Мы нашли печень, которая подойдет Кейтлин. Можете приехать в течение часа?

– Печень?.. – тупо повторила Линн.

– Фактически доля печени взрослого человека.

– Понятно… – пробормотала она. В голове вихрем кружились мысли. Доля печени. Сначала даже не сообразила, что значит «доля печени».

– За час соберетесь?

– За час?..

– Если через час за вами приедет «скорая»?

Линн вдруг осознала, о чем речь. Ее словно обдало кипятком.

– Извините… Я не сразу поняла…

Координатор терпеливо повторила сказанное.

Линн села в немом отупении, прижав к уху трубку.

– Алло! Миссис Беккет?

Мозг не желал включаться.

– Да, – сказала она. – Да…

– Мы пришлем «скорую» в течение часа.

– Хорошо. Дело в том… – Линн умолкла.

– Алло! Миссис Беккет!

– Слушаю.

– Печень полностью подойдет Кейтлин.

– Конечно. Да. Хорошо.

– Если у вас есть вопросы, можем их обсудить.

Линн отчаянно соображала. Сказать «спасибо, не надо, вопрос уже решен»? Когда над головой завис вертолет? Когда Марлен Хартман смылась?

Может, что-то сорвалось, и, несмотря на выплаченные деньги, разумнее принять законно предложенную печень? Но не повторится ли прошлый случай, когда их отфутболили ради хренова алкоголика? Если повторится, Кейтлин не выживет.

– Если вас что-то смущает, давайте обсудим, – повторила координатор.

– Ну, после того, что произошло, для меня это вопрос довольно трудный. Думаю, я не смогу снова подвергнуть Кейтлин таким испытаниям.

– Понимаю, миссис Беккет. Не гарантирую, что наш хирург и на этот раз не обнаружит никаких проблем. Но пока все выглядит неплохо.

Линн решилась.

– Я вам перезвоню, – сказала она. – Сколько времени можете дать?

Шерли Линсел ответила с очевидным изумлением:

– Минут десять. Иначе мы, к сожалению, будем вынуждены передать орган следующему в списке. Я абсолютно уверена, что, отказавшись, вы сделаете серьезную ошибку.

– Десять минут, спасибо, – ответила Линн. – Я перезвоню. Через десять минут.

Она разъединилась и стала взвешивать все за и против, стараясь не думать о выплаченном авансе.

Реальная печень здесь, в этой клинике, а в Лондоне виртуальная.

Кейтлин должна участвовать в принятии решения.

Линн взглянула на часы. Еще девять минут. Она выбежала в коридор. Увидела распахнутую дверь, заглянула в раздевалку с запертыми шкафчиками. На скамейке лежит куртка Кейтлин. Должно быть, дочь где-то рядом. Чуть дальше другая дверь. Линн шагнула в нее, увидела подсобку с каталкой и дверью в операционную с круглым окошечком.

Подбежала, приникла к стеклу. Обнаженная девочка – не Кейтлин – лежит с дыхательной трубкой на операционном столе. Люди в масках поднимают с пола огромную бесчувственную женщину, залитую кровью. Линн с ужасом узнала в ней медсестру Драгуту. Явно произошло что-то ужасное. Она толкнула дверь, влетела в помещение:

– Простите! Простите! Кто-нибудь знает, где моя дочь Кейтлин?

– Ваша дочь? – переспросил молодой мужчина с иностранным акцентом.

– Кейтлин… Ей должны делать операцию. Трансплантацию печени…

Хирург посмотрел на сестру, потом снова на Линн.

– Вряд ли, – сказал он. – Только не сейчас.

– Где она?! – взвизгнула Линн, охваченная страхом. – Что происходит? Где Кейтлин? – Она ткнула пальцем в Драгуту. – Что случилось?

– По-моему, вам надо спросить об этом свою дочь, – ответил хирург.

– Где она? Прошу вас, скажите!

– Не знаю. – Мужчина пожал плечами.

Линн бросила взгляд на часы. Осталось семь минут. Повернулась, выбежала в коридор, громко крича:

– Кейтлин! Кейтлин!..

Захлебываясь слезами, выскочила на холодный пустой двор, снова вернулась, побежала к кабинету Марлен Хартман, открывая по пути все двери, за которыми находились лишь конторские помещения. Изумленные служащие глазели на нее из-за рабочих столов. За очередной дверью она увидела узкую лестницу черного хода. Взлетела по ней наверх к массивной двери с табличкой: «Стерильно. Вход без пропуска строго запрещен».

Дверь была не заперта. Линн, судя по запаху, очутилась в небольшом больничном коридоре. Она ткнулась в первую попавшуюся дверь. За ней находилась палата интенсивной терапии на шесть коек. На одной лежал длинноволосый мужчина лет сорока, похожий на рок-певца, на другой парнишка приблизительно возраста Кейтлин, на третьей женщина лет шестидесяти. Все трое в паутине трубок от капельниц и мониторов, стоящих вокруг каждой кровати.

Три сестры в такой же белой форме, как Драгута, подозрительно на нее посмотрели.

– Я ищу свою дочь Кейтлин, – объяснила Линн. – Никто ее не видел?

– Уходите, пожалуйста, – сказала одна из сестер с сильным акцентом. – Сюда нельзя.

Линн быстро развернулась, толкнулась в несколько других дверей, увидела маленькую столовую, пустую ванную.

Оставалось меньше пяти минут.

Где же Кейтлин? Она должна быть здесь. *Должна.*

Линн набрала номер ее мобильника, попала на автоответчик. Вновь понеслась вниз по лестнице, пробежала через очередное конторское помещение, промчалась по коридору, ворвалась в какую-то дверь и очутилась в просторном мраморном вестибюле водолечебницы.

Кругом люди. Три женщины в белых махровых халатах и шлепанцах разглядывают витрину с ювелирными украшениями. Мужчина в таком же наряде подписывает бланк у стола администратора. Рядом с ним женщина в элегантном манто и шелковом платочке на голове, с чемоданом на колесиках. Линн окинула взором весь зал. Кейтлин здесь тоже не было.

И тут входные двери раздвинулись и вошли шестеро крепких, решительно настроенных полицейских с оружием.

Линн повернулась и побежала.

119

– В дальний конец! – приказала Григору Марлен Хартман. – В конце поля для гольфа за восьмой меткой другой выезд. Полиция о нем не знает. Попадем на проселок. Надо пока держаться подальше от больших дорог. Знаю, все получится. Я тебе подскажу.

Она сидела на заднем сиденье коричневого «мерседеса», вцепившись в спинку переднего кресла, тяжело дыша, тревожно озираясь вокруг, и проклинала чертову дуру Беккет вместе с ее сучонкой. Проклинала полицию. Проклинала паникера Сириуса. Но особенно проклинала себя. За глупую мысль, будто справится с делом. За жадность. За ошибку игрока, не понявшего, когда надо уйти.

Сидевший перед ней Влад Космеску молча думал о том же. За рулеточным столом он всегда – ну, почти всегда – знает, когда пора кончить игру. Уйти. Вернуться домой.

Надо было вернуться домой прошлой ночью. И все было бы просто отлично. Домой, в Румынию. В конце концов, он этой женщине ничего не должен. Она его использует, как и все прочие. Точно так же, как он использует их. С его точки зрения, на том стоит мир. Главное в жизни не верность, а выживание.

Почему же он здесь?

Ответ известен. Потому что эта женщина околдовала его. Хотелось ее победить, хотелось с ней переспать. Думал, что завоюет ее своей храбростью, доблестью. Он молча выругался. Десять лет делал деньги, не попадая в лапы закона.

Глупо. Ох, как глупо.

Машина вильнула, наткнулась на кочку, потом, к негодованию двух гольфистов, проехала по лужайке между двумя установленными на метках мячами, по которым они готовились нанести удар. Марлен стукнулась головой о крышу при очередном толчке и прошипела:

– Scheisse! – но не от боли, а при виде белого полицейского фургона, плотно перегородившего дальний выезд из Уистон-Грэндж.

– Поворачивай! – бросила она Григору. – Попробуем спереди.

– Может, лучше пешком? – предложил Космеску, когда шофер круто развернулся, скользя по траве.

– Конечно, прямо под вертолетом! Никаких шансов. – Она выглянула в боковое окно.

Григор что-то крикнул, ткнув через плечо пальцем. Марлен оглянулась и с ужасом увидела на хвосте у «мерседеса» полицейский «ренджровер» с включенной мигалкой.

– Хотите, попробую? – спросил Григор. – Я быстро езжу.

– Нет, остановимся. Не говорите ни слова. Говорить буду я. Попробую запудрить мозги. Останови машину. Halten![44]

Григор повиновался. Все трое минуту сидели в немой тишине. Марлен усиленно соображала.

К ним мчался другой полицейский автомобиль. Подъехал нос к носу, преградив дорогу, сирена умолкла. Марлен разглядела сидевших спереди, и сердце ушло в пятки. За рулем чернокожий офицер, она его никогда раньше не видела, а мужчину на пассажирском сиденье определенно встречала. В Германии, в собственном офисе.

Вчера.

Теперь он вышел из машины и направился к ней в расстегнутом пальто с разлетавшимися на ветру полами. Из «ренджровера» высыпали полицейские в форме, в пуленепробиваемых жилетах и встали с ним рядом.

– Добрый день, мистер Тейлор, – проворковала она, когда он открыл дверцу. – Или предпочитаете, чтобы я называла вас суперинтендентом Грейсом?

Проигнорировав прозвучавший вопрос, Грейс сказал без улыбки:

– Марлен Ева Хартман, вы задержаны по подозрению в незаконном ввозе в страну людей для трансплантации органов. Прошу выйти из машины.

Крепко схватил ее за запястье, кивнул одному из полицейских в форме, который шагнул вперед и защелкнул на ее руках наручники.

– Минуточку подержите, – попросил он констебля, открыл переднюю дверцу и обратился к Космеску: – Джозеф Бейкер или Влад Роман Космеску, вы задержаны по подозрению в убийстве Джима Тауэрса.

Пока на румына надевали наручники, Грейс пошел к водительской дверце.

– А вы кто такой? – спросил он.

– Я… Григор… шофер, – заикаясь, ответил водитель.

– Фамилия?

– Что?

– Фамилия! Григор… а дальше?

– А… Диника. Григор Диника.

– Значит, шофер?

– Просто водитель… вроде таксиста.

– Таксиста? – переспросил Грейс, смахивая с лица снег с дождем.

Затрещала рация, но он не обратил на это внимания.

– Да-да. Вожу их, как в такси.

– Желаете, чтоб вдобавок ко всему прочему я еще обвинил вас в вождении такси без лицензии?

Григор тупо смотрел на суперинтендента, обливаясь по́том. Велев Гленну Брэнсону задержать его по подозрению в соучастии в контрабанде человеческих органов, Грейс вернулся к немке. Не успел он заговорить, как она сказала:

– Позвольте дать один совет, суперинтендент Грейс. Прежде чем притворяться клиентом, заинтересованным в определенных услугах, хорошенько ознакомьтесь с делом.

– Если вы с ним так хорошо ознакомлены, почему прокололись? – парировал он.

– Я ничего плохого не сделала, – твердо заявила она.

– Хорошо, – кивнул он. – Значит, вам повезло. В данный момент английские тюрьмы переполнены. Не советую рассчитывать на тамошний комфорт. – Он снова вытер лицо. – Итак, фрау Хартман, хотите по-хорошему или по-плохому?

– Что это значит?

– У нас подписанный ордер на обыск лечебницы, который будет доставлен с минуты на минуту. Если угодно, можете стать нашим гидом, или мы сами найдем дорогу.

Суперинтендент улыбнулся. Марлен Хартман не стала улыбаться в ответ.

120

Линн бежала по бесконечной анфиладе кабинетов с ошеломляющим разнообразием указателей и табличек. В одни заглядывала, другие пропускала, в том числе сауну, парилку, кабинет ароматерапии. Осмотрела зал для йоги, центр аюрведы,[45] процедурные, зону «дождевого леса».

Ежеминутно оглядывалась через плечо, высматривая полицейских. Но они ее не преследовали. Совсем задохнувшись, потеряв всякую ориентацию, споткнулась, вспотела, разнервничалась – верный признак упавшего сахара. Это понятно даже в таком отчаянном состоянии.

Детка, Кейтлин, милая, ангел, где ты?..

В третий раз набрала на бегу номер ее мобильника – снова автоответчик. Десять минут прошли. Она остановилась, отдышалась, позвонила Шерли Линсел, вымолила еще несколько минут, сообщив полуправду: повезла дочь в водолечебницу, она где-то гуляет. Координатор по трансплантации неохотно выделила еще десять минут. Должно хватить. Линн горячо ее поблагодарила.

Появись, Кейтлин, пожалуйста, найдись, найдись, найдись!..

Слишком большое здание. Без помощи дочь никогда не найти. Собравшись с силами, она помчалась обратно к вестибюлю, следуя указателям, и попала туда скорее, чем ожидала. Один полицейский стоял у дверей, как бы охраняя вход, а другие исчезли.

Она вошла в дверь с табличкой «Частное владение. Вход запрещен», снова прошла мимо контор, открыла дверь кабинета Марлен Хартман и остолбенела, увидев немку в наручниках. За ней двое полицейских в форме. Рядом высокий бритоголовый чернокожий мужчина, а у письменного стола перебирает бумаги тот самый суперинтендент, который приходил к ним утром.

– Привезли сюда дочь для операции, миссис Беккет?

– Пожалуйста, помогите ее найти! – воскликнула Линн.

– У вас была основательная причина для приезда в водолечебницу Уистон-Грэндж? – сурово продолжал суперинтендент.

– Основательная причина? Конечно! – ядовито усмехнулась Линн. – Хочу хорошо выглядеть на похоронах своей дочери! Разве это не основательная причина? – Она закрыла лицо руками и заплакала. – Помогите, пожалуйста. Я ее найти не могу. Прошу вас, скажите мне, где она? – Она сквозь слезы взглянула на немку. – Где?

Марлен Хартман пожала плечами.

– Пожалуйста, – всхлипнула Линн. – Я должна ее найти. Она куда-то убежала. Ей печень нашли в Королевской больнице. Дали десять минут. У нас только десять минут. Только десять!..

Рой Грейс с каменным лицом шагнул к ней. В руках он держал листок бумаги.

– Миссис Беккет, я вас задерживаю по подозрению в сокрытии незаконного ввоза людей с целью трансплантации органов и в намерении приобрести человеческий орган. Можете хранить молчание, но, если что-то утаите во время допроса, это осложнит защиту в суде.

Линн присмотрелась, узнала листок. Факс, недавно отправленный в банк, с указанием перечислить остаток на счет «Трансплантацион-Централе». Ноги разом ослабели. Она зажала рот руками, истерически зарыдала.

– Пожалуйста, найдите мою дочь! Я во всем признаюсь, мне на все плевать, только, прошу вас, найдите ее… – Вопросительно оглянулась на чернокожего мужчину, с сочувствием глядевшего на нее, затем на замкнутую холодную немку, на суперинтендента. – Она умирает! Вы должны понять… У нас десять минут, чтобы ее найти, иначе печень отдадут кому-то другому! Понимаете? Она умрет, если сегодня ее не получит…

– Где вы ее искали? – сухо спросила Марлен.

– Везде… повсюду…

– И на улице?

– Нет… я…

– Сейчас свяжусь с вертолетом, – сказал Гленн Брэнсон. – Опишите ее. В чем одета?

Линн поспешно рассказала, сержант переговорил по рации и сообщил:

– Видели, как девочка-подросток, отвечающая описанию, села в такси четверть часа назад.

Линн потрясенно охнула.

– В такси?! Где? Куда оно поехало?..

– Это было брайтонское такси «Стримлайн», – объяснил Гленн Брэнсон. – Найдем, но потребуется больше десяти минут.

Линн повторила:

– В такси? Пятнадцать минут назад?

Брэнсон кивнул. Она на секунду задумалась.

– Слушайте… может, домой вернулась? Пожалуйста, отпустите меня. Я вернусь… сразу же вернусь, обещаю.

– Миссис Беккет, – сказал Рой Грейс, – вы арестованы и отсюда отправитесь в брайтонскую тюрьму.

– Моя дочь умирает! Не выживет! Умрет, если не будет сегодня в больнице… Я должна быть с ней, я…

– Если желаете, мы пошлем человека удостовериться, что с ней.

– Не все так просто! Ей надо в больницу. Сегодня!

– Еще кто-нибудь может о ней позаботиться? – спросил Грейс.

– Мой муж… бывший муж.

– Как с ним связаться?

– Он на судне… в море… на драге… Не помню, какое у них расписание… когда они бывают на берегу…

Грейс кивнул:

– Дайте номер телефона. Попробуем.

– Можно я сама с ним поговорю?

– Простите, нет.

– Можно мне сделать… по-моему, можно… один телефонный звонок?

– Только после регистрации.

Линн в отчаянии посмотрела на полицейских. Грейс ответил сочувственным взглядом, но остался непреклонен. Она продиктовала номер Мэла. Гленн Брэнсон записал его в блокнот и сразу начал набирать.

121

Перед глазами два листка, пришпиленные к зеленой двери с маленьким окошечком. На одном написано:

«Пользоваться мобильными телефонами на территории тюрьмы запрещается».

На другом:

«Все задержанные тщательно обыскиваются тюремным надзирателем. О запрещенных предметах, находящихся в личной собственности, немедленно сообщить тюремному надзирателю или офицеру полиции, производившему задержание».

Линн перечитала оба текста раз десять. Уже больше часа она сидит в мрачной камере с голыми белыми стенами, коричневым полом, на каменно-жесткой скамейке, подкрепившись двумя выданными пакетиками сахара. Никогда в жизни ей не было так плохо. Болезненные переживания при разводе даже близко не сравнятся с тем, что творится сейчас в голове и в душе.

Молодой полицейский, сопровождавший ее из водолечебницы Уистон-Грэндж до тюрьмы, то и дело беспомощно улыбался. Она объясняла и объясняла, он понимающе кивал, но ничего не мог сделать.

У него запищал телефон, он отвечал односложно, а потом отвел трубку от уха и сказал:

– Это сержант Брэнсон. Он ведь был с вами в Уистоне?

Она кивнула.

– Он сейчас у вас в доме с вашим бывшим мужем. Никаких следов дочери.

– Но где же она? – тихо спросила Линн. – Где?

Полицейский сочувствующе взглянул на нее.

– Можно мне с Мэлом поговорить? С бывшим мужем?

– Извините, мадам. Не могу разрешить. – Полицейский снова поднес трубку к уху, поднял палец. – Они только что связались по телефону с такси «Стримлайн»… Поговорили с водителем, который часа два назад посадил в Уистон-Грэндж юную леди, отвечающую описанию вашей дочери. Он сказал, что его обеспокоило ее состояние, он предложил отвезти ее в больницу, но она отказалась. Он высадил ее у фермы под Хенфилдом.

Линн нахмурилась:

– Где именно?

– Похоже, просто на дороге, там ваша дочь велела остановиться.

– Господи Иисусе! – воскликнула Линн. – Я знаю, где она. Точно знаю. Пожалуйста, скажите Мэлу, он поймет… – Борясь со слезами, она сказала дрожащим голосом: – Передайте ему: Кейтлин *дома.*

122

Всего лишь начало пятого, но в гаснущем свете, под дождем со снегом, льющимся со свинцового неба, пришлось включить фары. Грязная изъезженная каменистая дорога засыпана толстым слоем листьев. Боясь покорежить машину, Мэл ехал очень медленно. За ним следовала полицейская машина.

Он старался припомнить, сколько лет назад приезжал сюда в последний раз. После развода с Линн они продали дом, а два года назад он увидел, что тот снова выставлен на продажу, и повез Джейн в надежде опять его приобрести. Она начисто отказалась с первого взгляда. Слишком далеко, стоит на отшибе. Ей тут будет страшно.

Пришлось признать ее правоту. Одиночество либо нравится, либо нет.

Он миновал главный фермерский дом, занятый пожилыми супругами, их бывшими единственными соседями, проехал еще полмили мимо покосившихся амбаров, наполовину разобранного трактора и старого трейлера, потом свернул в лес.

До смерти страшно за Кейтлин. В какую адскую кашу вляпалась Линн? Должно быть, дело в печени, которую она собиралась купить. Он до сих пор не сказал Джейн про деньги, но в данный момент это не важно. Полиция ничего не сказала, только что Кейтлин сбежала, мать отчаянно боится за ее здоровье, операция по пересадке печени под угрозой.

Впереди призрачно засветилось белое строение – Зимний коттедж, некогда дом их мечты. Здесь кончается колея.

Мэл развернул машину, полностью осветив фарами маленький дом в окружении густых ив. По правде сказать, постройка неказистая – приземистая прямоугольная двухэтажная

дешевка, построенная в начале 1950-х годов из шлакобетонных блоков для пастуха с семейством. Во время сельскохозяйственного кризиса в конце 90-х пастух оказался лишним, фермер выставил дом на продажу, чтобы заработать наличные.

Расположение – вот что сразу привлекло Мэла и Линн. Полная тишина и спокойствие, потрясающий вид на Даунс с юга и всего пятнадцать минут езды до центра Брайтона.

Судя по виду, дом заброшен. Известно, что купившая его супружеская пара из Лондона строила большие планы, но потом эмигрировала в Австралию, поэтому дом вновь вернулся на рынок. К нему явно не прикасались годами. Может, больше ни у кого не нашлось ни наличных, ни воображения. А тут требуется немало того и другого.

Он схватил фонарик с пассажирского сиденья, вылез, оставив включенными фары. Двое полицейских, сержант Гленн Брэнсон и сержант Белла Мой, тоже вышли из машины с фонариками, направились к нему.

– Вряд ли поблизости бродит много «свидетелей Иеговы»,[46] – пошутил Брэнсон.

– Это точно, – согласился Мэл и пошел вперед по кирпичной дорожке, проложенной собственными руками. Завернул за угол под падубы, которые так разрослись, что пришлось наклоняться, чтобы не уколоться. Кирпичная дорожка идет мимо заднего сада, прогнившего настила для барбекю, вдоль газона – былой гордости и радости Мэла, – сплошь заросшего сорняками, через почти исчезнувший проем в высокой тисовой живой изгороди, к тому месту, которое Кейтлин называла своим «тайным садиком».

– Теперь понимаю, почему вы настаивали на сопровождении, без вас мы не справились бы, – сказала Белла Мой.

Малькольм с усилием улыбнулся. В животе сжался ком, когда он осветил фонариком деревянный детский игровой домик. Он вдруг занервничал. С одной стороны, удивлен, что домик еще тут, с другой – лучше бы его не было. Слишком сильно напомнил о болезненном разрыве с Линн.

Домик сложен из бревен, держится на четырех кирпичных опорах. Мэл сам его строил из любви к Кейтлин. Ступеньки ведут к дверце посередине, с обеих сторон от нее оконца. Стекла целы, хотя луч фонарика не пробивается внутрь сквозь толстый слой пыли.

Он хотел окликнуть Кейтлин, но из пересохшего горла не вышло ни звука. Поднялся по ступенькам в сопровождении полицейских, повернул круглую ручку, распахнул дверь.

Сердце радостно екнуло. На полу у дальней стены домика сидит дочка, согнувшись, как резиновая эластичная кукла, глядя в колени. На прицепленном к поясу плеере горит зеленый огонек, в тишине слышен припев: «Раз… два… три… четыре…» Мэл узнал Фейст. В настоящий момент это любимая певица Кейтлин. Эми, его падчерице, она тоже нравится.

– Привет, милая! – вымолвил он, стараясь не испугать дочь.

Нет ответа.

Внутри все похолодело.

– Детка! Ты в порядке? Это папа.

На плечо легла рука, удержала.

– Сэр, – предупредительно проговорил сержант Брэнсон.

Не обращая внимания, Мэл рванулся вперед, упал на колени перед дочерью.

– Кейтлин, дорогая!

Обхватил ладонями лицо – холодное как камень. Легонько приподнял ее голову – глаза широко открыты, но взгляд неподвижный.

– Нет! – крикнул он. – Нет! Пожалуйста… Не-е-е-ет!

Гленн Брэнсон поднял фонарь, осветил лицо девочки, стараясь поймать хоть какое-нибудь движение зрачков, век, ресниц. Ничего.

Мэл отчаянно прижался губами к губам Кейтлин, пытаясь вдохнуть в нее жизнь. Женщина-детектив за спиной вызывала скорую. Через двадцать минут, когда прибыли наконец врачи, он все еще старался вернуть дочку к жизни.

123

Через десять дней добрые женщины – констебль и переводчица – провели Симону через ограждение в аэропорту Хитроу к самолету «Бритиш эруэйз». Она крепко прижимала к груди Гогу. Один полицейский обшарил в Уистон-Грэндж все мусорные баки, отыскал его и вернул.

– Ну, ты рада вернуться домой к Рождеству? – весело прощебетала констебль.

Переводчица повторила вопрос по-румынски.

Симона пожала плечами. Ей мало что известно про Рождество. В основном оно связано с толпящимися людьми, которые снуют по городу с деньгами в кошельках и бумажниках. Хорошее время для воровства. Она в полной растерянности. Ехала-ехала, кочевала из одного места в другое. Вот и теперь неизвестно, где находится. Больше тут быть не хочется. Хочется только снова увидеть Ромео.

Она уставилась в землю, не зная, что ответить. Вдобавок говорить еще больно. Ей объяснили, что это от вставленной в горло трубки и скоро пройдет.

Непонятно, зачем надо было вставлять эту трубку, зачем ее теперь отправляют обратно. Переводчица говорила, что плохие люди хотели убить ее, вынуть внутренности. Верить или нет? Может быть, это просто предлог для отправки назад в Румынию.

– Все будет хорошо! – посулила констебль, обняв ее в последний раз у подножия трапа. – Йен Тиллинг договорился, что тебя встретят и отвезут к нему в приют. Там ты теперь будешь жить.

– А Ромео придет? – спросила Симона.

– Ромео тебя ждет.

Она поднялась по ступенькам, не зная, верить или нет.

Две улыбающиеся стюардессы встретили ее наверху, проверили посадочный талон, проводили на место, помогли пристегнуться. Почти весь полет она мрачно смотрела в спинку переднего кресла, стискивая в руках паспорт, который должна предъявить по прибытии, а поднос с едой оставила нетронутым. Все время думала только о Ромео. Может, он ее встретит. Может, когда они увидятся, все снова будет хорошо.

Может, у них найдется новая мечта.

124

Рой Грейс всегда любил гулять под меловыми утесами к востоку от Роттингдина. В детстве прогулки с родителями были почти неизменным воскресным ритуалом, а в последнее время, хотя бы в свободные воскресенья, стали ритуалом для них с Клио.

Ему нравится драматическое ощущение, возникающее здесь, особенно в бурную погоду вроде сегодняшней, с порывистым ветром, высокими волнами, когда море накатывает на берег, швыряя пену и гальку в низкий каменный парапет. Драматичность усугубляют таблички с предупреждением об опасности камнепада и обрушения. Запахи тоже нравятся – соль, водоросли, время от времени вонь тухлой рыбы, которая мгновенно рассеивается. Нравятся грузовые суда и танкеры на горизонте, а чуть ближе яхты.

Сегодня последнее воскресенье перед Рождеством, надо бы чувствовать себя свободным и радостным рядом с любимой женщиной. Но душа так же беспокойна, как тяжелые, пенистые волны.

Оба тепло одеты, он держит Клио под руку. Ему вдруг подумалось, будут ли они по-прежнему совершать такие прогулки и через пятьдесят лет, когда станут сморщенными старичками.

Хамфри семенит на длинном поводке, гордо держа в зубах трофей – кусок топляка. К ним, громко тявкая, бросилась маленькая коричневая собачонка. Клио выдернула руку, наклонилась погладить собачку. Та нервно попятилась, Хамфри выронил деревяшку и грозно зарычал. Шикнув на него, Клио шагнула к собачке, та еще отступила. Клио с Грейсом рассмеялись. Потом собачку окликнул хозяин, и она умчалась.

– Ну, великий детектив, что чувствуешь? – спросила Клио, вновь просовывая руку Грейсу под локоть.

– Не знаю, – честно ответил он, наблюдая за Хамфри, старавшимся снова ухватить деревяшку.

– Расскажи.

– Кажется, герцог Веллингтон говорил, что хуже проигранной битвы только выигранная…

Клио кивнула.

– Вот что я чувствую.

– Я не совсем понимаю, – сказала она, – как могло случиться, что все эти медики так долго продержались, ведь ни один из них рта не раскрыл.

– В Румынии хирург зарабатывает триста евро в месяц. Младший медперсонал еще меньше. Вот как. В Уистон-Грэндж сколачивали состояния и были чертовски довольны.

– И не мозолили глаза, затаившись в сельской местности.

– Большинство из них не говорили по-английски. Поэтому никаких пересудов с местными. Очень ловко придумано. Привозят, дают заработать, увозят. Для членов Евросоюза никаких ограничений на работу, никаких вопросов.

– А сэр Роджер Сириус?

– Деньги. Вдобавок у него свои моральные оправдания.

Какое-то время они шли молча.

– Скажи вот что, Грейс. Если бы эта девочка, Кейтлин… была нашим ребенком… что бы ты сделал? – Клио похлопала себя по животу. – Если бы такое случилось с нашим малышом?

– Что ты имеешь в виду?

– Если бы у тебя в подобных обстоятельствах был единственный выбор – купить печень ради спасения собственного ребенка, как бы ты поступил?

Грейс пожал плечами:

– Я полицейский. Обязан охранять закон.

– Это меня в тебе иногда и пугает.

– Пугает?

– Вот именно. Я, наверно, приму пулю в грудь, спасая своего ребенка. Смогу убить ради него. Разве не так должны делать родители?

– По-твоему, я поступил неправильно?

– Нет, пожалуй. Но я могу понять мать.

Грейс кивнул:

– В одной философской книжке, которую ты мне давала, я прочитал высказывание Аристотеля. У богов нет кары тяжелее страданий матери, пережившей своего ребенка.

– Вот именно. Как считаешь, что сейчас испытывает та женщина?

– Но разве румынская уличная девчонка дешевле брайтонской девочки из среднего класса? Клио, милая, я не Бог и не разыгрываю из себя Бога. Я коп.

– И тебе никогда не приходит в голову, что порой ты слишком уж коп?

– То есть?

– Охраняешь закон любой ценой. Прячешься за этой формулой. Узкий полицейский взгляд на мир не мешает тебе взглянуть дальше?

– Мы спасли жизнь румынской девочки. Для меня это много значит.

– Как бы «дело сделано, идем дальше»?

Грейс тряхнул головой:

– Никогда. Я так не работаю и не думаю.

Клио крепче прижалась к нему:

– В сущности, ты хороший человек, правда?

Грейс грустно улыбнулся:

– В дерьмовом мире.

Клио остановилась и пристально на него посмотрела. Лицо ее озарила та самая улыбка, за которую он готов был умереть.

– Ты немножечко очищаешь его от дерьма.

– Хотелось бы.

Эпилог

Линн стояла в комнате Кейтлин, куда никто не входил почти два с половиной года. Теперь среди оставленного дочерью хаоса высится гора картонных коробок транспортной фирмы.

Что оставить, что выбросить ко всем чертям? В крошечной квартирке, куда она перебирается, мало места.

Обливаясь слезами, Линн смотрела на невообразимую кучу одежды, мягких игрушек, компакт-дисков, обуви, коробочек с косметикой, розовый стул, мобиль с голубыми стеклянными бабочками, магазинные пакеты, мишень для дротиков, с которой свисает фиолетовый удав.

Она плачет по Кейтлин, а не по дому. Уезжать не жалко. Кейтлин, по сути, всегда была права. Это было жилье, а не *дом.*

Линн пошла в свою спальню. На постели груда вещей из гардероба. На самом верху голубое пальто, по-прежнему в пластиковом мешке на «молнии», засунутое туда после «свидания» с Реджем Окумой. Любимое пальто теперь кажется грязным, больше она его никогда не наденет. Впрочем, Редж Окума в прошлом. В «Динарии» к ней хорошо отнеслись после смерти Кейтлин, директор агентства Бхад повысил ее в должности, назначил менеджером, что позволило ей списать долг Окумы, исправить в компьютере его кредитный рейтинг. Умней не придумаешь.

Она перекинула пальто через руку, спустилась, вышла в прекрасное весеннее утро, затолкала его в мусорный бак.

Вырученными от продажи дома деньгами удалось расплатиться с Люком и Сью Шеклтон, частично с Мэлом и с мамой. Осталось немного, но это ее не волнует. Надо как-то оставить прошлое позади.

И действительно, кое-что уже позади. Хотя бы приговор. Два года условно, благодаря достойному «Оскара» выступлению адвоката или удачно попавшемуся судье, у которого есть сердце, или тому и другому.

Но пожизненный приговор к страданиям по Кейтлин никто не отменит. Говорят, тяжелее всего два первых года, но оказалось, что лучше нисколько не стало. Она чуть не каждую ночь просыпается в холодном поту, горько оплакивая принятое решение и потерю красавицы дочки. Проклинает, хлещет себя бичом за то, что законный трансплантат был совсем рядом, а она из чистой паники или из чистой глупости от него отказалась.

Единственное, что успокаивает и утешает – мурлыканье кота Макса в ногах постели да воспоминание об улыбке дочери и ее словах, которые она часто повторяла и на которые Линн страшно злилась:

– Остынь, женщина.

Благодарности

Эта книга – художественное произведение, как и прочие мои романы о Рое Грейсе. Но то, что в Соединенном Королевстве ежедневно умирает три человека из-за нехватки донорских органов, – прискорбная истина. Еще одна печальная правда, что в результате жестокого режима Чаушеску в Бухаресте влачат жалкое существование больше тысячи детей – некоторые принадлежат уже к третьему поколению бездомных бродяг – и пять с лишним тысяч взрослых. Действительно были случаи похищения таких детей ради жизненно важных органов.

Очень многие помогли мне в работе над книгой, без их щедрой активной поддержки она не обрела бы ни тени правдоподобия.

Во-первых, благодарю Мартина Ричардса, главного констебля суссекской полиции, который не только с пониманием отнесся к моему замыслу, но и внес массу ценных предложений, указал новые направления, открыл передо мной многие двери.

Мой добрый друг, бывший главный суперинтендент Дэйв Гейлор, как всегда, сыграл неоценимую роль, читая в ходе работы рукопись, не только проверяя факты, но и постоянно мудро комментируя каждый аспект. Скажу от чистого сердца – без этого книга была бы гораздо беднее.

Столько офицеров суссекской полиции уделяли мне время, делились познаниями, терпели мои приставания, отвечали на бесчисленные вопросы, что перечислить всех почти невозможно, но я постараюсь, и прошу простить, если кого пропустил.

Среди них главные суперинтенденты Кевин Мур, Грэм Бартлет, Питер Колл, Крис Эмблер; старшие инспекторы Адам Хибберт, Тревор Боулс, Стивен Карри, Пол Фарнелл; консультант аналитического отдела Брайан Кук; Стюарт Леонард; Тони Кейс; инспекторы Уильям Уорнер, Джейсон Тингли, Эндрю Кундерт, Рой Эппс; старшие инспекторы Ник Слоун и Стив Брукман; сержант Фил Тейлор; Рей Пэкем и Дэйв Рид из отдела высоких технологий; сержант Джеймс Боус; констебль Джорджи Эдж; инспекторы Роб Лит и Фил Кларк; сержант Мэл Дойл; констебли Тони Омотосо, Йен Аппертон, Эндрю Кинг, Дарен Болкомб, Дэнни Светлик, Стив Чизмен; сержанты Малькольм Уочоп, Шон Макдоналд, Энди Макмэхон, Джастин Хэмблок; Крис Хивер, Мартин Блумфилд; Рон Кинг; Робин Вуд; сержант Лорна Деннисон-Уилкинс и члены специальной поисковой бригады; сотрудница полицейской пресс-службы Сью Херд; Луиза Леонард; Джеймс Гартрел; Петер Видеман из управления уголовной полиции в Мюнхене.

Особое и огромное спасибо потрясающим сотрудникам морга Брайтона и Хоува – Элси Суитмен, Виктору Синдену, Шону Дидкотту и доктору Найджелу Киркэму.

Два человека поделились со мной уникальным личным опытом, связанным с заболеваниями и трансплантацией печени, – Зара Придал и Джеймс Сарсфилд Уотсон. Обоим недавно сделана пересадка. Чудесная семья Джеймса – Шеймус, Кэти и Кэтлин – тоже внесла вклад в эту книгу.

Знакомством с печеночными заболеваниями и сопутствующими медицинскими вопросами я обязан любезной помощи профессора сэра Роя Йорка Колнса, докторов Джона Ремаджа, Ника Воэна, замечательного Абида Сэддла из клиники при Кингз-Колледже, который помог мне действительно разобраться в труднейших технических деталях трансплантации печени; докторов Валида Хараджа, Джилла Уилсона, Линды Селвс, Дункана Стюарта, Джейн Соммервил, Джонатана Пэша, Бена Шарпа, коронера доктора Питера Дина, криминалиста-патологоанатома доктора Бенджамина Свифта, координатора по

трансплантации из Королевской больницы графства Суссекс Кристин Элдинг, Сары Дэвис и доктора Кэролайн Томсет.

Благодарю Джоан Дэйл, которая ввела меня в мир тинейджеров, и Аннабел Скок, которая смотрит на все с молодежной точки зрения.

Спасибо Питеру Уингейту Солу, Эдриану Бриггсу и Филу Хомену; Питеру Фолдингу из Международной группы специалистов; старшему мировому судье Брайтона и Хоува Джулиет Смит; Полу Гжегожеку; Абигайль Брэдли и Мэтту Гринолфу, директору криминалистического отдела лаборатории «Оркид селлмарк»; Тиму Муру, Рею Маршаллу и всей команде драги «Арко Ди», особенно непревзойденному коку Сэму Джейнсу. Благодарю Мэла Джонсона, руководителя отдела по незаконной перевозке детей при СЕОР; Саманту Годек из «Сити лайтс» и Салли Обери. Отдельное спасибо Ники Митчелл и Джессике Батчер из Tessera Group PLC. И Грэму Льюису – специалисту по запертым гаражам!

Я в большом долгу перед своей румынской командой – агентом Симоной Кесслер; превосходными издателями Валентином и Анжеликой Николау; Майклом и Джейн Николсон из приютов «Фара»; Рупертом Вольфом Мюрреем. Спасибо Йену Тиллингу, кавалеру медали Британской империи, за необычайный и бесценный энтузиазм.

Как всегда, благодарю Криса Уэбба из «Максервис», который поддерживает в моем компьютере жизнь, несмотря на мое жестокое с ним обращение! Большое и особое спасибо Анне Лизе Линденблад, моему замечательному неустанному «неофициальному» редактору и комментатору серии о Рое Грейсе, а также Сью Энселл, чей зоркий глаз на мелочи не раз избавлял меня от стыда и позора.

Я также благодарю команду истинных профессионалов: великолепного агента Кэрол Блейк, которая представляет меня вместе с Оли Мунсон; удивительных рецензентов из агентства «Мидас» Тони Малликена, Амелию Роуленд и Клэр Барнет. Тут просто не хватит места, чтобы должным образом поблагодарить всех сотрудников издательства «Макмиллан», но я должен упомянуть своего блистательного нового редактора Марию Реджт, горячо поблагодарив ее за мудрость и опыт. Трудно сравняться со Стеф Бирвирт, моим прежним редактором.

И конечно, Хелен служит мне несокрушимой опорой, проявляя божественное терпение и неизменную мудрость.

Четвероногие друзья по-прежнему помогают сохранять душевное здоровье и разум. Приветствую пополнение – бесконечно радостного Коко, который присоединился к Оскару и Фебе под моим письменным столом в ожидании, когда можно будет сжевать упавший лист бумаги…

Наконец, благодарю вас, мои читатели, за невероятную поддержку, которую вы мне дарите. Не забывайте блоги и электронный адрес!

Питер Джеймс

Суссекс, Англия

scary@pavilion.co.uk

www.peterjames.com

Примечания

1

Миллс Хизер – жена Пола Маккартни из группы «Битлз». *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Старик в море *(англ.).*

3

Рождественская пьеса – инсценировка евангельского предания о Рождестве Христа, которую дети разыгрывают в школах на праздниках.

4

«Айдентикит» – опознавательный комплект типичных черт лица, на основе которых составляется фоторобот.

5

«Гувер» – товарный знак пылесосов с подвесным мешком для пыли производства одноименной американской компании.

6

Холангит – воспаление желчных протоков.

7

Около 250 кг.

8

«Заново рожденные» – взрослые члены баптистской церкви, сознательно принявшие крещение водой.

9

«Старый итонец» – выпускник Итона, одной из девяти старейших в Великобритании мужских привилегированных средних школ.

10

«Стар трек» («Звездный путь») – популярный в США сериал, герои которого сражаются со смертоносным силовым полем.

11

Смерф – синий гномик в белом колпачке, герой популярных комиксов и мультфильмов.

12

Гонзо – персонаж кукольного «Маппет-шоу».

13

«Лови мгновение» *(лат.).*

14

«Зеленые рукава» – популярная старинная песня, известная с XVI в.

15

Иона – библейский пророк, попавший во чрево кита.

16

Клайд – банковский грабитель и убийца, герой известного фильма «Бонни и Клайд».

17

Рабис – бешенство.

18

Столичная полиция – полиция Лондона за исключением Сити, где действует собственная полиция.

19

Мугабе Роберт – премьер-министр Зимбабве; Ганнибал Лектор – людоед, персонаж фильма «Молчание ягнят».

20

Кава – шипучий напиток.

21

Харли-стрит – улица в Лондоне, на которой находятся частные кабинеты известных врачей.

22

Брэнсон Ричард – британский предприниматель, создатель одной из первых частных авиакомпаний, фирмы звукозаписи и пр.

23

Болезнь Альцгеймера – старческое слабоумие.

24

Лимб – у католиков пограничная область ада, где пребывают души праведников, умерших до пришествия Христа, и некрещеных младенцев.

25

Все в порядке, да? *(нем..)*

26

Моя драгоценная *(нем.).*

27

Естественно *(нем.).*

28

Фейсбук – популярная социальная сеть в Интернете.

29

Желаю приятного полета, фрау Лохман *(нем.).*

30

Спасибо *(нем.).*

31

Да, алло? *(нем.)*

32

Да, Ганс! *(нем.).*

33

Простите, извините, спасибо *(нем.).*

34

Доброе утро, господин Тейлор *(нем.).*

35

Хорошо *(нем.).*

36

Моя дорогая *(нем.).*

37

Здесь: иллюзионист, способный освободиться из любых оков, ловушек, замкнутого пространства.

38

Очень хорошо *(нем.).*

39

Имеется в виду один из фильмов бондианы.

40

Все в порядке? *(нем.)*

41

Войдите! *(нем.)*

42

Дерьмо! *(нем.)*

43

Черт возьми *(нем.)*.

44

Стой! *(нем.)*

45

Аюрведа – древнеиндийская система медицины.

46

«Свидетели Иеговы» – течение в протестантизме, известное своей активной проповеднической деятельностью.
